

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ШЭН ЮЭ

**Университет имени Сунь Ятсена
в Москве и китайская революция
Воспоминания**

Перевод с английского
Л. И. Головачёвой
и В. Ц. Головачёва

Москва
ИВ РАН
2009

БКК 66.61 (5Кит)

Ш36

Ответственный редактор Ю. В. Чудодеев

Ш36

Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. Перевод с английского Л. И. Головачёвой и В. Ц. Головачёва. — М.: Институт востоковедения РАН, 2009, 320 с.

ISBN 978-5-89282-349-4

Книга рассказывает о созданном в Москве в 1925 г. и закрытом в 1930 г. Университете имени Сунь Ятсена, в котором учились многие выдающиеся политики и государственные деятели Китая XX в.: Дэн Сяопин, Цзян Цзинго, Ван Мин, Цинь Бансянь, Чжан Вэньтянь, Ян Шанкунь, Е Цзяньин и др. Вместе с ними учился и автор этой книги — Шэн Юэ. Возглавляли университет известные большевики — Карл Радек, Павел Миф и В. И. Вегер. Постигая «науку революции» в молодой Советской России, студенты пристально следили за революционным движением в Китае, участвовали в партийной борьбе, встречались со Сталиным, Троцким, Бухариным, Крупской, вдовой Сунь Ятсена, Ху Ханьмином, Сян Чжунфа, Цюй Цюбо, Чжоу Эньлаем, Чжан Готао, Фэн Юйсяном и другими политическими лидерами двух стран.

Написанная на основе личных воспоминаний автора и его однокашников по университету, эта книга проливает свет на многие малоизвестные страницы истории китайской революции и первых лет существования Советской России.

БКК 66.61 (5Кит)

ISBN 978-5-89282-349-4

© Л. И. Головачёва, В. Ц. Головачёв, перевод с английского, 2009

© Институт востоковедения РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИЗДАТЕЛЯ.....	9
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	11
ВВЕДЕНИЕ	13
ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА... 18	
ГЛАВА II. ПАЛОМНИЧЕСТВО В «КРАСНУЮ МЕККУ»	33
ГЛАВА III. ОТКРЫТИЕ УТК ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА И ЕГО ТРИ РЕКТОРА.....	44
ГЛАВА IV. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО УТК ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	57
ГЛАВА V. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	75
ГЛАВА VI. ЖИЛЬЕ, ПИТАНИЕ И ОТДЫХ В УТК ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	102
ГЛАВА VII. ОТНОШЕНИЯ ГОМИНЬДАНА И КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ В СТЕНАХ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	112
ГЛАВА VIII. ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКОЙ СЕКЦИИ КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ: МРАЧНЫЕ ВРЕМЕНА УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	122
ГЛАВА IX. ШАНХАЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1927 Г. И УНИВЕРСИТЕТ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	134
ГЛАВА X. ФЭН ЮЙСЯН — ПОЧЕТНЫЙ СТУДЕНТ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	151

ГЛАВА XI.	МАДАМ СУНЬ ЯТСЕН И ДРУГИЕ ВИЗИТЕРЫ В МОСКВУ И УНИВЕРСИТЕТ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА..	162
ГЛАВА XII.	СТАЛИН И УНИВЕРСИТЕТ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА.....	173
ГЛАВА XIII.	УНИВЕРСИТЕТ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА И «ПЕРЕСАДКА» ТРОЦКИЗМА В КИТАЙ.....	183
ГЛАВА XIV.	УНИВЕРСИТЕТ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА И VI ВСЕКИТАЙСКИЙ СЪЕЗД КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ	203
ГЛАВА XV.	БОРЬБА ПРОТИВ «ВТОРОЙ ЛИНИИ» В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА И ПОЯВЛЕНИЕ «28 БОЛЬШЕВИКОВ»	224
ГЛАВА XVI.	28 БОЛЬШЕВИКОВ И ИХ БОРЬБА ПРОТИВ ЛИНИИ ЛИ ЛИСАНЯ.....	246
ГЛАВА XVII.	28 БОЛЬШЕВИКОВ И ИХ БОРЬБА С МАО ЦЗЭДУНОМ ЗА ЛИДЕРСТВО В КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ	257
БИОГРАФИЯ ШЭН ЮЭ (Вместо эпилога).....		280
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....		289
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА		292
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....		294
ПРИМЕЧАНИЯ.....		301
A MESSAGE FROM SHIAO-LOONG SHENG.....		318
SUMMARY.....		319

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Постсоветские времена подарили нам долгожданную возможность открыть многие малоизвестные страницы новейшей истории. Предлагаемая читателю книга, являющая собой и мемуары, и ценный научный труд, раскрывает еще одну из таких прежде строго засекреченных страниц. Она повествует о том, как в 20–30-х годах XX века власти СССР готовили кадры для китайской революции. С этой целью в 1925 г. в Москве был специально создан Университет трудящихся Китая (УТК) имени Сунь Ятсена*, названный в честь лидера антимонархической борьбы, первого президента Китайской республики, основателя Национальной народной партии (Гоминьдан), активного сторонника сотрудничества Китая с СССР в деле революции и борьбы против империализма.

Курс обучения в УТК им. Сунь Ятсена длился всего два года, но власти еще не воспрянувшей после Гражданской войны России создали все условия для интенсивной подготовки будущих китайских подпольщиков, политических и военных руководителей. О качестве этой подготовки свидетельствует тот факт, что выпускники университета действительно занимали позднее высшие посты в партийном, государственном и военном руководстве Китая. Из их числа вышли четыре генсека ЦК КПК (Ван Мин, Цинь Бансянь, Чжан Вэньтянь, Дэн Сяопин), председатель КНР (Ян Шанкунь), заместитель председателя КНР (У Ланьфу), лидер Гоминьдана и президент Тайваня Цзян Цзинго, а также маршалы (Е Цзяньбин), министры и парламентарии. Сам автор книги, Шэн Юэ, закончив УТК в 1928 г., жил и работал в СССР еще четыре года. После возвращения на родину, вплоть до своего ареста и выхода из партии, он был членом подпольного Бюро ЦК КПК в г. Шанхае, в то время главном центре китайского рабочего движения. Как современник, свидетель и прямой участник многих политических событий в СССР и Китае, Шэн Юэ поведал о них в своей книге, изданной в 1971 г. на английском языке в США, через 40 лет после закрытия УТК. Живя вдали от Китая и СССР, вне поля жестоких политико-идеологических баталий времен «холодной войны», маонистской «культурной революции» и советско-китайских конфликтов, автор подробно воссоздал, на основе воспоминаний и доступных ему документов, вполне достоверную, хоть и не лишенную личных пристрастий, картину событий и судеб людей, которым довелось жить, учиться и работать в стенах Университета им. Сунь Ятсена.

Безусловно, время наложило отпечаток и на судьбу самой книги. В Китае и СССР она была упрятана в спецхраны «для служебного пользования» и в результате долго не могла найти путь к широкому читателю. Правда, в Китае,

---

* Позднее УТК был переименован в Коммунистический университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (КУТК). Сокращенное наименование в литературе на китайском и английском языке — Университет Сунь Ятсена.

быстро возрождающемся после потрясений «культурной революции» и меняющемся отношении к прошлому, китайский перевод книги Шэн Юэ уже дважды издавался ограниченным тиражом (ДСП) в 1980 и 2004 г. В 1990-х и начале 2000-х годов опубликовано немало других мемуаров и интервью с выпускниками УТК, а также часть хранимых в КНР редких архивных материалов, касающихся учебы китайских революционеров в СССР и их дальнейших судеб.

С начала 1990-х годов московские архивы Коминтерна и УТК также стали предметом растущего внимания со стороны ученых из Европы, США, КНР и Тайваня. Отдельные документы и сведения об этом университете публикуются и в России. Особенно широкое внимание ученых и читателей всего мира привлекают два великих деятеля, окончивших УТК в Москве. В конце 1970-х гг. эти бывшие однокашники оказались во главе двух враждующих частей Китая, разорванных революцией и Гражданской войной. Один из них, Дэн Сяопин, стал лидером КНР, а другой — Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, встал у руля власти на Тайване. В свое время немало надежд на новое объединение нации «в пределах жизни одного поколения» зиждилось именно на памяти об учебе в СССР, которая связывала обоих лидеров и многих других лиц из их окружения. Но столь скорого объединения не произошло, и «фактор общего русского прошлого» в отношениях двух сторон Тайваньского пролива, по-видимому, исчерпан.

В России книга Шэн Юэ была до сих пор доступна лишь в библиотеках, в оригинале на английском языке. При этом мало кто из читателей, помимо специалистов, знал о ее существовании. Сама тема подготовки кадров китайской революции в СССР все еще слабо освещена в отечественной научной и популярной литературе. А ведь судьба УТК им. Сунь Ятсена — это предельно драматичные страницы истории не только Китая, но и России, перипетий ее внешней и внутренней политики, обусловленных борьбой за власть внутри руководства СССР. Думается, что открытие ранее засекреченных архивов УТК и Коминтерна поможет активизировать исследования на эту тему. Отрадно признать и то, что за минувшие десятилетия книга Шэн Юэ не устарела. За это время ушли из жизни ее последние герои, включая самого автора. Но уникальность и высокая достоверность собранных им материалов остаются залогом непреходящей значимости этой книги как для ученых, так и для всех читателей, желающих знать свое прошлое.

Пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность за искреннее участие и помощь в работе над изданием русского перевода этой книги А. В. Панцову, А. Н. Карнееву, Юй Миньлин, В. В. Малявину, А. Л. Верченко, коллегам в ИВ РАН и ИСАА МГУ, а также сотрудникам архивов РГАСПИ (Москва), ГАПК (Владивосток), Приморского краевого музея им. В. К. Арсеньева (Владивосток), архива МИД Китайской Республики (Тайбэй), The Center for Chinese Studies (Тайбэй) и членам семьи Шэн Юэ. Свою работу мы посвящаем памяти всех студентов, преподавателей и сотрудников Университета им. Сунь Ятсена в Москве.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

К числу проблем, возникающих при написании исследования об Университете им. Сунь Ятсена в Москве, относится недостаток источников. Архивы университета находятся, вероятно, в Москве. У меня нет ни возможности обратиться к ним, ни уверенности в том, что они были бы доступны для ученых, желающих с ними ознакомиться. Фрагментарные сведения об УТК им. Сунь Ятсена существуют также в Отделе документов ЦК Гоминьдана (ГМД) на Тайване. Однако в момент написания этот материал был недоступен для научного изучения. Более того, бывшие студенты УТК, большинство которых живет сейчас на Тайване или в материковом Китае, написали мало воспоминаний, вероятно, из-за того, что ситуация в обоих местах диктует им целесообразность закрыть данную главу их жизни.

Исследование по УТК им. Сунь Ятсена еще больше осложняет почти полная скрытность обстоятельств, при которых он был основан. Советские публикации, такие как газета «Правда», содержат мало упоминаний о нем в период с 1925 по 1930 г. Более того, насколько я мог разузнать, работ по УТК на русском языке не существует вообще.

Изученные мною истории КПК, опубликованные в материковом Китае, полностью игнорируют этот университет, хотя в нем училось большое число китайских коммунистов, многие из которых имели в то или иное время огромное влияние в партии. Работы, опубликованные под эгидой Гоминьдана, также содержат немного информации на эту тему, хоть и снабжают крупными и обрывками данных.

Таким образом, при написании этого исследования я был вынужден полагаться, прежде всего, на свою память о тех годах, которые провел в этом университете, и о «28 большевиках», одним из которых я был. Естественно, как у любого человека, моя память небезупречна. Но, видимо, будет полезно записать максимум из того, что я могу записать, просто по причине нехватки других источников.

Это не значит, что никто не помогал освежить мою память или что не существует иных данных, помимо моей памяти. Мне удалось изучить публикации этого периода на русском языке и публикации на китайском языке. Большая помощь была оказана мне в ходе переписки с друзьями, которые учились в Университете им. Сунь Ятсена. Я должен отнестись с уважением к их желанию не быть названными поименно, но хочу выразить им свою благодарность. Мистер Дэвид Х. Л. Цзэн, в особенности, и миссис Ксения Ж. Юдин, а также другие сотрудники Библиотеки Гувера были в высшей степени любезны, помогая мне в поисках ценного материала.

Эту книгу было бы невозможно написать без поощрения и поддержки, оказанных мне Джорджем М. Бэхемом, в то время деканом международных

программ при Канзасском университете, а также доктором Томасом Р. Смитом, тогдашним директором Центра восточноазиатских исследований при этом университете. Я также в великом долгу перед профессором Робертом А. Бёртоном из Канзасского университета, чье знание современного Китая вызывает мое глубокое восхищение, за наши многочисленные дискуссии о материалах этой книги, а также за техническую помощь и советы при завершении этой рукописи. Я буду долго помнить его помощь. Наконец, но вовсе не в последнюю очередь по значимости, я хочу поблагодарить за неустанную помощь Цинь Маньюнь, однокашницу по Университету им. Сунь Ятсена, которая является также моей женой. Полагаю, обычно не принято благодарить человека за обладание невероятно цепкой памятью. Но мне очень повезло в том, что она обладает такой памятью, что она поделилась со мной своими воспоминаниями, а также выполняла функции как здорового стимулирования, так и проверки моих воспоминаний. Особенно знаменателен ее вклад в главу о VI съезде КПК, поскольку она имела возможность сообщить об этом съезде информацию, которую смогли бы представить лишь немногие.

Насколько я знаю, это первая попытка написать на каком-либо языке существенное исследование про Университет им. Сунь Ятсена. Естественно, работа содержит много недостатков. Надеюсь, что знающие данную тему ученые и бывшие студенты университета без колебаний уведомят меня об этих недостатках, либо укажут на мои упущения, с тем чтобы, быть может, я смог однажды написать более полное исследование этой темы. Но если эта работа снабдит тех, кто изучает китайские и советские дела, несколькими кирпичиками, на которых они сумеют построить более полное знание того, что все еще является недавней историей, то она достигла своей цели.

Шэн Юэ

ПРЕДИСЛОВИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Мало что известно об учреждениях в Советском Союзе, в которых китайские радикалы учились в 1920-х и 1930-х годах. Не много известно и о деятельности в Советском Союзе тех радикалов, кто впоследствии сыграл значительную роль в политических событиях в Китае.

Если быть точным, то кое-что известно о Ван Мине и так называемых «28 большевиках». Известно, что они существовали, что среди них был известен Ван Мин и что они пытались каким-то образом заполучить контроль в китайской компартии. Известно об их преданности Сталину. Но плохо известно, кто был в их числе, поскольку редкие их списки не согласуются друг с другом. Неизвестно, ни что за общность являли собой эти 28 большевиков, ни как появилась эта общность. Фактически мы знаем на удивление мало правды об этих людях, которых историки в коммунистическом Китае неизменно рассматривают как крупнейшую влиятельную силу, бросившую вызов политике Мао Цзэдуна в тридцатых и начале сороковых годов.

Проблема Ван Мина и 28 большевиков не закрыта и исторически, так как китайская коммунистическая пресса продолжала нещадно критиковать Ван Мина и до, и во время «Великой пролетарской культурной революции». А многие вожди китайских коммунистов, которых подвергли чистке в ходе этого потрясения партии, были обвинены в сотрудничестве с Ван Мином. Один из читателей сообщает, будто может подтвердить, что Ван Мин жил в Москве и что жил он там с конца 1950-х годов. Но затем, в апреле 1969-го, публикуемая в Торонто газета «Canadian Tribune» вышла с длинной ругательной статьей Ван Мина против Мао Цзэдуна, самым язвительным выпадом против Мао, который мне доводилось читать в каком-либо коммунистическом источнике. Сюжет этой ругательной статьи был быстро подхвачен ТАСС и опубликован газетой «Известия». Ван Мин, один из 28 большевиков, в течение многих лет представлявший китайских коммунистов в Коминтерне, вновь вступает в открытую битву с Мао Цзэдуном, по-видимому, вновь с советского благословения.

События сегодняшних дней тем самым словно пробуждают тени прошлого. В таком случае, с практической точки зрения, становится еще важнее, чем когда-либо, понять то, что случилось в прошлом. Исследование мистера Шэн Юэ (одновременно и исследование, и мемуары) об Университете им. Сунь Ятсена в Москве и 28 большевиках, которые произошли оттуда, бросает бесценный свет на этот аспект прошлого, поскольку он был одним из 28 большевиков, учился в Университете им. Сунь Ятсена и жил в Советском Союзе с 1926 по 1932 год, сначала как член китайской компартии, а затем компартии Советского Союза. Мистер Шэн был членом Центрального Комитета КПК и оставил китайскую коммунистическую партию в 1935 г.

Но, конечно, работа мистера Шэна полезна не только как источник информации о российском учреждении для китайских радикалов или о борьбе фракций китайских коммунистов за власть. Мистер Шэн отмечает, что, наряду с китайской компартией, Университет им. Сунь Ятсена в Москве оказал воздействие и на Гоминьдан. Хотя он обращает внимание главным образом на отношения с коммунистами, тем не менее, мы узнаем, что Цзян Цзинго, старший сын Чан Кайши, был в Университете им. Сунь Ятсена в Москве троцкистом, что показывает молодого Цзяна в свете, весьма отличном от того, в котором его выставляют обычно. В этой книге также переведено отречение молодого Цзяна от своего отца в 1927 г. Полагаю, его не найти в любых других источниках на английском языке. Здесь собраны крупницы увлекательных сведений о многих людях.

В своем предисловии мистер Шэн подчеркивает нехватку источников, касающихся Университета им. Сунь Ятсена. Как отмечает автор, при написании этой книги ему приходилось полагаться по большей части на свою собственную память. Я знаю, что он не считает свою книгу строгим исследованием ни Университета им. Сунь Ятсена или 28 большевиков, ни других затрагиваемых им попутно тем, таких как китайское троцкистское движение. Поэтому ее не нужно читать как строго научный труд. Ее нужно читать как труд человека, который был тесно вовлечен во многие описываемые им события, который владеет уникальным знанием об этих событиях и который пишет о них так, как пожелает. При написании книги мистер Шэн существенно осветил те аспекты современной китайской истории, которые известны лишь самому узкому кругу лиц.

Р. А. Бёртон
Май 1969 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	Академия наук СССР
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГАПК	Государственный архив Приморского края
ГМД	Гоминьдан
ГПУ	Главное политическое управление
ГРВЛ	Главная редакция восточной литературы
ДВК	Дальневосточный Краевой Комитет ВКП(б)
ИВ АН	Институт востоковедения Академии наук СССР
ИВ РАН	Институт востоковедения Российской академии наук
ИККИ	Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИСАА МГУ	Институт стран Азии и Африки при МГУ
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога
КНР	Китайская Народная Республика
КПК	Коммунистическая партия Китая
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КСМК	Коммунистический союз молодежи Китая
КУТВ	Коммунистический университет трудящихся Востока
КУТК	Коммунистический университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена
ЛО ИВ АН	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МИВ	Московский институт востоковедения
МИД КР	Министерство иностранных дел Китайской Республики
МК	Московский комитет
МЛШ	Международная ленинская школа
ООН	Организация Объединенных Наций
НИИК	Научно-исследовательский институт по Китаю
НКВД	Народный комиссариат иностранных дел

НОАК	Народно-освободительная армия Китая
НРА	Национально-революционная армия
НЭП	Новая экономическая политика
ПК	Постоянный комитет
ПБ	Политбюро
РАН	Российская академия наук
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РККА	Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП	Российская социал-демократическая партия
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУДН	Российский университет дружбы народов
РФ	Российская Федерация
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ТАСС	Телеграфное Агентство Советского Союза
УТК	Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена
ЦИЖВЯ	Центральный институт живых восточных языков
ЦИК	Центральный исполнительный комитет
ЦК	Центральный комитет
ЦКК	Центральная Контрольная Комиссия

ВВЕДЕНИЕ

Д-р Сунь Ятсен родился 12 ноября 1866 года. 12 марта 1925 года он умер в Пекине. Его смерть предоставила русским коммунистам, желавшим убедить Китай в их добром отношении, возможность продемонстрировать свою дружбу. Осенью 1925 года, в память о лидере китайской революции, они открыли в Москве Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Период существования этого университета был коротким: осенью 1930 года он был закрыт. Тем не менее, этот университет оказал заметное влияние на события в Китае, как на националистов, так и на коммунистов, которое ощутимо и доныне. УТК им. Сунь Ятсена в Москве является составной частью истории отношений между Гоминьданом и КПК в 1920-х годах. Вместе с тем он стал составной частью истории и КПК, и истории Гоминьдана. Китайцы, учившиеся в Советском Союзе в УТК им. Сунь Ятсена, в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), Ленинской школе* и различных советских военных академиях, занимали важные посты в КПК. Например, УТК им. Сунь Ятсена окончили все 28 китайских большевиков. А ближе к нам, например, из 95 членов ЦК, избранных на VIII съезде КПК в 1956 году, я мог идентифицировать как учившихся в СССР, по крайней мере, 27 человек, среди которых выделялись окончившие этот университет. Выпускником его был Дэн Сяопин, ставший на том съезде генеральным секретарем партии. Чэнь Бода, другой член ЦК, избранный на VIII съезде и тесно связанный с Мао Цзэдуном во время «Великой пролетарской культурной революции», тоже учился в УТК им. Сунь Ятсена. В нем же учились, как минимум, три члена провинциальных комитетов партии середины 1960-х годов. В СССР учились не менее шестнадцати человек, занимающих заметное положение в Центральном правительстве материкового Китая, например Лю Шаоци, хотя Лю Шаоци учился в КУТВе. Я привел лишь несколько наглядных примеров. Но можно было бы представить гораздо больший список лиц, ныне пребывающих в партии, правительстве и армии.

---

* Международная ленинская школа (МЛШ)

Более того, китайцы, которые учились в Советском Союзе в 1920-х годах, играли и до сих пор играют значительную роль в Гоминьдане — партии, которая в 1924 году была реорганизована по коммунистическому образу и подобию, согласно рекомендациям своего советского советника Михаила Бородина. Здесь тоже может быть перечислено множество имен, хотя я упомяну лишь некоторые. Генерал Цзян Цзинго, выпускник УТК им. Сунь Ятсена, стал в 1965 году министром национальной обороны в правительстве Китайской Республики на Тайване и является членом Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана. В 1969 году он стал вице-премьером Исполнительного Юаня*. По своему авторитету на Тайване он уступает только своему отцу, Чан Кайши. Покойный генерал Чжэн Цземин, ведущая фигура в националистской разведке, также учился в УТК им. Сунь Ятсена. В качестве помощника покойного генерала Дай Ли, который возглавлял Бюро расследований при Военном комитете национального правительства, Чжэн многие годы был ответственным за личную безопасность Чан Кайши и считался одним из его самых доверенных помощников. Пи Ишу, компетентная помощница мадам Чан Кайши, является выпускницей УТК им. Сунь Ятсена, как и ее муж, Гу Чжэнтин, известный член Законодательного Юаня**. Брат Гу Чжэньдана также учился в этом университете. Среди других его выпускников, которые оказались на Тайване — заместитель министра внутренних дел Дэн Вэньи; генерал Лю Юньяо, который занимал многие важные посты в Гоминьдане и одно время заведовал кадровой работой в Национальной армии; Сяо Цаньюй и У Цзяюй, являющиеся членами Законодательного Юаня; и Чжан Сюлань, член Контрольного Юаня***. Хэ Чжунхань, бывший министр коммуникаций, учился в одной из московских военных академий, но поддерживал тесные связи с университетом, который находился рядом и в котором он питался. Пу Таомин, умерший в 1964 году на Тайване, где он был директором Института международных отношений и широко признанным авторитетом в советских делах, был выпуск-

---

* Исполнительный Юань — правительство, одна из 5 ветвей государственной власти в Китайской Республике.

** Законодательный Юань — парламент, законодательная ветвь государственной власти в Китайской Республике.

*** Контрольный Юань — одна из 5 ветвей государственной власти в Китайской Республике.

ником КУТВа и позже учился в УТК им. Сунь Ятсена. Ван Чунъю, другой выпускник, который на материке был мэром г. Цзинань, стал заместителем директора Института международных отношений и до сих пор еще является одним из его главных научных сотрудников.

Не стоит заполнять целые страницы именами китайцев, учившихся в Советском Союзе в 1920-х годах. Я уверен, что упомянул достаточно имен, чтобы показать, что эти студенты, вернувшиеся из России, играли значительную роль и в КПК, и в Гоминьдане. Уверен также, что эти имена явно свидетельствуют, что, хотя УТК им. Сунь Ятсена давно уже закрыт, его влияние в материковом Китае и на Тайване заметно до сих пор.

Этот университет играл важную роль в отношениях китайских коммунистов с Советским Союзом. Потому что одним из наиболее ранних факторов конфликта между коммунистическим Китаем и Россией была первая группа выученных русскими китайцев, которые были связаны с Советской Россией и Коминтерном и, вернувшись в Китай, пытались захватить лидерство в КПК. Для некоторых из них эта борьба продолжалась более двадцати лет. В конечном счете, Мао Цзэдун задвинул в сторону кадровых работников, в которых были весьма заинтересованы русские, особенно Сталин, таких как Чэнь Шаоюй, Цинь Бансянь, Чэнь Чанхао, и позже Чжан Вэньтянь, Ян Шанкунь и других. Вытеснение их, несомненно, было составной частью и симптомом ухудшения отношений между Советской Россией и коммунистическим Китаем. Более того, когда пишется эта книга, Чэнь Шаоюй, предположительно, находится в Москве и продолжает свою борьбу против Мао Цзэдуна. За четыре дня до IX Всекитайского съезда КПК, созванного в Пекине 1 апреля 1969 года, «Известия» в СССР опубликовали некоторые детали длительной атаки, которую Чэнь Шаоюй вел в последнее время против Мао Цзэдуна.

Университет им. Сунь Ятсена представлял собой также и колыбель китайского троцкистского движения, которое было в буквальном смысле «пересажено» из России в Китай. В нем училось подавляющее большинство китайцев, положивших начало троцкистскому движению в Китае, в том числе Лу Янь*, Лян Ганьчао, Сун Фэнчунь, Сяо Пиньян и Ли Мэйю. Лишь несколько человек из первых китайских троцкистов, такие как Ван Пинъи и Лю Жэньцин, вышли из других советских учебных заведений. Сам Троцкий был прямо вовлечен

---

* Видимо, имеется в виду Лу Юань (Огарев) (прим. пер.).

в дела оппозиции в УТК им. Сунь Ятсена и последующего китайского троцкистского движения. Под влиянием этого университета находились, по всей видимости, и другие сферы жизни и деятельности в Китае. Например, отдельные педагогические методы, используемые в учебных заведениях материкового Китая, очень близки к методам обучения, применявшимся в УТК им. Сунь Ятсена. Можно указать также на то, что самые ранние попытки реформировать китайский язык были предприняты группой студентов университета, которых русские отобрали специально для этой цели. Покойный У Юйчжан, как и я, был одним из участников этого проекта, в котором были достигнуты значительные успехи. У Юйчжан оказал особое влияние на развитие латинизированного китайского письма. Позже, когда коммунисты пришли к власти в Китае, именно У Юйчжан возглавил организацию, которая предприняла реформу китайского письма в материковом Китае.

Также весьма заметно влияние УТК им. Сунь Ятсена на привнесение марксистских идей в Китай, поскольку этот университет принял фундаментальный переводческий проект, представивший на китайском языке классические работы Маркса, Энгельса, Ленина и других теоретиков. Благодаря этому проекту многие марксистские труды были впервые переведены на китайский язык, причем была даже предпринята попытка стандартизовать китайские эквиваленты марксистских терминов. Более того, многие студенты УТК им. Сунь Ятсена продолжали эту важную работу по переводу и после своего возвращения из СССР в Китай. Их труд оказал значительное влияние на мышление огромного числа китайцев, особенно партийных кадров. УТК между тем оказал влияние на многие дальнейшие события в Китае, о которых я буду говорить в своем исследовании.

Университет имени Сунь Ятсена оказал влияние не только на Китай. Очевидно, что и русские извлекли пользу из опыта руководства этим университетом и КУТВом. Данный опыт, несомненно, оказался полезен, когда осенью 1960 года в Москве был основан Университет дружбы народов*. Хотя УТК им. Сунь Ятсена отличался от КУТВа, а Университет дружбы народов отличается от них обоих, последний явно унаследовал традиции своих двух предшественников. В двадцатых годах создание УТК им. Сунь Ятсена и КУТВа отражало

---

* Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, позже получивший название Российский университет дружбы народов — РУДН (прим. пер.).

рост советского интереса к национально-освободительному движению на Востоке, особенно в Китае. Схожим образом в 60-х годах фокус революционной активности снова переместился на малоразвитые страны, на этот раз не только на Восток, но на весь мир. Поэтому Университет дружбы народов был открыт для того, чтобы собрать в нем студентов из всех частей мира. В названии КУТВа фигурировало слово «коммунистический», и он, разумеется, принимал только коммунистов. Но УТК им. Сунь Ятсена принимал некоммунистов и стал «Коммунистическим университетом трудящихся Китая имени Сунь Ятсена» лишь в 1928 году, вслед за расколом между коммунистами и Гоминьданом.

Поскольку Университет дружбы народов принимает некоммунистов, я предполагаю, что он ведет свою родословную непосредственно от первых трех лет Университета им. Сунь Ятсена. Несмотря на то что Университету дружбы народов было дано имя Патриса Лумумбы, покойного африканского революционера, его учение о независимости в университете не преподается. Учение Сунь Ятсена так же никогда не преподавалось в университете его имени. Но есть существенная разница в функционировании этих двух университетов, обязанная, несомненно, переменам, которые произошли за минувшие годы, а также опыту, извлеченному русскими из работы на раннем этапе. В первом преподавались только общественные науки, включающие, разумеется, «научный социализм». Во втором — акцент сделан на естественные науки.

И все же, конечно, КУТВ, УТК им. Сунь Ятсена и Университет дружбы народов имеют нечто общее. Во всех трех случаях Советами явно руководило ощущение, что обучавшиеся в стенах этих заведений студенты будут продвигать их интересы. Я оставляю историкам оценку того, до какой степени оправдались надежды Советов в этом отношении.

ГЛАВА I.

РОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА

Заря новой эры

Революция 1911 года, казалось, перенесла китайскую нацию, ослабленную иностранными вторжениями и внутренними переворотами и часто презрительно называвшуюся «дальневосточным инвалидом», в новую эру. Ниспровергнув империю, здесь установили республику, первую республику в Азии. Еще важнее было то, что революция подняла дух нации и подготовила, таким образом, путь к прогрессу и светлому будущему.

В ноябре 1912 года, в опубликованной «Правдой» статье «Обновленный Китай», Ленин* выразил свою дальновидную оценку китайской революции и послал этому спящему льву с четырехсот-миллионным населением горячие поздравления: *«Прогрессивная и цивилизованная Европа не показывает заинтересованности в возрождении Китая. Четыреста миллионов отсталых азиатов добились свободы и пробудились к политической жизни. Четвертая часть населения мира перешла, так сказать, от апатии к просвещению, движению и борьбе»*¹.

Глубокое влияние на Китай революции 1911 года и потрясающие перемены, которые произошли от нее, самоочевидны и не являются открытием Ленина. Но Ленину, конечно, можно доверять с точки зрения точности анализа международного значения революции, которое, к несчастью, игнорируется большинством историков. Его понимание революции 1911 года оказало глубокое влияние на политику партии большевиков в отношении Китая и других колониальных стран после захвата большевиками власти в России. Еще

---

* Ленин В.И. (Ульянов Владимир Ильич) (1870–1924). Революционер, один из создателей в 1895 г. петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Член РСДРП с 1898. Основатель РСДРП(б) с 1903 и один из организаторов Октябрьской революции 1917. Вождь и теоретик большевизма. Председатель Совета народных комиссаров РСФСР (СССР) с 1917 и Совета труда и обороны с 1922 (прим. пер.).

в июле 1912 года, прочитав статью доктора Сунь Ятсена «О социальном значении китайской революции», Ленин написал эссе «Демократия и народничество в Китае», которое содержало подробную оценку революции 1911 года и политической теории доктора Суня: *«В Китае азиатский временный президент республики — революционный демократ, наделенный благородством и героизмом поднимающегося, а не деградирующего класса, класса, который не страшится будущего, а верит в него и самоотверженно борется за него, класса, который не цепляется за поддержание и реставрацию прошлого, чтобы сохранить свои привилегии, а ненавидит прошлое и знает, как сбросить с себя его мертвые и прогнившие останки»*².

Для Ленина доктор Сунь Ятсен представлял поднимающийся прогрессивный класс. Он также писал: *«Что прогнило, так это западная буржуазия... Но в Азии есть еще буржуазия, способная к борьбе за искреннюю, активную, последовательную демократию. Главным представителем или главным социальным оплотом этой азиатской буржуазии, еще способной на поддержку исторически прогрессивного дела, является крестьянство»*³. Выраженное здесь мнение стало основой для «Доклада комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля», проект которого был подготовлен Лениным и принят на 2-м конгрессе Коминтерна в 1920 году. Все это подготовило будущий союз доктора Суня с Советской Россией, потому что стратегия помощи китайской революции, на которой основывался этот союз, естественно вытекала из ленинской оценки буржуазии и крестьянства Азии как исторически прогрессивной силы.

Даже после революции 1911 года разрушаемый внутренними переворотами и унижаемый иностранными вторжениями со времен «опиумных войн» Китай не наслаждался ни единым днем мира и благоденствия. Тем не менее, революционный дух не пал. Он постоянно возбуждался, пока не достиг своего апогея в движении «четвертого мая» 1919 года. Это движение открыло для китайской революции новые горизонты и принесло ей новую жизнь. Оно произошло из удачного смешения пробудившегося национального самосознания Китая и влияния Октябрьской революции в России. Гарольд Айзэкс*

---

* Айзэкс Гарольд Р. Isaacs Harold (1910—1986). В 1930 прибыл из США в Китай, где издавал журнал «China Forum», близкий к китайской компартии. Троцкист с 1931. Цитируемая здесь книга впервые издана в Лондоне в 1938 (прим. пер.).

в своей книге «Трагедия китайской революции» сделал беспристрастный вывод о том, что важность движения «четвертого мая» заключается в следующем:

«Волна “четвертого мая” охватила всю страну. Она возвестила приход второй китайской революции. Она, казалось, дала выход ожидавшим своего часа импульсам удивительной энергии. Традиционные идеи и модели поведения рушились, и эхо падения неслось с одного конца страны в другой. Молодые мужчины и женщины в городах и деревнях начали порывать со старой властью семьи и деревенских старейшин. Между поколениями открылась пропасть, которая никогда больше не сомкнулась. Старый образ мыслей и действий еще во многом определял китайскую жизнь, но он подвергался беспощадным атакам. В колледжах и университетах происходило великое бурление. Разочарование в Западе после Версальской конференции обратило взгляды студентов к русской революции. Это новое течение принесло с собой в Китай запоздалый приток всех главных направлений европейской общественной мысли, демократии, анархизма, синдикализма и марксизма, открывая новые горизонты, стимулируя настоящую революцию в мышлении, морали и литературе и быстро углубляя каналы политических перемен и социальных конфликтов. На политическую арену вышли все классы общества. Старые политические организации получили новую жизнь. Родились новые организации»⁴.

Политика и лозунги русских коммунистов все больше и больше привлекали внимание китайского народа, который долго страдал от оскорблений и жестокости иностранцев. А Сунь Ятсен был, по-видимому, первым видным китайцем, который открыто выразил восторженное сочувствие Октябрьской революции и искал путей для установления контактов с Советской Россией. Так, в 1918 году доктор Сунь послал из Шанхая телеграмму, адресованную Ленину и советскому правительству. В ней говорилось, что китайская и русская революции имеют общую цель. Он предсказывал, что эти две революции соединят свои силы для освобождения всех угнетенных народов⁵. В сущности, эта телеграмма отражала неудачу попыток доктора Суня установить связи с Западом, а также на его симпатии к русской революции.

1 августа 1918 года нарком иностранных дел Советской России Чичерин* тепло ответил на «посланную несколько месяцев назад» телеграмму доктора Суня, почтительно обращаясь к нему как к «уважаемому Учителю» и подчеркивая взаимосвязь русской и китайской революций, а также важность предназначения, которое они разделяют⁶. В действительности очень может быть, что эти ранние контакты между Сунь Ятсеном и руководством Советской России оказали влияние на последующие дипломатические акции большевиков в Китае. Например, подписанная Караханом** знаменитая декларация Совета народных комиссаров (советского правительства) от 25 июня 1919 года, которая содержала отказ от особых прав царской России в Китае, была адресована «китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая»⁷. Сунь Ятсен, разумеется, возглавлял в это время революционное движение в Южном Китае. Впоследствии контакты между доктором Сунем и русским руководством продолжались и привели к совместному заявлению доктора Суня и советского представителя Адольфа А. Иоффе*** от 27 января 1923 года. В том же году, в качестве советника доктора Суня по реорганизации Гоминьдана, в Китай прибыл Михаил Бородин****. Реорганизация Гоминьдана в 1924 году и последующее сотрудничество между Гоминьданом и КПК — явное свидетельство того, что влияние русской Октябрьской революции на Китай постепенно усиливалось. Это влияние достигло своего апогея в период великой революции 1925—1927 годов.

---

* Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936). Революционер, дипломат. Член РСДРП с 1905. В 1918—1930 — глава Наркомата иностранных дел (прим. пер.).

** Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889-1937). Революционер, дипломат. Член РСДРП с 1904. Член РСДРП(б) с мая 1917. С 1918 — зам. наркома иностранных дел РСФСР. В 1923—1926 — полпред СССР в Китае. В 1927—1934 — зам. наркома иностранных дел СССР. Незаконно репрессирован и расстрелян в 1937. Посмертно реабилитирован (прим. пер.).

*** Иоффе Адольф Абрамович (1883—1927). Революционер, дипломат. Член РСДРП с 1903. Член РСДРП(б) с 1917. В 1922—1924 гг. — советский полпред в Китае (прим. пер.).

**** Бородин Михаил М. (Грузенберг) (1884—1951). С 1919 — ответственный работник ИККИ, в 1923—1927 — главный политический советник ЦИК ГМД и представитель ИККИ в Китае. Личный друг Сунь Ятсена. С 1927 — заместитель наркома труда, заместитель директора ТАСС, с 1932 — главный редактор газеты «Moscow News». В 1941—1949 — главный редактор Совинформбюро. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно (прим. пер.).

Всего пяти или шести лет, от движения «четвертого мая» до революции 1925—1927 годов, оказалось достаточно для свершения громадных перемен в политической обстановке Китая. В период 1925—1927 годов три политических принципа Сунь Ятсена — союз с Советской Россией, сотрудничество с коммунистами и поддержка рабочих и крестьян — стали мощной революционной силой. Эта политика была принята по причине внешних и внутренних трудностей. Невежество и эгоизм западных держав, откровенно проявившиеся в их отношении к Китаю, и их безразличие к революционному движению доктора Суня заставили его обратиться за помощью к Советской России. В своем письме от 1924 года к Чан Кайши, которого Сунь послал в 1923 году с миссией в Советский Союз, он писал: «Будущая революция нашей партии не сможет быть доведена до конца, если русские не станут нашими учителями»⁸. Однако восхищение китайцев Октябрьской революцией и то обстоятельство, что революционные стремления Суня не встретили поддержки на Западе, не были единственными факторами, приведшими к китайско-советскому сотрудничеству. Другим фактором был растущий интерес русских большевиков к Востоку. К концу Первой мировой войны революционная волна охватила Европу. Однако этот революционный подъем быстро пошел на убыль после поражения революций в Венгрии и Германии. Именно в это время русские коммунисты, чтобы выйти из изоляции, стали искать союзников на Востоке. Китай с его революционным лидером Сунь Ятсеном был естественным объектом внимания.

В 1921 году Коминтерн направил в Китай своего специального представителя Маринга*, и 23 ноября 1921 года он встретился с доктором Сунем в Гуйлине. После возвращения в Россию Маринг представил в ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала) подробный доклад о современном политическом положении в Китае. Маринг утверждал, что союз с доктором Сунем — гораздо лучше союза с любым из милитаристов, будь то У Пэйфу или Чэнь Цзюньмин. Маринг почувствовал, что Сунь в силу своего революционного прошлого и отличного понимания теории социализма будет, вероятно, наиболее подходящим союзником для

---

* Г. Маринг (Х. Снифлет) (1883—1942). Деятель Коминтерна. В 1921—1923 представитель ИККИ в Китае. Во время переговоров в декабре 1921 с Сунь Ятсеном в Гуйлине выдвинул предложения о реорганизации ГМД и создании военной школы. В 1927 порвал с Коминтерном и примкнул к троцкистам. В 1928 исключен из ИККИ (прим. пер.).

Коминтерна. После опубликования в 1923 году совместного заявления Суня и А. Иоффе был официально установлен союз доктора Суня с русскими. Хотя Университет им. Сунь Ятсена в Москве был основан после смерти доктора Суня, его создание стало итогом союза между Сунем и советскими русскими, а также логичным результатом развития советско-китайских отношений в тот период. Будучи продуктом исторического развития китайско-советских отношений, основание и закрытие этого университета вместе с тем символизировали собой прилив и отлив китайской революции. Кроме того, университет представлял собой современное китайское политическое общество в миниатюре. Китайские студенты участвовали во всех яростных политических сражениях, которыми была отмечена эта эпоха, в университете были члены КПК, принадлежавшие к различным уклонам, в том числе сталинисты и троцкисты. Там были представители и Гоминьдана, и всех других групп и фракций, которые делали китайскую революцию.

Но Университет им. Сунь Ятсена являл собой нечто большее, чем отражение китайской политической сцены. Он был также частью борьбы между лидерами Советской России. После смерти Ленина в 1924 году началась ожесточенная борьба за власть между русскими. Сталин и Троцкий, словно два бойцовых петуха, атаковали друг друга, и китайский вопрос составлял один из фокусов этой борьбы. Каждый из них считал себя авторитетом в китайских делах, и они состязались за роль выразителя интересов китайского народа. Таким образом, помимо участия в китайской революции, китайские студенты были брошены еще и в водоворот политики советских русских.

Создание университета осенью 1925 года стало важной вехой и для личных судеб обучавшихся за границей китайских студентов. Прежде большинство студентов из Китая продолжали свое обучение в Европе, Америке или Японии. Действительно, первые студенты, которых китайское правительство послало за границу, а их было тридцать, поехали в 1872 году в США. Но никогда китайское правительство не посылало студентов к громадному соседу Китая — России. Мало китайцев ездило учиться в Россию также и потому, что она считалась отсталой, однако теперь, пятьдесят лет спустя, положение резко изменилось. С установлением союза между суньятсеновским Гоминьданом и Советской Россией Советский Союз стал высоко котирующимся местом обучения китайской молодежи. Это было признаком того, что в глазах многих людей Россия больше уже не

считалась, как в прежние времена, интеллектуально отсталой страной. В период с 1921 по 1924 годы лишь небольшое число китайских коммунистов ездило в Россию на учебу в КУТВ. Но в 1925 году уже сотни китайцев стали стекаться в Россию для учебы в Университете им. Сунь Ятсена.

Однако открытие этого университета принесло китайским студентам не только количественные перемены. Если студенты из Европы и США привозили домой книжки и тетрадки, содержащие «науку», «демократию» и, возможно, мечты, то те, кто учился в России, возвращались с мечтами о новом Китае, вкуче с политическими программами для их реализации и членством в партии для их поддержки*. И эти учившиеся в России студенты в итоге сыграли огромную роль в формировании судьбы Китая.

Смерть доктора Суня и объявление Бородина о создании УТК им. Сунь Ятсена

13 ноября 1924 года доктор Сунь Ятсен выехал из Кантона** в Пекин с группой из 19 лиц, включавшей мадам Сунь и Ван Цзинвэя. Целью поездки на Север была реализация возвышенных стремлений Суня к «духовному обновлению Китая», которое должно было осуществляться через консультации с генералами Дуань Цижунем и Чжан Цзолинем. К несчастью, из-за приступа болезни печени доктору Суню пришлось почти на месяц задержаться в Тяньцзине, и его миссия могла добраться до Пекина только к 31 декабря.

В то время я был студентом в Государственном университете правовых и политических наук (Голи фачжэн дасюэ) в Пекине и живо помню приезд доктора Суня. За два дня до его прибытия в Пекине выпало много снега, температура упала ниже нуля, все дороги подмерзли и были предательски скользкими. Но, несмотря на неблагоприятную погоду, около ста тысяч человек собрались на пекинской станции Передние Ворота, чтобы встречать доктора Суня. Как только

---

* Из соображений безопасности, когда китайские студенты пересекали границу между Китаем и Россией, русские спецагенты тщательно обыскивали их и освобождали от всех книг и тетрадок.

** Кантон — европеизированное название китайского города Гуанчжоу (прим. пер.).

он вышел из специального поезда, оркестр из Пекинского государственного института искусств заиграл китайскую мелодию и тысячи людей, надеявшихся увидеть и услышать доктора Суня, взволнованно закричали. Но, тяжело больной, он просто кивнул приветствующей его толпе, сел в машину и поехал прямо в отель «Пекин».

В тот же вечер состоялось факельное шествие в честь приезда доктора Суня. Мы собрались перед воротами на площади Тяньаньмэнь и огненным драконом потекли к временной резиденции доктора Суня в переулке Железного льва (Те шицзы хутун), предоставленной ему Дуань Цижуюем. Мы горели желанием выразить наше уважение доктору Суню и надеялись, что он скажет речь. Но по прибытии на место обнаружилось, что из-за плохого самочувствия доктор Сунь не сможет обратиться к нам. Вместо него появился Ван Цзинвэй, его красивый помощник-кантонец, и поблагодарил нас от имени доктора Суня. Вслед за этим, разочарованные, мы разошлись.

Болезнь Сунь Ятсена день ото дня все более обострялась. Шесть или семь иностранных докторов в Пекине были привлечены для консультаций, но признаков улучшения не наблюдалось. Наконец, 4 января 1925 года приехал специалист по болезням печени из Москвы. Однако все усилия были напрасны: 12 марта, в 3 часа 30 минут утра, доктор Сунь скончался, оставив после себя все еще сражающийся Китай и его страдающий народ. Когда состояние доктора Суня стало критическим, Ван Цзинвэй* составил завещание, и 24 февраля прочел его доктору Суню, чтобы получить личное одобрение. В конце концов, 11 марта товарищи попросили Суня подписать это завещание вместе с посланием к Советскому Союзу. Послание на английском языке было, по-видимому, составлено Юджином Чэнем**. Опубликованное только после смерти Сунь Ятсена, оно стало важ-

---

* Ван Цзинвэй (Ван Чжаоин) (1883–1944). Соратник Сунь Ятсена. С 1924 — член ЦИК ГМД, в 1925–1926 — глава правительства, председатель Военсовета и Политсовета ЦИК ГМД. В 1927 председатель Политсовета ЦИК ГМД, председатель Национального правительства в г. Ухань. В 1938 перешел на сторону японских захватчиков, возглавил марионеточное правительство в Нанкине с 1940 (прим. пер.).

** Чэнь Южэнь (Юджин Чэнь) (1879–1944). Член ЦИК Гоминьдан с 1926, советник Сунь Ятсена в 1917–1925. И. о. министра иностранных дел кантонского правительства в 1926–1927. Министр иностранных дел Уханьского правительства в 1927. С 1927 — в оппозиции к Чан Кайши. В 1927 посетил Москву. В 1942 арестован японцами в Гонконге и вывезен в Шанхай. Несмотря на давление японцев, отказался сотрудничать с ними (прим. пер.).

ным документом в истории китайско-советских отношений. Вот полный текст этого послания:

«Дорогие товарищи!

На ложе смерти мысль моя обращена к вам, как и к будущей судьбе моей партии и моей страны.

Вы стоите во главе Союза свободных Республик, оставленного бессмертным Лениным. Благодаря этому наследству, жертвы империализма неизбежно отвоюют свою свободу у того общественного порядка, который всегда основывался на рабстве, войне и несправедливости.

Я оставляю после себя партию, которая, как я всегда надеялся, будет вашим союзником в деле освобождения Китая и других угнетенных народов от ярма империализма.

Мое поручение партии Гоминьдан состоит, прежде всего, в том, чтобы она продолжала дело национального революционного движения за освобождение Китая, который был доведен империализмом до положения полуколониальной страны. Поэтому я поручаю моей партии поддерживать постоянные связи с вами.

Я лелею твердую надежду, что ваша поддержка моей страны останется неизменной.

Прощаясь с вами в последний раз, дорогие товарищи, я выражаю надежду, что приближается день, когда Советский Союз будет приветствовать свободный и сильный Китай, как своего друга и союзника, и что оба государства пойдут, рука об руку, как союзники в великой борьбе за освобождение угнетенных всего мира.

*С братским приветом,
Сунь Ятсен»⁹.*

На другой день после смерти Сунь Ятсена ЦИК Гоминьдана послал сообщение о его кончине председателю Коминтерна Григорию Зиновьеву и Сталину*. В этом сообщении Гоминьдан высказал поже-

---

* Зиновьев Григорий Евсеевич (Овсей-Герш Аронович Радомыльский) (1883–1936). Член РСДРП с 1901. Член Политбюро ЦК в 1917–1926. Председатель Коминтерна в 1919–1926. Лидер зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927. Капитулировал перед Сталиным в 1928. Расстрелян в 1936. Реабилитирован в 1988. Сталин И. В. (Джугашвили Иосиф Виссарионович) (1878–1953). Член РСДРП с 1898. Член РСДРП(б) с 1903. Нарком по делам национальностей (1917–1922). Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) с 1922. Председатель СНК СССР с 1941 (прим. пер.).

ление, чтобы сотрудничество между Гоминьданом и русскими было продолжено: *«Сегодня, со смертью Сунь Ятсена, национальное революционное движение в Китае потеряло своего лидера. Труд Сунь Ятсена пока не завершен и будет продолжен его партией. Мы еще стоим перед лицом громадных трудностей, так как мы окружены контрреволюционными силами, которые являются союзниками империализма. Мы уверены, что вы, как верные ученики Ленина, будете и дальше бороться вместе с нами, наследниками Сунь Ятсена»*¹⁰.

Сообщение Гоминьдана и послание Суня были отправлены в Москву одновременно. Советские руководители присоединились к китайцам в скорби о потере их революционного вождя, который был также другом Советского Союза. В ответ на полученное от ЦИК Гоминьдана извещение о смерти, Сталин послал свое соболезнование, текст которого следует ниже:

«Центральный Комитет Российской коммунистической партии скорбит вместе с вами о потере вождя партии Гомиьдан и организатора национально-освободительной борьбы рабочих и крестьян Китая за освобождение и независимость китайского народа, и за единство и независимость китайского государства.

Центральный Комитет Российской коммунистической партии нисколько не сомневается, что великое дело Сунь Ятсена не умрет с его смертью, а будет жить в сердцах китайских рабочих и крестьян назло их врагам, и что партия Гомиьдан будет высоко держать знамя Сунь Ятсена в великой борьбе за освобождение от империализма, и будет с гордостью нести его к последней победе над империализмом и его агентами в Китае.

*Сунь Ятсен умер. Да здравствует дело Сунь Ятсена! Да здравствует дело, завещанное им!»*¹¹

В своем ответе от имени Коминтерна Зиновьев подтвердил позицию Коминтерна в полной поддержке китайской революции и духа Сунь Ятсена: *«Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала сделает все, что в его силах, чтобы показать широким массам рабочих во всех странах огромную важность работы Сунь Ятсена»*¹².

Кроме того, в память о Суне ИККИ опубликовал его «Письмо к китайскому народу» и «Письмо к рабочим мира»¹³. Специальные

соболезнующие статьи были написаны Зиновьевым, Карлом Радеком, Г. Н. Войтинским и другими. Они с симпатией оценивали Сунь Ятсена и китайскую революцию. Типичной с этой точки зрения была статья Радека в «Правде». В заключение своей статьи, которая называлась «Наследие Сунь Ятсена», он констатировал: «Величие Сунь Ятсена состоит в его неизменной прогрессивности. После каждого поражения, которое он терпел, он поднимался снова, переоценивал свой опыт и снова учился»¹⁴.

Радек, который стал первым ректором Университета им. Сунь Ятсена, давно считался специалистом в китайских делах. В этой статье в «Правде» он сравнивал Сунь Ятсена с Хун Сюцюанем, а китайскую революцию — с тайпинским восстанием*. Он также привел некоторые свои воспоминания о мыслях Ленина по поводу китайской революции: *«Однажды, в 1916 году, в разгар первой мировой войны, несколько большевиков собрались в Берне для обсуждения вопроса о самоопределении наций. Ленин, который был на этом совещании, неожиданно предложил, чтобы большевики в будущем объединились с китайской революцией. Его предложение в то время казалось дурацкой мечтой! Вообразить, что русский пролетариат соединится в борьбе с миллионами китайцев! Кто из пяти или шести присутствовавших на том собрании большевиков мог вообразить, что если они проживут достаточно долго, то смогут увидеть осуществление этой мечты?»*

*Когда в 1918 году Россия и Китай были разделены чехами, эсерами и Колчаком, Ленин запросил однажды, можно ли найти среди иммигрировавших в Россию китайских трудящихся решительных людей, которые могли бы установить контакт с Сунь Ятсеном. Ныне мы установили контакт с китайским народом. Задачей нашей и китайских революционеров ныне является расширение наших контактов с миллионами людей»*¹⁵.

Видимо, имея в виду ленинские высказывания, лидеры Советского Союза и Коминтерна пришли к заключению, что «семена, брошенные Сунь Ятсеном», действительно, «зацветут и принесут плоды». Придя к такому выводу, советские руководители решили вложить в китайскую революцию больше капитала. Основание в том

---

* Хун Сюцюань — предводитель восстания тайпинов (1850–1864), которое было направлено против правившей в Китае династии Цин (1644–1911) (прим. пер.).

же году УТК им. Сунь Ятсена в Москве было одним из наибольших вкладов, сделанных Советским Союзом. Создание 1 июля 1925 года, вскоре после смерти Сунь Ятсена, Революционного правительства националистов в Кантоне открыло новые горизонты революции. Это правительство консолидировало революционные силы и призвало массы к продолжению революционной деятельности. В этой крайне благоприятной для революции ситуации Советский Союз ускорил осуществление планов предполагавшегося создания университета в Москве. 7 октября 1925 года, на 66-м заседании Центрального политического комитета Гоминьдан русский особый советник этой партии Михаил Бородин официально объявил о создании УТК им. Сунь Ятсена. Это предложение было принято и организована отборочная комиссия в составе Тань Янькая, Го Инфэня и Ван Цзинвэя. Бородин действовал как советник комиссии, и вскоре после ее создания в Кантоне, Шанхае, Пекине и Тяньцзине началась работа по отбору студентов.

Известие о том, что будут отбираться студенты для учебы в России, быстро разнеслось по стране. В одном только Кантоне более тысячи молодых людей записались для участия в квалификационном экзамене. Так как Кантон был в то время главным революционным центром Китая, большинство отобранных приемной комиссией студентов (180 из 340) было из этого города. По десять студентов было избрано исходя из квот представительства от каждой из трех военных школ — Вампу, Сян (Хунань) и Тянь (Юньань), — все они располагались в Кантоне. 50 студентов были отобраны из Шанхая и 50 — из Пекин-Тяньцзинского района. Кроме того, более 30 студентов были зачислены дополнительно, по особой рекомендации Бородина. В большинстве случаев это были сыновья и братья влиятельных членов Гоминьдана. Эти привилегированные студенты были освобождены от конкурсных экзаменов. Среди отобранных из Кантона 90% составляли члены Гоминьдана, тогда как большинство студентов из Шанхая, Пекина и Тяньцзиня были коммунистами.

Специфичным методом отбора служила серия из трех экзаменов. Один из моих однокашников по Университету им. Сунь Ятсена, державший экзамены в Кантоне, описал эту процедуру таким образом: *«Публичная запись на отбор студентов велась в Кантоне осенью этого года. Процедура была очень проста. Все состояло в заполнении регистрационной карточки в канцелярии ЦК Гоминьдана (которая располагалась в бывшем провинци-*

альном собрании Гуандуна). Ни у кого не требовали показать диплом или какой-либо другой документ. Не было никаких ограничений по возрасту. В результате, отобранные сильно отличались по возрасту и образованию: от 14–15 до 40–50 лет, и от совершенно неграмотных до вернувшихся из-за границы выпускников колледжей и студентов. Они составляли поистине фантастическое зрелище “трех поколений в одном доме” и “ученых и неученых, должных изучать один и тот же предмет”! Национальное правительство обращало на это особое внимание. После того как кандидаты заполнили свои регистрационные карточки, Центральный постоянный комитет Гоминьдана назначил высокопоставленных чиновников (в том числе, Тань Янькая) для проверки их квалификации и последующего назначения даты экзаменов. Экзамены проходили в Гуандунском университете и состояли в сочинении на тему “Что такое национальная революция?”. Ни по каким другим предметам или иностранным языкам экзаменов не было. Это было действительно очень просто. После письменного экзамена были названы предварительно отобранные кандидаты. Затем, по прошествии значительного времени, состоялся устный экзамен, на котором присутствовали высокопоставленные чиновники Гоминьдана (одним из них был член ЦК Кань Найгуан). На устном экзамене упор делался на знания кандидатов по текущим политическим событиям. Таким образом, чтобы оказаться отобранным, нужно было пройти три экзамена. Это казалось легким, но, на самом деле, было совсем не просто. После первого отбора, письменного экзамена и устных испытаний, 9/10 из более чем тысячи первоначальных кандидатов было отсеяно. Число отобранных было небольшим»¹⁶.

Я был отобран в Пекине и не участвовал в экзаменах, проводившихся в Кантоне, но вполне уверен, что из трех фаз отборочной процедуры первая была самой трудной. Это означало, что человек должен был получить одобрение приемной комиссией, как лояльный член Гоминьдана. Что касается других фаз экзамена, то нужно было лишь написать сочинение, содержащее текущие революционные лозунги, и обладать немногими общими познаниями в мировых делах. Интересным моментом в отношении отбора студентов было то, что Чан Кайши, начальник Военной школы Вампу, официально запретил добровольно записываться на экзамены курсантам первого

и второго выпуска. Существует несколько возможных объяснений этого приказа. Прежде всего, данный запрет мог быть призван отсечь большое число участников экзаменов и тем самым упростить процедуру отбора. Но, вероятно, наилучшее объяснение состоит в том, что курсанты первого и второго выпусков уже вступили в войну и быстро превращались в стеновой хребет новой армии. Позволить им оставить свои посты было бы неразумным в военном отношении.

Несмотря на такие правила, многие курсанты из школы Вампу все же поехали учиться в Москву. Так, ЦИК Гоминьдана фактически установил квоту из 10 студентов на каждую из трех военных академий Кантона. Таким образом, приказ Чана не проводился в жизнь строго и был очень гибким. Дэн Вэнь*, бывший в то время курсантом школы Вампу, в своей книге «Вокруг света» («Юй цун вань ли») вносит некоторую ясность в мотивы Чан Кайши и в то, как он сам сумел обойти приказ Чана и поехать учиться в Москву. Он пишет: *«Центральному Комитету Гоминьдана было поручено отбирать студентов на учебу в Россию. Я потихоньку записался на экзамены. Сначала я пошел к Ван Болину, начальнику учебной части Вампу, доложил ему, что я прошел экзамены, и рассказал ему о своих стремлениях. Я объяснил, что хотя Академия не разрешила курсантам своего первого и второго выпусков участвовать в экзаменах, я сдал их. Я попросил его дать мне особое разрешение поехать в Россию. Ответ его был таков: “Нет, Вы не можете ехать. Вы должны подчиняться приказу Академии”. Это меня глубоко обидело. Но, в конечном счете, он был прав. Позже я услышал, что одной из причин, по которой он запретил мне ехать в Россию, могло быть то, что я не вступил в Общество Сунь Ятсена. Он мог подумать, что я коммунист, и поэтому намеренно чинил препятствия на моем пути. В то время начальник Академии (Чан Кайши) был на передовой линии боев (в Шаньту), и я почти совсем растерялся. Лишь после повторных просьб и объяснений, я в конце концов получил разрешение директора поехать на учебу в русский Университет Сунь Ятсена, в качестве особо отобранного ЦК Гоминьдана»*¹⁷.

---

* Дэн Вэнь (1905—1996). Выпускник 1-го набора военной школы Вампу. В 1925—1927 учился в УТК в Москве. Вернувшись в Китай, поддержал антикоммунистическую акцию Чан Кайши в апреле 1927. В 1928—1934 личный секретарь Чан Кайши. В 1935 — военный атташе посольства Китая в СССР. Позднее занимал крупные государственные и военные посты. Член руководства ГМД (прим. пер.).

Из того, что я рассказал выше, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, инициатива создания Университета им. Сунь Ятсена полностью исходила от русских. Объявление о его создании было сделано не Гоминьданом, а Бородиным. Во-вторых, комиссия по отбору студентов на учебу в университете была организована только после того, как Бородин внес свое предложение. В-третьих, отбор студентов шел фактически под наблюдением русских (Бородин и других агентов). И Гоминьдан, и КПК действовали полностью в соответствии с инструкциями этих «русских советников».

ГЛАВА II.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

В «КРАСНУЮ МЕККУ»

Путь в Москву

В то время когда первая группа студентов готовилась к отъезду из Китая в Москву на учебу в Университет им. Сунь Ятсена, существовали три основных дороги в Советский Союз. Во-первых, можно было ехать через Харбин. Этот путь был, однако, небезопасным, потому что Маньчжурию контролировал милитарист Чжан Цзолин, хотевший помешать обучению китайских радикалов в Советском Союзе. Во-вторых, можно было ехать через Европу. Этот путь был гораздо безопаснее, но и намного дороже. Избравшие этот путь должны были сами оплачивать свои расходы, поэтому вопрос о нем даже не стоял. По-видимому, самым практичным был путь, который использовала первая группа, выехавшая из Шанхая в 1925 году и предположительно прибывшая в Москву в ноябре того же года. Эта группа собралась в Шанхае, погрузилась на русское судно и отправилась прямо во Владивосток. Такой же путь использовали и другие группы, ехавшие в Советский Союз из Шанхая, Пекина и Тяньцзиня. Пекинцы и тяньцзиньцы добрались до места посадки в Шанхае судном из Тяньцзиня. Порядок путешествия для студентов из Кантона был гораздо проще: они садились на русские суда, идущие из Кантона во Владивосток.

Хотя всем студентам был предоставлен бесплатный проезд в Советский Союз как на судах, так и на поезде, различие в суммах денег, выданных едущим в Университет им. Сунь Ятсена, было значительным. Большинство богатых гоминьдановских студентов из Кантона получили по 230 юаней на одежду, еду и другие случайные расходы. Вдобавок, ЦИК Гоминьдана выдал им по 100 юаней на карманные расходы. Студенты из других частей Китая, в сущности, денег в своем распоряжении не имели. Гоминьдан и КПК оплатили студентам из Пекина, Тяньцзиня и других городов дорогу до Шанхая. Когда я уезжал в Россию в октябре 1926 года, мои дорожные расходы оплачивала КПК. Я не могу вспомнить точную сумму денег, но она

была намного меньше той, что получили гоминьдановские студенты из Кантона.

В Северном Китае в то время еще господствовали милитаристы, и многие студенты из Пекина и Тяньцзиня, не смея открыто отметить свой отъезд, уехали из дома тайно. Провожали нас лишь немногие родственники и друзья. Так как я был руководителем революционной студенческой организации, меня давно разыскивала тайная полиция пекинского правительства. Чтобы избежать слежки, я изменил свою внешность. К счастью, мой маскарад оказался удачным, и я сумел отбыть в Шанхай без приключений.

Совсем иначе было у тех, кто отплывал из Кантона. Здесь уезжавшие в Москву студенты гордо прошли через весь город, словно отправлялись на завоевание чужеземных стран. Один из моих однокашников вспоминает: *«Перед их [студентов] отъездом Центральный Комитет Гоминьдана дал прощальный вечер и устроил собрание в штаб-квартире партии в Кантоне. Среди участников были Ван Цзинвэй и Бородин. На собрании Ван Цзинвэй настаивал, чтобы из числа студентов были избраны люди для поддержания контактов с Гоминьданом в Китае. Однако отъезжавшие прибыли из разных частей страны и не были знакомы, а поэтому и не знали, кого выбирать. В конце концов, Ван Цзинвэй назначил для связи Линь Бошэна (своего личного друга) и Чэнь Чуньпу (брата своей жены)»¹.*

Первая группа студентов из Кантона выехала в Советский Союз к концу 1925 года. Вскоре вслед за ними отправилась вторая группа, приблизительно из 50 человек. В Кантоне осталось еще около сотни студентов, которые были задержаны на долгое время. Один студент так описывает причину задержки: *«Около сотни из нас остались в Кантоне в ожидании дальнейших указаний. Но кто знал, на какой день назначат наш отъезд? Мы совсем упали духом. Когда власти поняли, что оставлять этих студентов в праздности не годится, они решили за свой счет снять два дома, с целью устройства в них общежитий для отъезжающих в Россию. Нам предоставили бесплатное жилье и стол. И несколько русских дам были привлечены для занятий с нами русским языком»².* Эти преподавательницы были членами семей русских советников в Кантоне, их отобрал и назначил Бородин. Занятия проходили в Кантонском госпитале. Студенты изучали русский около четырех-пяти месяцев, но результаты были далеки от удовлетворительных.

И только летом следующего 1926 года, эта сотня студентов, составлявшая третью кантонскую группу, села на судно, идущее в Советский Союз.

Первая группа из Кантона прибыла в Москву в январе или феврале 1926 года. Воспоминания одного из приехавших позволяют узнать кое-что о том времени, когда первые студенты прибыли в Москву: *«Как только мы вошли в двери университета, нас окружила толпа китайских студентов, мужчин и женщин. Узнав, что мы приехали из Кантона, столицы китайской революции, они очень обрадовались... Вопрос следовал за вопросом, и мы даже не могли на все ответить. Позже мы узнали, что они прибыли в Москву из Шанхая, Пекина и Тяньцзиня всего за месяц или за два до нас»*³. Таким образом, из 340 студентов, отобранных для учебы в Университете им. Сунь Ятсена, самые первые добрались до Москвы, по-видимому, в ноябре 1925 года. Цзян Цзинго в своей книге «504 часа» (*У бай лин сы сяоши*)⁴ склонен подтвердить эту дату. Он пишет: «15 октября 1945 года. Сегодня двадцатая годовщина моего отъезда с родины на учебу в России». Если положить на все путешествие две или три недели, Цзян должен был прибыть в Москву самое позднее в ноябре. Другие группы студентов прибыли в Москву в декабре 1925 года и в январе, феврале или позднее в следующем году.

Что касается меня, то я очень задумался, узнав, что отобран пекинским комитетом КПК* для учебы в Москве. Во-первых, прежде чем строить другие планы, я надеялся окончить колледж в Пекине. Во-вторых, в Пекине я занимался революционной деятельностью, направленной против правительства Дуань Цижуня, и не хотел ее оставлять. Я принимал участие в движении «30 мая» (1925 года), в марше национального позора 7 мая, в революции в столице и в инциденте 18 марта 1926 года. Я был глубоко вовлечен в эти дела и, участвуя в них, не раз рисковал жизнью, потому что был в то время одним из руководителей студенческого движения в Пекине. Я был членом Исполкома Студенческого союза в Государственном университете правовых и политических наук. В то же время я был секретарем фракции КПК во Всекитайском союзе студентов, штаб-квартира

---

* В те годы в политическом лексиконе преобладал термин «китайская компартия» или «киткомпартия». Но в аббревиатуре применялись два варианта — КПК и ККП (прим. пер.).

которого находилась в Пекине. Наша тайная фракция в этом Союзе закулисно руководила деятельностью громадной всекитайской студенческой организации — прием, часто используемый коммунистическими движениями в некоммунистическом мире.

В конце 1924 — начале 1925 года в Пекине было всего 180 членов КПК, а членов Гоминьдана — около 2 тысяч. Но численность обеих партий резко выросла после приезда Сунь Ятсена в Пекин и особенно после его смерти. Секретарем Комитета китайских коммунистов Пекина и прилегающих к нему районов (Бэйцзин дивэй вэйюаньхуэй) был Лю Бочжуан, сычуанец, учившийся во Франции в начале 20-х годов. Он работал в Пекине много лет и позже стал делегатом VI съезда КПК в Москве. Начальником орготдела этого комитета был Чэнь Вэйжэнь, ветеран партии из Хунани, чья жена впоследствии стала студенткой Университета им. Сунь Ятсена. Начальником Отдела пропаганды был Ли Пухай, сын богатого землевладельца из провинции Шаньдун. Я работал вместе с Ли ответственным секретарем этого отдела. После моего отъезда в 1927 году его арестовали в Пекине. Под угрозой смерти Ли Пухай выдал сведения об организации партии в Пекине и его окрестностях и имена партийных кадров. Более шестидесяти человек было тогда арестовано и казнено в результате предательства Ли. Но Ли выжил и, в конце концов, скатился до службы Чжан Сюэляну, где, под именем Ли Тяньцай, стал главным помощником Чжана⁵. Однако позднее Гоминьдан приписал ему вину одного из главных подстрекателей Сианьского инцидента 1936 года, когда Чжан Сюэлян обманом захватил Чан Кайши. Когда же Чан Кайши был освобожден и возвратился в Нанкин в сопровождении Чжан Сюэляна, организация Гоминьдана немедленно казнила Ли без суда. Однако, насколько я понимаю, в то время члены Гоминьдана все же не знали, что Ли Тяньцай был в действительности Ли Пухаем. Зато я уверен, что об этом знало руководство китайских коммунистов. Кан Шэн, например, был близким другом Ли, так как они оба были выходцами из провинции Шаньдун. Но тут я должен сдерживать свою склонность к домыслам о влиянии этих обстоятельств на Сианьский инцидент.

В бытность Ли Пухая начальником Отдела пропаганды в комитете компартии в Пекине мы вдвоем издавали газету, называвшуюся как-то вроде «Голоса труда», а я также посещал различные партийчейки и читал лекции по марксизму, используя «Азбуку коммунизма»

Бухарина и Преображенского*. В те дни это был для нас стандартный текст. Мне казалось, что моя работа нравится Ли Пухаю, и я догадываюсь, что именно он рекомендовал меня на учебу в Москву, в УТК им. Сунь Ятсена. Однако не он сообщил мне о принятии такого решения. Однажды Чэнь Вэйжэнь, начальник орготдела, выпускник КУТВа, назначил мне встречу в пустой аудитории Государственного института науки и искусства, где мы и встретились, и где тому, кто нас мог бы заметить, мы, вероятно, показались бы парочкой беспечных студентов. Там он и сообщил мне, что Пекинский комитет решил послать меня учиться в Москву. Я попросил Чэня позволить мне закончить учебу в Пекине и продолжить революционную работу, которой я здесь занимался. Его категорический отказ удовлетворить мою просьбу очень меня расстроил, и я настаивал на пересмотре решения. Если я должен оставить деятельность в Пекине, предложил я, то нельзя ли меня назначить на работу в армию генерала Фэн Юйсяна?⁶ Но Чэнь Вэйжэнь неумолимо и холодно ответил, насколько я помню: «Это окончательное решение партийного комитета. Если ты не подчинишься, то будешь строго наказан. Разве ты не знаешь, что такое “железная дисциплина”?» Очувшившись перед дилеммой — быть наказанным или ехать в Москву — я решил, что учиться, в конечном счете, может, и не такая плохая идея, хотя это и означает, что нужно уезжать из Китая. Поэтому решение комитета я принял.

Через неделю или около того Чэнь Вэйжэнь назначил мне другое свидание. На этот раз мы встретились в ветхом домике рикши, который был членом партии. Там Чэнь передал мне билет на поезд в Тяньцзинь, явку в Тяньцзине, карманные деньги на дорогу, инструкции насчет шанхайского отеля, где для меня забронировали номер, и адрес в Шанхае, куда мне надлежало явиться после того, как остановлюсь в отеле. Как обычно, все было организовано блестяще. Уходя, он сказал, что Лю Бочжуан хочет поговорить со мной, и сообщил время и место свидания с Лю. При встрече Лю заверил меня, что партия придает Университету Сунь Ятсена большое значение, что Пекинский комитет верит в мои способности, и сказал, что мне предоставляется возможность учиться большевистскому опыту

---

* «Азбука коммунизма» была самым известным произведением Н.И. Бухарина, написанным им совместно с Е.А. Преображенским в октябре 1919 (прим. пер.).

КПСС*. 16 октября 1926 года я в одиночку покинул Пекин, а в Тяньцзине присоединился к нескольким другим студентам, членам коммунистической партии, с которыми на пароходе отправился в Шанхай. Из Шанхая на русском пароходе мы отплыли во Владивосток, а из Владивостока путь наш лежал в Москву.

Без паспорта, без визы

20 октября 1926 года я прибыл в Шанхай, где мне забронировали номер в отеле «Пинъань». Вскоре я обнаружил, что из разных частей страны в Шанхай уже съехалось много студентов. Одни жили в отелях, подобных «Пинъань», другие — в общежитии Шанхайского университета. Остановившиеся в отелях сами платили за жилье и стол, а в общежитии университет предоставил приезжим комнаты и питание бесплатно. Среди прибывших в Шанхай я с радостью встретил много знакомых лиц, причем двое из них были друзьями из моей родной провинции — У Цзяюю и Хэ Шэнъяну. У — ныне член Законодательного Юаня Китайской Республики и очень образованный человек, был послан на учебу в Университете им. Сунь Ятсена в Москве Гомиьнданом. Хэ был моим одноклассником в средней школе второй ступени и окончил в первом выпуске Военную академию Вампу. После окончания он был назначен командиром батальона (позднее его ранило в бою под Тунцзяном). Он сказал мне, что КПК посылает его учиться в КУТВ. Так или иначе, я был рад, что поеду в Советский Союз в своей компании.

Советский Союз всегда проявлял осторожность в предоставлении виз. Однако у нас не возникло никаких трудностей. По прибытии в Шанхай нам сказали, чтобы мы пошли в фотографию «Баофа» и сделали несколько снимков. Одновременно мы заполнили несложные анкеты. Они были собраны студентом, немного знавшим русский язык, и отправлены в Генеральное консульство СССР в Шанхае. По-видимому, фотографирование и заполнение анкет было простой формальностью, так как консул уже получил от своего правитель-

---

* Автор использует в книге аббревиатуру КПСС. Но в те годы партия имела официальное название Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) — ВКП(б). Название Коммунистическая партия Советского Союза появилось в СССР после XIX съезда партии в 1952. В переводе сохранена аббревиатура автора (прим. пер.).

5 36

注意：凡患花柳病者(淋病)及一切傳染病者絕對不許帶考以免往返傳染!!!

履 歷

1	姓 名	盛 忠 亮 SHENG Zhong-liang
2	籍貫及西曆生年	湖南衡門 1906
3	何時入 K.M.T.	民國十二年冬月
4	何時入 C.Y.P.	民國十四年冬月
5	何時入 C.S.S.	在民國十一年曾入 S.Y. 以城市直接入黨(P)
6	在團體中做過何種工作	A. 北京地方教委 C. 法大支部幹事 B. 北京地方編譯委員(以前曾與北京政府禁止本報出版)
7	本人職業	學生
8	本人學業	北京法大政治本科一年級
9	又任職業	A. 父親曾服務教育署現任本地國語學校教員
10	懂何種函文	英文 (并略懂法文)
11	在滬現寓地址	法界平安旅社一百零拾叁號(三層樓上)

以上各問題請須切實答覆!!

[注] 第八項學業 當填明大學或中學及學校畢業或肄業
第九項父母職業 當填明在何種任職如出商界則填明資本數或在農界則填明田畝幾何

Ил. 1. Личная анкета Шэн Чжунляна, заполненная им накануне отъезда в Россию в 1926 г. В анкете указано место проживания автора в Шанхае: Французская зона, гостиница «Пин Ань», № 133, 3-й этаж

ства официальное извещение, чтобы въезд в Советский Союз был нам разрешен. Довольно интересно то, что нам сказали, чтобы мы не затрудняли себя обращением за паспортами к китайскому правительству.

Здесь следует обрисовать некоторые обстоятельства, касающиеся тех из нас, кто приехал из Северного Китая, так как для поездки в Россию мы были отобраны на Севере в условиях, трудных как для КПК, так и для Гоминьдана. 16 марта 1926 года дипкорпус в Пекине предъявил тамошнему правительству Дуань Цижуя ультиматум с требованием в течение 48 часов отменить закрытие Дагу — порта Тяньцзиня, иначе иностранные державы примут для его открытия военные меры. На другой день в Пекине произошла стычка возмущенных ультиматумом студентов с войсками Северо-восточной армии, которые защищали Дуань Цижуя. 18 марта ответственный за

коммунистическую деятельность на Севере Ли Дачжао и занимавший подобный же пост в Гоминьдане Дин Вэйфэнь повели огромную толпу демонстрантов от площади Тяньаньмэнь к штаб-квартире Дуань Цижую. Я шел в этом людском потоке. Демонстранты стояли против защищавших штаб-квартиру войск Северо-восточной армии, которые через некоторое время начали стрелять в воздух, а затем и прямо в людей. Были застрелены сорок студентов, а еще больше — ранены и травмированы. Я видел бежавшего Ли Дачжао, но в этот момент меня накрыла лавина спасающихся бегством студентов, которая чуть не похоронила меня.

19 марта волнения усилились. Тысячи студентов требовали отставки Дуань Цижую и его правительства. Но в итоге Дуань Цижуй объявил вне закона Гоминьдан, который с момента приезда в Пекин Сунь Ятсена функционировал более или менее открыто. Коммунисты, конечно, были тоже объявлены вне закона. В то же время был выдан ордер на арест Сюй Чэня, Ли Дачжао, Ли Юйиня, И Пэйчи и Гу Мэньюя, которые немедленно уехали из Пекина или ушли в глубокое подполье. Ли Дачжао переселился на территорию советского посольства и оставшись единственным, кто был способен выполнять обязанности руководителя и Гоминьдана, и КПК, стал из этого убежища тайно направлять деятельность обеих партий в данном районе. Там же он утвердил и передал русским список студентов, рекомендованных для учебы в Университете им. Сунь Ятсена. Если бы в таких обстоятельствах кто-нибудь из фигурировавших в списке обратился за паспортом, нас немедленно арестовали бы. А русские, при всех обстоятельствах, знали, кто мы такие. Поэтому у нас совсем не было желтых книжек, и местные власти никогда их не требовали. Разумеется, великодушие русских по отношению к нам имело политические причины. Привлечь побольше китайской молодежи на учебу в Москву и тем самым подлить масла в огонь китайской революции — это была часть общего плана КПСС и Коминтерна, стремившихся распространить свое влияние на Дальнем Востоке и подорвать позиции западных империалистических держав в Китае.

В Шанхае мы чувствовали отвращение к декадентской роскоши и темной изнанке этого колониального города и поэтому очень спешили уехать в Советский Союз. Русское судно (через столько лет я, к сожалению, не могу вспомнить его названия), на котором мы должны были отплыть во Владивосток, разгружалось в доке Хуанпу. Некоторые из нас не могли удержаться, чтобы не взглянуть на

корабль, который увезет нас из Шанхая. Полиция, поставленная в доке для наблюдения за русскими командами, не обращала на нас внимания и позволяла даже всходить на борт, если кому-то из нас этого хотелось.

Через несколько дней ответственная за поездку организация Гоминьдана — КПК приказала нам грузиться на русское судно. Когда мы взошли на борт, я был поражен тем, что учиться в Россию едут почти 60 студентов и студенток. Прежде чем таможенные чиновники поднялись на палубу, русские провели нас в трюмную часть, по соображениям безопасности. Нам не разрешали выходить оттуда, пока судно не покинуло акваторию Усункоу. Я все еще помню жуткое зловоние этого трюма, где мы жили до прибытия во Владивосток. Всех мужчин разместили там, так как очень немногочисленные пассажирские каюты были заняты студентками. К счастью, из-за небольшой загрузки трюм был полупустой, так что можно было выбрать для себя местечко. Когда же нас, наконец, выпустили из трюма, мы почувствовали себя так, будто нам позволили дышать. Очень взволнованные, мы вышли на нижнюю палубу парохода, где кричали и пели «Песню национальной революции» и «Интернационал». Это было очень трогательно. Однако, когда пение закончилось, нас охватила ностальгия. С последним взглядом на нашу прекрасную землю мы не могли удержаться от клятвы: «До свидания, родная, любимая наша страна, мы решили избавить тебя от положения полуколонии!»

Пока судно находилось в Восточно-Китайском море и двигалось напрямик к Корее, море было спокойным, а небо ярко-синим. Но столь замечательная погода продержалась недолго. Когда вошли в Японское море, поднялся ветер, небо потемнело. Судно боролось с рассерженным морем. У многих из нас началась морская болезнь, и я не был исключением. Меня сильно рвало, и на этот момент все мои стремления и идеалы куда-то исчезли. Кроме морской болезни, бурная погода принесла нам и другие неприятности. Стремясь уединиться, несколько студентов нашли себе временное пристанище под трюмной лестницей. Однажды ночью, когда море особенно неистовствовало, мы были внезапно разбужены ужасным шумом. Оказалось, что из-за плохо закрытого замка лестница упала. Естественно, мы встревожились за тех, кто под ней спал. К счастью, интуитивно или по небесному знамению, обычно спавшие там студенты ушли в другое место еще до случившегося. После этого трюм стал для нас источником постоянных страхов. Днем мы стояли на палубе или сидели

и пели в салоне судна. Спать возвращались туда только после полуночи, когда были уже в полном изнеможении. Наконец, после трех дней и ночей борьбы с бурным морем, морской болезнью и ужасающим трюмным зловонием мы высадились во Владивостоке.

Владивосток когда-то принадлежал Китаю и все еще был очень восточным городом, когда мы туда приехали. Его знаменитая Миллионка, или китайский квартал, представлял собой нечто вроде старых чайна-таунов в Соединенных Штатах. Рестораны, чайные, игорные дома, театры, опиекурильни, — все было там. Поэтому представители Коминтерна выдавали каждому из нас содержание по четыре рубля в день, и мы тратили их на китайскую пищу на Миллионке. В городе жили около ста тысяч китайцев*. В большинстве это были торговцы или рабочие. Во время нашего пребывания местный профсоюз зарубежных китайцев устроил в своем клубе имени Первого мая вечер в нашу честь. Атмосфера была веселой и сердечной. Там же, во Владивостоке, нам устроили медицинский осмотр. Студентов с туберкулезом или другими инфекционными болезнями задержали в городе до прихода судна, отправляющегося в Китай. Я всегда думал, почему же мы не прошли медицинского осмотра в Шанхае, до отъезда из Китая?

В начале декабря 1926 года мы выехали из Владивостока в Москву по Транссибирской железнодорожной магистрали. Стояла зима, и так как вагоны не отапливались, было ужасно холодно. Хотя после революции 1917 года прошло уже девять лет, уголь все еще был в большом дефиците. Сибирский поезд, на котором мы ехали, шел на дровах. Они были сложены грудями на каждой станции. Уголь оставляли исключительно для международного экспресса, единственного на этой дороге, в котором имелся вагон-ресторан. Хотя поезд медленно и неуклонно двигался вперед, путешествие в 7400 километров из Владивостока в Москву заняло две недели. Поездку ни в коей мере нельзя было назвать комфортабельной. Поскольку вагона-ресторана не было, мы были вынуждены питаться второпях при остановках на какой-нибудь большой станции. Однажды очередь была так велика, что три или четыре моих однокашника не успели получить еду до отхода поезда. Увидев, что поезд ушел, они пришли в отчаяние, но

---

* Пост Владивосток основан 2 июля (20 июня) 1860, с 1862 — порт. В 1876 введено городское положение, а с 22 апреля 1880 «возведен на степень города». По данным переписи 1926, в городе и округе жили 43 513 учтенных китайцев (прим. пер.).

потом обратились за помощью к работнику ГПУ* на этой станции. По-видимому, извещенный московскими властями о нашей поездке, он быстро посадил их на следующий поезд в Москву. Вдобавок, водяные баки в поезде намертво замерзли, и воды не было ни для питья, ни для туалета. Так мы провели в поезде 12 несчастных дней и ночей и, в конце концов, в середине декабря 1926 года прибыли в Москву.

Это была моя первая долгая поездка в чужую страну, где старый режим был свергнут революцией, а новый порядок не всегда работал без осложнений. Его несовершенства бросались в глаза повсюду, чему мы сами были свидетелями на пути в Москву. В этой поездке мы и натерпелись, и приобрели горький опыт. Тем не менее, наш революционный пыл нисколько не упал, и мы рисовали в своем воображении славное будущее Советской России, которая была тогда единственным союзником нашей страны в ее борьбе за свободу и независимость.

---

* ГПУ — Государственное политическое управление (прим. пер.).

ГЛАВА III.

ОТКРЫТИЕ УТК им. СУНЬ ЯТСЕНА И ЕГО ТРИ РЕКТОРА

Троцкий присутствует на церемонии открытия

Университет им. Сунь Ятсена, который был основан в сентябре 1925 года¹, располагался в Москве в четырехэтажном доме по улице Волхонка, 16. Напротив того здания, составлявшего кампус университета, росло несколько деревьев. Слева от него находилась волейбольная площадка, а на заднем дворе — баскетбольная, которая зимой превращалась в каток. В доме было сто комнат. Столовая находилась на первом этаже, а библиотека, аудитории, комнаты для занятий и административные помещения — на втором, третьем и четвертом этажах. Библиотека состояла из нескольких тысяч томов и была очень хорошей. Вначале первых триста студентов университета поселили в этом здании, но потом их комнаты понадобились для учебных классов, и под общежитие выделили другие строения.

Напротив университета находился московский храм Христа Спасителя, славившийся своими шестью золотыми куполами, который разрушили в 1930 году, а на его месте собирались возвести Дворец Ленина*. Перед храмом была отличная площадка, где мы каждое утро в 8 часов делали физзарядку. По обе стороны от него простирался тенистый сад, куда мы часто ходили в свободное время. Хотя УТК им. Сунь Ятсена не представлял собой совершенно секретного учреждения, тем не менее, он не был открыт для публики. В газетах редко сообщалось о том, что происходило в его стенах. Правительство СССР не хотело давать империалистическим странам информацию о деятельности УТК или провоцировать их, распространяя сведения о революционном характере этого учебного заведения. Тем более что в это время весь Китай, кроме провинции Гуандун, был еще

---

* Храм Христа Спасителя был открыт в Москве в 1883 в память о войне 1812. Взорван советскими властями в декабре 1931. На его месте планировали построить Дворец Советов высотой 420 м, увенчанный грандиозной скульптурой Ленина. Проект не был реализован из-за технических проблем. Позднее на месте храма был построен открытый бассейн «Москва». Храм восстановлен и освящен в 1997 (прим. пер.).

под властью милитаристов. Поэтому из соображений безопасности для студентов, и особенно вернувшихся в Китай выпускников, советское правительство предпочитало умалчивать о профиле обучения студентов в университете.

Из бесед со студентами, принимавшими участие в церемонии открытия университета, а также других источников я узнал, что торжественный акт состоялся в ноябре 1925 года² в Доме союзов*. Официальное открытие УТК им. Сунь Ятсена было второй вехой в «медовом месяце» тесного сотрудничества Советской России и Гоминьдана. Первой — было открытие ровно за полтора года до этого Военной школы Вампу, созданной с помощью русских в Кантоне в мае 1924 года**. И китайские студенты, и русские участники церемонии открытия были очень взволнованы. Зал украсили по-парадному: портреты Ленина и Сунь Ятсена висели на правой и левой стороне, каждый под своим национальным флагом. Приглашенных было много, в том числе из ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна. Председательствовал на церемонии известный советский государственный деятель и оратор Лев Троцкий***. Выступали в тот вечер и многие другие гости, но восхищение студентов вызвала только речь Троцкого. Подчеркивая роль китайской революции, он убеждал своих русских товарищей по-новому оценить значение Китая и китайского народа: *«Отныне любой русский, будь то товарищ или гражданин, кто встретит китайского студента с видом превосходства и пожатием плеч, не заслуживает звания русского коммуниста или советского гражданина»*³.

Обращение Троцкого было сделано не без причины. Предубеждения русских в отношении китайцев шли еще со времен царской России⁴. Например, люди часто оскорбляли нас на улицах, спра-

---

* Церемония состоялась 7 ноября, в 8-ю годовщину Октябрьской революции (прим. пер.).

** Военная школа Национально-революционной армии Гоминьдана была основана 1 мая 1924 в районе Вампу, недалеко от Кантона, при помощи Советской России (прим. пер.).

*** Троцкий Л. Д. (Бронштейн Лев Давыдович) (1879–1940). Член РСДРП с 1898. Член РСДРП(б) с 1917. Член ЦК в 1917–1927. Член Политбюро в 1919–1926. Один из организаторов Октябрьской революции. Нарком иностранных дел в 1917–1919. Глава Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам РСФСР (СССР) в 1925–1927. Член Исполкома Коминтерна. Лидер антисталинской политической оппозиции. Исключен из партии в 1927, выслан из СССР в 1929. Убит по приказу Сталина в 1940 (прим. пер.).

шивая по-русски: «Друг, соли надо?» Сначала мы не знали, что это значит. Спрашивали преподавателей в университете, но они смущались и не отвечали на наш вопрос. Только позднее мы узнали, что это было связано с сообщением о китайце, умершем летом в Санкт-Петербурге. Чтобы тело можно было увезти в Китай для погребения, родственник его, вероятно, был вынужден упаковать тело с солью, чтобы предохранить от разложения. Таможенники, проверявшие гроб во Владивостоке, по-видимому, обнаружили, что тело засыпано солью, и нашли в этом что-то смешное. История каким-то образом распространилась по всей России. Нечего и говорить, что мы всегда злились, когда нас спрашивали: «Соли надо?» А спрашивали нас об этом все слои русских людей — взрослые, подростки, бывшие знаменитости и «советские граждане нового типа». И еще одно нас злило и возмущало — куда бы мы ни пришли, всегда находились люди, которые вызывающе спрашивали нас, где мы взяли деньги на учебу в Москве. Обычно мы спокойно отвечали, что получаем поддержку от революционного правительства. Но иногда стерпеть такие нападки было невозможно, и мы отвечали резко, что это не их дело, пусть успокоятся — не из их кармана.

Троцкий обратил свой призыв к русским, потому что был дальновиден и хотел, чтобы в период пребывания в России у нас было дружеское окружение. Он желал также, конечно, чтобы после возвращения на родину у нас не осталось горьких воспоминаний о предрассудках со стороны русских. К сожалению, его призыв не достиг цели, так как копившиеся долгими годами расовая дискриминация и предубеждения имели глубокие корни и не могли быть устранены формальным обращением. Возможно, причиной чуткого отношения Троцкого к проблеме дискриминации было, отчасти, его еврейское происхождение и то, что он сам натерпелся от русского антисемитизма. Воспоминания Чан Кайши о поездке в Россию в 1923 году подтверждают это предположение: *«Большинство русских руководителей из числа занимавших ответственные посты в партии и правительстве и выразивших доктору Суню симпатию и искреннее желание сотрудничать с Китаем в его национальной революции были евреями. Единственное исключение составляли Каменев* и Чичерин, которые были русскими. Это*

---

* Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), еврей, член РСДРП с 1901. Родился в Москве (прим. пер.).

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ИМЕНИ СУН-ЯТ-СЕНА

Каждое утро на Волхонке у Красоткинской набережной несколько сот юношей и девушек занимается физической тренировкой. Все они смуглые, небольшого роста, необычно выговаривают русские слова; часто лица в больших роговых очках — не то от близорукости, не то «для красоты». Это молодая гвардия имени Сун-Ят-Сена, учащиеся московского университета для китайцев. Меньше, чем за два года университет ушел в значительной мере превратиться из университета для китайцев в китайский университет на территории Москвы. Когда приехали сюда учиться, русский язык был для них вроде «китайской грамоты», и вот уж многие настолько овладели языком, что успешно выполняют сложную работу переводчиков и сами ведут кружковые занятия. А в государственном университете Пекина на изучение русской речи понадобилось пять лет, и этих пяти лет не хватает.

Пройдитесь по аудиториям. На столах груды книг. Примечательный подбор: Сталин «Вопросы ленинизма», «Братя Барамозовы», труды Бухарина. Чего, вопроса организации Красной армии, история общественных форм, русский песенник.

Учебный план предусматривает вдобавление использования конкретного китайского материала. Но этого китайским студентам мало: удалось недавно попасть в Советскую Россию, так уж надо успеть впитать в себя как можно больше советского опыта, советской жизни, советского пароса. Конечно, ни на минуту не получается отрыва от Китая.

Ведь там происходит борьба, расчитанная не на недели и не на месяцы. Туда вернется по окончании курса китайский студент, — если раньше не вымотает его на рацию для того, чтобы служить трудящимся Китая, пославшим его учиться в дальнюю дружескую Москву.

И он учится, учится не только на занятиях, в кружках, семинарах, экскурсиях. Пройдитесь по университетским коридорам. На стенах поразительно количество огромных бумажных простен, кропотливо разрисованных причудливого характера огунами. Это стенограмма на китайском языке. О чем в ней написано? Не о принципах ли философии Конфуция? Ведь именно эти принципы преподаются в школах Ки-

тая мальчишки, едва достигши десяти лет. Нет, в стенограмме ведется непрерывный дискуссионно по капиталистическому вопросу о классовом характере китайской революции. Из 21 провинции Китая 15 имеют своих представителей в университете,

Теплые сиденья, ослепил! Красивая девушка, девушка! Осветила путь заикающему Че-Суну. Ах, светлая, светлая Че-Суну.

Это из старой китайской песни-легенды. Че-Суну печальна от того, что она — «девица-раб», как попислет явля свободная Че-Суну — да, именно так зовут ее. Уны, невольничество в Китае — тема не только легендарных песен, но и современных административных декретов.

«Кантонская Газета» печатают в январском номере текущего года «Правила для уничтожения рабства девушек», — ага, распространяемого по всей провинции Гуан-Дун». В тексте правила констатируется, что, с невольничества, называемыми приемными детьми, и прислужкой обходится, как с лошадиной или коровьей. Пункт второй правила гласит, что «невольники должны быть немедленно освобождены, а классовое различие между рабами и хозяевами — уничтожено». Лица, нарушившие указанные правила, подлежат обезглавлению в еж и в и штрафом.

Че-Суну рассказывает, впадает в выражение, о своей жизни. Из 21 год, она женщина, но кажется девочкой. Маленькая, хрупкая, с нежным личиком и бесстрашными решительными глазами. Родилась в провинции Шань-Дунь. Ребенком была по письменному договору приданым в семью богатого китайца. Училась в школе, затем и в пекинском университете. Боролась с преследованиями реакционной семьи, наконец бежала из дому и вступила сначала в коммунистическую партию, затем в Гондидан. Ее послали в Москву учиться. Отец не раз писал ей сюда, угрожал проклятием всего китайского народа, если она выйдет замуж по своей воле, так как брачный договор, подписанный китайцами, нерасторгим. Гляжу на ее ноги, не отличающиеся ничем от моих. А ведь в течение целых пяти лет ноги этой маленькой революционерки были жестоко забиты, как это обычно практикуется в Китае. Она рассказывает: «Больно, очень больно. Но это было, а теперь ничего не видно». И добавляет: «Всем китайским женщинам больно». Но теперь, они знают, как надо защищать свои права.

Александр Лукин.

...Маленькая, хрупкая с нежным личиком и бесстрашными решительными глазами...

Фот. С. Фредланд.

в том числе и наиболее отдаленные от Шанхай провинции, как Сы-Чуань и Гань-Сунь.

Хотя прекрасно можно учиться и в Китае, но там — наука вообще, «принципы», — в Москве же преподается наука, нужная до зарезу сегодня, нужная не просто для саморазвития, а для использования в освободительной борьбе.

Спросите студента китайца, посетившего театр Мейерхольда, понравилась ли ему пьеса «Рыцарь Китай». Выглянув поверх нас, он радостно улыбнется: «Это очень хорошо. Надо много, много учить Китай!». То-есть, чтоб «рыцарь» было не искусство, необходимо «учи». И Китай учиться.

Илл. 2. Статья о жизни и учебе китайских студентов в УТК им. Сунь Ятсена в Москве. «Огонёк», 1927

привлекло мое особое внимание. Я нашел, что люди, подобные Троцкому, Зиновьеву, Радеку и Иоффе, были больше озабочены проблемой сотрудничества между Гоминьданом и русской коммунистической партией»⁵. Далее он отмечает: «Я имел с Троцким больше бесед, чем с другими советскими руководителями. Я находил его самым откровенным из всех них... Он сказал мне со всей серьезностью: “Исключая прямое участие советских войск, Советская Россия сделает все возможное для помощи Китаю в его национальной революции, предоставив помощь в виде вооружения и экономической поддержки”»⁶.

Похоже, что Троцкий был приглашен в качестве председателя на церемонию открытия Университета им. Сунь Ятсена из-за своей высокой международной репутации и популярности, потому что его знали гораздо лучше, чем Сталина. Во всяком случае, огромное впечатление, произведенное Троцким на китайских студентов, вкупе с назначением ректором университета Карла Радека, сторонника Троцкого, а также наличие в числе преподавателей большого числа профессоров-троцкистов, создали благоприятную почву для распространения троцкизма в УТК им. Сунь Ятсена. Впоследствии троцкизм был «пересажен» в Китай, где оказал заметное влияние на китайские политические события, о чем я подробно расскажу в следующих главах.

Три ректора Университета им. Сунь Ятсена

За короткий промежуток времени (немногим более пяти лет), от его создания в 1925 году до закрытия в 1930 году, в университете сменилось три ректора, различавшихся по своим достоинствам. Первым был известный на мировой арене Карл Радек, занимавший пост ректора с 1925 по 1927 год. Он родился в г. Львов, в Польше, в 1885 году и получил образование в Краковском и Бернском университетах. В 1904 году Радек вступил в социал-демократическую партию Польши и Литвы. Вскоре после этого он был схвачен властями и посажен в тюрьму, где провел 12 месяцев. Выйдя из тюрьмы, участвовал в революционной деятельности в Германии и Польше. Во время русской Февральской революции пересек Германию вместе с Лениным и Зиновьевым. Затем в качестве представителя партии

большевиков был послан в Стокгольм. После Октябрьской революции участвовал в переговорах с немцами в Брест-Литовске. Когда в 1918 году вспыхнула революция в Германии, Радек был нелегально направлен туда и в качестве представителя ЦК РКП(б) играл активную роль в реорганизации немецкой коммунистической партии. В феврале 1919 года он подвергся второму аресту, но был освобожден в декабре того же года. Затем Радек вернулся в Советский Союз и стал руководящим членом Президиума в Исполкоме Коминтерна. В конце концов, посланный опять нелегально в Германию, он стал козлом отпущения за неудачу немецких коммунистов в захвате власти осенью 1923 года.

В 1923 году за поддержку правой фракции в немецкой коммунистической партии его сняли со всех постов в Исполкоме Коминтерна и в ЦК партии большевиков. После этого он посвятил себя пропаганде и деятельности в области образования, где сохранял высокий престиж и пользовался репутацией блестящего ученого. При создании в 1925 году Университета им. Сунь Ятсена его назначили первым ректором. Ранней весной 1927 года он был отстранен от должности из-за участия в борьбе за власть между Троцким и Сталиным. А в декабре 1927 года, после исключения из партии большевиков за участие в троцкистской оппозиции, его официально сняли с должности ректора⁷.

Студенты университета считали Радека хорошим ректором. Один из студентов первого выпуска написал о нем интересный очерк. Вот небольшой отрывок из него, в котором дана прекрасная зарисовка личных качеств и преподавательских способностей ректора: *«Радек был первым ректором Университета им. Сунь Ятсена, но через два года Сталин осудил его как троцкиста, и он потерял ректорство. Это была странная фигура. У него были все задатки книжного червя, но он занимал ответственный пост. Ему дали только три или четыре месяца для создания университета, и за это короткое время все было очень хорошо организовано. Даже первая приехавшая в Москву группа студентов почувствовала себя по прибытии как дома. Он соблюдал часы службы, и каждое утро в 9 часов был на работе. Когда бы он ни встретил студентов, он не только здоровался с ними, но и расспрашивал об их занятиях и интересах. Я помню, как сказал ему, что русский язык очень труден, и что это меня очень беспокоит. Его ответ был чрезвычайно интересен. Он сказал,*

что нет проблем у одного только Бога, а у нас двоих — у меня и у него — проблемы есть. Я не знаю, была ли это какая-то западная поговорка, но я часто раздумывал над этими словами. У него был живой характер, как у обыкновенного человека. Он не походил на высокопоставленного чиновника, каким на самом деле являлся. С ним было легко иметь дело. Хотя он, как и другие, был виновен в интригах против Китая, все студенты университета ценили его очень высоко.

Внешне он был некрупного телосложения, с довольно необычным лицом. Широкими скулами и маленькой челюстью походил на обезьянку, а лысый лоб делал его похожим на Ленина. Речь у него была выразительная, а иногда и забавная. И манеры, и речь заставляли людей покатываться со смеху. Он был очень близорук и без очков не мог даже ходить. Волосы часто были растрепаны, а борода нестрижена. Казалось, он никогда не менял своего темно-серого костюма, который носил каждый день. В зубах всегда была зажата трубка, вне зависимости от того, был в ней табак или нет. В общем, внешне он был неряшлив, и совсем не походил на ректора. Говорили, что он ученый, философ и специалист по Китаю. Слух о его заслугах быстро распространился среди студентов, и он стал всеобщим кумиром. Рассказывали также, что он говорит на семи или восьми языках, но никто не знал точно, так ли это. Мы знали, что он говорит по-русски, по-немецки и по-французски. В рассуждениях он всегда был спокоен и точен. Это был великий оратор. Речь его текла свободно и гладко. Подходя к апогею своей речи, он всегда совал большие пальцы обеих рук за вырез жилета и махал другими пальцами перед грудью, словно крыльями бабочки. Временами он опускал голову и ходил взад-вперед по сцене, и никогда не было такого, чтобы он не мог удержать внимания слушателей.

Радек читал курс, называвшийся «История китайского революционного движения». В университете им. Сунь Ятсена это был самый популярный и единственный курс, собиравший в одной аудитории студентов из разных групп. Он читал два или три раза в неделю, и лекции его обычно длились два или три часа. В дни его лекций аудитория всегда была набита битком. Приходили студенты из Восточного Университета [КУТВ], ученые, эксперты, занимающиеся исследованиями по Китаю.

И еще одна группа посещала его лекции. Это были не телохранители или агенты безопасности, а его стенографисты и люди, носившие за ним справочники (он часто использовал груды справочников). Он ходил в окружении этих людей, словно луна в небе в окружении звезд. Радек был одаренной личностью и имел хорошую память. Какой бы факт ни был им упомянут, он всегда знал, в какой книге можно найти справку, подтверждающую его суждение. Его метод преподавания и подход к анализу китайской истории были точными и научными (не обязательно диалектическими). Поэтому он завораживал аудиторию, проливая новый свет на факты. В целом, его знание политической системы далеко превосходило знания обычного историка или социолога, не говоря уж о тех, кто механически применял диалектический материализм»⁸.

Радек начал свой вышеупомянутый курс истории китайского революционного движения весной 1926 года. Первая часть лекций охватывала период последних дней маньчжурской империи и первых лет Китайской Республики. Во второй части курса внимание было сосредоточено на развитии революции в Китае со времен тайпинского восстания. Я приехал в Москву в конце 1926 года и имел возможность присутствовать только на второй части этого курса. К счастью, однако, конспекты его прежних лекций можно было взять в библиотеке университета, и я читал их с восхищением, потому что Радек широко использовал архивы царского времени. Это была моя первая встреча с секретной дипломатической деятельностью, которая, оказываясь, существовала между Китаем и царской Россией. Как и другие китайские студенты, слушавшие тщательно документированный курс Радека, я почувствовал, что в первый раз столкнулся с потрясающим разоблачением царских империалистических намерений в отношении Китая и поразительного бессилия маньчжурского правительства. Я не мог избавиться от мысли, какая огромная польза была бы для всех, если бы все правительства опубликовали документы и планы в отношении Китая, которые они так тщательно держали в секрете.

Радек тратил много времени на изучение проблем Китая. Хотя его точка зрения, в общем, совпадала с точкой зрения Троцкого, у них были различия по многим вопросам политики и тактики. Например, Радек был против политики Троцкого в отношении Гоминьдана. Сам Троцкий дает достаточно много свидетельств об этом факте: «Я

с самого начала, то есть с 1923 года, был решительно против вступления коммунистической партии в Го Минь Дан, так же как и против приема Го Минь Дана в “Коминтерн”. Радек всегда был с Зиновьевым против меня»⁹.

Сталин заявлял, тем не менее, что по основным вопросам, касающимся Китая, Радек и Троцкий придерживались одной и той же точки зрения. Он отмечал, что в ключевом пункте о существовании пережитков феодализма в китайском обществе и Троцкий, и Радек придерживаются мнения, согласно которому в Китае нет феодальных пережитков, и даже если они там и есть, то большого значения не имеют. Различия во мнении между Радеком и Сталиным были одним из факторов, которые стоили Радеку его ректорства, а затем и членства в партии*. Летом 1927 года без объяснений или какой-либо церемонии, и даже не попрощавшись с нами, он внезапно покинул университет, не закончив курса, и, думаю, многие студенты (точно так же, как и я) ощутили, что мы лишились блестящего лектора. Его вклад в создание университета не изгладился из нашей памяти. Мы все им восхищались, и нам всем очень не хватало в аудитории его оригинальных и глубоких суждений.

Сменил Радека человек, известный как «нянюшка» 28 большевиков, — Павел Миф**. В начале 20-х годов Миф не играл большой роли, поэтому биографических данных о нем мало. Он родился в 1901 году. В начале 20-х, вскоре после создания китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна он стал ее членом и, видимо, так произошел его первый контакт с китайским революционным движением. Хотя Миф вряд ли был опытен в китайских делах,

---

* 4–5 апреля 1927 на собрании актива Московской парторганизации Н. Бухарин и И. Сталин сделали доклады о положении в Китае. Радек оспаривал мнение докладчиков по поводу отношения к Гоминьдану и Чан Кайши. Уже 6 апреля он был снят с работы в УТК им. Сунь Ятсена, а в декабре 1927 исключен из партии (прим. пер.).

** Хотя сам я не изучал такую версию, многие авторитеты, включая Конрада Брандта, подозревают, что Миф — это псевдоним. См.: Conrad Brandt. Stalin's Failure in China, 1924–1927, с. 103 (прим. автора). Миф Павел Александрович. Настоящее имя Михаил Александрович Фортус (03.08.1901–10.09.1939(?)), советский партийный деятель, историк, доктор эк. наук (1935). Член РКП(б) с мая 1917. Участник Гражданской войны 1918–1920. В 1920–1921 учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. С 1925 — проректор, в 1927–1929 — ректор УТК—КУТК. Одновременно с 1927 — на ответственной работе в ИККИ. Участник V (1927) и VI (1928) съездов КПК, 4-го пленума ЦК КПК (1931). Арестован 11.12.1937. Расстрелян в 1938 (прим. пер.).

тем не менее, он стал весьма известным в Дальневосточном секретариате, и поэтому был назначен проректором Университета им. Сунь Ятсена при его создании в 1925 году. Когда же Радек был уволен, выбор при заполнении вакантной должности, естественно, пал на Мифа. Его прежнюю должность проректора занял очень красивый и очень обходительный человек по фамилии Кучумов*. Он бывал в университете гораздо чаще Мифа и очень нравился студентам. Он тоже был известен как специалист по Китаю, но в действительности сферой его исследований была Внешняя Монголия, за которую Кучумов отвечал в Коминтерне. В 20-х годах он не раз брал с собой студентов УТК им. Сунь Ятсена в официальные поездки во Внешнюю Монголию.

Миф был молод, неопытен и вообще непопулярен. В бытность проректором большей части студентов он не нравился, так как общался с ними редко. Он поддерживал контакты лишь с горстью студентов, бегло говорящих по-русски, из числа тех, кто позже стал известен как «28 большевиков». В университете он даже не читал курса и только временами выступал перед нами с докладами. Вдобавок, он всегда был мрачен и никогда не улыбался. Скорее всего, он смущался своей относительной молодости, и это побуждало его действовать так, чтобы выглядеть старше своего возраста. Как бы то ни было, в то время студенты не могли понять сущность этого человека. Но всем было ясно, что сравнивать его с Карлом Радеком можно с тем же успехом, что каплю с океаном. Главнейшим вкладом Мифа, сделанным им за время ректорства в университете, был Научно-исследовательский институт по Китаю, о котором пойдет речь в четвертой главе. Другое его «достижение» состояло в увольнении некоторых очень образованных профессоров-троцкистов и замене их преподавателями, активными в партийной работе, но слабыми в науке. Разумеется, это была не его вина, потому что он, без сомнения, только выполнял приказы вышестоящих в партии.

Несмотря на нелюбовь многих студентов, Миф очень преуспел в усилении своего положения в партии и правительстве. С быстрым развитием китайского революционного движения после 1925 года положение в Китае, естественно, становилось все более и более важным для Коминтерна. В результате пост Мифа как ректора Универ-

---

* Видимо, речь идет о В. Н. Кучумове, авторе книги «Очерки по истории китайской революции». М., 1934 (прим. пер.).

ситета им. Сунь Ятсена становился завидным. Кроме того, борьба за власть между Сталиным и Троцким дала ему возможность еще более упрочить свое положение. Миф поддерживал Сталина, а Сталин, в свою очередь, консультировался с ним по вопросам китайской революции. На Седьмом пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем с 13 ноября по 16 декабря 1926 года, Миф представил «Тезисы по китайскому вопросу», которые содержали больше ошибок и заблуждений, чем любой другой доклад. Сталин расценил предложение Мифа о том, чтобы в каждой китайской деревне были организованы Советы, как совершенно неприемлемое. Но Миф из-за этого не впал в немилость вождя.

Миф был не такой человек, чтобы сидеть в здании Коминтерна, наоборот, он часто совершал поездки в Китай. Одна такая поездка, о которой я знаю, состоялась перед Седьмым пленумом Исполкома Коминтерна в ноябре 1926 года. Предлогом для поездки была помощь китайским коммунистам в создании партийной школы. Кроме того, в марте или апреле 1927 года в сопровождении своего любимого студента Чэнь Шаоюя, Миф ездил в Ханькоу для участия в V Всекитайском съезде КПК, который состоялся 27 апреля 1927 года. После съезда он вернулся в Советский Союз в августе того же года. В то время все студенты университета были на летнем отдыхе в Тарасовке, дачном поселке недалеко от Москвы. Однажды Миф и Чэнь Шаоюй приехали туда с докладом о своей недавней поездке в Китай и о положении Уханьского правительства. Миф был в отчаянии от ухудшения дел в китайской революции, и его вечно неулыбчивое лицо выглядело еще мрачнее, чем когда-либо. Этот доклад нас крайне взволновал. Все сохраняли спокойствие, но в глубине души мы были сильно встревожены. Наконец, Миф закончил свою речь и под вежливые аплодисменты вышел. Это были очень тягостные мгновения.

Скатывание к упадку китайской революции никак не отразилось на карьере Мифа. К концу 1927 года он был выдвинут на пост заведующего китайской секцией Коминтерна и вскоре после этого, как я уже упоминал, на пост ректора Университета им. Сунь Ятсена. Ему доверили также организацию VI Всекитайского съезда КПК, который проходил в июне 1928 года в пригороде Москвы. Однако в университете назревали неприятности, которые очень беспокоили Мифа, потому что жалобы на него сыпались со всех сторон. Партийная дискуссия в университете поставила его в чрезвычайно трудные отношения с представителями китайских коммунистов в Коминтерне, в част-

ности с Цюй Цюбо. Летом 1929 года Миф попросил освободить его от ректорства, оправдываясь тем, что ему нужно посвятить все свое время более важным делам КПК. В ноябре или декабре 1930 года он был послан с заданием в Шанхай, где тайно встречался со многими лидерами из числа «28 большевиков», чтобы спланировать коренной переворот в КПК: ликвидацию линии Ли Лисаня, разгром объединенной оппозиции Ло Чжанлуня, Хэ Мэнсюна, Ли Цюши и установление «империи Ван Мина».

Миф не был выдающейся личностью, но нельзя недооценивать той исторической роли, которую он играл. Он был скромного происхождения, но судьба выдвинула его по чистой случайности. Имея за спиной Сталина и Коминтерн, Миф пытался кроить китайскую революцию и дела КПК, тогда как в России было много людей, более способных, чем он. Маленький человек с мощной поддержкой с тыла, он руководил направлением деятельности КПК в начале 30-х годов. Написанные им многочисленные статьи остаются, тем не менее, полезным информационным материалом того времени. Из источника, который производит на меня впечатление надежного, я узнал, что он, в конце концов, был «вычищен» Сталиным как троцкист, хотя я никогда не имел подтверждения этой информации*. В этой связи, однако, интересно заметить, что имя Мифа никогда не упоминается в работах китайских коммунистических историков.

После того как Миф оставил университет в 1929 году, его сменил Вегер, который был больше педагогом, а вовсе не политиком. Несмотря на то что он был старым большевиком, Вегер посвятил себя культурной и воспитательной работе. До назначения ректором Университета им. Сунь Ятсена он преподавал во многих московских вузах**. Его, опытного педагога, назначили на эту работу, когда под давлением все возрастающего числа студентов из рабочих и крестьян университет попытался резко изменить методы преподавания. Вегер был очень добр со студентами, и его любили гораздо больше, чем Мифа. К тому же он был блестящим оратором профессионального типа, а не в стиле революционного агитатора. В бытность ректором университета его назначили в редакционный комитет ежеквар-

---

* Павел Миф был расстрелян 28 июля 1938 г. (по другим данным, 9 сентября 1939 г.) за «участие в контрреволюционной троцкистской организации» (прим. пер.).

** Видимо, Владимир Ильич Вегер — известный юрист, член РСДРП с 1904 (псевдоним Поволжец), член МК ВКП(б), профессор многих московских вузов (прим. пер.).

тального журнала «Проблемы Китая», издание которого началось в Москве в 1929 году. Благодаря этой работе его стали считать известным российским специалистом по Китаю.

Вегер принял ректорство в Университете им. Сунь Ятсена в то время, когда из-за активной чистки партии это учебное заведение находилось в состоянии большой смуты. Будучи в высшей степени деликатным человеком, каковым я считал Вегера, он попал в крайне неприятное, практически безвыходное положение. Осенью 1930 года в подавленном настроении он вышел в последний раз из дверей университета, который вскоре был официально закрыт.

ГЛАВА IV.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО

УТК им. СУНЬ ЯТСЕНА

Финансовый и юридический статус университета

В отличие от многих других общественных и частных учебных заведений, источники средств, за счет которых поддерживался этот университет, были скрыты от общественности. Источники финансирования и точные цифры годовых расходов до сих пор остаются тайной. УТК им. Сунь Ятсена отличался и тем, что не взимал плату с учащихся, более того, бесплатными были жилье и питание для всех студентов, которым даже выдавали одежду и деньги на карманные расходы. После того как число студентов возросло с 340 в 1925 году до примерно 600 в 1928-м, университету явно требовались значительные средства. Это были суммы, намного превышающие возможности отдельных лиц или частных организаций, и я сомневаюсь, что на его поддержание когда-либо вносились крупные суммы из Китая, если они поступали оттуда вообще. Кажется более вероятным, как я заключил, будучи еще студентом, что все бремя финансирования УТК пало на русских, которые проявили инициативу по его учреждению и в первую очередь обеспечению персоналом. Во всяком случае, когда я уже оставил университет, но был еще в России, мне говорили, что первые средства на него пришли от Профинтерна, главным источником доходов которого являлся Центральный совет профсоюзов Советского Союза.

По моему мнению, некоторые символические вклады могли поступать от богатых членов Гоминьдана, но было бы ошибочно думать, что эти средства имели большое значение¹. Я придерживаюсь такого мнения по двум причинам. Во-первых, я не думаю, что у Гоминьдана были финансовые ресурсы для расходов по содержанию университета в СССР. В 1924 году Гоминьдан не обладал даже капиталом, достаточным для независимого создания Военной школы Вампу, чье значение далеко превосходило значение Университета им. Сунь Ятсена. В конечном счете создать эту школу стало возможным только благодаря материальной помощи со стороны Советского

Союза². Во-вторых, и это наиболее очевидно, если бы Гомиьндан был способен нести расходы по университету, зачем было бы создавать его в Москве вместо Кантона? Однажды я попросил своих друзей в Тайбэе провести некоторые исследования по этому вопросу, но они не сумели получить никаких подтверждений. Архивы ЦИК Гомиьндана не содержат ни телеграмм, ни корреспонденции касательно финансовых аспектов работы университета. Оказалось, что там нет абсолютно никаких письменных свидетельств того, что Гомиьндан оказывал этому учебному заведению какую-либо финансовую поддержку³.

Интересно, что вопрос об управлении университетом был поднят лишь после того, как он уже просуществовал шесть месяцев. Где-то в начале апреля 1926 года Ху Ханьмин⁴ послал из Москвы в Кантон телеграмму такого содержания: «*Ректор университета Сунь Ятсена Радек предлагает, чтобы университет управлялся Центральным Исполнительным Комитетом советских коммунистов и Центральным Исполнительным Комитетом Гомиьндана*»⁵. Это предложение было вынесено на 139-ю сессию Центрального Политического Комитета Гомиьндана, которая состоялась 5 мая 1926 года. На сессии было решено принять предложение Радека и поручить ЦИК Гомиьндана телеграфировать резолюцию К. Радеку. В тот же день секретарь Центрального Политического Комитета составил письмо ЦИК Гомиьндана, поручая ему действовать в соответствии с резолюцией.

11 мая 1926 года 27-й пленум избранного на II съезде ЦИК Гомиьндана записал предложение Радека шестым пунктом своей повестки дня: «*Центральный Политический Комитет вынес решение принять предложение Радека, чтобы Университет Сунь Ятсена в Москве находился под совместным управлением Советской Коммунистической партии и Центрального Исполнительного Комитета Гомиьндана, и известить Радека об этом решении*»⁶. После дискуссий и прений по данному вопросу ЦИК решил принять предложение и известить об этом ректора.

Телеграмма о принятии предложения, посланная Радеку 15 мая 1926 года, была следующего содержания: «*Ректору университета Сунь Ятсена Радеку. В соответствии с рекомендациями и сопроводительным письмом Центрального Политического Комитета нашего Исполнительного Комитета, в котором говорится: "139-я сессия Центрального Политического Комитета вынесла*

резолуцию о принятии предложения, сделанного ректором университета Сунь Ятсена в Москве Радеком и сообщенного Комитету Ху Ханьминем. Предложение о том, чтобы университет Сунь Ятсена был поставлен под совместное управление Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии Советской России и Центрального Исполнительного Комитета Гоминьдана, принято. Настоящим мы напоминаем, чтобы наш Комитет телеграфировал эту резолюцию ректору Радек». В соответствии с этим, наш 27-й пленум пришел к следующему решению: «Принять предложение и телеграфировать ответ ректору Радеку». Нам очень приятно информировать Вас о принятии Вашего предложения.

Центральный Исполнительный Комитет Гоминьдана»⁷.

Этот документ, очевидно, подразумевает, что университет имел только двух управляющих: КПСС и Гоминьдан, а КПК и Коминтерн были представлены через КПСС. Одним из ответственных за соблюдение интересов Гоминьдана в университете был Шао Лицзы*, приехавший в Москву летом 1926 года. По случаю приезда университет устроил в его честь большой прием и преподнес ему удостоверение почетного студента. Шао приехал в Москву в качестве постоянного представителя Гоминьдана в Коминтерне⁸ и стал членом Совета попечителей Университета им. Сунь Ятсена. Вскоре, вдобавок к простым посещениям университета, Шао стал слушать и приходиться туда на различные лекции. В результате он стал одноклассником своего сына Шао Чжигана, который был членом комсомола. Это тут же стало среди нас популярной темой для разговоров. Вскоре Шао дал нам еще одну тему для обсуждений. На первом курсе университета училась мисс Фу Сюэвэнь, которая прежде была студенткой Шанхайского университета, где Шао Лицзы тогда занимал пост заместителя директора. В Москве Шао, бывший вдовцом, начал ухаживать за нею и покорила ее. Так как число студентов далеко превышало число студенток, такое изъятие привлекательной девушки из круга потенциальных невест стало событием, которое прочие представители мужского пола восприняли с унынием.

---

* Шао Лицзы (1882–1967). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905. Член КПК в 1921–1926, начальник секретариата Военной школы Вампу в 1925. Представитель ЦИК Гоминьдана в ИККИ в 1926–1927. После 1927 — член ЦИК Гоминьдана, посол Китая в СССР. Ушел в отставку в 1949 (прим. пер.).

Да позволено мне будет здесь отклониться немного, чтобы рассказать об отношениях между Шао Лицзы и его юной супругой Фу Сюэвэнь, потому что они имеют отношение к делам УТК им. Сунь Ятсена. Выходя в Москве замуж за Шао, Фу Сюэвэнь была комсомолкой, каковой она и осталась. Когда Гоминьдан проводил чистку своих членов-коммунистов, начавшуюся в апреле 1927 года, Шао Лицзы, как представитель Гоминьдана в Коминтерне и человек, тесно отождествляемый с политикой Чан Кайши, естественно, вернулся в Китай. Вместе с ним вернулась в Китай и его жена-комсомолка, чего мы, оставшиеся в университете члены КПК, не могли не обсуждать. Многие из нас предполагали, что она сохранила членство в комсомоле и осталась со своим мужем-гоминьдановцем по приказу партии. В конце концов, ведь ожидалось, что Шао займет по возвращении в Китай влиятельный пост в чанкайшистской организации, что и произошло. А может ли партия иметь лучший источник информации об этой организации, чем собственную жену Шао? От членства в комсомоле она публично никогда не отказывалась. Так это было или нет, но я полагаю, что она все же сохраняла связи с КПК до 1949 года, когда они с Шао внезапно оставили Чан Кайши и перешли к китайским коммунистам. Как бы то ни было, отношение Шао Лицзы и Гоминьдана к УТК изменилось после антикоммунистического переворота в Шанхае 12 апреля 1927 года. Вскоре после этого инцидента Шао упаковал свои чемоданы и уехал домой. Его отъезд послужил прелюдией не только к разрыву отношений между Китаем и Советским Союзом, но и к тому, что УТК им. Сунь Ятсена стал полностью контролироваться коммунистами. После отъезда Шао в Совете попечителей университета больше не было ни одного члена Гоминьдана.

26 июля 1927 года ЦИК Гоминьдана официально объявил об отказе Гоминьдана от университета и разрыве всех связей с ним: *«Университет Сунь Ятсена в Москве незаконно использовал имя партийного лидера Гоминьдана для прикрытия того, что занимался тайной заговорщицкой деятельностью против партии. Единственный правильный выход — отказаться от университета. Никакие организации не должны больше посылать студентов в Москву»*⁹. Это твердое решение, принятое ЦИК Гоминьдана, основывалось на предложении, сделанном Центральным молодежным отделом Гоминьдана, текст которого следует ниже.

«Установлено, что Университет Сунь Ятсена в Москве был сначала, до изменения названия, Университетом Сунь Вэня.

Названный университет, прикрываясь флагом Гоминьдана, привлекал членов нашей партии и перспективных молодых людей со всей страны. Университет неоднократно нарушал принципы и политику партии. Прикрываясь именем Гоминьдана, университет занимался предательской деятельностью в отношении партии. Настоящим мы оповещаем весь мир о нашем осуждении заговорщицкой деятельности университета и нашем отказе от него. В дальнейшем ни одной организации в стране больше не разрешается посылать студентов в Москву, чтобы наша молодежь больше не вводилась в обман этой ложью.

Председатель Центрального молодежного отдела Гоминьдана

Тин Вэйфэнь 8 июля 1927 года»¹⁰.

Вслед за этим предложением пленум ЦИК и 106-е заседание начальников всех отделов приняли резолюцию, в которой говорилось: «Отказаться от Университета Сунь Ятсена и поручить Политическому бюро издать всекитайский указ, запрещающий дальнейшую посылку студентов в Москву»¹¹. Указ был официально объявлен 26 июля 1927 года, и в соответствии с ним все организации Гоминьдана перестали отправлять студентов в Москву. Но название университета было изменено не просто из-за решения Гоминьдана. Университет переименовали лишь в следующем году*. Тем не менее, имя Сунь Ятсена осталось в названии, так как это был слишком ценный инструмент пропаганды, чтобы от него так просто отказаться.

Администрация и бюджет университета

Внутренняя организационная структура этого учебного заведения была довольно проста, так как, несмотря на то что он назывался университетом, в нем не было деления на отдельные факультеты или специальности. Глава администрации, ректор, был русским, и ему помогали два проректора, тоже русские. Позже, в 1928 году, когда

---

* В 1928, после раскола коммунистов и Гоминьдана в Китае, УТК в Москве был переименован в Коммунистический университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (КУТК) (прим. пер.).

университет был реорганизован, одним из проректоров стал китаец. Это изменение произошло вовсе не потому, что русские хотели продемонстрировать китайско-советское равенство. Как раз наоборот, русские коммунисты в это время страдали от острого комплекса превосходства по отношению к китайцам, и ничто не могло быть дальше от их намерений, чем равноправное китайско-советское сотрудничество. Видимо, эта перемена была продиктована простой необходимостью, так как проректор-китаец обеспечивал два важных преимущества. Во-первых, он устранял очень серьезный языковой барьер между администрацией и студентами, одновременно создавая буфер между ними. Во-вторых, проректор-китаец мог выступать в роли связного между Университетом им. Сунь Ятсена и представителями КПК в Коминтерне.

Первым проректором-китайцем стал студент по имени Ван Баоли, пролетарский товарищ, который приехал из Нанкина. Он не был хорошо образован, но зато происходил из рабочего класса и был прекрасным председателем студенческой коммуны. К сожалению, несмотря на пролетарское происхождение, Ван был сочтен недостаточно способным к руководству, и в 1929 году по рекомендации Чэнь Шаоюя ректор Павел Миф назначил вместо Вана моего доброго друга Ли Чжоушэна¹². Ли, прилежный студент и умелый работник с хорошим характером, удерживал пост проректора вплоть до закрытия университета в 1930 году. Но, как я уже упоминал, проректорство никогда не означало жеста признания равенства или сотрудничества, вследствие чего Ли обладал очень малой реальной властью. Циники среди нас говорили, что в административных делах университета проректор-китаец значит не более чем переводчик, только плата у него побольше и стол пошире, чем у других переводчиков.

В ректорате было три отдела: секретариат, хозяйственная канцелярия и учебный отдел. Начальником секретариата в университете был человек по фамилии Погуляев, лишь немного говоривший по-китайски. Это была личность с чертами Макиавелли, каких никто не любит. Молодой помощник Погуляева, Абрамсон, превосходно говорил на мандаринском диалекте, тем не менее, его мы тоже очень не любили из-за бессовестного к нам отношения. Секретариат был приблизительно равноценен управлению президента университета в США, так как занимался всеми важными административными делами. Однако у секретариата Университета им. Сунь Ятсена была еще одна функция, проистекавшая из особого статуса этого учебного

заведения. Поскольку оно не было «открытым учреждением», секретариат очень много занимался вопросами безопасности: отвечал за доставку студентов из-за границы и за их отправку по секретным каналам за рубеж, к месту назначения. В этом предприятии он тесно сотрудничал с соответствующими властями в Коминтерне и ГПУ. Секретариат также отвечал за секретные проверки студентов в университете, по распоряжению Коминтерна или ГПУ, он же устраивал тайные ночные аресты «антипартийных» студентов. Последние находились среди тех, что прибыли в университет в качестве членов Гоминьдана, но не возвратились в Китай после разрыва гоминьдановских отношений в 1927 году и перешли к поддержке троцкистской оппозиции. Другие «антипартийные» были членами троцкистских организаций или членами группы так называемой «Второй линии».

Конфиденциальные организационные дела, которые не касались университета непосредственно, тоже иногда доверялись секретариату. Например, одной из его функций было исполнение секретарских дел на VI съезде КПК, где он набирал секретарей и переводчиков из числа студентов, обеспечивал перевод документов и т.д. Выполняя свои функции по безопасности, секретариат устроил нам, насколько я помню, осенью 1927 года одну очень любопытную неделю. Думаю, что за этим стояло ГПУ. В течение целой недели всех студентов подвергали детальным физическим измерениям, а данные записывали в досье, содержащие биографические и другие сведения о нас. Нам измеряли рост и размеры голов, фиксировали размер и относительное расположение глаз, носов, ушей, определяли длину шеи и очертания линии роста волос. Записывались также все особые приметы, какие у нас имелись, например, шрамы, родинки и т.д. Так как университет уже имел в деле наши фотографии, такое обследование озадачило нас и послужило причиной возмущения и подозрений среди большей части студентов. Многие хотели отказаться от подобных обмеров, но так как открытая демонстрация перед властями поставила бы их под подозрение, они подчинились. Студенты-некоммунисты были особенно возмущены и видели во всем этом самые разные зловещие признаки. В общем, как я полагаю, было решено, что фотографии могут случайно исчезнуть или потеряться, а по полученным данным русские всегда смогут восстановить наш внешний вид. Однако такая фиксация наших физических данных очень встревожила некоторую часть студентов. Не будут ли русские использовать эти сведения,

чтобы преследовать нас всю оставшуюся жизнь? Этого ли они хотят, или это просто патерналистский жест, чтобы лучше обеспечить наше опознание в случае несчастья? В шутку мы говорили, что теперь отдали русским свои тела и души.

Хозяйственная канцелярия была чисто служебным отделом, который возглавлял ее русский по фамилии Высотый. Эта канцелярия занималась тем, что может быть названо тылом студентов: обеспечивала нас одеждой, питанием, жильем и транспортом. Несмотря на НЭП, экономические условия в России все еще были суровыми, но о нас в университете заботились лучше, чем о русских студентах. Мы, например, имели такую роскошь, как белый хлеб, кофе и какао, которых не было у наших русских коллег. Тем не менее, в канцелярию постоянно поступали жалобы. В ней работал Ян Минчжай, иммигрировавший в Россию китаец, который ездил в 1920 году в Китай с Войтинским¹³. В 1925 году, когда Университет им. Сунь Ятсена еще готовился к открытию, находившийся тогда в Шанхае Ян отвечал за прием и координацию действий студентов, отобранных для поездки в Москву. В ноябре того же года он лично возглавил вторую группу студентов, ехавших в университет, и по прибытии в столицу стал работать в хозяйственном отделе университета. Позже, летом 1927 года, когда мы все были в подмосковной Тарасовке, Ян Минчжай приезжал туда попрощаться с нами. Он сказал, что Войтинский дал ему письмо в ЦК КПК, в котором рекомендовал предоставить ему ответственный пост в ЦК КПК, и поэтому он готовится к отъезду в Китай. Я слышал, что когда Ян приехал в Китай, ЦК внимательно изучил этот документ и назначил его на какой-то мелкий пост в Тяньцзине. Это последние данные, которые мне удалось о нем найти.

Работа учебного отдела была самой сложной. Выбор курсов, профессоров и преподавателей, организация занятий и подготовка учебных материалов для чрезвычайно неоднородных групп, — все это было непростым делом. Работа отдела делилась на два подразделения: в первом решались все дела, касавшиеся первого выпускного курса — групп студентов, прибывших в Москву в 1925 и начале 1926 года; во втором — все дела второго выпускного курса — групп, прибывших в Москву во второй половине 1926 и начале 1927 года. В 1928 году, когда в китайской революции начался спад и в УТК было послано много рабочих и крестьян, столь внезапный наплыв прини-

маемых еще более усложнил планирование учебной работы в университете и вынудил к пересмотру курсов и организации занятий, о чем я поведу речь в следующей главе.

Осенью 1926 года, когда я приехал в Москву, учебным отделом заведовал некто Игнатов. Это был старый большевик, происхождением из рабочего класса, честный и обязательный. Однажды он признался мне, что во время Октябрьской революции и долгой гражданской войны, которая последовала за ней, видя полную разруху промышленности, голод и огромные человеческие страдания, он полностью потерял веру в дело революции. Однако конец «военного коммунизма» и введение НЭПа спасли его веру в дело большевиков. Игнатов не озлобился от лишений и горя, которые ему пришлось перенести. Наоборот, он смягчился и стал относиться более сочувственно к горестям и нуждам других. Его отношения со студентами тоже были сердечными. Где бы ни появлялся он, со своим добрым круглым лицом и маленькой бородкой, студенты всегда тепло встречали его. Он действительно был благородным и прекрасно воспитанным человеком. Его давно уже нет, но я уверен, что никто из студентов, как и я, не сможет его забыть.

Учебному отделу подчинялся ученый совет, состоявший из ведущих преподавателей всех курсов, которые регулярно собирались для обсуждения методов преподавания, успеваемости студентов и совершенствования учебных программ. Совет функционировал как влиятельная группа советников учебного отдела, и исходившие от него предложения почти всегда сразу же принимались к исполнению. В 1928 году личный состав учебного отдела, как и проректората, был изменен. Русскому заведующему был выделен помощник-китаец, выбираемый из числа успешных студентов. Таким помощником был избран Инь Чэнь, родом из Хубэя, очень скромный и трудолюбивый человек. По возвращении в Китай он работал сначала в китайских профсоюзах, позже его перевели в Тяньцзинь и на Таншаньские угольные копи, где он был арестован и казнен.

Теперь я расскажу коротко о бюджете университета. Как я упоминал выше, он держался в строжайшем секрете. Лишь группа ответственных за это дело людей знала, как велик он был на самом деле. Все остальные, в том числе студенты университета, находились в полном неведении о размере бюджета. Ходили слухи, что годовой бюджет университета составлял около миллиона червонцев (или

десять миллионов рублей), но подтверждения этому получить было невозможно*. Он состоял из трех главных статей: 1) административных расходов университета; 2) зарплаты служащих, профессорско-преподавательского состава и пособий студентам; 3) затрат на набор студентов из-за границы и отправку их обратно в Китай или другие страны. Административные расходы — первая большая статья бюджета — включали расходы на жилье, питание, одежду, транспорт и летний отдых пятисот студентов, содержание зданий, библиотеки и прочее. Второй статьёй была зарплата. Из-за очень большого штата профессоров, преподавателей и технического персонала (оценочно, более 150 человек) зарплата представляла большую проблему. В то время в Советском Союзе все еще была в силе система ограничений зарплаты для членов партии. В соответствии с этой системой партаксимума, предел месячной зарплаты устанавливался в размере 225 рублей. Другими словами, это была высшая планка члена партии, какой бы квалификацией он ни обладал, какой бы пост ни занимал. Большая часть служащих и преподавателей университета были членами партии, и таким образом экономилась большая сумма денег. Но профессора и преподаватели, не состоявшие в партии, оплачивались в соответствии со своей квалификацией, так как партаксимум на них не распространялся**. А небольшое число выдающихся профессоров, нанятых из-за границы, оплачивалось еще лучше.

Студенты Университета им. Сунь Ятсена набирались в Китае или среди китайцев в других странах и после окончания учебы должны были выезжать в Китай или другие места на революционную работу, причем все транспортные расходы оплачивались университетом. Это была самая сложная статья бюджета, поскольку тут замешивался вопрос о валюте. Не секрет, что в то время у Советского Союза было очень мало иностранной валюты, поэтому русские власти выполняли эту работу с большим трудом. Другой фактор, очень обременявший бюджет, состоял в том, что университет должен был в финансовом и материальном отношении содержать три дополнительных учреждения: китайскую типографию, Научно-исследовательский инсти-

---

* Решением ПБ ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1925 в бюджет университета было выделено 550 000 руб. Весной 1926 бюджет на первый учебный год был увеличен до 735 000 руб. Все деньги поступили из наркомата финансов (прим. пер.).

** В то время как зарплата рабочих колебалась от 30 руб. (ученик) до 225 руб. (директор завода), в первые два года работы преподаватели УТК получали в среднем 110 руб. в месяц (прим. пер.).

тут по Китаю и бюро переводов. И наконец, в бюджете была особая статья — пособия, выдаваемые бедным студентам (в основном учащимся из рабочих и крестьян) на содержание их семей в Китае. Чтобы продемонстрировать свою солидарность, студенты создали фонд взаимопомощи. Из их месячного содержания удерживали некоторую сумму для этого фонда, который использовался для помощи семьям студентов из числа бедняков. Но денег из этого фонда не хватало, поэтому университет должен был вкладывать больше, чем сами студенты. Это была одна из особенностей университетского бюджета. Предполагалось, что бюджет контролируется и утверждается Дальневосточным секретариатом Коминтерна и КПСС. Однако, на самом деле, с самого начала бюджет определялся и, при необходимости, уточнялся исключительно КПСС. Гоминьдан никогда не входил в реальное партнерство с КПСС, так как был не в состоянии предоставить какую-либо финансовую поддержку университету и не участвовал в обсуждении его бюджетных дел даже в первые годы гармонии между Гоминьданом и Советской Россией.

Три дополнительных учреждения университета

Университет им. Сунь Ятсена просуществовал всего пять коротких лет, но три его дополнительных учреждения после некоторой реструктуризации пережили его. Этими учреждениями были Научно-исследовательский институт по Китаю, бюро переводов и китайская типография.

Я не помню точной даты основания Научно-исследовательского института по Китаю*. Помню только, что подготовка к его организации началась в 1928 году, вскоре после поражения Кантонского восстания 11 декабря 1927 года. Хотя кантонские события представляли собой «арьергардный бой», тем не менее, Коминтерн превозносил их как предвестие новой эры (эры советской фазы китайской революции) и расценивал как революционный эксперимент, поучительный для подготовки следующего революционного прилива.

---

* Научно-исследовательский институт по Китаю (НИИК) был создан в январе 1928 на базе кафедры китаеведения УТК для изучения революционного движения в Китае (прим. пер.).

Именно это имелось в виду при создании НИИ по Китаю. Специфические цели этого института состояли в том, чтобы оценить опыт революции 1925–1927 годов, наметить контуры будущих действий и углубить изучение китайских проблем. Таким образом, Научно-исследовательский институт по Китаю предназначался для координации теоретических и практических исследований.

Предложение о создании института исходило, по-видимому, от китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна, а его официальное учреждение произошло в начале 1929 года. Директором был назначен М. Волин*, профессор университета. Многие относящиеся к «новому поколению» специалисты по Китаю также были сотрудниками института. Среди них были знаменитый Иолк и джентльмен по фамилии Ошанин. Е. Иолк**, по-видимому, русский, был студентом Ленинградского института живых восточных языков. Он стажировался в Китае, прекрасно говорил на мандаринском диалекте и часто выступал на китайском перед студентами университета. И. М. Ошанин родился в Харбине, в Маньчжурии, и получил образование в Пекине. Поэтому он владел китайским языком даже лучше, чем Иолк. В самом деле, способность Ошанина переводить с китайского на русский и обратно была блестящей. Он не был членом партии и не касался никаких политических вопросов. Будучи лингвистом, он и работал в институте в качестве такового. В числе его известных публикаций «Китайско-русский словарь», который был издан под его редакцией в 1959 году в Москве. Кроме этих специалистов, в НИИ по Китаю служили консультантами синологи старшего поколения, такие как Иванов***. Иванов в начале 20-х годов был профес-

---

* Волин Михаил. Настоящее имя Беленький Семен Натанович. Годы жизни неизвестны. Китаевед, историк, политолог. В 1925–1927 советник Национального правительства в Китае. По возвращении из Китая возглавил НИИК, глава группы изучения китайской истории. Редактор первого сборника «Проблемы Китая». В 1930 выведен из редколлегии за «правооппортунистические ошибки». В 1930-е арестован. Погиб (прим. пер.).

** Иолк Евгений Сигизмундович (1900–1937). Китаевед и японовед, историк, политолог. Родился в Риге. В 1924–1925 учился в Ленинградском институте живых восточных языков, одновременно был членом его правления. В 1925–1927 был переводчиком группы советских военных специалистов в Китае. По возвращении в Россию работал зам. зав. НИИК. Член редколлегии журнала «Проблемы Китая» (1930–1932). Арестован и расстрелян в декабре 1937. Реабилитирован в 1957 (прим. пер.).

*** Видимо, имеется в виду Иванов (Ивин) Алексей Алексеевич (1885–1945). Китаевед. Профессор Пекинского университета в 1917–1927. Корреспондент газеты

сором Пекинского государственного университета, где преподавал русский язык. Его областью была, однако, синология, и в ней он был выдающимся человеком. Я помню, как в 1923 году Ху Ши устраивал в Пекине симпозиум в память великого ученого Цинского периода Дай Чжэна (Дай Дунъюаня). Я присутствовал на заседании и слышал, как Иванов читал свой доклад на безупречном китайском. Вернувшись в Россию, он стал профессором Ленинградского института живых восточных языков, из стен которого вышло много известных китаеведов. Исследованиями в НИИ по Китаю занимался и еще один знаменитый русский китаевед — В. С. Колоколов*.

В дополнение к русским китаеведам и «специалистам по Китаю», в качестве младших научных сотрудников было отобрано более десятка выпускников Университета им. Сунь Ятсена. Большинство их были членами сообщества, позже известного как «28 большевиков». Среди них были Цин Бансянь (Бо Гу), Ян Шанкунь и Хэ Цзышу. Официальным критерием отбора были академические успехи. Однако политические соображения имели чрезвычайную важность, поскольку Коминтерн стремился создать группу преданных себе будущих китайских коммунистических лидеров, а вовсе не ради того, чтобы те оттачивали в стенах института свое академическое мастерство.

Исследовательская работа в институте делилась на две секции: фундаментальных проблем Китая и текущих проблем Китая. Первая секция была в основном академическая и техническая. Большинство старших китаеведов работало в этой секции. Они сосредоточивались на решении таких фундаментальных проблем, как реформа китайского языка (латинизация китайского письма), земельный вопрос в различные периоды истории Китая, социальная структура Древнего Китая и т. д. Они отвечали также за составление китайско-русского словаря. Вторая секция изучала самые насущные проблемы, связанные с развитием китайского революционного движения.

«Правда» в Китае в 1927–1930. Но этим человеком мог быть и Иванов Алексей Иванович (1877–1937). Китаевед, тангутовед, японовед. В 1922–1927 эксперт полпредства СССР в Китае. По возвращении на родину преподавал и вел научную работу в Ленинграде и Москве. Доктор литературоведения (1935). Погиб в 1937. Реабилитирован в 1958 (прим. пер.).

* Колоколов Всеволод Сергеевич (1896–1979) — известный китаевед, профессор. Автор китайско-русского (1936) и русско-китайского словарей. В 1920-х преподавал в Военной академии РККА, КУТВ, УТК—КУТК. Работал личным переводчиком Сталина. Вел научную работу в ИВ АН и ЛО ИВ АН СССР (прим. пер.).

Начальным вкладом института была публикация первого издания «Русско-китайского словаря», который стал великим подспорьем для студентов, изучавших русский язык. Прежде единственным доступным материалом был «Русско-японский словарь», изданный в Токио*. «Русско-китайский словарь» под общей редакцией В. С. Колоколова был опубликован, видимо, в сотрудничестве с Государственным издательством словарей иностранных языков Советской России**. Институт отвечал также за издание ежеквартального журнала на русском языке, называвшегося «Проблемы Китая», первый номер которого вышел в 1929 году. Редакционный комитет состоял из Варги, Вегера, Кучумова, Мадьяра, Мифа, Страхова и Волина. Волин возглавлял редакционный комитет. Однако после публикации в журнале его первой статьи «О роли китайской буржуазии», которая была раскритикована как содержащая «правооппортунистические ошибки», он был снят со своего поста***. Со второго номера в 1930 году главным редактором журнала стал Павел Миф¹⁴.

Этот журнал в известной мере представляет русскую синологическую науку 30-х годов. Он кажется мне полезным не только для понимания состояния русских синологических исследований, но и как научная публикация, ценная сама по себе. Например, во втором номере за 1930 год были такие статьи, как «К вопросу об изучении социальной базы Древнего Китая» Иолка, и статья, которая может быть названа первым обсуждением китайского латинизированного алфавита, подписанная именем Чжу Байдо. Подозреваю, хотя у меня нет доказательств, что это мог быть Цюй Цюбо. В других номерах затрагивался широкий спектр китайских сюжетов. Некоторые из

---

* С китайско-русскими словарями был настоящий позор. Китай и Россия имели общую границу в тысячи км, и отношения между обеими странами носили интенсивный характер. И все-таки мало кто из китайцев задумывался когда-либо о глубоком изучении России и русского языка. Не было даже сносного китайско-русского словаря. Когда мы ехали в Москву в 1925 году, мы не могли найти ни одного китайско-русского словаря, что заставило нас купить «Русско-японский словарь», изданный в Токио. Отсутствие словарей очень тормозило наш процесс изучения русского языка.

** Вероятно, имеется в виду составленный В. С. Колоколовым «Краткий китайско-русский лексикон», 1927 (прим. пер.).

*** Журнал «Проблемы Китая: записки института» издавался до 1935. Задумывался как ежемесячник, но реально выходил лишь один-два раза в год. Всего вышло 15 номеров. Точное название статьи Волина — «В лагере китайской реакции» (прим. пер.).

них можно отнести к статьям политическим, но было много и чисто научных статей. На страницах журнала шла дискуссия о специфике китайского общественно-исторического развития, давался анализ экономических, философских и социологических основ суньятсезнизма, предлагался обзор статей о Китае, опубликованных в России и за границей, и т. д.

Кроме публикации «Русско-китайского словаря» и академического журнала «Проблемы Китая» институт также занимался изучением современного Китая. Как я уже упоминал выше, внимание было сосредоточено на вопросах, поднятых китайской революцией, таких как земельный вопрос и крестьянское движение, пути экономического развития Китая, иностранное господство в Китае и т. д. Чтобы обеспечить материалами для изучения, Дальневосточный секретариат Коминтерна снабжал институт многими документами из Китая и о Китае, получаемыми Коммунистическим Интернационалом. В качестве ответного жеста институт занимался исследованиями конфиденциального характера, интересовавшими Коминтерн. Политические и экономические проблемы изучали в основном молодые китайские и советские сотрудники. Эта секция, где работало много молодых людей, была к тому же и более многочисленной, поэтому и вклад этого подразделения был более значительным, чем вклад секции академических проблем.

С момента своего создания в 1930 г. НИИ по Китаю номинально подчинялся Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. Но в действительности он функционировал как филиал УТК им. Сунь Ятсена. После закрытия университета осенью 1930 года этот институт стал особым филиалом Коммунистической академии наук в Москве, находившейся на улице Волхонка, прямо возле УТК им. Сунь Ятсена.

Другим связанным с университетом учреждением было Бюро переводов. Переводы с русского на китайский всегда были в университете важной работой, но в первые годы переводческая работа была приспособлена, прежде всего, для нужд учебной аудитории. Вначале Пу Таомин перевел сталинские «Основы ленинизма». Затем были сделаны переводы «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса и «Экономического учения Карла Маркса» Карла Каутского. В это же время были переведены на китайский и все курсы лекций. Следует заметить в скобках, что переводы лекций по экономической географии, читавшихся на нашем семинаре,

были каким-то образом отосланы в Китай студентом Хань Лянсянем, который после возвращения в Китай опубликовал их под своим именем с предисловием Ху Ханьмина. Правда, и другие студенты делали то же самое с переведенными лекциями по курсам истории западных революций и истории общественных формаций. Вместе с тем переводы важных работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина оставались невыполненными из-за недостатка времени и отсутствия ресурсов. Чтобы исправить положение в проекте перевода и публикации «священных трудов» марксизма-ленинизма, советское Государственное издательство (Госиздат) сотрудничало с УТК им. Сунь Ятсена: Госиздат финансировал проект, а университет поставлял переводчиков. Таким образом, был дан старт первым переводам избранных произведений Ленина.

После роспуска университета переводчики остались в Москве и продолжили работу при Госиздате. Всего переводчиков было около десяти*. Среди них были Лю Цифэн, Се Цзяньмин и Сунь Цзунфань. Лю происходил из Пинсяна, провинции Цзянси, а учился в Пекинском педагогическом университете. Он превосходно говорил по-английски, поэтому в университете записался в английский класс. Мы с Лю приехали в Москву в одной группе и долго работали вместе в семинаре по истории развития общественных формаций. Я слышал, что Лю умер в Москве от какой-то болезни. Се Цзяньмин был моим земляком из провинции Хунань, уезда Цзели. Его устные переводы были не слишком хороши, но в искусстве письменных переводов он достиг высочайшего уровня. Все переводчики, несмотря на их бесспорные таланты, бывали стеснены тем, что от них требовали буквального, слово в слово, перевода двух таких совершенно разных

---

* Я был среди переводчиков, пока учился в университете. Помимо переводов в учебных аудиториях, я перевел специальные записи лекций и две работы Энгельса — «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и «Диалектика природы». Весной 1930 года, когда борьба с троцкистами в университете достигла апогея, университетские власти настояли на том, чтобы мы с Ян Шанкунем срочно перевели большую работу Сталина «Об оппозиции». Работая буквально день и ночь, мы сумели закончить дело за пару недель, за что были вознаграждены замечательным отдыхом в Ялте. Во время Второй мировой войны я видел копии нашего перевода в продаже в Чунцине, в издании «Синьхуа жибао», под китайским названием «Лунь хуаньдуй пай». Мое имя как переводчика не было упомянуто. Перевод приписывался лицу, имя которого представляло собой китайскую переделку русского имени Ян Шанкуня, которое я забыл (прим. автора). Псевдоним Ян Шанкуня в УТК — Салтыков (прим. пер.).

языков, как русский и китайский. Главной причиной такого подхода было стремление к точности. Хотя перевод марксистских работ не был окончен этими переводчиками и, в конечном счете, его выполнило Бюро переводов и издания трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина в коммунистическом Китае, переводы нашего Бюро были образцами, которые в КПК использовались много лет. В целом влияние Бюро переводов оказалось весомее попыток перевести и ввести в Китае элементы науки и демократии, предпринимавшихся студентами, которые обучались в Америке и Европе. Американски и европейски образованные студенты были первыми, кто начал модернизацию Китая, и все-таки наука в Китае еще не развита, а демократия так никогда и не была введена. Тогда как коммунизм «приподзвнившегося Ивана» прочно утвердился в Китае.

Перевод кажется просто литературной или технической работой, но эта работа внесла большой вклад в подъем общего уровня теоретического мышления членов КПК. Получено было так много, что теперь подмастерье превзошел мастера, и китайские коммунисты способны вести идеологические битвы с русскими. Может быть, это ирония истории, и, вероятно, русские бесконечно сожалеют, что именно они сделали это возможным, инициировав в Университете им. Сунь Ятсена первые по-настоящему хорошие переводы трудов коммунистических учителей¹⁵. Тот факт, что некоторые люди ныне провозглашают Мао Цзэдуна (которому классики марксизма-ленинизма были доступны только в переводе) величайшим современным марксистом-ленинцем, есть свидетельство далекоидущего влияния Бюро переводов.

Подготовка к созданию китайской типографии в Москве началась очень рано, и в начале 1928 года она была официально открыта. Типография отвечала за издание переводных материалов для самого университета, трудов Бюро переводов и китайского издания «Коммунистического Интернационала». Директором типографии с китайской стороны был второй брат Цюй Цюбо — Цюй Юньбо, который пользовался псевдонимом Карахан*. Он отвечал, в частности, за

---

* Все китайские студенты брали «русские» псевдонимы для удобства преподавателей и для конспирации. Так, автор носил фамилию Мицкевич. Цзян Цзинго (сын Чан Кайши) взял фамилию Елизаров, в честь «усыновившего» его революционера М. Т. Елизарова, мужа А. И. Ульяновой, старшей сестры В. И. Ленина. Имя Николай Владимирович Цзян Цзинго принял в честь Ленина. Николай — одна из партийных кличек В. И. Ленина (прим. пер.).

набор опытных печатников из Шанхая и за закупку китайского типографского оборудования. Некоторых не особенно склонных к науке студентов отобрали для работы в типографии корректорами. Занятия при этом они посещать перестали, но статус студентов был за ними оставлен, к тому же эта работа очень хорошо оплачивалась. С самого начала типография действовала в сотрудничестве с Госиздатом и перешла в прямое подчинение ему после закрытия университета. По-видимому, многие материалы русской пропаганды на Китай до сих пор печатаются в этой типографии, которая когда-то принадлежала Университету им. Сунь Ятсена.

ГЛАВА V.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ им. СУНЬ ЯТСЕНА

Образовательная программа и учебный процесс

Образовательные цели и программа в Университете им. Сунь Ятсена учитывали следующие положения:

1. Целью университета была в первую очередь успешная подготовка высокопрофессиональных политработников, а не подготовка ученых или исследователей¹. В связи с этим в учебной программе полностью отсутствовали курсы естественных наук.

2. Ввиду стремительного роста революционного движения в Китае возникала потребность в умелых политработниках и руководителях, подготовка которых должна была вестись быстро и эффективно. Поэтому ее срок составлял два года, или половину времени обучения в обычном университете.

3. Акцент делался на теории и практике. Студенты должны были «владеть пером», чтобы успешно вести политическую работу и влиять на массы, и «владеть мечом», чтобы руководить военными кампаниями.

4. Учебные занятия дополнялись изучением структуры русских органов власти и партийных организаций непосредственно на местах.

В связи с этими четырьмя положениями, двухлетний учебный процесс в УТК им. Сунь Ятсена был следующим:

1. *Обучение языку.* Велась интенсивная работа по русскому языку, которая дополнялась на выбор курсом второго языка: английского, французского или немецкого. В первом семестре русский был самым важным и требующим наибольших усилий предметом, он был также одним из наиболее важных факторов при решении вопроса, выдержал ли студент испытания или провалился. Упор на это продолжался и во втором семестре, но к этому времени некоторые студенты просто бросали заниматься русским, тогда как другие продолжали борьбу с русской грамматикой.

2. *История.* Учебный процесс по истории включал следующие курсы: история развития общественных формаций, история китай-

ского революционного движения, история русской революции, история западных революционных движений и история восточных революционных движений. Причина такого акцента на преподавании истории была ясной: для марксистов традиционная история как продукт буржуазной историографии является хаосом, в котором мало осознанного порядка или объективных законов, направляющих историческое развитие человеческих сообществ. Все пять курсов по истории были новыми. Курс истории развития общественных формаций, касавшийся процессов и различных стадий общественного развития, был одним из самых ярких и интересных. К тому же я был активно вовлечен в него, поскольку исполнял роль старшего помощника преподавателя и делал много переводов, как с русского на китайский, так и с китайского на русский.

Историю китайского революционного движения преподавал Карл Радек. Его курс включал обзор китайской истории в целом, хотя акцент делался, что вполне понятно, на революционных движениях Нового времени. Взгляды Радека поразительно совпадают с взглядами китайского коммунистического историка Фань Вэньляня, и нет ничего невероятного в том, что взгляды последнего были заимствованы у Радека. Радек утверждал, что вся история Китая была историей аграрных революций². Два курса по истории русской революции и по истории западных революционных движений, как можно заметить, также фокусировались на революционных движениях. Преподаватель истории восточных революционных движений тоже был знаменитостью, и его курс, как и курс Радека, читался в лекционном зале. К сожалению, я не совсем уверен, что правильно называю его имя. Тем не менее, это был, по-видимому, Б. З. Шумяцкий, известный также как Андрей Червоный, специалист по восточным проблемам и в то время ректор московского КУТВа*.

В основе всех вышеназванных курсов по истории лежал один ведущий принцип — привить студентам концепцию «исторического материализма» и «мировой революции». Я уверен, что для достижения этой цели администрации университета приходилось работать очень активно.

---

* Шумяцкий (псевдоним Андрей Червоный) Борис Захарович (1886–1938) — революционер, политический деятель, дипломат, востоковед. В 1926–1928 — ректор КУТВа. Незаконно репрессирован и расстрелян в 1938. Реабилитирован в 1956 (прим. пер.).

Л. ВАКС

ПЕРВАЯ ВОЛНА
НАЦИОНАЛЬНО-
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ
НА ВОСТОКЕ.

БИБЛИОТЕКА	463
ИНВ. №	21650 / 772
ОТДЕЛ	ист. / Кин.
ЦИФР.	~~1~~
Год издания	1929

Издание КУТК. Москва, 1929г.

Ил. 3. Учебное пособие Л. Вакс. Первая волна национально-революционного движения в Китае. Издание КУТК, 1929

3. *Философия*. Философское образование преподавалось нам единственным курсом, называвшимся «материализм». Этот курс, рассчитанный на то, чтобы снабдить студентов новым мировоззрением и новой методологией — диалектикой, делился на диалектический материализм и исторический материализм. В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» Сталин дает четкие определения этих двух аспектов материализма. Он утверждает, что *«диалектический материализм является мировоззрением марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения и понимания их является диалектическим, в то время как его интерпретация явлений природы, его концепция этих явлений, его теория являются материалистическими»*³. Об историческом материализме Сталин пишет: *«Исторический материализм есть распространение принципов диалектического материализма на изучение общественной жизни, приложение принципов диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества и его природы»*⁴.

Два вышеприведенных определения очень ясно говорят о содержании курса. Большая часть молодых китайских интеллигентов в университете (а я был одним из них) имели лишь слабую подготовку по традиционной китайской философии и очень скудные знания о «буржуазной», то есть современной западной философии. Мы были мгновенно заморожены свежестью и новизной диалектического материализма. К тому же в моем классе этот предмет читался молоденькой и красивой преподавательницей, что делало его поистине захватывающим.

4. *Политическая экономия*. В основном этот курс заключался в изучении «Капитала» К. Маркса. Но так как этот труд был высокопрофессиональной и трудной для усвоения работой, мы использовали в качестве учебника сочинение Карла Каутского «Экономическое учение Маркса». Работа Каутского была поистине замечательной: она с несравненным блеском представляла идеи «Капитала». На втором году этого курса мы штудировали учебник И. А. Липидуса и К. В. Островитянова «Очерки политической экономии». В ней не только излагалась экономическая теория Маркса, но авторы применяли ее для анализа современного советского опыта в строительстве социалистической экономики. Вышеназванные труды и составляли

основное содержание изучаемой нами политэкономии. Этому курсу в университете всегда придавалось большое значение как одному из самых трудных курсов в двухлетней программе, и обычно он читался известными первоклассными экономистами России и Германии.

5. *Экономическая география.* Хотя марксисты отрицают, что географическая среда оказывает *определяющее** влияние на социальное развитие, они не могут, тем не менее, отрицать, что «географическая среда, несомненно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и, конечно, влияет на развитие общества, ускоряет или замедляет его развитие»⁵. После революции в России многие ученые занялись исследованиями по экономической географии — ветви географии, особенно хорошо развитой в Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве. Результаты их исследований в этой области внесли прямой вклад в советскую государственную экономику. Годы нашей учебы в Москве совпали со временем довольно интенсивного изучения экономической географии, в связи с чем такой курс и был введен в университете. Хотя русские уже проделали в этой области огромную работу, основные темы курса давались все же на базе исследований и достижений западных ученых, а многие лекции читались по-английски.

6. *Ленинизм.* В начале апреля 1924 г., после смерти Ленина в январе того же года, Сталин прочел в Москве, в Университете им. Свердлова, серию лекций, в которых системно изложил свою интерпретацию учения Ленина. Из этих лекций и родился «ленинизм». Позднее они были опубликованы под названием «Основы ленинизма» и приобрели огромное идеологическое значение. Как можно представить, «ленинизм» был в университете очень важным курсом. Учебником по нему стали вышеупомянутые лекции Сталина. Преподавателями «ленинизма» всегда были уважаемые коммунисты-теоретики. Из всех курсов университета именно этот имел самый впечатляющий список профессоров.

7. *Военное дело.* Изучение военной стратегии было предпринято как из-за теоретической важности этого предмета, так и по причине практической необходимости. Этот курс был, вероятно, одной из наиболее отличительных черт Университета им. Сунь Ятсена, так как в обычных университетах не приходится сталкиваться с военными науками в таком многообразии. говорил, что важные вопросы

---

* Слово выделено курсивом у автора (прим. пер.).

в истории всегда решались насильем, а Сталин в 1926 году говорил: *«В Китае вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции. В этом же кроется особое значение революционной армии в Китае»*⁶. Далее он указывал: *«Во-первых, коммунисты в Китае должны всемерно усилить политическую работу в армии...*

*Во-вторых, китайские революционеры, в том числе и коммунисты, должны взяться вплотную за изучение военного дела. Они не должны смотреть на военное дело как на второстепенное, ибо военное дело в Китае является теперь важнейшим фактором китайской революции»*⁷.

Серьезность, с какой курс военного дела велся в университете, имела тесную связь с этим сталинским суждением. Во время моего пребывания в Москве, начиная с декабря 1926 года, начальником по военному обучению был дивизионный командир с китайским именем Кун Цзечжи, его русское имя я забыл (в то время он, по-видимому, командовал Московским гарнизоном, а раньше служил военным советником в Китае). Кроме него, преподавателями были несколько офицеров в чине полковника, а также начальник университетского военного кабинета, командир авиационной эскадрильи, по фамилии Акимов⁸.

В военном кабинете, наряду с несколькими песочными топографическими макетами, были выставлены различные виды обычного огнестрельного оружия: пушки, ружья, пулеметы, гаубицы, а также ручные гранаты. Кроме обычных лекций в классах, в этом кабинете проводились лекции по устройству и использованию различных видов оружия. Мы также часто ездили в военные училища недалеко от Москвы и посещали близлежащие гарнизоны для упражнений в снайперской стрельбе. Начиная с 1928 года всех студентов-мужчин, за редким исключением, каждое лето облачали в военную форму и отправляли в армейские гарнизоны вблизи Москвы для прохождения полевых учений. Как рассказывает один из студентов, принимавших участие в таких учениях, большинство тамошних офицеров раньше служили в Военной школе Вампу в Китае. В конце учений один офицер сказал студентам: «Ваша военная подготовка сравнима с военной подготовкой курсантов школы Вампу первого, второго и третьего выпусков. И вы теперь способны вести военные кампании». Он не преувеличивал, потому что позже многие студенты

стали известными генералами, засвидетельствовав то, что военное и академическое образование успешно соединялись в нашем университете.

Некоторые курсы, такие как экономическая география и история развития общественных формаций, студенты университета проходили за один год. Другие дисциплины продолжались на втором году, но с сокращенным числом часов, чтобы освободить время для дополнительных курсов, таких как партийное строительство, советское строительство и рабочее движение. Они считались очень важными, но из-за низкой квалификации преподавателей были не очень интересными и имели малый успех. Коммунисты заявляют, что коммунистическая партия — авангард пролетариата и что только пролетариат представляет собой подлинно революционную силу, которая и есть главная опора всего интернационального революционного движения угнетенных народов. Чтобы революция победила, коммунисты должны принять на себя руководство рабочим движением. С этой точки зрения, недостатки читавшегося в УТК им. Сунь Ятсена курса под названием «Рабочее движение» были вопиющими. Представители Профинтерна* узнали об этом лишь позднее и были очень обеспокоены. Поэтому, когда я собирался возвращаться в Китай в 1932 году, работники Профинтерна, опасаясь, что я и другие, готовившиеся к отъезду домой, слишком «педагогичны» и нам не хватает практического опыта, организовали для нас специальный курс по рабочему движению. Задача его состояла в том, чтобы научить нас проводить забастовки и руководить рабочими. Главным лектором курса был специалист по рабочим движениям, генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский**. Для нас этот курс был запоздалой подготовкой, полезной не столько своей официальной целью, сколько подчеркнутым значением, которое «Штаб мировой революции» придавал рабочему движению в Китае. Часто приходил слушать этот курс Ли Лисань, который в это время «отбывал епитимью» в Москве, а Линь Цзухань⁹, председатель правительства Пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся в Яньани после Великого похода 1934—1935 годов, был постоянным слушателем курса.

---

* Красный интернационал профсоюзов (прим. пер).

** Лозовский Алексей (1878—1952) (Дридзо Соломон Абрамович), политический деятель, доктор исторических наук. С 1921 — генсек Профинтерна. В 1939—1946 — заместитель наркома (министра) иностранных дел СССР. Член ЦК ВКП(б) в 1939—1949. Репрессирован в 1952, реабилитирован посмертно (прим. пер).

Достоин упоминания еще один факт, связанный с учебным процессом. Несмотря на то что университет назвали в честь доктора Сунь Ятсена и что Гоминьдан был номинальным партнером в этом предприятии, в его стенах не велось ни одного курса по трем народным принципам*. При том, что в университете проводилось множество семинаров, семинара по изучению доктрины доктора Суня не было никогда. Тем не менее, в библиотеке можно было бесплатно получить сотни экземпляров работы на русском языке, озаглавленной «Исследование учения Сунь Ятсена». Хотя на книге не было имени автора, нам казалось очевидным, что написана она кем-то, кто очень много знал об этом предмете. Подробный анализ учения Сунь Ятсена был строго критичным. Автор главным образом развивал идеи, высказанные Лениным в 1912 году в статье «Демократия и народничество в Китае», где Ленин превозносит Сунь Ятсена как прогрессивного буржуазного демократа, одновременно предупреждая, что в основе социалистических идей Суня лежит «реакционная теория мелкобуржуазного “социалиста”»¹⁰. Открытость доступа к этой работе в университете, носящем имя Сунь Ятсена была, конечно, своеобразной иронией. Она демонстрировала, что отношения между русскими коммунистами и Гоминьданом основывались не на какой-то идеологической общности, а на политических расчетах и тактических соображениях.

Из всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы: во-первых, обычный четырехлетний курс проходил за два года. Работа была настолько интенсивной, что студентам приходилось проводить в аудиториях по восемь часов в день. Во-вторых, из характерного набора учебных курсов можно заключить, что амбиции университета состояли не менее чем в полной перековке мышления студента, начиная с основ философии и мировоззрения. Конечно, цель была в том, чтобы в любых условиях ухватить сущность и прийти к готовому ответу с помощью готовой методологии. И наконец, хотя номинально предполагалось, что Университет им. Сунь Ятсена будет готовить кадры для Гоминьдана, фактически он предназначался для выпуска студентов, ориентированных на дальнейшее развитие коммунистического движения в Китае.

---

* Три народных принципа, лежащих в основе учения Сунь Ятсена — национализм, народовластие и народное благоденствие (прим. пер.).

Организация некоторых групп и спецподразделений в университете

Университет им. Сунь Ятсена представлял собой настоящий «букет» личностей, отличающихся друг от друга по образованию и положению. В первом и втором выпусках было около пятисот студентов. Номер моего студенческого билета был 527. Это показывало, что ко времени моего поступления в университет в конце 1926 года до меня туда уже поступили 526 студентов. И, конечно, после меня также шли зачисления. Однако время от времени студенты покидали университет, не закончив обучения. Например, после пленума Исполкома Коминтерна в ноябре 1926 года около 30 студентов УТК были отобраны для участия в миссии М. Н. Роя* в Китае. Несмотря на это, число студентов, обучавшихся в университете в конце 1926 и начале 1927 годов, составляло примерно человек пятьсот. Большая часть их приехала прямо из Китая, но некоторые прибыли из США, Германии, Франции, Филиппин и других стран.

Один из бывших питомцев Университета им. Сунь Ятсена вспоминает: *«Группа из Китая была самой разнокалиберной. Там были красотки и хлыщии, домохозяйки и учительницы, солдаты, чернорабочие, арендаторы, хотя преобладали студенты. Согласно марксистской классификации, девяносто процентов из них были мелкой буржуазией. Огромная разница в происхождении объясняет потрясающие различия в уровне образования — от почти неграмотных до студентов, окончивших институты, и даже профессоров. После коммунистических восстаний в Наньчане и Кантоне в 1927 году число студентов в университете быстро выросло, произошел также и соответствующий качественный спад в уровне их образования»¹¹*. Вышеприведенное суждение не было преувеличением, поэтому в учебной программе и организации групп приходилось принимать в расчет это огромное многообразие приехавших. Иногда организация групп основывалась на лингвистической подготовке студентов. Например, в первом и втором выпуске были так называемые английский, русский и полурусский классы. Студенты в этих группах

---

* Рой Манабендра Нат (Бхаттачария Нарендра Нат) (1887—1954). Индийский коммунист. Сотрудник ИККИ с 1920. Член ИККИ в 1924—1927. Представитель ИККИ при Гомиьндане в 1927. Исключен из Коминтерна в 1929 (прим. пер.).

聯邦共產黨，中國共產主義勞動大學支部黨員登記表

1) Фамилия 姓名(中文)	盛志虎	姓名(俄文)	Шуцкевич	ОСТАВАНИЕ 學生証
3) 籍貫	湖南省邵陽縣	4) 年歲	22 (1902)	年生
5) 社會地位(過去的)	學生	6) 教育程度	高等教育	
7) 入黨	中共候補 1924年 月 省縣 地方黨	正式	1924年 月 省縣 地方	
	黨候補 年 月 省縣 地方	正式	年 月 省縣 地方	
8) 入團	中少共 候補 年 月 省縣 地方	正式	年 月 省縣 地方	
	隊少共 候補 年 月 省縣 地方	正式	年 月 省縣 地方	
9)	曾加入何種政黨做過何種工作 加入過國民黨，未做過何種工作。			
10)	曾加入何種政黨做過何種工作	加入過國民黨，未做過何種工作。		
10)	何時(從何時起何時止) 做過何種事業(在何種地方)	中國北京 1923—26.		
11) 入黨後的工作	組織名稱	地點省縣	何時起—到—何時止	責任
	黨內	北京黨支部 北京地方 教委		
	少共			
其他	其他到北京 工作也教 運動，校役 運動			
12)	生活的來源 由家庭供給			
13) 經濟狀況	多少人口 八人 父母職業：和存亡 每月多少收入 不明	多少供養者 不明 與家庭關係？ 遠道	動產與不動產多少？ 不明	
14)	有何特殊技能			
	今任人 屠維，屠老輕			
16)	能識何種文字 中俄。			
17)	能說何種言語 中俄何國 何省 湖南，一般以北方話			
18)	何時何地，何機關派來 北京地委 1926十一月未派來			
19)	證明人簽名(二人) 劉奇峯 Савколов 許建民 Шумин			
20) 備改	其他自己說有家庭有四子 組長注			

Ил. 4. Стандартная общая анкета студента УТК, которую Шэн Чжунлян (уже Мицкевич) заполнил по прибытии в Москву в конце 1926 (РГАСПИ, 495-225-2984-11).

обучались в основном на том иностранном языке, который они уже были в состоянии понимать. В английском классе, например, лекции читались на английском, и там были люди, которые либо обучались в Соединенных Штатах, либо ранее изучали английский язык. Русский класс состоял из студентов, которые учили русский в Китае или же быстро научились языку в России. В полурусском классе переводчик использовался только часть урочного времени. Такая процедура несколько смягчала хроническую нехватку переводчиков с русского на китайский. Она облегчала также общение между студентами и преподавателями, для которых процесс перевода был очень обременительным и требовал больших затрат времени.

По прибытии в университет в ноябре 1926 года я был принят в десятую группу второго выпуска, в которой все занятия проводились с помощью переводчика на китайский язык. Позже я перешел в седьмую группу, которая также работала с переводчиком. Там я встретился со своими друзьями У Цзяюем и Ван Чунью. Одно время У изучал русский в Пекинском университете, но позже специализировался по китайской литературе, поэтому в Москве ему пришлось учить русский заново. Ван сидел в классе рядом со мной. Это был очень крупный мужчина родом из Шаньдуна, прямой, честный и не терпящий условностей. Он также был блестящим филологом. В общем, я должен сказать, что извлек громадную пользу из тесного общения с этими двумя одноклассниками. Однако, к сожалению, вскоре меня перевели в четвертую группу, так называемый полурусский класс.

Помимо лингвистических соображений, распределение по классам, по-видимому, зависело и от длительности пребывания в партии (в КПК, конечно). С учетом именно этого критерия была сформирована седьмая группа первого выпуска. Мы называли ее «теоретическим классом». Студенты этой группы были в основном старыми членами партии и имели большой опыт в революции. Некоторые из них имели статус профессора. Многие были уже известными людьми, такие как Чжоу Тяньлу, Шэнь Цземинь, Дэн Сяопин, Ху Чжун, Ли Зюньцзе, Юй Сюсун, Чу У, Цзо Чуань и студентка Ван Бянь.

Юй Сюсун, например, сыграл важную роль в ранней истории КПК. Когда в марте 1920 года Коминтерн послал в Китай Г. Н. Войтинского* в сопровождении Ян Минчжая, Юй послужил Войтин-

---

* Войтинский (Зархин Григорий Наумович) (1893–1953), политический деятель,

скому очень хорошим помощником: способствовал созданию Китайского социалистического союза молодежи и основанию КПК. Кроме того, он помог основать Институт иностранных языков в Шанхае. Ван Бянь была руководителем Социалистического союза молодежи в провинции Шаньдун. Шэнь Цзэминь, брат известного коммунистического писателя Шэнь Яньпина (Мао Дуня), был также хорошо известен в шанхайских литературных кругах. В 1923 году он, вместе с Ван Цюсином и Цзян Гуанчжи, однокурсниками по Шанхайскому университету, руководил «Движением за революционную литературу». В Университете им. Сунь Ятсена он был не только студентом, но также переводчиком и помощником преподавателя, входил в число «28 большевиков». Вскоре после возвращения в Китай Шэнь как представитель ЦК КПК был послан на Хубэй-Хунань-Аньхойскую базу, где умер после долгой болезни.

Дэн Сяопин*, сначала получавший образование во Франции на принципах «учебы в условиях труда и экономии», позже приехал в Москву и стал студентом Университета им. Сунь Ятсена. За низенький рост и боевой дух его прозвали «Маленькой пушкой». После возвращения в Китай Дэна назначили в провинцию Гуанси, где он организовал восстание в войсках Гоминьдана и стал основателем Советского района. Позднее он занимался важной политработой в китайской Красной Армии, и при Мао Цзэдуэ его влияние быстро и заметно возросло. На VIII съезде КПК в 1956 году он стал генеральным секретарем ЦК КПК. Наряду с множеством других деяний высшего порядка, Дэн возглавлял прибывшую в июле 1963 года в Москву делегацию КПК, которая вела, а затем прервала переговоры с руководством КПСС. Тем не менее, в период «Великой пролетарской культурной революции», которая началась в 1966 году, он стал второй после Лю Шаоци мишенью для атак.

китаевед. Член РКП(б) с 1918. В 1920–1927 на ответственной работе в ИККИ. Как представитель ИККИ встречался в 1920 с Сунь Ятсеном в Шанхае и Гуанчжоу, участвовал в работе IV и V съездов КПК, а также ряда пленумов ЦК КПК в 1924–1926. В 1926–1927 — председатель Дальневосточного Бюро ИККИ в Шанхае. С 1930-х работал в Москве (прим. пер.).

* Дэн Сяопин (1904–1997). Член КПК с 1924. Генсек ЦК КПК в 1956–1966. С конца 1970-х начал реформы и построение «социализма с китайской спецификой», которые вызвали бурный экономический рост в КНР. До конца жизни был фактическим духовным лидером КНР, оказывал решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны (прим. пер.).

Чжоу Тяньлу порвал с КПК и впоследствии стал видным троцкистом. Он был очень образован в китайской истории и литературе, и одно время служил советником генерала Ху Цзуннаня. Убит подпольным агентом КПК в Шанхае в 1949 году, незадолго до взятия города коммунистами. Чу У был зятем покойного героя Гоминьдана Юй Южэня. Одно время он вышел из КПК и стал членом Контрольного Юаня в правительстве националистов. С 1949 года работал в Пекине. Цзо Чуань сначала учился в Военной школе Вампу, а после окончания Университета им. Сунь Ятсена продолжил свою учебу в одной из московских военных академий. В 1930 году Цзо вернулся в Китай и был назначен в Советский военный район в провинции Цзянси*, в качестве командующего 15-й армией. Нетрудно заметить, что этот «теоретический класс» был весьма необычным. Хотя в первом и втором выпусках университета имелись и другие группы, ни в одной из них не было таких замечательных личностей.

Группу, названную «особым классом», сформировали в 1928 году. В ней учились не только старые члены КПК, но и «отцы-основатели» Гоминьдана, такие как У Юйчжан, который являлся членом Тунмэнхуэй** и членом ЦИК Гоминьдана. Во время революции 1925—1927 годов У представлял в Уханьском правительстве Коммунистическую партию. После поражения революции его послали в УТК им. Сунь Ятсена, а когда в 1930 году университет закрылся — во Владивосток, как преподавателя советской партийной школы, совместно учрежденной местным парткомом и местным правительством для молодых китайских рабочих, живущих на Дальнем Востоке***. Ректор и все преподаватели школы были бывшими студентами УТК. После возвращения в Китай У занимался в КПК

---

* В конце 1920-х в Китае развернулось революционное движение под лозунгом Советов. В этих условиях КПК сумела создать на периферии ряд революционных баз, где была установлена советская власть. Советский район на стыке провинций Хунань—Хубэй—Цзянси возник летом 1928 (прим. пер.).

** Тунмэнхуэй — Объединенный союз, революционная организация, создана Сунь Ятсеном в 1905 в Японии, на базе Синчжунхуэй (Союза возрождения Китая). Его программа включала требования свергнуть маньчжуров, восстановить суверенитет Китая, создать республику, уравнивать права на землю. Тунмэнхуэй был первой буржуазно-революционной партией с отделениями во всех провинциях Китая и многих странах, где жили китайские эмигранты, и одной из ведущих политических сил в ходе Синхайской революции 1911. В 1912 на основе Тунмэнхуэй была основана партия Гоминьдан (прим. пер.).

*** В то время в районе Владивостока проживали около ста тысяч китайцев.

вопросами культуры и образования. К моменту своей смерти 12 декабря 1966 года он был членом ЦК КПК и председателем Госкомитета по упрощению китайской письменности. Многие преобразования в китайском языке осуществлены его стараниями. Еще находясь в университете, он уже начал работу по латинизации китайского письма. Во время пребывания во Владивостоке он был, как и я, членом советского Дальневосточного комитета содействия латинизации китайского письма. Одним из его важных вкладов в эту работу стало создание латинизированного учебника и словаря.

Другим членом «особого класса» был Линь Цзухань, звавшийся также Линь Боцюем. Он вступил в революционное движение, будучи студентом в Японии, и был одним из первых товарищей Сунь Ятсена и членом Тунмэнхуэй. В 1920-х годах, в период сотрудничества Гоминьдана и КПК, он был членом ЦИК Гоминьдана и одним из влиятельных представителей КПК в гоминьдановской администрации. Как и У Юйчжан, он приехал в Москву в 1928 году, и опять так же, как У, поехал во Владивосток преподавать в советской партийной школе молодым китайским рабочим. После возвращения в Китай он стал сначала министром финансов Центрального Советского правительства в провинции Цзянси, а позже, в Янаньский период — председателем коммунистического правительства в Пограничном районе. Незадолго до смерти в 1960 году Линь был членом Политбюро ЦК КПК.

Третьим старейшиной «особого класса» был известный педагог из Хунани Сюй Тели, прозванный Старой бабкой. В числе его учеников фигурировал Мао Цзэдун. В 1968 году он был заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПК и ветераном КПК. В «особом классе» учился и Е Цзяньин, который впоследствии стал маршалом китайской Красной Армии* и членом ЦК КПК. В то время, когда писалась данная книга, он занимал сразу несколько важнейших военных и правительственных постов в Пекине. В «особом классе» учились также Цзян Хао (в начале 20-х годов член парламента

---

* Рабоче-крестьянская революционная армия Китая основана 1 августа 1927 под руководством Мао Цзэдуна. В июне 1928 переименована в Красную. В 1937, при создании единого фронта борьбы против японской агрессии, КПК отменила название «Красная Армия» и влила свои войска в Национально-революционную армию (НРА) Гоминьдана под названием 8-й армии НРА и Нового 4-го корпуса НРА. В конце марта 1947 переименована в Народно-освободительную армию Китая (НОАК) (прим. пер.).

Пекинского военного правительства¹²) и Фан Вэйся, служивший в начале 20-х годов заведующим делами образования в Хунаньском провинциальном правительстве. Оба были видными коммунистами, игравшими руководящие роли в Наньчанском восстании 1 августа 1927 года. Еще одним учеником «особого класса» был Ся Си, участник VI Всекитайского съезда КПК, состоявшегося в июне 1928 года в Москве, где его избрали членом ЦК КПК. По возвращении в Китай он был назначен в Хунху — Хунань — Западно-хубэйскую базу для заведования партийными делами. И наконец, здесь был Хэ Шухэн, вместе с Мао Цзэдуном представлявший Хунаньскую коммунистическую группу на I Всекитайском съезде КПК в Шанхае 1 июля 1921 года. Хэ Шухэн также был делегатом VI Всекитайского съезда КПК, а в 1930 году по возвращении из Москвы его назначили на работу в Советский район в Цзянси. Он участвовал в I Всекитайском съезде советов в Жуйцзине, провинции Цзянси, 7 ноября 1931 года. На этом съезде его избрали генеральным инспектором Центрального Советского правительства в Китае*. Он также принимал участие во II Всекитайском съезде китайских Советов, проходившем в Цзянси 22 января 1934 года, где был избран членом ЦИК Центрального Советского правительства.

Просмотр списка этих лиц не оставляет сомнений, что они действительно представляли собой «особый класс». У всех была необычная карьера, все были высокообразованы, и все были опытными бойцами революции. Лидеры такого ранга, естественно, создавали трудности для администрации университета. Во-первых, многим из них было больше пятидесяти лет, и память их ослабла. Поэтому число часов по иностранному языку для них нужно было соответственно уменьшить. Во-вторых, почти все они были хорошо образованными людьми, поэтому занятия с ними нужно было вести на более высоком уровне, чем в обычных группах. В-третьих, поскольку раньше они были руководителями и должны были продолжать революционное руководство после возвращения в Китай, особый упор приходилось делать на подготовку к этой работе.

В условиях такого особого внимания к ним эти «старые студенты» проявили в занятиях огромный энтузиазм. Одним из самых прилежных учеников оказался Сюй Тели. В это время ему было

---

* Центральный Советский район сложился на стыке юго-восточной части Цзянси и западной части провинции Фуцзянь (прим. пер.).

уже далеко за пятьдесят, и зубы у него частично выпали, что причиняло ему значительные трудности при воспроизведении сложных русских звуков. Но он был непреклонен. Каждое утро поднимался очень рано и практиковался в произношении слов. Другим никогда не устававшим учиться студентом был Хэ Шухэн. Несмотря на туповатую наружность, в действительности он был очень сообразительным человеком. В мае 1927 года, когда генерал Сюй Кэсян произвел антикоммунистический переворот в Чанша, провинции Хунань (это был «инцидент Ма-цзи»), Хэ Шухэн оказался в числе арестованных, и, конечно, у него оставалось мало шансов избежать смертного приговора. К счастью для него, судья не знал, кто он такой, и заключил, судя по внешности, что Хэ, конечно, не бунтовщик, а, наверно, старый деревенский грамотей. Судья презрительно спросил у Хэ фамилию и род занятий. Тот ответил, что фамилия его Чжан и что он частный учитель. Затем, притворившись простаком, он принялся читать отрывки из книги «Беседы и суждения» Конфуция. Судья нетерпеливо его прервал: «Знаете ли Вы, что такое Гоминьдан и коммунисты?» На этот вопрос Хэ с достоинством ответил: «Я ученый! Чего я только не знаю?» — «Тогда расскажите, что Вы знаете! Говорите же, говорите!» На это Хэ ответил с явным самодовольством: «Я знаю, что Гоминьдан — это три народных принципа, а коммунистическая партия — попечитель “Конституции пяти прав”». Эта изумительная «теория» была награждена громким хохотом, и даже судья не мог удержаться от улыбки. Громким стуком судейского молотка Хэ был отпущен из зала суда. Когда же власти обнаружили, кем он был в действительности, Хэ уже давно исчез.

Студенты «особого класса» давали повод для бесконечных забавных анекдотов. После двух лет интенсивных занятий успехи «особого класса», понятно, были велики, и те из них, кто не был арестован или казнен, внесли значительный вклад в дело революции. Однако мне не следует больше отклоняться.

«Подготовительный класс», специальная группа для малообразованных рабочих, появился следующим образом. В 20-х годах Коминтерн выразил недовольство тем, что личный состав КПК образуется неправильно, что большая часть членов КПК имеет мелкобуржуазное происхождение и что китайская компартия не привлекает в свои ряды рабочих и не готовит кадры из их числа. «Как такая партия надеется когда-либо привести к гегемонии пролетариат?» — вопрошал Коминтерн. По этой причине на 4-м Конгрессе Комин-

терна в ноябре-декабре 1922 года Карл Радек упрекнул Чэнь Дусю, заявив ему, что надо выходить из конфуцианской башни слоновой кости и начинать рабочее движение. Коминтерн был явно недоволен чрезмерно академичным, с его точки зрения, составом руководства КПК, считая его недостаточно пролетарским. И действительно, после этого КПК начала привлекать в свои ряды больше рабочих и готовить пролетарские кадры. Так, в июне 1928 года на VI Всекитайском съезде КПК, в соответствии с пожеланиями Коминтерна, генеральным секретарем КПК был избран Сян Чжунфа, бывший лодочник из Ханькоу. Это и положило начало «пролетарской эры» в КПК. В истории компартии Китая такой шаг по избранию пролетария партийным руководителем был беспрецедентным. Однако, на самом деле, эта акция была простой формальностью, потому что за все время, от избрания до своего ареста и казни, Сян всегда был лишь простой марионеткой.

В это же самое время «пролетарская эра» была провозглашена и в Университете им. Сунь Ятсена. После поражения революции в 1927–1928 годах коммунистические организации в Шанхае, Ухане, Кантоне и других промышленных и торговых центрах оказались в основном разгромленными. Больше всех пострадали члены партии из пролетариев, и, чтобы спасти оставшихся, в УТК в Москве была послана группа избранных пролетарских товарищей. Большинство из них оказались неграмотными. Подготовка и обучение такого контингента были крайне сложными, поэтому все они и были зачислены в специально созданный «подготовительный класс», первоначальная задача которого состояла в ликвидации их неграмотности с добавлением определенного объема общих знаний. Основными предметами, которые преподавали в этом классе, были китайский язык, история, география, арифметика и «политический здравый смысл». В нем также обучали русскому языку. Мне была оказана честь вести в этой группе курс «политического здравого смысла», что меня очень напугало. Я знал, что это необычные студенты. Теоретически, они должны были стать будущими руководителями революции. Между тем у некоторых студентов отсутствовала всякая образовательная база, и читать им лекции было очень трудно. Прогресс в классе шел медленно, а достижения были далеки от идеальных. Однако, беря в расчет почти полное отсутствие образовательной базы, многого от них и нельзя было ожидать. На занятиях рабочие использовали текст бухаринской «Азбуки коммунизма», а внеклассно изучали практиче-

ские аспекты пролетарского руководства, участвуя в работе партийной и студенческой организаций.

Несмотря на общий низкий образовательный уровень, пролетарии составляли в университете мощную фракцию. Ситуацию, касающуюся руководства пролетариата, можно проиллюстрировать одним случаем, хотя он и выходит за рамки описания учебных программ. Председателем студенческой коммуны был избран рабочий, и даже дежурный в столовой имел пролетарское происхождение. Этим дежурным был человек по имени Ли Цзяньцзю, герой трех Шанхайских восстаний (1926—1927 годов). У него всегда были налитые кровью глаза и устрашающее выражение лица. С ним и произошел инцидент, который я помню очень ясно. Один «буржуазный» студент, по имени Симэнь Цзунхуа¹³, ел только хлебные мякиши, а корки выбрасывал. В то время это было откровенной бесхозяйственной расточительностью, чего не мог допустить Ли. Сначала Ли, как дежурный, пытался убедить Симэня, что тот поступает неправильно. Однако Симэнь, чувствуя, что его самолюбию брошен вызов, пропускал слова Ли мимо ушей и продолжал есть только мякиш. В конце концов, Ли вспыхнул так, что его налитые кровью глаза засверкали еще страшнее, чем обычно. Он схватил нож и бросился на Симэня, как будто бы хотел убить его на месте. Симэнь поспешно ретировался. Ли наблюдал его бегство с довольным смехом, и на этом все закончилось.

Семинары (по-русски — кафедры) были другой важной составной частью организации учебы в Университете им. Сунь Ятсена. В них входили профессора курсов, ассистирующие им преподаватели и переводчики. Они собирались регулярно для обсуждения текущего чтения курсов и для подготовки лекционных материалов и переводов. Такие семинары имелись при курсах военного дела, истории развития общественных формаций, политической экономии и «ленинизма». У каждого семинара были свое место для офиса и особые выделенные им комнаты. В помещении семинара военного дела хранилось различное оружие и топографические макеты, в то время как в помещении кафедры истории развития общественных формаций был маленький музей с различными схемами эволюции человеческого общества и множеством экспонатов. Эти семинары оказывали очень большое воздействие на причисленных к ним студентов.

Меня назначили вести семинар истории развития общественных формаций, и я возглавлял китайский персонал этого курса. Курс лек-

ций был очень обширный, мне приходилось набирать факты из самых разных областей, таких как археология, антропология и палеонтология, каждая из которых имела свой сложный словарь специальных терминов. Поэтому среди переводчиков это был самый непопулярный курс, однако мне он нравился, нравилось и переводить для него.

Участниками этого семинара были Ли Чжоушэн, Ян Шанкунь, Ван Шэнти (Ван Хао), Сяо Тефу, Лю Цифэн, Фань Хуэйчжоу и мистер Сюй. В конце 1960-х годов, во время «Великой пролетарской культурной революции», Ян Шанкунь, как член ЦК КПК и главный управляющий канцелярии ЦК, подвергся резким нападкам. Ван Шэнти, приехавший в Москву из университета в Париже, по возвращении в Китай был назначен заведующим пропагандой в комитете КПК провинции Цзянсу. Позже он был арестован и оставил партию, а после своего освобождения стал профессором Института аграрных исследований в Нанкине, затем занялся административной работой и стал начальником Управления земельными делами провинций Хунань и Хубэй. В 1949 году, когда коммунисты оккупировали материк, Ван как раз завершал свой срок работы на посту мэра города Чанша в провинции Хунань. Его взяли в плен, и он умер в тюрьме. Сяо Тефу, еще один переведенный из Франции студент, после возвращения в Китай стал профессором экономических наук в Пекинском университете. Ли, Ян, Ван, Сяо и я — все мы входили в число так называемых «28 большевиков». О судьбе остальных трех упомянутых выше студентов я знаю мало. После закрытия УТК Лю Цифэн остался в Москве и переводил классиков марксизма. А судьбы Фань Хуэйчжоу и мистера Сюя для меня полная тайна.

Курс лекций читали четыре профессора. Главным был бородастый человек по фамилии Левковский, любитель выпить. Я был у него переводчиком. В это время я изучал русский всего шесть или семь месяцев, и однокурсники откровенно сомневались в моих способностях, а я, должен признаться, сомневался в них еще больше. К счастью, Левковский был очень общительным и понимающим человеком и на первых порах очень мне помогал. Хотя часы, которые я проводил в семинаре, переводя материалы или консультируясь у дежурного профессора по каким-нибудь неясным пунктам в лекциях, щедро оплачивались, честно говоря, работа переводчиком скорее причиняла мне ущерб, чем помогала. Подготовка к семинарам занимала много времени и мешала моей собственной работе, однако эти потери времени компенсировались ста семьюдесятью пятью

рублями в месяц — суммой для того времени значительной. Среди студентов я считался «капиталистом», и на меня сыпались просьбы о «займах и пожертвованиях». Я стал известен как Маленький Мэн Шанцзюнь. Был в Древнем Китае такой первый министр, прославившийся своей щедростью.

Семинар консультаций по русскому языку был также организован для помощи студентам, изучающим русский. Преподаватели русского языка дежурили по очереди, отвечая на все вопросы, какие только могли появиться у студентов. Я был частым посетителем этих консультаций, особенно во время моего второго семестра, когда сам уже стал переводчиком, так как осознал, что многие русские учебники все еще для меня трудны. Ежедневно я проводил в семинаре консультаций многие часы с русским текстом и словарем, отыскивая новые слова, задавая вопросы преподавателям и делая записи. После семестра напряженной работы я перешел к более трудному чтению, такому как ленинская работа «Государство и революция». Своими быстрыми успехами я обязан, естественно, моим преподавателям, но уникальный консультационный семинар был тоже великим подспорьем. Преподавателями языка, по большей части, были женщины, и я по сей день не могу забыть их терпения, отзывчивости и чувства ответственности.

Уникальные методы преподавания, применявшиеся в УТК им. Сунь Ятсена

Методы преподавания в УТК были уникальны, и их хвалили все студенты, вне зависимости от того, в какой партии они состояли. Эти методы эффективно сочетались с интенсивным двухлетним учебным процессом. Прежде всего, методы преподавания находились в функциональной зависимости от различного уровня образования студентов в обычных, специальных и подготовительных группах. В обычных и специальных группах они были еще в чем-то сходными, а от методов, принятых в подготовительных группах для рабочих и крестьян, где главной задачей была ликвидация неграмотности, отличались разительно. Естественно, специальные методы различались также в зависимости от различных дисциплин. Например, в таких курсах, как диалектический и исторический материализм, наибольший упор

делался на теоретическое мышление и дискуссии, а в таком, как военное дело, упор был на практическое применение знаний.

Для начала я расскажу о методах преподавания русского языка. За исключением очень немногих студентов, изучавших русский до приезда в университет, почти все остальные студенты не имели ни малейшего представления о сложностях русского языка. Тем не менее, поскольку университет работал по ускоренной двухлетней учебной программе, мы были немедленно погружены в интенсивные курсы чтения русских газет, русской прозы и русской грамматики. Эти три курса шли по четыре часа аудиторных занятий в день, шесть дней в неделю. Хоть это и было нормальное число часов для такого курса, но их все равно не хватало для быстрого овладения языком в столь высокой степени, какая требовалось для активного двух-летнего обучения в УТК. Поэтому в учебном процессе применялся метод, который я назову «методом быстрого обучения».

Первым курсом русского языка, который я посещал, было «Чтение русских газет». Читали мы «Правду», и наше введение в курс было кратким и каким-то неортодоксальным. Перед нами положили одинаковые экземпляры этой газеты, и тут же преподавательница начала читать газету вслух. Судя по выражению ее лица, она была явно воодушевлена тем, что читала. Мы, однако, были глухи. Это, казалось,нисколько ее не беспокоило, и она только указывала на первую страницу и говорила: «Сегодня в номере...». В то же время жестами указывала, чтобы мы повторяли за ней. Прошли месяцы, прежде чем мы, наконец, приобрели «слух» в отношении русского языка. Однако после этого начального периода прогресс пошел удивительно быстро. Лишь позднее мы оценили эффективность прямого устного метода.

Вторым курсом было чтение русской прозы. Специально для нас был создан сборник русских текстов. Статьи были, скорее, теоретического или логического, чем описательного или экспрессивного характера. Совершенно очевидно, что цель этого курса состояла не в том, чтобы научить нас пониманию русской литературы, а в том, чтобы снабдить нас соответствующим словарным запасом по политике, философии и экономике, который был нам необходим для революционной работы. Здесь от студента требовалось участие во всем. Верно или неверно он говорил, но студент должен был научиться не смущаться своими ошибками и говорить, говорить, говорить... Последним курсом была русская грамматика, предмет, мягко говоря, очень сложный. Одних падежных окончаний достаточно, чтобы

свести человека с ума. Тем не менее, эти окончания должны быть заучены, если хочешь научиться чтению и письму. В этом курсе мы писали сочинения очень редко. Вместо этого внимание было сосредоточено на синтаксисе и грамматике, необходимых для чтения на русском. Предполагалось, что мы можем заниматься сочинениями и литературой самостоятельно.

Несмотря на эффективность преподавания русского языка, мы выучили как раз столько, сколько можно выучить за время двухлетнего обучения. Из более чем тысячи студентов, прошедших, по моим оценкам, через университет от его основания в 1925 до закрытия в 1930 году, нужного мастерства в русском языке достигли, думаю, около 10 процентов. Потому что даже если бы в течение двух лет учить только русский язык и ничего более, и то было бы трудно по-настоящему стать искусным в языке. В действительности же, помимо русского, в университете каждому приходилось иметь дело со многими другими неязыковыми курсами. Кроме того, упор в занятиях делался на политическую, экономическую и философскую лексику, а лексика русской литературы исключалась. Это означает, что мы были отрезаны от культуры матушки-Руси, что недопустимо для того, кто стремится «быть как дома» в русском языке. Мы не читали ни одного отрывка из литературных произведений, даже из Горького, и никто из нас, за исключением, как я полагаю, очень немногих, не мог переводить русские литературные труды. Я помню, как бился самостоятельно над «Матерью» Горького. Но это оказалось мне не по зубам, и мое понимание текста было, скорее всего, весьма поверхностным. Трудности в чтении Горького проистекали не просто от непонимания культуры матушки-Руси, а оттого, что Горький писал на сугубо разговорном русском, а в классе мы изучали неживой книжный язык. Поэтому когда мы сталкивались с обыкновенными русскими, общение оказывалось очень трудным, и мы должны были учить язык обычных людей самостоятельно, то есть его учили те из нас, у кого для этого были какие-то мотивы. Я полагаю, однако, что такие проблемы являются общими для всех интенсивных программ изучения языков, и сомневаюсь в том, что наша программа была менее удовлетворительной, чем большинство других.

Метод обучения общественным наукам можно разделить на четыре стадии. На первой стадии профессор читал по-русски, давая общий контур какой-то проблемы, определяя ее и указывая на важные пункты, которые студенты должны были записывать. То есть

профессор давал основы изучаемого и пояснения к ним вместе со списком рекомендуемой литературы, в котором указывался минимум и максимум того, что надо было прочитать. Изучая эти заметки и рекомендованные материалы, студент сталкивался со многими вопросами и неясностями, потом они разбирались в классе на консультациях, во время которых профессор давал ответы на вопросы. Классные консультации составляли вторую стадию вышеупомянутого метода. На третьей стадии профессор задавал отдельным студентам вопросы, на которые они должны были отвечать без подготовки. Последней стадией процесса было обсуждение, которое представляло собой попытку подытожить материалы, изученные на предыдущих стадиях. Дискуссия была свободной, и часто возникали жаростные споры. Во время этих итоговых дискуссий профессор играл роль арбитра. Под конец обсуждения он мог указать, чьи взгляды были правильными, а чьи неправильными, и мог подытожить верную позицию. Каждая стадия такого преподавания занимала около двух часов, и отметки выставлялись почти всегда на основании участия каждого из студентов в классной работе.

Студенты УТК были под большим впечатлением от вышеупомянутого метода преподавания. Они чувствовали, что он был куда более вдохновляющим и эффективным, чем обычный метод чтения лекций. Мне кажется, этот метод имел ряд преимуществ. Самыми важными были следующие: во-первых, он стимулировал мышление, а не делал упор на механическое запоминание; во-вторых, студенту приходилось быть активным, а не пассивным. Он должен был выбрать себе свою особую тему и рекомендованную литературу из общего списка, а также анализировать и критиковать работы, которые читал, и задавать по ним вопросы. В-третьих, студент извлекал громадную пользу из взаимных обсуждений, начиная видеть проблемы там, где раньше их не подозревал, и рассматривать старые решения в новом свете. В-четвертых, акцент на ежедневную работу и устную проверку в классе, при одновременном упразднении формальных экзаменов, давал возможность правильно оценить достоинства студента¹⁴. В-пятых, учеба была похожа на сражение. Когда кто-нибудь выдвигал свои аргументы, это было подобно атаке на поле боя. Терпя поражение, студент учился стойкости перед лицом противника, а также такту в признании поражения и подчинении воле большинства.

Еженедельные собрания ячеек коммунистической партии, в которые были сгруппированы те из нас, кто был членом партии или

Союза молодежи, проводились точно так же, как и упоминавшиеся выше классные обсуждения. В каждой ячейке обычно бывало двадцать или, самое большее, двадцать пять человек. Возглавлялась она куратором. После упразднения Московской секции КПК куратором всегда был русский. На собраниях ячейки мы могли говорить все, что хотели, или чуточку осторожнее, но от каждого из нас требовалось сказать что-нибудь по поводу обсуждаемой темы. Никто не мог отмолчаться, и любого, кто пытался это сделать, куратор вызывал для выступления. Конечно, одним из аспектов такого подхода к собраниям ячейки и классным обсуждениям было стремление убедиться, все ли участники придерживаются правильных взглядов, и, выявив отклоняющихся, работать с ними. Но другим аспектом было стремление развить во всех нас умение самостоятельно выражать свои мысли. Метод был эффективным во всех отношениях. Даже полуграмотные рабочие развивали свои способности к публичному выражению мыслей благодаря тому, что их постоянно заставляли это делать. Таким образом, если кто-то вообще не был способен что-нибудь писать или даже читать, он обычно становился искусным в произнесении речей, что было важным качеством революционного агитатора. Например, Сян Чжунфа, бывший полуграмотный лодочник, который несколько лет был генеральным секретарем КПК, писать достаточно хорошо не мог, тем не менее, он был довольно умелым оратором. И такие примеры были нередки.

Оставив теперь в стороне классные методы обучения, расскажу о более практических сторонах нашего образования. Они состояли преимущественно в экскурсиях, путешествиях и практике на промышленных предприятиях. Летом 1927 года, после моего приезда в Россию, университет организовал две поездки — одну на Крымский полуостров, другую на Кавказ. Целью обеих поездок было изучение истории и социальной структуры различных национальностей в этих районах.

Я был в группе, которая ездил на Кавказ. Она состояла из шести или семи студентов и возглавлялась деканом Игнатовым. Сопровождал группу также профессор западной истории Вакс и профессор курса истории развития общественных формаций. Мы выехали из Москвы в июле, поездом добрались до Владикавказа, а оттуда продолжали свое путешествие на автобусе по знаменитой Военно-Грузинской дороге. По пути мы остановились на один день и две ночи вблизи Казбека и видели вечный ледник и вулкан. Мы

посетили также селения окрестных горцев. Оставив позади Казбек, наш автобус стал взбираться все выше и выше в горы.

Наконец, мы прибыли в местечко, называемое Пасанаури. На другой день отправились в горы, чтобы посетить народность хевсуров, насчитывавшую примерно пятьсот человек. Хотя этот народ жил в горах, они не считались отсталыми. Мы познакомились с почтенным старейшиной, которому было 125 лет. С помощью молодого милиционера-хевсура мы смогли провести со старейшиной очень интересное интервью. Этот народ был очень гордым, храбрым, воинственным и славился долгожительством. Хевсуры сопротивлялись угнетению со стороны русского царя, боролись также и с советским режимом. Советское правительство пыталось покорить этот народ военной силой, но хевсуры отважно боролись с русскими, умело используя преимущества горной местности. Конфликт тянулся бесконечно, и, в конце концов, советской власти пришлось прибегнуть к мягкому подходу — освобождению хевсуров от налогов и обучению избранных хевсурских юношей. При посредстве этой группы образованной молодежи народ был постепенно покорен. От хевсуров мы поехали в Тифлис (теперь переименованный в Тбилиси), столицу Грузинской ССР, где нас очень тепло встретили местные жители. Мы прожили в Тифлисе два дня, и многое узнали о Грузии.

До сих пор мы путешествовали в горах. Но затем прибыли в местечко под названием Чаква, расположенное у самого Черного моря. В Чакве были плантации чая, тогда единственные в России. Здесь рос и бамбук, а на плантациях работали китайские чаеводы, учившие русских искусству выращивания и возделывания чая. Этих китайцев русские принимали по-царски. Пробыв в Чакве два дня, мы поехали в Батум, важный порт Грузинской ССР на восточном берегу Черного моря. Гигантские нефтепроводы соединяли Батум с нефтяными месторождениями Баку. Батум был цветущим городом с прекрасными пейзажами в окрестностях. Наш руководитель Игнатов первый раз в Батуме увидел светлячков, чайные кусты и банановые заросли. Из Батума на пароходе мы отплыли на курорты побережья Черного моря — в Сухум, Сочи, Ялту и Севастополь, а из Севастополя поездом вернулись в Москву. Все путешествие длилось больше месяца, и мы проехали тысячи километров. Увидели и услышали много для себя интересного. Это было что-то вроде курсов истории национальных меньшинств южной России.

В апреле 1928 года университет организовал поездку в Ленинград, в которой могли участвовать все студенты. Мы посетили многие знаменитые исторические места, в том числе Летний и Зимний дворцы, побывали также на многих заводах и в доках. Разумеется, посетили и Смольный институт, откуда шло управление самой Октябрьской революцией. На третьем этаже Смольного мы побывали в трех комнатах, которые были выделены Военно-революционному комитету Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, отвечавшему за проведение восстания 24 октября 1917 года, по старому русскому стилю, или 6 ноября, по новому. Мы видели также комнату № 86 на втором этаже, где во время восстания работал и жил Ленин. Таким образом мы еще больше познакомились с историей России, особенно с историей Октябрьской революции. Что оставило во мне самое глубокое впечатление, так это промозглые, абсолютно темные камеры на Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Нам сказали, что сюда заключали непокорных революционеров. Мы попробовали испытать на себе воздействие некоторых из этих темниц: когда закрывались их массивные дубовые двери, человек оставался в полной темноте и безмолвии, которые, как нам сказали (и я этому поверил), очень быстро могли свести заключенного с ума. Эти ужасные темницы символизировали для меня мрачные годы царизма.

При посещении Зимнего дворца мы увидели на выставке большое количество китайских древностей и сокровищ, многие из которых были захвачены царскими войсками, когда они присоединились к иностранной экспедиции, занявшей Пекин в результате боксерского восстания*. Студенты из нашей группы хотели узнать, как эти китайские сокровища попали в руки русских, но наш гид, захваченный врасплох, безмолвствовал. В конце концов, он заявил нам, что экспонаты были куплены различными частными и государственными коллекционерами. Эта ложь только еще больше возмутила студентов**. Для гида это было, конечно, затруднительное положение. Помимо этих длительных путешествий, было много поездок по

---

* Боксерское восстание, или восстание ихэтуаней в Китае (1898—1901), сопровождалось выступлениями против иностранцев как проводников политики колониальных держав. Русский экспедиционный корпус принял участие в военной интервенции 9 иностранных держав с целью подавления восстания (прим. пер.).

** Гид был прав. Основу китайской коллекции Эрмитажа составляют вещи, купленные в Европе и Китае, посольские и частные дары, предметы из многих экспедиций в Китай академика С. Ф. Ольденбурга, П. К. Козлова и других ученых (прим. пер.).

Москве и практика на промышленных предприятиях. В Москве мы посетили Исторический музей, Дарвиновский музей, Музей Ленина, Музей Красной Армии, подпольную типографию¹⁵ и другие важные с исторической точки зрения достопримечательности.

Мы часто посещали различные заводы в Москве и ее окрестностях, специально для изучения трехсторонней системы сотрудничества и руководства (то есть дирекции, партийной организации и профсоюзов). Иногда нас посылали участвовать в заводских собраниях, чтобы мы могли получить личный опыт низовой работы на промышленных предприятиях и более тесно соприкоснуться с пролетарским духом, который считался необходимым для нас, мелкобуржуазных интеллигентов. Однако употреблявшийся на заводах разговорный язык коренным образом отличался от того русского языка, которому нас учили в классе. Поэтому мы, студенты, чаще всего не могли ни понять других, ни быть понятыми, часами мы сидели за столом собрания, словно глухонемые. Вследствие этого практика на промышленных предприятиях была малоценной и редко достигала ожидаемых результатов.

Из вышеизложенного можно заключить, что главной целью методов обучения в Университете им. Сунь Ятсена было эффективное соединение теории и практики. Сталин фактически подводит философское основание под этот метод обучения, когда заявляет: *«Теория есть опыт движения рабочего класса всех стран, взятая в обобщенном виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связана с революционной практикой, как и практика блуждает в потемках, если ее путь не освещен революционной теорией. Но теория может стать огромной силой в движении рабочего класса, если она находится в тесной связи с революционной практикой»*¹⁶. Выработывая упомянутые методы, руководство Университета им. Сунь Ятсена, возможно, опиралось на это суждение, как основополагающее. Эти методы имели далекоидущее влияние, поэтому сходство методов обучения, позднее применявшихся в некоторых институтах и университетах коммунистического Китая, — не случайное совпадение.

ГЛАВА VI.

ЖИЛЬЕ, ПИТАНИЕ И ОТДЫХ В УТК им. СУНЬ ЯТСЕНА

Забота о студентах университета, с точки зрения материального обеспечения и отдыха, была очень хорошей. Такое благополучие не всегда сопутствовало китайцам, жившим в России в первые годы революции. Видимо, особое отношение к нам было связано с опытом, полученным после V съезда трудящихся Дальнего Востока в январе 1922 года, когда в России царил голод, повсюду остро не хватало продуктов, и на огромных территориях страны люди умирали голодной смертью. Многие китайские делегаты V съезда, в том числе и делегат Гоминьдана Чжан Цюбай, остались недовольны предложенным им жильем и питанием. В итоге эта неудовлетворенность сказалась на политической позиции, занятой ими по ходу участия в съезде. Некий россиянин, писавший об этом из Китая несколько лет спустя, отмечал, что китайских делегатов съезда кормили лучше, чем российских рабочих или россиян вообще¹. Тем не менее, он констатировал: *«Разорение России в результате голода и войны произвело очень плохое впечатление на делегатов, в частности на членов Гоминьдана... Многие члены делегации, особенно члены Гоминьдана, вернувшись в Китай, заявили, что, судя по тому, что они видели, как их содержали в России, и по опыту общения с коммунистами, КПК (Китайская коммунистическая партия) вряд ли может быть полезной для страны»*².

Вероятно, русские сделали выводы после этого съезда. Когда же исполнительному совету университета стало известно, что большая часть студентов — члены Гоминьдана, ежедневное меню для них стало составляться с огромным вниманием. Разумеется, питание было без особых разносолов. Но у нас никогда не было недостатка в курах, утках, рыбе и мясе, хотя доставать все это было нелегко даже в 1926 году. По сути, опасаясь повторения ситуации, возникшей на съезде 1922 года, администрация ударилась в крайности. Один студент, учившийся в университете в 1925 году, вспоминает: *«Вначале, по прибытии в университет, мы получали пятиразовое питание. Несколько позже мы попросили отменить послеобеденный*

чай и вечернюю закуску, так как не привыкли есть пять раз в день. Кроме того, мы считали это излишеством. Трехразового питания в день было вполне достаточно»³. Вообразите себе пятиразовое питание! Русские, должно быть, принимали нас за обжор. Во всяком случае, когда я приехал в 1926 году, мы получали хорошее питание три раза в день.

Такая щедрость была, конечно, расточительством в то время, когда сами русские, при крайне скудной жизни, едва могли свести концы с концами в своем хозяйстве. Мука, мясо, сало, масло и другие предметы потребления экспортировались для получения иностранной валюты. Но, несмотря на экономические трудности, наше трехразовое питание было обильным по количеству и очень высоким по качеству. На завтрак, например, нам давали яйца, хлеб с маслом, молоко, колбасу, чай, а иногда даже икру. Мне кажется, что и богачам вряд ли подавали где-либо более обильные завтраки, чем у нас. Вдобавок, служащим университета так хотелось произвести на студентов благоприятное впечатление, что когда мы устали от русской пищи, они поспешили нам угодить, пригласив на службу китайского шеф-повара. С этого времени у нас появился выбор — русская или китайская кухня.

Одевали студентов также очень хорошо. Я отчетливо помню, что при поступлении каждому из нас выдавали: костюм, пальто, пару туфель, полотенца, мочалку, платки, рубашку, расческу, сапожную щетку, мыло, зубную щетку и пасту, словом, все необходимое в повседневной жизни. Полотенца и рубашки для нас стирались и гладились бесплатно, а единственными вещами, которые мы должны были покупать для себя сами, были головные уборы и галстуки. Возможно, был лишь один человек в советской России, который носил в те дни фетровую шляпу европейского образца — министр иностранных дел. Все остальные русские носили штатские кепки или военные фуражки. Шейные галстуки были так же редки, как и фетровые шляпы, а женщины в СССР одевались гораздо красивее, чем мужчины. В общем и целом, мы следовали общепринятой моде. Обычно мы носили глухие пиджаки, как у Ленина, либо национальные украинские рубашки синего цвета, которые застегивались на левую сторону, хотя нам выдавали также и европейские костюмы. Зимой, когда было ужасно холодно, нас снабжали зимними пальто и теплыми шапками. Выдавали также ботинки для снежной и дождливой погоды и сандалии на лето.

Поговорим теперь о жилищных условиях в Университете им. Сунь Ятсена. Вначале, когда студентов было не слишком много, они располагались на третьем этаже главного учебного здания. После 1927 года, в связи с ростом числа студентов, все спальни были превращены в классы, а общежития тогда разбросали по трем или четырем местам в городе. Все жилые помещения были чистые, аккуратно обставленные и удобные. Когда я приехал в университет, меня направили в общежитие на улице Петровка. Оно находилось в здании, которое при царе было резиденцией великого князя. Молодому деревенскому парню, каким был я, этот дом со сверкающими перед глазами прекрасными канделябрами казался царским дворцом. Я был очень доволен своим жилищем, но вскоре это здание было обращено в женское общежитие, и мне пришлось переехать в менее солидное место.

С жильем для женатых студентов вначале были некоторые проблемы, так как поначалу их семейный статус игнорировался, и все они жили в общежитиях, согласно своему полу. Мужья и жены были вынуждены жить отдельно. Унылое состояние молодых женатых пар заставило одного смелого молодого человека по имени Юй Гочжэнь выступить с предложением, чтобы руководство университета устроило где-нибудь особую «комнату тайных свиданий», пока не будут построены семейные общежития. Вначале его предложение подверглось суровой критике со стороны моралистов, молодых и старых, но администрация университета отнеслась к этому чрезвычайно либерально. Она оставила без внимания идею о «комнате тайных свиданий» и поспешила открыть семейное общежитие. Такая великодушная политика не только заслужила одобрение женатых студентов, но и привела тому, что многие неженатые студенты завели себе любовниц. В результате этого быстро появились как законные, так и незаконные представители второго поколения. Общежитие для женатых студентов было построено весной 1928 года. Однако рождаемость «маленьких революционеров» была высокой уже с 1926 года. Кто-то однажды спросил ректора Радека, что он планирует делать с новорожденными «революционерами». Ректор Радек со смехом ответил: «Эту проблему решить нетрудно. Мы можем устроить ясли, а через несколько лет устроим для них детский сад». Разговор о жилищной проблеме в УТК неизбежно напоминает мне о нехватке жилья в России. В то время было очень трудно получить отдельную квартиру или хотя бы просто большую комнату. Большую комнату обычно сразу

делили на меньшие, чтобы поселить в ней побольше семей. В итоге люди не могли жить в уединении и слушали по ночам храп соседа из-за перегородки! Такое жилье оставляло желать много лучшего. Но именно так и выглядело наше университетское общежитие женатых студентов.

Парка своих автобусов и машин Университет им. Сунь Ятсена не имел, но проблема транспорта для студентов решалась просто. Главным средством сообщения по Москве в то время был трамвай. Студентов, которые жили слишком далеко и не могли ходить в университет пешком, снабжали месячным трамвайным билетом. Билеты были очень недороги, но ими можно было пользоваться только до 8 часов утра. Если мы просыпали, то должны были покупать обычные билеты за свой счет. Разумеется, студенты, жившие поблизости от университета, ходили пешком. Хождение пешком в университет и обратно могло, однако же, иметь свои отрицательные стороны, о которых я упомяну, рассказав немного о тогдашней московской атмосфере. Студенты, жившие в общежитии на Ильинке, пролежавшей возле резиденции ЦК КПСС, должны были проходить через Кремлевский парк* с его густыми деревьями. По вечерам он был плохо освещен, и именно там занимались своим ремеслом проститутки. Многие из проституток, по сравнению с довольно хрупкими китайскими студентами-мужчинами, были громадными неуклюжими амазонками, которые к тому же отчаянно нуждались в деньгах. Две такие мускулистые девицы однажды буквально похитили китайского студента, которого сначала ограбили, а потом отпустили. После этого случая мы обходили стороной Кремлевский парк и старались ходить группами, чтобы уменьшить риск ограбления.

Рассказав об основных проблемах повседневной жизни, я хочу теперь коснуться отдыха и материального положения студентов в университете. Отдых был налажен действительно хорошо и включал много устраиваемых самим университетом мероприятий, таких как кино, спектакли и концерты. Благодаря значительным затратам на культурную программу, в наши аудитории приглашались лучшие балетные труппы России, крупнейшие музыканты, выдающиеся актеры и актрисы. Не выходя за пределы университета, мы могли видеть лучших артистов Советского Союза и получали от этого

---

* Под «резиденцией ЦК КПСС» автор мог подразумевать либо Кремль, либо здания на Старой площади. «Кремлевский парк» — Александровский сад (прим. пер.).

огромное наслаждение. Однако частые просмотры фильмов мы встречали без энтузиазма, так как тут была тенденция бесконечно мусолить ограниченный круг политических тем, и после того, как вы посмотрели один фильм, другие становились все менее и менее интересными. Когда в московских театрах давались знаменитые оперы, нас снабжали билетами на спектакли. Студенческая коммуна имела многочисленные кружки, включая музыкальный, волейбольный, баскетбольный, верховой езды, стрельбы из лука, плавания, фотографии, катания на коньках, а также танцевальный и туристический. Мы могли свободно участвовать в любом из них или во всех сразу, причем была возможность обучаться у настоящих мастеров в каждой из этих областей.

Университет имел также средства для улучшения финансового положения студентов и их семей в Китае. Тот, чья семья остро нуждалась, мог обратиться через университетское руководство с просьбой о пересылке домой, в Китай, определенной суммы денег. Это говорит о том, что университет шел на многое, чтобы оказать материальную помощь студентам, хотя запасы иностранной валюты были строго ограничены в России того времени. Нельзя говорить о благосостоянии студентов в университете без упоминания о системе проведения летних каникул. В соответствии с советской Конституцией и законами о труде, все работники тяжелой промышленности или те, чья работа, так или иначе, была вредной для здоровья (например, кочегары и работники химической промышленности), имели право на ежегодный месячный отдых. Работники легкой промышленности пользовались двухнедельным отпуском, а интеллигенция (ученые, профессора, студенты и т. д.) имели двухмесячный отпуск. Проездные билеты, жилье и питание во время отпуска были совершенно бесплатными. Студенты УТК им. Сунь Ятсена не были исключением из этой общей системы отпусков.

За время своего более чем шестилетнего пребывания в Советской России я проводил летние каникулы в различных домах отдыха в разных частях России — от роскошных летних курортов на побережье Черного моря до курортов на берегу Тихого океана. Питание во всех оздоровительных учреждениях было превосходное, обычно четырехразовое — завтрак, обед, полдник и ужин. Был также обязательный для каждого послеобеденный сон длительностью около часа. Это время называлось «мертвым часом». Каждому нарушившему этот порядок три раза предписывалось освободить место в доме

отдыха. После обеда доктора проверяли все спальни, чтобы посмотреть, не пустует ли чья-либо кровать. В день приезда в дом отдыха человека взвешивали, и эта запись хранилась в его досье. Если вес отпускника не увеличился, когда он уезжал, это считалось недостатком в работе администрации. Плохие показатели в этом отношении за весь сезон имели серьезные последствия для директора и могли стоить ему места. Так как сон считался вернейшим путем прироста в весе, «мертвый час» был строго принудительным. Вместе с тем в домах отдыха проводили спортивные мероприятия и были всякого рода развлечения. Каждый вечер в клубе на открытом воздухе устраивались концерт или кино, которые, как правило, хорошо посещались.

Университет брал на себя все хлопоты, связанные с летними каникулами студентов, и нам было не о чем беспокоиться. Мы использовали каждое лето и как иностранные туристы, и как члены большой «советской семьи». В университет мы всегда возвращались счастливыми и полными энергии. Вдобавок к моим собственным впечатлениям об этих каникулах, позвольте мне привести воспоминания Дэн Вэньи, видного члена Гоминьдана, представлявшего себя как первого студента, получившего образование в России и выступившего против Советской России: *«Летом университет устроил летний лагерь в деревне с лесом и речками, поблизости от лагерей русских рабочих и студентов. Это была редкая возможность отдыха. Условия были не роскошные, но достаточно комфортабельные. Занятий не было, и нам не разрешали читать много книг. Вместо этого мы могли купаться, кататься на лодках, загорать или участвовать в других предлагаемых мероприятиях по отдыху. Тысячи молодых людей собрались вместе для веселья, отдыха, наслаждения и захватывающего волнения влюбленности. После двух месяцев восхитительного времяпрепровождения и счастья все прибавили в весе. Я думаю, весь мир должен был бы постараться иметь такие программы летних каникул»⁴.*

В течение всего учебного года университет предоставлял студентам медицинское обслуживание, так как имел собственную поликлинику и маленькую больницу. При поступлении в университет студенты проходили тщательный медицинский осмотр, а карточки истории болезни хранились в поликлинике, где были два постоянных врача (один из них хирург), а также сестры и санитарки. Больные сту-

денты обычно лечились в поликлинике, пациентов же с серьезными болезнями отправляли в правительственную больницу. Благодаря совершенно замечательному плану социального страхования, все лечение в Советском Союзе было абсолютно бесплатным. Как временно проживающие в России иностранные студенты мы не должны были участвовать в этой программе, тем не менее, мы пользовались теми же самыми льготами, что и коренные россияне.

Я описал некоторые стороны обеспечения благосостояния студентов и мероприятия по организации отдыха. Теперь хочу рассказать о внеклассной воспитательной работе. Организацией студентов в Университете им. Сунь Ятсена была студенческая коммуна, председатель и другие должностные лица которой избирались всеобщим голосованием. В задачи студенческой коммуны входила помощь в проведении политики администрации, содействие в поддержании дисциплины, а также помощь студентам в организации отдыха и ведение вопросами материального благосостояния (например, коммуна учредила фонд для нуждающихся студентов и кассу взаимопомощи). Она же организовала редколлегию, которой был поручен выпуск еженедельной стенгазеты, а при необходимости спецвыпусков, вывешивавшихся на доске объявлений. Газета содержала новости, заметки о жизни университета, научные исследования и литературные произведения. Литературные статьи поставлялись студентами, а так как все мы были молоды и хотели публиковаться, материала набиралось очень много, поэтому часто газета получалась очень обширной. Каждый раз, когда вывешивался новый номер, студенты толпились вокруг, а некоторые, по ходу чтения, даже делали заметки в блокнотах. Влияние стенгазеты было огромным и составляло большую часть внеклассного воспитания в университете. Как администрация университета, так и партийная организация ценили ее очень высоко.

Была у коммуны еще одна функция — товарищеский суд, который принимал и рассматривал дисциплинарные жалобы от всех студентов и преподавателей. Я помню два знаменитых суда. Подсудимыми были Чжан Чао и Ли Сеюнь, оба члены КПК. Они обвинялись в избиении жен, что непозволительно в любом обществе, тем более в обществе, где мужчины и женщины равны. Эти суды были драматичными и волнующими. Наряду с истцами и ответчиками, присутствовали, как это называлось по-русски, общественные обвинители, которые вместе с тремя судьями составляли жюри. И обвинители,

№9

Шокин

Учись конспирации 28

Беззаботность в деле конспирации, которую проявляют наши студенты и Университет, переходит всякие границы. Приведу несколько фактов.

По приезде в Университет студенты получают русские псевдонимы для того, чтобы студенты не знали настоящих фамилий друг друга. Однако, они друг друга знают и называют настоящими фамилиями. В чем опасность этого? В том, что стоит оказаться в Университете одному провокатору и он сможет по приезде в Китай дать в руки полиции список наших студентов, а при той болтливости и неосторожности, которая у нас существует, этот провокатор суммет снабдить полицию целым рядом других данных. Еще более опасно то, что уезжающие студенты задолго до от'езда болтают повсюду о том, что они едут. Это вместо обязательного требования - скрывать кто и какими путями едет в Китай.

Другой еще более вопиющий и опасный факт. Студенты получают целый ряд писем из Китая по почте на адрес Университета (!) и посылают ответ тоже по почте. Надо же понимать, что это значит! Ведь по этим письмам, как бы иносказательно они не были написаны, китайская полиция может выследить всю картину движения и места работы ККП.

Надо добиться того, чтобы каждый студент хорошо понял, что несоблюдение правил конспирации это прямое преступление, непосредственная помощь китайской контр-революции в ее борьбе с Китайской Ком.Партией.

Я.ВОЛК.

Ил. 5. УЧИСЬ КОНСПИРАЦИИ. Статья из стенгазеты УТК, в которой работал редактором Шэн Чжунлянь (Мицкевич) (РГАСПИ, 530-2-9828)

и судьи были студентами университета. Судебные заседания в стенах университета были точной копией заседаний настоящего суда, с той только разницей, что после объявления вердикта происходило голосование всех студентов, которое утверждало или отменяло вердикт. Это могло, конечно, произойти в исключительных случаях, но если бы студенты не утвердили решение судей, вердикт следовало пересмотреть. Каждый присутствующий на суде имел право голоса, что делало решение действительно общественным приговором. Хотя вердикт не имел такого действия, как вынесенный настоящим судом, он представлял собой средство контроля со стороны студенческого общества. Впрочем, он был даже чем-то большим, так как администрация и партийная организация обычно поддерживали решения товарищеского суда. Например, когда в деле Чжан Чао вердиктом стало «исключение из университета», администрация поступила точно в соответствии с этим и отослала Чжан Чао обратно в Китай.

Советская помощь Гомиьндану и Университету им. Сунь Ятсена не была, конечно, свободна от определенного зловещего решения продвинуть вперед «дело мировой революции». Когда университет открылся в Москве в 1925 году, Советскую Россию еще пошатывало от прежних лет гражданской войны, экономического упадка и социальной революции. Только-только начинали возникать едва заметные признаки выздоровления, которое, конечно, продолжалось в годы существования университета. Несмотря на ужасающую нужду и слабость страны, Советская Россия, тем не менее, уже в 1923 году поспешила на помощь Гомиьндану в Китае. Как китайцам, так и русским, изучающим эту ситуацию, приходится удивляться, почему Россия перед лицом своих собственных громадных нерешенных проблем могла столь охотно оказывать помощь такой организации, как Гомиьндан, которая была, в лучшем случае, сомнительным союзником. Ситуация волновала меня, потому что мы в Университете им. Сунь Ятсена пользовались роскошным содержанием, нас замечательно кормили и хорошо одевали. В то же время я не мог не замечать душераздирающие очереди русских, стоявших целую ночь перед магазинами, где они надеялись, часто напрасно, получить утром крохотный кусочек мяса. Не мог я не замечать русского студента из Московского университета, работавшего у нас часть времени на пилке дров для печей, которые давали нам приятное тепло. При температуре намного ниже нуля он был одет только в поношенный бумажный пиджак. Я видел, как он дрожал от холода, и знал, что вернется он, по всей вероятно-

сти, в нетопленный дом. Кроме того, каждый день, когда мы поглощали превосходную пищу, я знал, что наши профессора о такой хорошей еде и мечтать не могли. Я был не единственным китайским студентом, которого волновало такое положение, и некоторые из нас просили преподавателей объяснить, почему Советский Союз помогает другим за счет своего народа. Один профессор, я помню, ответил нам чересчур бойко, заявив, что революционная партия не должна быть скупой, а революционер не должен быть скрягой. Более правдоподобный ответ дал мой преподаватель по «ленинизму» Мирошевский, который объяснил, что любая нация, большая или малая, как и личность в обществе, нуждается в друзьях. Никто, сказал он, не может позволить себе перестать стараться установить дружеские отношения с тем, кто сегодня может быть его союзником в борьбе против общего врага, даже если завтра этот человек может стать его врагом. Действительно, продвигаясь вперед в наших занятиях, мы узнали, что это одно из положений ленинского учения.

ГЛАВА VII.

ОТНОШЕНИЯ ГОМИНЬДАНА И КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ В СТЕНАХ УНИВЕРСИТЕТА им. СУНЬ ЯТСЕНА

Университет был продуктом «единого фронта» в китайском революционном движении 20-х годов. Этот фронт фактически был скопищем противоречий, а не решением конфликтов: потерпев неудачу и внутри страны и на международной арене, Гоминьдан был вынужден искать какой-то новый путь, чтобы удержать партию от распада, а только что созданная КПК желала войти с ним в альянс для усиления своих позиций. Кроме того, Советская Россия, желая вырваться из изоляции, в поисках друзей повернулась лицом к Востоку. Таким образом, создание единого фронта торопили все стороны. Однако после его создания Гоминьдан и КПК не сумели устранить противоречия не только между собой, но и внутри каждой из партий, где различия мнений продолжали сохраняться. Несмотря на то что по необходимости эти две партии временно объединились, их цели были далеки друг от друга. Гоминьдан надеялся получить больше советской помощи ради самоусиления, а китайские коммунисты использовали Гоминьдан для расширения своей партии. Гоминьдан подписался под лозунгом проведения в жизнь национальной революции, но почти ничего для этого не делал, и еще меньше хотел проводить в жизнь революцию социальную. Коммунисты тоже ухватились за знамя национальной революции, но на самом деле хотели развернуть ее в революцию социалистическую. Из вышесказанного очевидно, что единый фронт покоился на очень хрупкой основе. По мере развития событий, изначально существовавшие конфликты стали нарастать. В самом деле, как говорил Ленин и другие марксисты, развитие — есть борьба противоположностей*.

Идею создания единого фронта можно найти в решениях III Все-китайского съезда КПК, проходившего в Кантоне в июне 1923 года. В соответствии с резолюцией Исполкома Коминтерна от 12 января 1923 года¹ и еще одной директивой Исполкома Коминтерна в адрес

---

* С «марксистской» философией автор ассоциирует сформулированный Гегелем диалектический закон единства и борьбы противоположностей (прим. пер.).

КПК от мая того же года, этот съезд обсуждал и вопрос о политике в отношении Гоминьдана. В итоге была принята резолюция о сотрудничестве с Гоминьданом². Основные пункты этой резолюции были таковы:

«1. Сотрудничать с Гоминьданом, сохраняя идеологическую и политическую независимость.

2. Привлекать прогрессивные элементы из рабоче-крестьянских масс и расширять партийную организацию.

3. Помогать реорганизации Гоминьдана, критиковать и преодолевать его компромиссные и реформистские тенденции»³.

Эта резолюция определила не только отношения Гоминьдана и китайской компартии, но и определила несколько лет спустя отношения между двумя партийными организациями в УТК им. Сунь Ятсена. В университете существовал филиал КПК. С особого разрешения Коминтерна, Гоминьдан тоже имел здесь свой филиал. В период 1925–1927 годов в университете учились около пятисот студентов: немногим более половины их составляли члены Гоминьдана, а остальные были членами КПК или комсомола. Через единый фронт коммунисты принадлежали одновременно и Гоминьдану и КПК, фактически коммунисты контролировали московский филиал Гоминьдана, оставляя настоящим студентам-гоминьдановцам очень мало возможностей для маневра.

До того как разногласия в лагере китайской революции проявились открыто, студенты-гоминьдановцы и студенты-коммунисты внешне жили дружно. Однако такое положение продолжалось недолго. По мере того как прежде скрываемые конфликты становились все более и более явными, отношения между членами Гоминьдана и членами КПК в университете становились все напряженнее. Это было естественно, потому что развитие событий в Китае быстро находило отражение в студенческой среде. Появившиеся внутри Гоминьдана разногласия по вопросам партийной политики дали китайским коммунистам возможность ускорить процесс ее раскола, путем попыток разделить Гоминьдан на левое крыло, правое крыло и нейтральный центр. Во время революционного подъема коммунисты численно выросли и решили установить союз с левым крылом для атаки на правое, максимально используя помощь со стороны центра. Организация коммунистов в УТК им. Сунь Ятсена послушно долгу приняла ту же политику, что и КПК в Китае. В результате кон-

сервативные члены Гоминьдана, возмущенные интригами коммунистов и их контролем над своей организацией, тайно создали свою собственную неформальную организацию.

Студенты-коммунисты использовали все выгоды пребывания в коммунистической стране. Но и студенты-гоминьдановцы сплывались теснее уже просто потому, что, находясь в Советской России, в известном смысле, пребывали в осаде. Среди студентов-гоминьдановцев было много выдающихся личностей: братья Гу Чжэнган и Гу Чжэндин, Чжэн Цземин, Дэн Вэньи, У Цзяюй, Сяо Цаньюй, Лю Юньяо, Ван Лии, Хэ Ханьвэнь, Ван Шаолунь, Ган Цзэ, Чжан Чжэн, Дуань Кэцин, Ван Цицзян, Шэнь Юаньмин, Цзян Сичжун, Лю Паньчжу и Тан Цзефэй. Все они были хорошо образованными людьми с твердыми взглядами. Позже, вернувшись в Китай, они стали ключевыми фигурами в Гоминьдане.

В бытность в университете, в условиях враждебности, их твердость была поистине замечательной. Мао Ихэн в своих «Воспоминаниях о России и Монголии» высоко оценил их поведение: *«Я заметил, что все приходившие к Фэн [Юйсяну] были студентами-коммунистами. Студенты-гоминьдановцы никогда к нам не приходили. Позже я ходил искать их в Университете им. Сунь Ятсена. Однажды я встретился в дверях с Хэ Чжунханем. Он сказал, что является студентом Московской военной академии и просто ходит в университет обедать. Я познакомился также со студентом из Германии Чжоу Чжисяном, гоминьдановским ревизионистом и антикоммунистом, про которого говорили, что он скоро опять уедет в Германию. В конце концов, я узнал, что члены Гоминьдана в университете тесно сплочены, тверды в своих взглядах и являются законченными антикоммунистами... Так как они не знали нашей позиции, то неохотно вступали в отношения с нами... Студенты-гоминьдановцы осмеливались быть антикоммунистами в таком враждебном окружении в Университете им. Сунь Ятсена в Москве. Нельзя было не подивиться храбрости этих молодых людей!»*⁴ Организационная сплоченность гоминьдановцев во многом была связана с реорганизацией Гоминьдана и той особой тщательностью, с какой отбирали студентов, посылаемых от партии в университет. Можно считать также, что студенты-гоминьдановцы были вынуждены сплываться в красной столице ради выживания. Тем не менее, Мао Ихэн называет еще один фактор, который имел большое значение

для их высокой сплоченности. Таковым он считает присутствие Ху Ханьмина, который отбывал в Москве семимесячную ссылку из-за своего предполагаемого участия в убийстве Ляо Чжункая*.

Между студентами-гоминьдановцами и коммунистами происходила настоящая теоретическая борьба вокруг нескольких основных пунктов. Прежде всего, студенты-коммунисты утверждали, что три народных принципа доктора Суня были просто тремя принципами, а не законченной теорией. Они также придерживались мнения, что эти принципы могут быть приложены к «буржуазно-демократической», но никак не к пролетарской революции. Студенты-гоминьдановцы возражали, что китайская революция должна пройти два этапа. Первый этап состоит в революции против иностранного господства и за национальную независимость, а второй этап представляет собой социальную революцию внутри Китая. Вторым этапом, настаивали они, должен быть отложен, пока не завершится первый. Студенты-коммунисты спорили, что социальная революция является неотъемлемой составной частью революции за национальную независимость, поскольку, по их мнению, без таких социальных реформ, как снижение поземельного налога, повышение зарплаты и улучшение условий труда, которые несет массам социальная революция, нельзя ожидать, что эти массы присоединятся к борьбе за национальную независимость. А революция против иностранного господства будет тем самым обессилена. Гоминьдановцы в ответ заявляли, что коммунисты отдают классовую борьбу приоритет перед революцией за национальную независимость и что, по ходу дела, они разрушают единый фронт против иностранного господства. На эти аргументы коммунисты возражали, что позиции Гоминьдана лицемерны, что

---

* Ху Ханьминь (1879–1936). Революционер, член ЦИК Гоминьдана с 1924, губернатор провинции Гуандун. В 1925 — министр иностранных дел Китайской Республики. В августе 1925, после покушения на Ляо Чжункаю, был выслан из Гуанчжоу. В 1925–1926 — глава делегации ГМД в СССР. В 1927 — председатель Нанкинского правительства. Позднее работал на государственных и партийных постах в гоминьдановском Китае. Ляо Чжункай (1877–1925). Революционер, соратник Сунь Ятсена, лидер левого крыла и генсек ЦИК Гоминьдан, комиссар Военной школы Вампу, министр финансов, сторонник сближения с СССР. Убийство Ляо Чжункаю 20 августа 1925 обычно оценивается в отечественной литературе и историографии КНР с точки зрения борьбы левых и правых сил в Гуандуне. После этого в ГМД усилились позиции Ван Цзинвэя, а его главный конкурент Ху Ханьминь, обвиненный в косвенной причастности к убийству, был вынужден на время покинуть Гуанчжоу. Но эти события сыграли на руку и Чан Кайши (прим. пер.).

Гоминьдан просто хочет прийти к власти на хребте народа и, придя к ней, не сделает ничего для улучшения участи народа. Так мы и бродили кругами, и этот спор в точности отражал споры, происходившие между Гоминьданом и коммунистами в Китае. Споры, которые, так и не разрешившись, привели к расколу Гоминьдана и коммунистов в Китае, а также к разрыву отношений между китайским Национальным правительством* и Советской Россией.

Другим яблоком раздора между студентами-гоминьдановцами и коммунистами стала работа Сунь Ятсена «Принцип благоденствия». Спор этот был и буквоедским, и страстным: обе стороны использовали цитаты из сочинений Сунь Ятсена как в нападении, так и в защите. Студенты-коммунисты то и дело возвращались к исходному положению доктора Суня, что «благоденствие есть социализм, то есть коммунизм»⁵. Они пренебрегали окончанием этой любопытной сентенции доктора Суня, который добавлял, что «...это есть утопизм»⁶. Другая любимая цитата, которой они пользовались, была такова: *«Я могу сегодня объяснить различие между коммунизмом и [народным] принципом “минь шэн” таким образом: коммунизм есть идеал благоденствия, в то время как принцип “минь шэн” есть практический коммунизм. В действительности, между двумя принципами — коммунизмом и “минь шэн” — нет разницы, различие лежит в методах, с помощью которых они применяются»*⁷.

Вынужденные отвечать на такое вызывающее цитирование, студенты-гоминьдановцы ответили в университетской стенной газете статьей под названием «Принцип благоденствия — не коммунизм», написанной студентом по фамилии Сяо, который приводил пассаж из второй лекции доктора Суня по этому вопросу: «Они [члены КПК] не представляют себе, что наш принцип благоденствия есть форма коммунизма. Но это не та форма, которая началась с Маркса, а та, которая осуществлялась, когда на земле появился первобытный человек»⁸. Чтобы еще больше усилить свой аргумент, Сяо добавил следующую цитату из Сунь Ятсена: «Таким образом, вырабатывая наш принцип благоденствия, мы не можем использовать или применять в Китае методы Маркса, хотя мы испытываем величайшее уважение к его учению... Даже ученики Маркса говорят, что мы не можем использовать его методы для решения всех социальных проблем в Китае»⁹.

---

* Национальное правительство Китайской Республики. Провозглашено руководством Гоминьдана 1 июля 1925 в Гуанчжоу (прим. пер.).

Студенты-коммунисты контратаковали, вспоминая, что доктор Сунь писал: «Это предложение, чтобы будущая прибыль была отдана обществу, есть “уравнение прав на землю”, защищаемое Гоминьданом; это принцип “минь шэн”. Эта форма принципа “минь шэн” есть коммунизм, и раз члены Гоминьдана поддерживают принципы “сань минь”¹⁰ (три народных принципа), они не должны выступать против коммунизма».

В сочинениях Сунь Ятсена и в самом деле можно было найти множество цитат для пополнения полемических арсеналов студентов (как гоминьдановцев, так и коммунистов), так что полемика не прекращалась. То, что обе части студенчества могли найти в работе доктора Суня «Принцип благоденствия» все, что искали, впрочем, совсем неудивительно. Потому что Сунь Ятсен писал ее в то время, когда старался привлечь в свое движение самые разнородные силы. Разочарованный отсутствием поддержки со стороны Запада, он искал помощи от Советского Союза, стараясь в то же время, насколько возможно, использовать и оперившуюся КПК. Одновременно Сунь должен был следить за тем, чтобы не отпугнуть влиятельные силы внутри самого Гоминьдана. Поэтому в «Принципе благоденствия» было немножко чего-то для каждого. Однако сочинения доктора Суня не смогли умиротворить ни антикоммунистически настроенных членов Гоминьдана, ни честолюбивых членов КПК. Китайские студенты-коммунисты в УТК, разумеется, никогда не думали чтить доктора Суня как марксиста, каковым он, конечно, и не был. Цитируя отрывки из работ Сунь Ятсена, который описывал «коммунизм, как доброго друга»¹¹, а КПК как «очень думающую группу»¹², они просто стремились усилить свою позицию и ослабление позиции гоминьдановцев, что было, конечно, стратегической хитростью.

Третий диспут между студентами из Гоминьдана и из коммунистов в университете возник по поводу революционной роли буржуазии в Китае в частности и в колониальных и полуколониальных странах вообще. Студенты-коммунисты, цитируя Энгельса, а студенты-гоминьдановцы, цитируя Ленина, представляли дело так, что два выдающихся марксиста оказывались несогласными в вопросе, по поводу которого у них в действительности не было разногласий. Немного искажая мысль Энгельса, коммунисты утверждали, что Энгельс давно уже указывал, что чем дальше двигаешься на восток, тем слабее класс капиталистов, и тем ограниченнее становится прогрессивная роль буржуазии, которой суждено стать кам-

нем преткновения революции на Востоке. Гоминьдановцы же, слегка искажая мысль Ленина, контратаковали с помощью его замечания о китайской революции 1911 года, с целью доказать, что западная буржуазия в состоянии упадка, в то время как в Азии еще можно найти боевую, революционную буржуазию.

Кроме атак на теоретической почве, студенты-коммунисты разными способами пытались изводить и разделять гоминьдановцев. Как я уже упоминал, они старались разделить гоминьдановцев на правых и левых. Далее, они атаковали правых и домогались того, чтобы перетянуть к себе левых с помощью слухов, угроз и приманок. Коммунисты установили также надзор за студентами-гоминьдановцами, однако последние не сдавались. Всякий раз, когда трое или четверо из них могли собраться вместе, они проводили «собрания комитета». Такие «собрания комитета» проходили обычно по воскресеньям, когда они гуляли в парке на Ленинских горах, где беседовали, сидя на траве.

Дальнейшие сведения о характере и результатах этой борьбы были предоставлены мне Гу Чжэндином, влиятельным членом Законодательного Юаня, беседовавшим с выпускниками УТК им. Сунь Ятсена в Тайбэе в октябре 1964 года. По-видимому, группа из десяти студентов, включавшая братьев Гу, Ли Юйчжу, Ван Цицзяна, Дуань Кэцина и Синь Бинчжоу, выехала из Германии в Москву 6 января 1926 года. По прибытии в УТК эти студенты узнали, что члены коммунистической партии осаждают членов Гоминьдана, заставляя их вступать в свою партию. Синь Бинчжоу был в это время коммунистом и делал все, чтобы привлечь на свою сторону других студентов. Там было много жарких споров, но студенты-гоминьдановцы удерживались на своих позициях. Вдобавок, продолжал Гу, однажды, в бытность его в УТК, на университетское партийное собрание Гоминьдана явились Сталин и Троцкий, чтобы обсудить проблемы сотрудничества между Гоминьданом и коммунистической партией¹³. Троцкий настаивал на том, чтобы китайские коммунисты вышли из Гоминьдана и развивались обособленно. Сталин же утверждал, что знамя национального освобождения имеет величайшее значение и что коммунисты должны крепко держать это знамя в своих руках. Поэтому он был против выхода из Гоминьдана, но выступал за большее использование последнего. Все присутствовавшие на том собрании лояльные члены Гоминьдана, опасаясь коммунистического проникновения, настаивали на выводе коммунистов из Гоминьдана,

в результате осенью 1926 года Гу Чжэнган и некоторые другие студенты были отправлены обратно в Китай.

Гу Чжэнган и вернувшиеся вместе с ним в Китай лица, вероятно, доложили гоминьдановским властям о вызывающих отношениях между членами Гоминьдана и коммунистами в университете. В любом случае, по тем или иным каналам ЦИК Гоминьдана, несомненно, узнал об этом, поскольку в самом начале 1927 года, когда я уже учился в университете, среди нас появился человек интеллигентного вида, которого мы знали только как господина Чжана и который неожиданно начал посещать то один, то другой наш класс. Поначалу мы принимали его за нового студента, но манера его поведения на занятиях, а также невозможность присутствовать на них регулярно, указывали, что на самом деле он проверял работу университета. Я до сих пор помню смущение студентов в тех двух классах, где я учился, когда он вставал и начинал спорить с преподавателями. Примерно через месяц он исчез так же внезапно, как и появился. Позже мне сказали, что этим мистером Чжаном был на самом деле Чжан Цюбо, который в 1922 году как представитель Гоминьдана участвовал в V съезде трудящихся Дальнего Востока в Москве. Вслед за отъездом Гу Чжэнгана была отослана в Китай еще одна группа из десяти человек, включавшая Ван Шаолуня, Шэнь Юаньмина, Хэ Ханьвэня и Лю Паньчжу. И наконец, была отослана группа, в которую входил Цзян Сичжун.

Когда У Цзяюй и его группа прибыли во Владивосток, коммунисты подняли восстание в Кантоне (11 декабря 1927 года), которое послужило причиной того, что 15 декабря 1927 года китайское правительство разорвало отношения с Россией. Все суда, идущие в Шанхай, были задержаны. У и его спутники поспешили договориться с японским консулом о возвращении в Китай через Японию. Когда же через три дня после У во Владивосток прибыли Цзян Сичжун и его товарищи, они тотчас же были арестованы ГПУ и отправлены обратно в Москву. Их судили революционным судом в составе Цинь Бансяня и других коммунистических студентов университета, признали виновными в том, что они «являются лакеями класса национальной буржуазии» и «разрушают пролетарскую революцию». После чего они были приговорены к каторжным работам в Сибири — на лесоповале и в угольных шахтах. Летом 1928 года Цзян Сичжун сумел бежать из лагеря. Пройдя многие мытарства, он добрался до Нанкина и доложил обо всем пережитом гоминьдановским властям. Вышеупомянутые студенты не были единственными гоминьдановцами, потер-

певшими от рук русских и студентов-коммунистов университета. После того как Китай порвал отношения с Россией, многие сыновья и родственники выдающихся членов Гоминьдана*, не вернувшиеся вовремя в Китай или не вовлеченные в коммунистическую организацию, были арестованы и заключены в тюрьму на год, после чего освобождены. Некоторые были, видимо, задержаны навсегда, и их судьба неизвестна.

Остатки левого крыла Гоминьдана в университете были в итоге вовлечены в КПК, и в 1928 году название этого учебного заведения было изменено. Из УТК имени Сунь Ятсена он превратился в Коммунистический Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. Летом того же года в УТК был включен китайский класс КУТВа.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что отношения между студентами гоминьдановцами и студентами-коммунистами в университете находились в тесной зависимости от отношений между двумя партиями в Китае. Можно сказать, что эти отношения прошли три этапа. Первый этап длился с 1925 по конец 1926 года. Начало этого периода составлял короткий головокружительный медовый месяц, сильно подпорченный первым открытым антисоветским выступлением Чан Кайши — инцидентом с канонеркой «Чжуншань» 20 марта 1926 года**. Обострение споров, последовавшее за этим в университете, достигло апогея во время визита Троцкого и Сталина. Однако и КПСС, и Коминтерн старались преуменьшить значимость инцидента с канонеркой, прилагая усилия к тому, чтобы поддерживать рабочие связи с Чан Кайши. Говорилось, например, что инцидент был сфабрикован британской разведкой. Некоторые горячие головы были отосланы обратно в Китай. И вскоре видимость гармонии между двумя партиями в Университете им. Сунь Ятсена была так или иначе восстановлена.

---

* Сыновьями, дочерьми и родственниками выдающихся членов партии Гоминьдан, приехавшими в УТК имени Сунь Ятсена, были: Цзян Цзинго — сын Чан Кайши; Шао Чжиган — сын Шао Лицзы; Фэн Хунго и Фэн Фулунь — сын и дочь Фэн Юйсяна; Вэй Юньчэн — шурин Ли Цзунжэня, который позже женился на племяннице Чан Кайши; Чжан Фамин — брат Чжан Фаюя; Дэн Миньцю — брат Дэн Яньда; Чэнь Фу — сын Чэнь Южэня; Е Нань — сын Е Цзунцзяна; Гу Чжэнго и Гу Чжэндин — два брата генерала Гу Чжэнлуна.

** 20 марта 1926 г. командир канонерки, действуя по приказу Чан Кайши, подвел судно к Военной школе Вампу, после чего Чан ложно обвинил коммунистов в попытке своего ареста и захвата власти. Под этим предлогом он резко ограничил влияние коммунистов и советских советников в Гоминьдане и НРА. Одновременно этот инцидент усилил военную и политическую власть самого Чан Кайши (прим. пер.).

Период, в течение которого прилагались усилия устранить или, по крайней мере, смягчить ссору между двумя партиями, составил второй этап отношений между ними. Он продолжался с конца 1926 года по 12 апреля 1927 года, до переворота в Шанхае. Но даже видимость гармонии в университете, которая поддерживалась лишь огромными усилиями, исчезла после инцидента 12 апреля 1927 года, который положил начало бесконечно более разрушительной борьбе между двумя группировками студентов, чем ссора, последовавшая за инцидентом с канонеркой «Чжуншань» в предыдущем году. Как гласит старая китайская поговорка: «Губы стали ружьями, а языки мечами». Так начался третий этап отношений между членами компартии и Гоминьдана в УТК, закончившийся в декабре 1927 года полным разрывом между двумя партиями в университете, а также Гоминьдана с Советской Россией. Вероятно, самым знаменательным событием этого периода в университете стал визит Сталина для ответов на поднятые студентами вопросы о положении в Китае в целом и об отношениях Гоминьдана и КПК в частности. Выступая в университете в этот критический момент китайской революции, Сталин продолжал защищать Гоминьдан, заявляя, что «Гоминьдан есть партия *антиимпериалистическая*, так же как и революция в Китае является антиимпериалистической»¹⁴. Еще поразительнее для нас была характеристика, данная им Чан Кайши. Разумеется, Сталин описывал его как правого гоминьдановца, строившего козни против левых гоминьдановцев и коммунистов до переворота в апреле 1927 года. Тем не менее, он настаивал, что в то же время «Чан Кай-ши вел войну — плохо ли, хорошо ли — *против* порабощения Китая, *ослабляя* тем самым империализм»¹⁵. В этой речи Сталин переоценил также потенциалы левого Гоминьдана и его «революционного правительства» в Ухане, которое, два месяца спустя, повернуло против коммунистов. Этот разрыв отношений между левым Гоминьданом и коммунистами в июле 1927 года означал реальный конец единого фронта Гоминьдана и коммунистов. Циркуляр ЦИК Гоминьдана, датированный 26 июля 1927 года, обвинял УТК им. Сунь Ятсена в присвоении имени доктора Суня с целью предательства принципов Гоминьдана и запрещал членам Гоминьдана находиться в университете. Тем самым был положен официальный конец всем претензиям на партнерство Гоминьдана и коммунистов в спонсировании УТК, и в 1928 году название университета было изменено*.

---

* К названию УТК было добавлено слово «Коммунистический» (КУТК) (прим. пер).

ГЛАВА VIII.

ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКОЙ СЕКЦИИ КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ: МРАЧНЫЕ ВРЕМЕНА УНИВЕРСИТЕТА им. СУНЬ ЯТСЕНА

В соответствии с принципом пролетарского интернационализма коммунист, к какой бы нации он ни принадлежал, считался членом компартии той страны, в которой находился. Однако до 1926 года в Университете им. Сунь Ятсена этот принцип игнорировался. Китайские студенты-коммунисты были не членами КПСС, а членами Московской секции КПК. Это положение было результатом прецедентов, сложившихся в Японии и во Франции, где были созданы райкомы КПК, потому что японской компартии в то время не существовало, а французская компартия, сформировавшаяся в декабре 1920 года, была еще относительно слабой.

Я приехал в Москву к концу 1926 года, когда Московская секция КПК была распущена, поэтому самому мне с ней иметь дело не пришлось. Однако вскоре после приезда я очень многое узнал о деятельности Московской секции из бесед с Берманом, который во время этих наших разговоров был секретарем бюро КПСС в университете, вторым на этом посту. Он сказал мне, что единственной причиной, по которой Коминтерн разрешил создать в Москве секцию КПК, была проблема с языком. Мало кто из китайцев в КУТВе и УТК им. Сунь Ятсена знал русский достаточно хорошо, чтобы участвовать в делах или собраниях русской партии. В 1921 году, когда была создана секция, ни русских, ни китайских переводчиков найти было невозможно. Таким образом, сказал он, создание Московской секции было, скорее, вопросом метода, чем вопросом принципа. Мне показалось тогда, как кажется и теперь, что Берман представил очень правдоподобное объяснение создания Московской секции КПК¹.

Так или иначе, после создания в 1925 году УТК им. Сунь Ятсена Московская секция положила начало тому, что многие студенты считали царством террора. В пору моего приезда многие старшие однокашники-коммунисты все еще вздрагивали при воспоминании о ней. Один студент впоследствии рассказывал об этом так: *«При господстве Московской секции КПК студенты в Университете Сунь Ятсена были преисполнены подавленного раздражения*

и глубокой ненависти, которые тщательно скрывались... Управители Московской секции выступали перед студентами в роли авторитетных патриархов и всемогущих руководителей. Неразумно злоупотребляя властью, они держали студентов в строгом подчинении и обращались с ними, как с машинами, а не как с человеческими существами. Повседневная жизнь, равно как и все другие вопросы, сложные или простые, находились под их железным контролем. Вследствие этого студенты постоянно жили в страхе, и среди них росла подозрительность. Жизни каждого угрожала опасность... У многих студентов случались нервные срывы и, в конце концов, они зарабатывали душевную болезнь, тогда как в менее серьезных случаях люди теряли аппетит и страдали бессонницей»².

Насаждавшийся Московским райкомом вид авторитарного контроля не был новостью для членов КПК, так как партия находилась тогда под авторитарным правлением Чэнь Дусю. Каждый ждал от него указаний, а демократия была просто фикцией. Руководители Московской секции были из тех, кто готовился и обучался в этой нездоровой атмосфере, и они применили свои авторитарные навыки к студентам-коммунистам в университете и в Московском райкоме китайского комсомола. Ведущей фигурой Московской секции КПК в университете был Жэнь Чжосюань, позже принявший имя Е Цин*. Активист китайской компартии во Франции, он, по-видимому, в 1925 году уехал оттуда в Москву, где поступил, как я полагаю, сначала в КУТВ. А потом перешел в УТК им. Сунь Ятсена, очевидно, сразу после его создания. Я помню, что студенты, учившиеся в то время в университете, позже говорили мне, что Жэнь был там секретарем партийной организации.

Понять характер власти Московской секции при Жэнь Чжосюане и же с ним можно при помощи одной из публикации «*Сюнь лян гунцзо чжидо ганъяо*» («Краткое руководство по воспитательной работе»), которая не была датирована³. Некоторые «важнейшие» статьи этого «Руководства» были таковы:

«4. Мы должны разрушить понятия семьи, родины, нации — у пролетариата нет семейной, местной или национальной ограниченности.

---

* Жэнь Чжосюань (Е Цин) — псевдоним Рафаил. В 1925—1926 — один из лидеров Московской секции КПК, диктат которой известен также как «московская районщина» (прим. пер.).

5. Разрушить единство на основе чувств — ведь единство на основе чувств есть мелкобуржуазное единство, а мы строим наше единство на основе интересов партии.

8. Мы должны вкладывать в нашу работу для партии такой же интерес, какой мы проявляем к любви и литературе — любовь и литература составляют фундамент романтизма*.

11. Мы должны тщательно избегать занятий академического типа. Занятия академического типа отрицают факт, что теория рождена практикой.

13. Мы должны уделять внимание русскому языку лишь в качестве дополнения к нашим занятиям — мы ни в коем случае не должны придерживаться ошибочной идеи, что в первую очередь мы должны изучать русский, а потом уже идеологию.

16. Мы должны избавиться от [скверных привычек] интеллигенции — от скверных привычек университетских студентов и всей мелкой буржуазии.

17. Мы должны всегда и везде исправлять ошибки друг друга в мыслях и поступках.

18. Если у нас есть критические замечания, мы должны высказывать их — если мы скрываем свои мнения или не выражаем их, то можем оказаться вне организации и поддерживать контрреволюционные [тенденции].

22. Каждый товарищ должен поддерживать тесную связь, по крайней мере, с двумя другими товарищами (кроме товарищей, принадлежащих к той же ячейке), чтобы добиться солидарности среди наших товарищей.

23. Интересы организации и есть интересы личности. Мы не должны мешать прогрессу организации из-за своих личных интересов...

24. У нас должна быть психология полного доверия к организации — недоверие к организации есть контрреволюционное поведение.

25. Наша жизнь и наша воля не должны основываться на

---

* Хотя данный перевод безукоризненно точен, смысл этого пункта может быть лучше выражен фразой: «Мы должны вкладывать в нашу работу для партии тот же энтузиазм, который мы ныне расточаем на любовь и литературу. Мы должны перестать растрачивать наш энтузиазм на любовь и литературу, потому что они являются основой романтизма, который может разрушить партийную организацию».

личных верованиях или личной воле... Таких вещей, как личная жизнь или личная свободная воля, вовсе не существует.

26. Мы должны строго критиковать ошибки своих товарищей, скромно принимать критику от своих товарищей... Каждый коммунист, где бы он ни находился, должен всегда наблюдать за своими товарищами и критиковать их в соответствии с отношениями взаимного надзора (взаимоотношения коммунистов означают взаимный надзор)...»⁴

Статьи четвертая и пятая требовали, чтобы члены КПК отрекались от своих родителей, друзей и родственников и доносили на них, как это часто и случалось в материковом Китае после того, как коммунисты пришли к власти в 1949 году. Руководители Московской секции постоянно раздували борьбу против всех видов сентиментализма. Статья восьмая отрицала любовь членов партии и литературу, потому что они были «фундаментом романтизма», который, согласно «Руководству», «является условием разрушения организации». Статьи одиннадцать и тринадцать содержали критику в адрес студентов Университета им. Сунь Ятсена. Во-первых, эти статьи выражали негативное отношение лидеров Московской секции к любым проявлениям истинной тяги к учебе со стороны тех, кто действительно хотел получить полезные знания из книг или по-настоящему научиться русскому языку. У студентов были две главные теории в отношении изучения русского языка. Одна группа считала, раз русский язык так труден, то невозможно реально овладеть им за два коротких года. Поэтому они выступали за то, чтобы студенты уделяли больше внимания практическим сторонам революционного обучения, тратя на русский язык как можно меньше времени. Лидеры Московской секции, руководимые Жэнь Чжосюанем, особенно выделялись среди тех лиц в университете, которые расхолаживали студентов в отношении изучения русского языка. Тем не менее, другие студенты считали, что раз они проехали тысячи миль, чтобы изучать теорию и опыт русской революции, владение русским языком было очень важным. Хотя подобный настрой на изучение русского языка был важен для многих студентов, в конечном счете он был подавлен заправилками Московской секции КПК. Студенты не смели открыто высказывать свое недовольство этой политикой «оглупления масс» в отношении русского языка и учебы вообще, однако они без колебаний нарушали указания лидеров партийной секции всякий раз, когда те поворачивались к ним спиной. При этом студенты рисковали быть пойманными

на месте преступления и подвергнуться жестокой публичной критике на собраниях партийного комитета.

Чистым итогом этой сдерживающей учебной политики Московской секции КПК было то, что для большинства студентов учеба оказалась сильно затруднена. В то же время небольшому числу студентов, отобранному лидерами Московской секции, было разрешено посещать классы на русском языке. Эта избранная группа состояла в основном из членов КПК, лояльных к лидерам Московской секции, и некоторых пользующихся популярностью девушек, таких как Чжуан Дунсяо и Ли Пэйцзэ. Таким способом Жэнь и другие лидеры могли влиять на ключевые переводческие позиции в университете.

Статьи шестнадцать, семнадцать, восемнадцать и двадцать шесть также были очень важны для авторов «Руководства». Что, например, точно означали «скверные привычки университетских студентов и всей мелкой буржуазии», упомянутые в статье шестнадцать? Под этим туманным термином могло подразумеваться любое действие студента, так как никаких примеров или конкретных разъяснений не предлагалось. Статьи семнадцать и двадцать шесть должны были поддерживать конформизм в студенческой среде и обеспечить взаимную слежку среди всех студентов. Каждый следил за поступками своих товарищей и был, в свою очередь, под наблюдением всех остальных. Многие продемонстрировали рвение в доносительстве на других, обеспечивая себе хорошие отношения с властями. Так была создана атмосфера «каждый за себя». При таком терроре оказалось трудно избежать неприятностей даже молчаливым студентам, всегда занятым своими делами. По смыслу статьи восемнадцать, молчавшие могли быть заклеены за то, что «замышляли предательство внутри себя», так как она отрицала даже право на молчание. При таких условиях можно было нарваться на неприятности из-за пустякового замечания. А с другой стороны, поскольку у человека имелся рот, он был обязан раскрывать его и произносить что-то, даже если у него совсем не было желания говорить.

Как можно видеть из вышеприведенных статей, «Краткое руководство по воспитательной работе» было тщательно продумано и точно выражено в таких словах, чтобы обеспечить полный авторитарный контроль со стороны лидеров Московской секции КПК. Но, несмотря на этот диктат, Московская секция КПК в университете и его лидеры продержались недолго. Студенты-коммунисты, в конце концов, исчерпали пределы своего терпения и взбунтова-

лись. Они провели ряд собраний, на которых осудили политику Жэнь и Московской секции. Эти собрания также привлекли внимание русской администрации, осознавшей, какой серьезный ущерб нанесла Московская секция КПК. Эти собрания, происходившие летом 1926 года, длились четыре дня подряд, и Карл Радек присутствовал на каждом из них. По-видимому, данные проблемы впервые предстали перед ним во всем драматизме именно на этих собраниях, и на последнем собрании он выступил с четырехчасовой речью, в которой осудил линию и деятельность лидеров Московской секции, заключив свою речь объявлением о ее роспуске. Все члены КПК в университете участвовали в этом собрании, о котором один мой однокурсник позднее вспоминал: *«Хотя предложение Радека официально не голосовалось, его посчитали принятым без возражений. После этого коммунисты Университета Сунь Ятсена и Коммунистического Университета Трудящихся Востока смогли снова вдохнуть свежего воздуха свободы. Радость их была так же велика, как радость заключенных, освобожденных из тюрьмы. Они чувствовали себя так вольно и беззаботно, что воображали себя парящими в облаках»*⁵.

После роспуска Московской секции КПК некоторые из его руководителей, в том числе Жэнь Чжосюань, вернулись в Китай. Тем не менее, многие остались в университете. Как бы то ни было, партком КПСС того района Москвы, в котором располагался УТК им. Сунь Ятсена, направил туда своих партийных организаторов, приступивших к созданию организации КПСС среди студентов. Члены КПК и китайского комсомола проходили проверку для вступления в члены и в кандидаты в члены КПСС или в комсомол. С этой реорганизацией острое недовольство китайских коммунистов в университете стало утихать. Тем не менее, они пользовались любой возможностью для продолжения нападок на лидеров бывшей Московской секции, оставшихся в университете. Пререкания между враждебными студенческими группировками по теоретическим вопросам продолжались непрерывно и после моего приезда.

Из-за этой продолжавшейся борьбы между студентами в начале февраля 1927 года партбюро пригласило выступить в УТК вдову Ленина Крупскую. Надеялись, что она сможет дать марксистско-ленинское освещение вопросов, которое положит конец спорам. Крупская, конечно, пользовалась большим уважением в сфере советского просвещения и, если мне не изменяет память, в феврале

того года, в момент посещения университета, она была членом коллегии Наркомата просвещения СССР. Одновременно она была членом Контрольной комиссии и ЦК КПСС, а также членом Президиума Верховного Совета СССР*. Темой ее лекции, на которой я присутствовал, было коммунистическое воспитание. В ходе выступления она сумела затронуть многие пункты «Краткого руководства по воспитательной работе», которое было создано Московской секцией, хотя не упомянула ни этой работы, ни самой секции. Мне кажется, что ее заботливая манера и то, о чем ей пришлось говорить, произвели огромное впечатление на всех и каждого.

Крупская начала свою лекцию, насколько я помню, с разговора о любви. Любовь является основой человеческой природы, сказала она, а коммунисты, в конце концов, человеческие существа, а не сверхчеловеки. Коммунисты единственны в своем роде потому, что они борются за коммунизм, но им присущи все общечеловеческие потребности, в том числе и потребность в любви. Хороший коммунист, сказала она, вовсе не должен быть пуританином. Чего надо избегать, так это только игры с любовью, которая может быть очень опасной.

У меня было впечатление, что она знала многое из того, что происходило в Университете им. Сунь Ятсена. Большинство студентов составляли мужчины, и они часто соперничали друг с другом за внимание малочисленных женщин-студенток. С другой стороны, некоторые женщины поощряли ухаживания трех или четырех человек одновременно. Такое положение дел влекло за собой все проблемы, обычно возникающие в подобных обстоятельствах. В одном известном мне случае, который произошел немного позже, студент ранил другого студента ножом на любовной почве.

Подозреваю, что это и было подоплекой того, что Крупская настойчиво подчеркивала: оскорбление любви может привести к тому, что люди сбиваются с пути. А правильно понятая любовь может творить чудеса, сказала она. Чета коммунистов, искренне любящих друг друга, может усилиться благодаря взаимной любви, и они смогут творить чудеса. Это, сказала она, любовь, в которой есть чувство ответственности за саму себя. Любовь, заключила она, сама по себе не преступление. Нужно только, чтобы любовь была ответственной.

---

* Крупская Надежда Константиновна (1869–1939), член КПСС с 1898. Жена В.И. Ленина. С 1917 — член Коллегии, с 1929 — зам. наркома просвещения. С 1924 — член ЦКК партии, с 1927 — член ЦК, член Президиума Верховного Совета СССР с 1938 (прим. пер.).

Затем, как помнится, Крупская перешла к отношениям между любовью и литературой, с одной стороны, и регрессивными человеческими наклонностями — с другой. (Вспомним, что авторы «Краткого руководства по воспитательной работе» утверждали, что любовь и литература являются основами романтизма. Но ясно, что они понимали термин «романтизм» не в том смысле, в каком он употреблялся западными авторами при основании западных интеллектуальных течений. Авторы «Руководства» толковали романтизм как нечто вроде явления, о котором можно прочесть в романах, ныне считающихся совершенно приличными, таких как «Сон в красном тереме». Но в то время многие китайцы были склонны рассматривать эти романы как «желтую» прессу, живущую за счет похотливых отношений между мужчинами и женщинами, арсенал средств которой зовется «дешевые страсти».) Крупская уже разъяснила конструктивную роль любви. А затем сказала, что в литературе нет ничего разлагающего. В действительности, настаивала она, вовсе не следует избегать литературы, которая может многому научить. Она сказала, что русские коммунисты уважают Пушкина и многих других русских писателей-классиков, от которых можно узнать о старом обществе, хотя в то же самое время коммунисты любят Максима Горького, у которого можно узнать об обществе современном. Как же, спросила она затем, можно говорить, что коммунисты против литературы вообще, или что всякая литература — источник похотливых мыслей?

Далее Крупская говорила о семье. («Руководство» утверждало, что мы должны разрушить семью, что пролетариат не имеет семьи.) Для коммуниста, работающего в подполье, сказала она, может оказаться необходимым полный разрыв контактов со своей семьей, особенно если его семья реакционная, что может помешать его революционной деятельности. Это не означает, однако, продолжала она, что коммунисты должны разрушать семьи вообще. Нельзя говорить также, что пролетариат не имеет семьи. Ведь семья — убежище человеческого существа, совсем как гнездо у птицы. Разумеется, сказала она, коммунист не должен допускать, чтобы семья занимала все его внимание, так как у него есть великие задачи, которые он должен выполнять. Тем не менее, здоровое общество состоит из множества здоровых семей. Она процитировала высказывания Маркса и Энгельса по поводу того, что капитализм разрушил семью. Это капитализм, сказала она, а коммунистам-то зачем разрушать семью?

Личная жизнь и личная свобода воли коммуниста, относительно которых «Руководство» утверждало, что они не существуют, были следующей темой, затронутой Крупской. Почему, спросила она, коммунист должен быть лишен личной свободы воли и личной жизни? Коммунист обязан работать в соответствии с поручениями партии, сказала она. Однако, помимо этого, он должен жить собственной жизнью. Более того, тот факт, что коммунист должен подчиняться воле партии, не означает, что у него нет собственной свободы воли. Ведь фактически, сказала она, личность вступает в партию, осуществляя свою свободную волю. Человек не может быть принужден к вступлению в нее, и если бы он захотел, то мог бы свободно выйти из коммунистической партии. Свобода воли, заметила она, очень неправильно рассматривается некоторыми, как признак недостаточной дисциплины. Затем Крупская говорила о единстве партии. Единство партии не может быть достигнуто с помощью насильственного навязывания идей членам партии, сказала она. Единство партии может быть достигнуто только путем сознательного согласия членов партии по интересующему их вопросу. Более того, создание атмосферы подозрительности у одних членов партии по отношению к другим может нанести серьезный ущерб как отдельной личности, так и партии в целом. Единство партии, по ее словам, должно основываться на доверии и взаимопонимании между ее членами.

Крупская говорила около двух часов. Всего сказанного ею я, конечно, вспомнить не могу. После ее официального выступления из зала были выдворены все мужчины, и она встретилась со студентками университета, у которых, как нам дали понять, были специфические женские проблемы, какие они не могли бы свободно поднять в присутствии мужчин. Когда мы выходили из зала, я услышал, как один однокашник шутливо сказал: «Догадываюсь, что после этого нам не придется набирать членов партии исключительно из числа буддийских монахов и монахинь». С роспуском Московской секции КПК организационная проблема была уже решена. Однако выступление Крупской дало многим из нас интеллектуальное и эмоциональное решение этой проблемы.

Одна женщина, которая, будучи студенткой, присутствовала на этой встрече студенток с Крупской, любезно предоставила мне свои устные воспоминания об этом собрании. Одной из проблем, поставленных перед Крупской, был вопрос, как женщина-коммунистка должна относиться к рождению детей. Время от времени девушки-

студентки университета беременели. Одни были замужем, другие нет. Все они, тем не менее, становились мишенью острых нападок со стороны партийной секции КПК. Секция придерживалась той позиции, что женщина-коммунистка не должна рожать детей, и утверждала, что это превращает их в простых домохозяек, которые отдают приоритет семье, а не революционной работе. Так как аборт в Советском Союзе были легальными, некоторые из беременных студенток, опасаясь гнева партийной секции, делали аборт. И теперь Крупскую спросили, может ли женщина-коммунистка воспитывать ребенка? Существует ли противоречие между тем, чтобы быть коммунисткой и быть матерью? Крупская решительно заявила, что никакого противоречия между членством в партии и материнством нет. Хотя аборт легален, добавила она, они нежелательны ни с точки зрения здоровья девушки, ни с точки зрения перспективы развития общества. Наличие ребенка, признала она, может затруднить работу в подполье по возвращении в Китай. Но аборт — не лучшее решение проблемы. Девушка может иметь ребенка, а пока она занимается опасной подпольной работой — его можно оставить на попечении ясель в Советском Союзе, сказала Крупская. Фактически дети женщин-студенток университета уже находились на попечении ясель, расположенных в окрестностях Москвы*. Беседа Крупской с женщинами-студентками УТК принесла им чувство интеллектуального и эмоционального облегчения, подобное тому, которое испытывали мужчины, потому что для студенток тираническое поведение Московской секции было даже более невыносимым, чем для мужчин.

Русские в то время, насколько я помню, всегда говорили о Московской секции КПК как о «рафаиловщине», что означает «режим Рафаила». Предполагаю, что Рафаил это иностранный псевдоним некоего китайского коммуниста, видного деятеля секции**. Во всяком случае, мы, китайцы, называли ее «юй мо чжи бу», то есть «Московской секцией». С роспуском последней и предпринятой затем идеологической переориентацией студентов началась организационная перегруппировка членов КПК и китайского комсомола в университете. Впоследствии, разумеется, секретарем коммунисти-

---

* Судя по врачебному отчету о здоровье студентов за 1927—1928 учебный год, к тому времени у студентов УТК родилось 14 детей, лишь один из которых жил с родителями.

** Псевдоним Рафаил (Рафаилов) носил упомянутый Жэнь Чжосюань (Е Цин).

49¹⁰²

願 書

予於1924年在中國北京入黨。1926年冬由

北京來莫。依照黨章的規定：凡黨員住址有

所遷移時，須在其所居地之黨部機關，重新

登記云云。今特要求轉入聯共，期受列寧

黨的嚴格訓練，於黨紀律及一切議

決案，誓當遵守，謹立此願書。

宣誓人：盛忠亮 Мицкевич. 1928.1.27.

證明人：鮑成美 Лапинский
謝青峰 Соколов.

Ил. 6. Заявление Мицкевича о переводе из КПК в ВКП(б) от 27.01.1928 (РГАСПИ, 495-225-2984-102)

Заявление

Я вступил в партию в Китае, в Пекине, в 1924 г. Зимой 1926 г. прибыл из Пекина в Москву. Согласно нормам Устава партии: в случаях, когда происходит перемена места жительства, все члены партии должны заново становиться на учет в органах партии по месту своего пребывания и т. д. Поэтому настоящим особо прошу о переводе в ВКП(б), надеюсь пройти строгую выучку в партии Ленина, клянусь должным образом соблюдать дисциплину и все решения партии, что торжественно подтверждаю данным заявлением. Действительный член КПК: Шэн Чжун-лян [подпись] Мицкевич 1928.1.27.

Свидетели: Бао Чэн-мэй [подпись] Лапинский

Лю Ци-фэн [подпись] Соколов

ческой парторганизации всегда был русский. Все члены КПК были переведены в КПСС и русский комсомол. Но здесь была определенная степень дискриминации, поскольку все члены КПК и китайского комсомола были переведены кандидатами в члены партии и занесены в списки ожидающих приема, а между статусами официального члена и кандидата КПСС была огромная разница. Официальные члены партии пользовались полным правом голоса на партийных собраниях, в то время как кандидаты могли пользоваться правом голоса только при обсуждении вопросов. Официальным членам партии разрешался также свободный вход в здание Коминтерна и главное здание ЦК КПСС, тогда как кандидаты должны были заполнять бланки, прежде чем их примут.

Многие из китайских студентов, переведенных в КПСС или русский комсомол, оставались в списке ожидающих приема в течение всего их пребывания в Советском Союзе. Однако у рабочих были хорошие шансы на получение полного членства. Что же касается выходцев из мелкой буржуазии или даже некоторых лиц из семей помещиков, они должны были ожидать открытия очень ограниченной ежемесячной квоты членства для непролетарских элементов в местной парторганизации. В общем и целом, вопрос о членстве в КПСС был для китайских студентов скорее теоретическим, так как они должны были в скором времени возвращаться в Китай. Вдобавок, запись в список очередников ничуть их не волновала, поскольку они навсегда освободились от пут Московской секции КПК.

ГЛАВА IX.

ШАНХАЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1927 г.

И УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА

21 марта 1927 года, при поддержке Национально-революционной армии*, которая продвинулась тогда к пригородам Шанхая, шанхайские рабочие начали свое третье вооруженное восстание. Во всех районах города происходили жестокие схватки, а после полудня 21 марта рабочие и революционная армия нанесли милитаристам поражение, завоевав славную победу в шести из семи городских районов. Так Шанхай, крупнейший торговый и промышленный центр Китая, попал в руки Национально-революционной армии. Известие об этой великой победе китайской революционной армии молнией разнеслось по всем концам света. В Университете им. Сунь Ятсена новость произвела впечатление грома среди ясного неба. Мы сердечно поздравляли друг друга, пожимали руки и обнимались с радостью и волнением. Наше воодушевление было так велико, что слезы радости текли по многим сияющим лицам.

Секретарь организации КПСС университета подошел к огромной карте Китая и склонился в глубоком почтении. Затем он снял с той части карты, где находился Шанхай, маленький черный флажок, который был символом милитаристской оккупации, разорвал его на куски и швырнул их на пол. Мы все бросились топтать их ногами. Через несколько секунд от флажка не осталось ничего. В бурном праздничном настроении мы собрались в лекционном зале и провели там ликующий митинг. Большой зал наполнился взволнованными голосами и громким смехом. Попытки ораторов начать выступления тонули в бурных аплодисментах. Один из моих однокурсников, вскочив на возвышение, крикнул: «Товарищи!», но от волнения не смог больше выговорить ни слова. Так и стоял с губами, застывшими в восторженной гримасе. Выглядел он, прямо как сияющий рабочий

---

* Национально-революционная армия Китая (НРА) была создана в середине 1925 в южной провинции Гуандун под крылом Национального правительства (Гоминьдан) при активной помощи военных специалистов из СССР. Сначала состояла из шести корпусов, в которых было сильным политическое влияние и Гоминьдана, и коммунистов. С мая 1926 главнокомандующим частями НРА был Чан Кайши.

на первой странице вышедшей на следующий день «Правды», который провозглашал: «Шанхай наш!» В какой-то момент на митинге, наконец, установился некоторый порядок, и мы проголосовали за посылку двух восторженных телеграмм. Одна была послана командующему Северным экспедиционным корпусом генералиссимусу Чан Кайши, а другая шанхайским рабочим. После того как митинг закончился, мы протиснулись через двери университета и быстро образовали ряды демонстрации, в которые потом влились тысячи москвичей. Два статных китайца-северянина с огромными флагами в руках вели колонну к зданию Коминтерна. Студенты УТК им. Сунь Ятсена маршировали впереди всех и на демонстрации. Газета «Интернэшнл Пресс Корреспондентс» в сообщении, которое поразило меня точностью отчета о том, что произошло, так описывала демонстрацию: *«Известие о захвате Шанхая восставшими рабочими распространилось в это утро по Москве, и было воспринято населением с огромным энтузиазмом.*

После окончания работы на заводах прошли собрания, на которых выступающие разъяснили значение новой победы националистских войск.

В четыре часа пополудни на площади перед зданием Коминтерна был проведен многотысячный митинг. Во главе демонстрации шли студенты Университета Сунь Ятсена. Перед массами выступили товарищ Мэрфи, Коларов, Дункан и представитель Коммунистической партии Китая. Демонстрация продолжалась до позднего вечера, в нее влились рабочие заводов с далеких окраин города»¹.

На площади перед зданием Коминтерна собрались тысячи людей. Высоко в небе реяли флаги. После речи Мэрфи перед демонстрантами, среди которых находились пятьсот юных китайских патриотов, говорил ректор университета Радек: *«Шанхай теперь в руках китайцев. Но когда революционная армия входила в Шанхай, они еще могли видеть колючую проволоку, натянутую британскими солдатами! Революция в Китае еще в зачаточном состоянии, контрреволюционные силы еще не изгнаны. Войска Чжан Цзолия еще угрожают Уханю. Но китайское революционное движение крепнет день ото дня и, несомненно, сумеет преодолеть все препятствия и трудности, которые встретятся в будущем. Рабочие Москвы получили известие о взятии Шанхая только сегодня утром (21 марта), в десять часов. И они уже празд-*

нуют вместе с вами эту великую победу. Кроме того, они приняли резолюции о посылке поздравлений и братского приветия революционному пролетариату Шанхая. Пусть империалисты знают, что, в случае необходимости, пролетариат Советской России без колебаний поддержит китайское революционное движение»². Его речь очень взволновала и еще больше воодушевила всех нас.

Движение колонны продолжалось в направлении резиденции ЦК КПСС. Когда мы проходили по Ильинке, кто-то из здания советского Управления финансов помахал нам рукой и закричал во весь голос: «Да здравствует молодежь Китая!» Нас становилось все больше и больше. Наконец, мы повернули и встали на Старой площади, напротив здания ЦК. На балконе появился член ЦК Андреев, который приветствовал нас и произнес речь с похвалами и одобрением. Здесь демонстрация разошлась, и каждая группа своей дорогой отправилась к себе домой. По пути нас останавливали толпы. Они приветствовали нас громкими криками, а кое-где даже хватали отдельных моих однокашников, подбрасывали в воздух и ловили их, когда они падали. Многие русские девушки посылали нам невинные поцелуи и кокетничали с нами.

После этих памятных дней статус наш быстро вырос. Когда мы ходили в театр, вокруг нас собирались русские девушки. Казалось, они знали, что эти будущие революционные деятели скоро возвратятся в Китай, чтобы занять высокие посты. Девушки часто заходили к нам в университет, а некоторые из них — те, что посмелее, — прямо предлагали себя в качестве преданных жен и просили взять их в Китай.

Ликование по поводу шанхайской победы не ограничивалось Москвой. Волна радости, казалось, захлестнула всю Россию. Праздничные собрания прошли в Ленинграде, Харькове, Одессе, Киеве и многих других городах, а некоторые из поздравительных посланий оттуда были опубликованы в «Правде». Все лидеры Коминтерна были ослеплены шанхайской победой. Редакционная статья «Правды» под заголовком «О всемирно-историческом значении шанхайской победы» делала смелое пророчество: «Взятие Шанхая, несомненно, является фактором, который продвинет китайскую революцию влево, усилив роль китайского пролетариата и увеличив его надежды на достижение гегемонии в революционном движении». Пророчество «Правды», казалось, базировалось на прочной основе,

Огонёк

КАЧАТЬ КИТАЙЦА!!

Рабочие фабрики Москвошвея, после митинга в честь занятия китайскими революционными войсками Шанхая, чествуют своего товарища по работе — китайца Сан-Чу-Фана.

Фот. А. Шалыгин

Ил. 7. КАЧАТЬ КИТАЙЦА!

Рабочие фабрики Москвошвея, после митинга в честь занятия китайскими революционными войсками Шанхая, чествуют своего товарища по работе — китайца Сан-Чу-Фана. «Огонёк» № 12 (210), март 1927

но прежде чем успели высохнуть чернила этой передовицы, произошел шанхайский антикоммунистический переворот 12 апреля. Китайская революция не только не сумела совершить поворота влево, но и, наоборот, сделала коренной поворот вправо.

К такому бедственному повороту событий в Китае многие русские коммунистические лидеры и деятели Коминтерна были совершенно не подготовлены. Например, 5 апреля 1927 года, за неделю до антикоммунистического переворота в Шанхае, Сталин настаивал на том, что изгонять правых гоминьдановцев нет необходимости, что Чан Кайши соблюдает дисциплину, и что коммунисты нуждаются в правых гоминьдановцах, среди которых есть способные военные руководители³. Весь март «Правда» трубила о том, что Чан Кайши был вынужден покориться воле революционных масс. Но трудно поверить, что Сталин и другие не имели предварительно никакой информации о положении дел в Китае, что они не чуяли доносившихся оттуда запахов надвигающейся катастрофы. Может быть, события развивались быстрее, чем они того ожидали. Возможно и то, что из-за борьбы с Троцким, который уже некоторое время назад предсказывал катастрофу в Китае, Сталин решил запретить всякую информацию, даже ту, которая могла распространяться частным образом, если она могла упрочить позиции Троцкого. И, конечно, Сталин прилагал огромные усилия к тому, чтобы не отпугнуть Чан Кайши.

Тем не менее, 12 апреля 1927 года Национально-революционная армия начала избиение шанхайских рабочих, трижды поддержавших ее с риском для своих жизней. Как и известие о взятии Шанхая, эта новость быстро разнеслась по миру. События в Шанхае обрушились болезненным ударом на Москву и студентов Университета им. Сунь Ятсена. Ни Коминтерн, ни университет не предчувствовали переворота. Вечером 12 апреля мы провели другое собрание. Сменив праздничную атмосферу двадцатидневной давности, холодный гнев царил в зале, где мы собрались. Ни следа улыбки на наших молодых лицах. С огромной яростью мы приняли резолюцию послать телеграмму национальному правительству в Ухане с требованием строго наказать предателей революции. В телеграмме говорилось: *«В настоящий момент развитие китайской революции вызвало контрнаступление империалистов и их местных лакеев. Чан Кайши и его сообщники-псевдореволюционеры нарушили принципы и дисциплину партии. Они предали нашу революцию, расстреляли китайских революционных рабочих и сделались,*

таким образом, лакеями империализма. Ныне они составляют препятствие на нашем революционном пути. Но мы верим, что Центральный Исполнительный Комитет Гоминьдана и Национальное правительство при поддержке масс и революционной армии будут отважно и стойко продолжать борьбу против контрреволюционера Чан Кайши и его сообщников. Мы уверены, что добьемся окончательной победы. От всех членов партии Гоминьдан и китайской компартии в Университете Сунь Ятсена»⁴.

До того как телеграмма была одобрена, с речами выступили многие студенты, в том числе те члены Гоминьдан, которые были сыновьями влиятельных лиц. Одним из них был Цзян Цзинго. Он состоял в комсомоле. Его красноречивое выступление студенты наградили громом аплодисментов. 16 апреля 1927 года «Известия» опубликовали отчет об этом выступлении в статье, описывавшей реакцию студентов нашего университета на переворот в Китае: «... сын Чан Кайши убеждает студентов выйти на демонстрацию перед зданием Коминтерна. Недавно он сказал на собрании китайской молодежи: “Я выступаю здесь не как сын Чан Кайши, а как сын китайского комсомола”»⁵. Несколько дней спустя Цзян Цзинго публично заявил, что отрекается от своего отца, Чан Кайши, которого он объявил своим врагом. Это заявление было переведено на многие языки и широко распространено ТАСС. Английская версия текста была такой: «*Предательство Чан Кайши не было неожиданным. Разглагольствуя о революции, он, шаг за шагом, предавал ее в жажде компромисса с Чжан Цзолинем и Сунь Цзунфанем. Чан Кайши завершил свою революционную карьеру. Как революционер он мертв. Он перешел к контрреволюции и является врагом китайских масс. Чан Кайши был моим отцом и товарищем по революции. Он перешел в лагерь контрреволюции. Теперь он мой враг*»⁶.

Выступление Цзян Цзинго на собрании студентов и письменное заявление об отречении от своего отца были, вероятно, следствием его молодости и бремени обстоятельств⁷. Однако отречение от отца принесло ему уважение со стороны студентов Университета им. Сунь Ятсена и со стороны русского народа. После этого заявления, куда бы мы ни пошли, нам встречались люди, которые с большим интересом спрашивали нас: «Где сын Чан Кайши?» За один день он стал известной и даже знаменитой фигурой. Но, к огорчению тех из нас, у кого не было такого отца, как Чан Кайши, после антикоммунистического

СЫН ПРОТИВ ОТЦА - ИЗМЕННИКА

Чан-Кай-Ши, главнокомандующий южными войсками, проводивший контр-революционный переворот в Шанхае и изменивший народно-революционному правительству.

Медведь говорил Маргарите то же самое, чему учил пастор в церкви, — „только невозможно другими словами!“

Сын Чан-Кай-Ши сидит в библиотеке и что-то выписывает из большой английской книги.

Он не может говорить с представителями печати. Он просит зайти раньше в парт'ячейку.

— У меня нет правила говорить без ивэйки! — матку удыбает этот 17-летний юноша, с лицом агорельма, смуглым и умными глазами. Впрочем, его скоро пригатают в ивэйку. Он пишет краткую статью для „Огонька“. Вот она:

„Шанхайский пролетариат восстал против Чжан-Чжун-Чана и горячо встретил революционную кайтосскую армию.

„Шанхайский пролетариат пролил много крови для того, чтобы водружить гоминдановский национальный флаг.

„Но кричащий о себе, как о революционном вожде, Чан-Кай-Ши уничтожил это знамя. Этот факт нам показывает уже не революционного, а контр-революционного Чан-Кай-Ши. С другой стороны, это показывает, что китайская буржуазия крепко стоит на своем контр-революционном пути.

„Китайская коммунистическая партия и девять гомидан должны организовать массы, чтобы подготовить их к решительной борьбе с контр-революционным Чан-Кай-Ши и его повелительницей, буржуазией.

„Мы знаем, что окончательная победа будет наша!“ Быстро покрывает листок бумаги китайскими письменными юньна Чен.

— Трудно научиться китайской грамоте?

Он отвечает с улыбкой:

— Пустяки! Всего 4000 букв. За 2 года будете великолепно писать.

Потом этот вихрастый комсомолец говорит о своем отце.

У них имение в провинции Цейлинь, — одна ночь едешь от Шанхая парходом на юг, — 30 „му“ земли, около 10 десятин. По китайским понятиям это много. Отцу 42 года. До имени он был очень дружен с отцом. Они часто веренились.

— О чем?

— Больше о домашних делах. Я любил отца, и только в последнее время стал понимать, что он человек лицемерный. По что он мог приказать расстреливать рабочих, чтоб он боролся с мирной демонстрацией, чтоб он восстал против флага гоминдана, нет, этому и не поверил бы, но теперь верю. Да, он человек лицемерный. Он был революционером, но буржуазия победила его революционность.

Юньна говорит по-русски невыразливо. Но вовсе не смешно, когда так рельефно история показывает борьбу отцов и детей, старого и нового.

Мы уходим с этого улья китайской культуры с чувством бодрости и радостным.

Кто назвал Китай „движимым“? Он был поэт. Китай стивнузил! И эта молодежь — один из этапов великого сдвига!

Д. Малюгин.

Мы спрашиваем у студентов китайского университета имени Сун-Ян-Сена, которые группами стоят, сидят на скамьях или играют в мячи:

— Здесь сын Чан-Кай-Ши?

Они понимают сразу. Они машут головами. Двое ведут нас внутрь здания. Лестницы и коридоры, классы, столовая, общежитие. Много китайской молодежи, — юношей и девушек. Они приехали сюда учиться.

Раньше учились они по колледжам Англии или Америки. Учились приносить свой народ и свою родину. Теперь их учат по другому методу.

Ил. 8. Сын против отца-изменника. Интервью с Цзян Цзинго. «Огонёк» № 18 (214), 1.05.1927

переворота наши акции намного упали. Не только русские девушки с нами больше не флиртовали, но и повсюду русские встречали нас презрением. Вдобавок к тому, что на нас показывали пальцами и кричали: «Чжан Цзолинь!», русские дали нам новое прозвище — Чан Кайши. Лишь недавно его восхваляли как национального героя, а ныне он был низведен до уровня контрреволюционного милитариста, вроде Чжан Цзолиня. Я до сих пор очень хорошо помню, как московская комиссия подготовки к празднованию 1 Мая планировала почтить Чан Кайши, выставив его огромное изображение на демонстрации в честь Дня трудящихся в Москве. УТК им. Сунь Ятсена по этому случаю также сделал портрет Чан Кайши в полный рост. Но внезапный поворот событий привел русских и студентов нашего университета в настоящее бешенство, и оба портрета Чан Кайши были немедленно сожжены, как только пришла информация о перевороте 12 апреля.

Нужно отметить, что резолюция, осуждавшая Чан Кайши как контрреволюционера, была единодушно принята в университете официальным голосованием студентов-коммунистов и студентов-гоминьдановцев. Возможно, многие из гоминьдановцев в душе не одобряли эту резолюцию, но эмоциональная атмосфера собрания была настолько заряжена возмущением, что они должны были ощущать, что голосовать против, по меньшей мере, неосторожно. После собрания, насколько мне известно, многие из них говорили о нападках студентов-коммунистов на Чан Кайши с возмущением. Шанхайский переворот, спорили эти студенты, был, конечно, антикоммунистическим, но никак не контрреволюционным. Почему, спрашивали они, если переворот был контрреволюционным, представитель Коминтерна М. Н. Рой 13 апреля телеграфировал Чан Кайши, умоляя его не разрушать единства революционных сил? Ведь Чан Кайши, настаивали они, никак не мог бы поддерживать единство революционных сил, если бы был контрреволюционером.

Телеграмма, посланная Роем 13 апреля, поразила меня тогда и все еще поражает сейчас, как свидетельство того, что даже после 12 апреля Коминтерн надеялся залатать раскол с Чан Кайши, как это сделал Бородин после антикоммунистического переворота Чан Кайши 30 марта 1926 года. Бородин мог думать, если выразиться по-китайски, что пока еще все птенцы в одном гнезде. Но, освободившись от полной зависимости от русских, которая царилла, когда он был в Кантоне, Чан Кайши вылетел из гнезда. Когда русские в конеч-

ном счете признали уход Чан Кайши, Бухарин и другие, насколько я помню, стали характеризовать переворот 12 апреля как произведенный крупной буржуазией против Гоминьдана и его левого крыла. Этот переворот, говорили они, в конечном счете избавил Гоминьдан от саботажников и предателей правого крыла. Теперь, говорили они, Гоминьдан сможет стать действительно революционной массовой организацией. Они походили на человека, который смотрит, как другой умирает, и весело кричит, вместо того чтобы плакать. Лидеры КПСС и Коминтерна уверяли нас, что теперь Уханьское правительство, возглавляемое Ван Цзинвэем, является действительно революционным правительством. Мы, говорили они, должны возлагать все надежды на Ван Цзинвэя, генерала Тан Шэнчжи и генерала Фэн Юйсяна. Если вспомнить выступление Сталина в Университете им. Сунь Ятсена 13 мая 1927 года, то похоже, что Сталин возлагал много надежд на Фэн Юйсяна. Но ошеломительный ход событий в Китае вновь вошел в противоречие со всеми утверждениями и предсказаниями Сталина и других.

Развитие событий неоспоримо шло от плохого к худшему, а коммунистов и левогоминьдановцев в Университете им. Сунь Ятсена охватило чувство безнадежности. Многие из нас, фигурально выражаясь, бились над тем, чтобы понять, что же все-таки, боже ты мой, произошло, и мы проводили много времени в глубоких и мрачных размышлениях. Нужны были ответы на такое множество насущных вопросов! Вероятно, самый важный вопрос касался разоружения рабочих в Шанхае — разоружения рабочих пикетов — по приказу КПК, который, предположительно, был дан в соответствии с инструкциями Коминтерна. Если бы рабочие пикеты не сдали своего оружия или не спрятали бы его, чтобы избежать открытого столкновения с силами Гоминьдана, то был ли вообще какой-нибудь шанс, чтобы они сумели отразить атаку Чан Кайши и получить контроль над Шанхаем? Разные русские руководители, кто из Коминтерна, а кто из партии, уверяли нас, что численность шанхайских пикетов была безнадежно преувеличена, что обученная часть пикетов состояла не более чем из двух или трех тысяч человек. Кроме того, эти пикеты были плохо вооружены. Прежде всего, у них не хватало винтовок, многие из которых были потеряны в боях, начавшихся 12 апреля. А оставшиеся у них в руках винтовки были неисправны. Далее, говорили нам, Военный комитет в Шанхае, который КПК организовала там для проведения восстания, ни психологически, ни политически, ни орга-

низационно не был готов к событиям, перед лицом которых оказался. Комитет просто не ожидал, что революционная армия Гоминьдана за одну ночь станет его злейшим врагом. Следующим насущным вопросом, стоявшим в наших головах, был вопрос, почему революционное Уханьское правительство не повернуло свои войска, направлявшиеся на север против Чжан Цзолия, чтобы нанести удар на восток, против Чан Кайши, так открыто предавшего революцию. Ясный ответ на этот вопрос дал нам Сталин в своем выступлении 13 мая. Самым важным из упомянутых им моментов была необходимость предотвратить прямую конфронтацию революционных сил с силами западного империализма. Пусть Чан Кайши некоторое время поякшается с империалистами в Шанхае, пока революционная армия движется на север, чтобы объединить остальной Китай, — заявил Сталин. Тем более что, по его словам, империалисты не откажутся так легко от своего контроля над Шанхаем, а революционные силы недостаточно сильны, чтобы сражаться одновременно на всех фронтах.

Мне кажется, политику Сталина в отношении Китая в этот период пронизывала одна тема — страх возникновения прямой конфронтации между империалистическими силами и теми силами, с которыми был безошибочно связан Советский Союз. 24 марта 1927 года британские, американские, французские, итальянские и японские военные корабли обстреляли Нанкин, причинив тяжелые людские потери. 6 апреля 1927 года дипломатический корпус в Пекине позволил войскам Чжан Цзолия войти в экстерриториальный посольский квартал и совершить там налет на советское посольство. И в Шанхае в апреле 1927 года для подавления восстания, организованного коммунистами, вооруженные силы держав на иностранной концессии координировали свою деятельность с силами гоминьдановских войск. Для Сталина и других в России такие действия должны были оказаться явным предупреждением, что если в затрагивании интересов держав в Китае дело пойдет слишком далеко, последние предпримут акцию возмездия. И Сталин, со своей стороны, должен был взвешивать возможность того, что они могут отплатить и самому Советскому Союзу. А Советский Союз тогда был еще слабым государством, и существовали пределы обязательствам, которые он мог реально выполнять за границей, и тем опасностям, риску которых он мог подвергать собственную территорию. В свете этого, политика Сталина в отношении Китая проистекала не столько из «оппортунизма», сколько из слабости Советского Союза.

Еще один вопрос преследовал студентов-коммунистов и гоминьдановцев левого крыла в Университете им. Сунь Ятсена. Он состоял в том, почему мы не захватили контроль над Нанкином, когда была полная возможность осуществить это, сделав для Гоминьдана невозможным совершение переворотов такого типа, который они совершили в Шанхае. Возможно, мы были недостаточно информированы для того, чтобы делать вывод о нашей способности контролировать Нанкин. Но мы знали, что во 2-й и 6-й армиях Национально-революционной армии, которые первыми должны были выступить в поход на Нанкин, были сторонники коммунистов. И лишь в следующем году некоторые из нас смогли узнать все о развитии событий в Нанкине, так как к тому моменту в университет прибыли лично участвовавшие в нанкинских событиях Линь Цзухань и У Юйчжан, а также Цзян Хао, Ся Си и другие люди, хорошо осведомленные о подробностях происшедшего. Линь Цзухань был политкомиссаром в 6-й армии. У Юйчжан был одним из самых влиятельных членов Уханьского правительства и в то же время членом ЦИК Гоминьдана. Эти люди представили студентам университета свою версию того, что произошло в Нанкине. И позже, когда я работал вместе с Линь Цзуханем и У Юйчжаном во Владивостоке, мы время от времени говорили о нанкинском инциденте. Но больше всего о Нанкине я узнал все-таки от Линь Цзуханя. Мы были выходцами из соседних уездов провинции Хунань, и у нас были особенно теплые личные отношения.

Насколько я помню, версия Линь Цзуханя относительно нанкинских событий была такова: во 2-й армии, которой командовал генерал Лу Тупинь, хунанец, лояльный к Гоминьдану, политкомиссаром был коммунист Ли Фучунь. В армии Лу Тупиня среди командиров среднего и нижнего звена было много коммунистов, которые имели преобладающее влияние на его солдат во всех практических вопросах. Сам Линь Цзухань был комиссаром 6-й армии, которой командовал генерал Чэнь Цянь, тоже хунанец, вступивший в Гоминьдан еще в первые годы существования этой партии, намного раньше Чан Кайши. С Чан Кайши он был в ссоре и служить под его командованием не хотел. Плохие отношения с Чан Кайши склонили его на сторону коммунистов. Он сделал это не по убеждению, а чтобы усилить свою позицию против Чана. Линь Цзухань, используя это положение, неустанно работал с Чэнем, чтобы побудить его связать свою судьбу с коммунистами. В результате Чэнь Цянь во многих случаях

поддерживал коммунистов, хотя в целом никогда не присоединялся к коммунистическому движению всей душой. Поэтому, когда 2-я, а затем и 6-я армии выступили в поход на Нанкин, Линь Цзухань удвоил старания повлиять на Чэня и умолял последнего установить свой личный контроль над Нанкином, в противовес растущему влиянию Чан Кайши.

Как раз в это время Центральный Политический Комитет Гоминьдана в Ухане, членами которого были Линь Цзухань и У Юйчжан, тоже желал установить собственный контроль над Нанкином, и Линь Цзухань поехал в Ухань на собрание комитета. В результате этого собрания, по предложению Линя и У, был создан Комитет политических дел провинции Цзянсу, столицей которой являлся Нанкин. Председателем Комитета назначили генерала Чэнь Цяня. Из десяти остальных его членов шестеро были коммунистами: Ли Фучунь, Ху Шаоцю, Чжан Шуши, Ли Лунцянь, Цзян Дунцин и Гу Шуньчжан. Гу Шуньчжан был командиром рабочих пикетов в Шанхае. Его назначение в этот комитет провинции Цзянсу прозрачно намекало на возможность координации деятельности Нанкина с деятельностью шанхайских рабочих пикетов. Еще один член комитета, Лю Яоцзу, тесно отождествлялся с коммунистами. Затем, к концу марта 1927 года, Линь Цзухань помчался в Нанкин, чтобы облегчить захват контроля над городом силами, враждебными Чан Кайши.

Чан Кайши тем временем не оставался в неведении относительно того, что происходило в Нанкине и Ухане. 26 марта 1927 года он выехал из Цзюцзяна, провинции Цзянси, в Шанхай и вызвал туда на встречу генерала Чэнь Цяня. После их встречи Чэнь Цянь проследовал в Ухань. 6 апреля, еще до прибытия Чэнь Цяня в Нанкин, Чан Кайши телеграфировал приказ 6-й и 2-й армиям немедленно покинуть город, переправиться через реку Янцзы и выступить на север. Лояльная к Чану армия в это время уже вступила в Нанкин. Подчиненные Чэнь Цяня в Нанкине отправили ему телеграмму с вопросом, должны ли они подчиниться приказу Чан Кайши об эвакуации, и Чэнь ответил, что они не должны подчиняться. Но каким-то образом агенты Чан Кайши сумели помешать получению телеграммы от Чэня его подчиненными в Нанкине. Таким образом, 6-я и 2-я армии выступили из Нанкина. 9 апреля Чан Кайши вступил в город собственной персоной.

В Ухане, как только Ли Фучунь сообщил Бородину, что Чан Кайши поспешил в Шанхай, Бородин сразу учуял неблагоприятный

поворот событий. 7 апреля 1927 года он созвал в своей резиденции совещание. На нем было принято решение перевести находившийся в Ухане ЦК Гоминьдана и тамошнее националистское правительство в Нанкин. Но решение, конечно, не было выполнено в срок.

Как описал мне Линь Цзухань, план враждебных Чан Кайши сил установить контроль над Нанкином потерпел фиаско. Подводя итог, он сказал, что ни Коминтерн, ни КПК не имели готового плана относительно того, как быть с гоминьдановскими генералами, которые могли повернуть против них. Во-вторых, в то время гоминьдановское правительство не было достаточно сильным, чтобы установить свое влияние в Нанкин-Шанхайском районе. Наконец, сам генерал Чэнь Цянь, от которого все зависело, не был настолько предан коммунистам и левому Гоминьдану, чтобы обеспечить коммунистический контроль над 2-й и 6-й армиями, даже несмотря на то, что эти армии были под влиянием коммунистов.

Если вернуться к Университету им. Сунь Ятсена в ту весну 1927 года, то на вопросы, распирившие наши головы, часто не было никаких ответов — ни удовлетворительных, ни неудовлетворительных. А пока мы мучились по поводу неблагоприятного развития событий в Китае, эти события продолжали развиваться в антикоммунистическом направлении. Уханьское правительство, верить в которое нас призывали русские руководители, перекинулось на сторону Чан Кайши. Милитарист Фэн Юйсян, который казался Сталину особенно надежным, тоже поддержал Чан Кайши. Коммунистов резали десятками тысяч. Чувство подавленности и недоумения, которое нас обессиливало, постепенно превращалось в ярость. В университет на встречу со студентами-коммунистами пришел представитель Коминтерна. Левогоминьдановские студенты к тому времени примолкли, так как в Китае левый Гоминьдан повернул против коммунистов. Мы закидали представителя Коминтерна, имя которого я забыл, сердитыми вопросами. Почему, например, Коминтерн не извлек из шанхайского переворота 12 апреля того урока, что необходимо принять меры, чтобы не допустить аналогичного переворота в Ухане, всего три месяца спустя? Конечно, сталинско-бухаринское руководство было наиболее уязвимо именно в этом пункте. Разумеется, представителю Коминтерна было трудно дать удовлетворительный ответ на заданный вопрос. Он возложил всю вину за провал на китайское коммунистическое руководство и, в частности, на «оппортунизм» Чэнь Дусю. По его словам, руководители китайских коммунистов не уделяли доста-

точного внимания инструкциям Коминтерна и саботировали многие из них, уверяя в то же время, что проводят их в жизнь. Я думаю, что могу смело заявить от лица большинства студентов-коммунистов, присутствовавших на этом собрании, что мы не хотели преуменьшить ответственность китайских коммунистических лидеров за трагические события в Китае. Но возлагать всю вину на них, оставляя совсем в стороне руководство Сталина и Бухарина, — такой упрек застревал у нас в горле. Мы не были также готовы к тому, чтобы поверить, будто на таких людях, как Бородин и М. Н. Рой, лежит меньше вины, чем на Чэнь Дусю. Однако, когда Бородин в конце августа или сентябре 1927 года вернулся в Москву, его не упрекали открыто, в то время как Чэнь Дусю обвиняли публично, хотя было также много закрытой критики его поведения. Конечно, Бородин вернулся в Москву, потерпев поражение, и ни у кого — ни у русских, ни у китайцев в Москве — не было для него доброго слова. Но нет сомнений, что Сталин и Бухарин избавили Бородина от открытого осуждения, просто не желая собственными руками предоставлять боезапас Троцкому. Тем не менее, нам в университете казалось совершенно очевидным, что Бородин попал к Сталину в немилость. Сталин, как я понял, отказался даже с ним увидеться. В пику этому генерал Василий Блюхер, бывший главным военным советником Гоминьдана и тесно сотрудничавший с Чан Кайши, получил высшую награду, которую Советский Союз давал своим военачальникам. Впоследствии Бородину дали незначительный пост редактора англоязычной газеты «Московские новости», который он занимал много лет.

Когда мы узнали, что Бородин вернулся в Москву, то стали настаивать, чтобы он посетил наш университет с докладом о положении в Китае и о роли, которую он и представитель Коминтерна играли в той обстановке. Он категорически отказался от приглашения, мотивируя это тем, что время для его доклада в университете по этой теме не наступило, да и сам университет — неподходящее место для такого доклада. Отказом Бородина были разъярены столь многие студенты, что возникла реальная опасность буйной студенческой демонстрации. Пытаясь предупредить такую возможность, проректор Кучумов взял на себя инициативу и просил Бородина сделать хоть что-нибудь, чтобы умиротворить студентов. В конце концов, Бородин согласился выступить перед нами, при условии, что встреча будет происходить не в университете, а в каком-нибудь менее эмоционально-взбаламученном месте, и присутствовать на ней будет

только избранная группа студентов и профессоров числом не более ста человек. Условия Бородин были с неохотой приняты. Партбюро отобрало студентов и преподавателей, которые могли присутствовать на встрече, и я был в их числе.

Насколько я помню, Бородин выступал перед нами около часа в маленьком зале одноэтажного здания неподалеку от университета. Стратегия его, как оказалось, состояла в том, чтобы, по китайскому выражению, избежать подъема тяжести, поднимая легкое. Русская поговорка, применимая к другой грани его стратегии, — вместо того чтобы вешать собак на свою шею, он вешал их на шею другим. Поэтому ничего существенного из его речи мы не узнали, она только усугубила нашу досаду. А что было еще хуже — он заключил свою речь объявлением, что ему надо уходить по другому приглашению, после чего поспешно покинул здание. У нас не было возможности задать ему ни одного вопроса, которые мы заранее собрали среди однокашников, не приглашенных на встречу.

По возвращении в университет толпа студентов немедленно втолкнула нас в зал, где несколько человек, в том числе и я, пересказали слова Бородин. Реакция на этот пересказ была точно такой же, как у нас на доклад Бородин. Мягко выражаясь, в адрес Бородин было высказано много нелюбезных вещей. Задним числом и справедливости ради, я полагаю, что Бородину просто запретили публично высказывать какие-либо важные соображения относительно Китая.

Как я подозреваю, после всех этих событий немногие из студентов УТК им. Сунь Ятсена сохранили ощущение, что для мудрого проведения революционного курса в Китае надо непременно полагаться на Коминтерн или советских руководителей. Высокий авторитет, которым пользовались среди нас Сталин и Бухарин, был сильно поколеблен. Такое состояние дел, конечно, было благоприятным для студентов и преподавателей, которые симпатизировали Троцкому. Они могли представлять позиции Троцкого в ходе критики Сталина и Коминтерна, и спорить с ними отваживалась лишь горстка лояльных сторонников Коминтерна. Именно этот момент стал первым толчком к появлению в УТК троцкизма, и среди тех, кто продвигал в то время дело Троцкого, был Цзян Цзинго. Он часто появлялся на трибунах, обычно с горой книг, из которых приводил цитаты, и поддерживал Троцкого. Выступающие на собраниях были ограничены пятиминутным регламентом. Молодой Цзян, как автомат, с неистовой скоростью листал свои книги, при этом с такой же скоростью

говорил, находил подходящую цитату и читал ее в точно необходимом месте, а затем продолжал говорить и искать следующую цитату. Он был блестяще организованным оратором и максимально использовал отведенное ему время. Кроме того, он был автором многих сильных статей, которые помещались в стенгазете на университетской доске объявлений.

Мы будем говорить о судьбе троцкистов в университете в следующих главах. Но здесь позвольте мне сказать заранее, что Цзян Цзинго не был наказан за свою откровенную поддержку Троцкого, хотя даже к менее откровенным троцкистам отнеслись очень жестоко. Вместо этого Цзян Цзинго был отослан из Университета им. Сунь Ятсена в Военно-политическую академию в Ленинград. В то время некоторые из нас предполагали, что советские власти решили не замечать его политической бестактности по причине его молодости. Впоследствии, однако, я пришел к выводу, что Сталин вполне мог держать Цзян Цзинго наготове, в качестве козыря при возможных будущих сделках с Чан Кайши. Или, быть может, Сталин просто надеялся установить через Цзян Цзинго какие-то связи с его отцом, в случае, если такие связи могут оказаться полезными в будущем. В годы антияпонской войны* и короткое время после нее последняя оценка, кажется, действительно оправдалась, но углубление в эту тему не входит в задачу данной книги.

Во всяком случае, многие студенты УТК, начавшие в этот трудный период симпатизировать взглядам Троцкого, постепенно становились формальными членами троцкистской оппозиции. Но надежды тех из нас, кто, несмотря на жестокое испытание нашего доверия, остался верен руководству Коминтерна, основывались на том, что Коминтерн и русские руководители смогут действительно извлечь урок из своих ошибок и станут более умело оценивать потребности китайской революции и ее развитие.

Антикоммунистический переворот 12 апреля знаменовал собой поворот в новой истории Китая. С этого дня политика Гоминьдана вернулась к состоянию, в котором она пребывала до реорганизации Гоминьдана в январе 1924 года. Три великих принципа политики Сунь Ятсена — союз с советской Россией, союз с китайскими комму-

---

* Антияпонская война (07.07.1937—15.08.1945). Поводом к войне послужил инцидент на мосту Лугоуцяо (мост Марко Поло) в районе Пекина, случившийся в результате стычки 7 июля 1937 между японцами и войсками Национального правительства (прим. пер.).

нистами и поддержка рабочих и крестьян — были грубо отброшены. С этого же дня события повели коммунистов к ликвидации мягкой линии руководства Чэнь Дусю и принятию жесткого курса вооруженной борьбы. Поражения, понесенные коммунистами в Шанхае и других крупных городах после 12 апреля 1927 года, целый ряд неудач, которые продолжались годами, стали решающим фактором в переходе китайских коммунистов от политики организации городских рабочих, как главной задачи, к политике организации вооруженной аграрной революции в деревне. Они развили военную стратегию окружения города деревней. Много позже они стали настаивать, что такая стратегия должна быть принята во всем мире для победы мировой революции!

ГЛАВА X.

ФЭН ЮЙСЯН — ПОЧЕТНЫЙ СТУДЕНТ УНИВЕРСИТЕТА им. СУНЬ ЯТСЕНА

Первые попытки Советской России создать себе опорную базу в Китае могут быть обнаружены еще в первые дни после Октябрьской революции 1917 года. Однако заметных успехов русские достигли не раньше 1923 года, когда они установили прочные связи с доктором Сунь Ятсеном в Южном Китае. В сентябре 1923 года из Москвы в Кантон выехал Михаил Бородин. По дороге он остановился в Пекине, где имел длительную беседу с тамошним советским представителем Львом Караханом. Среди прочих вопросов, они обсуждали возможность создания советской опорной базы в Северном Китае, в добавление к плацдарму на Юге. Приблизительно в это же время Ли Дачжао, а позже Сюй Цянь, помогали этому предприятию, выдвигая конкретные предложения, как это может быть сделано. Ли и Сюй рекомендовали Карахану генерала Ху Цзинъи, главнокомандующего 2-й Национальной армией (Гоминьцзюнь), базировавшейся тогда в провинции Хэнань, как самого подходящего человека на Севере, с которым русские могли бы развивать полезные рабочие взаимоотношения. Ху Цзинъи имел давние и тесные связи с Гоминьданом и мог рассматриваться почти как член этой партии. Русские приняли это предложение и начали длительные переговоры и планирование всего необходимого для посылки надежной группы военных советников для работы с Ху Цзинъи.

Однако в апреле 1925 года, прежде чем группа военных советников действительно была послана, Ху Цзинъи умер от заражения крови. Его преемнику, Юэ Вэйцзюню, русские не доверяли. На этот раз Ли Дачжао, Сюй Цянь, а возможно, и другие, предложили, чтобы русские устанавливали отношения с главнокомандующим 1-й Национальной армией* Фэн Юйсяном, который базировался в городе

---

* В конце 1925, под влиянием подъема национально-освободительной борьбы, генерал Фэн Юйсян заявил о своей поддержке программы Сунь Ятсена и Гоминьдана, легализовал на подвластной территории деятельность Гоминьдана и КПК, попросил и получил военную помощь у СССР, а также переименовал свои войска в «Национальную армию» (Гоминьцзюнь) (прим. пер.).

Чжанцзякоу. Русские снова приняли их предложение. По просьбе Ли Дачжао, пекинский профессор Мао Ихэн посетил Фэн Юйсяна и сообщил ему о заинтересованности русских в предоставлении ему военной помощи. Фэн сразу же назначил трех своих подчиненных (Ли Чжи, Тан Юэляна и Бао Шицзе) для прямых переговоров с Караханом от своего имени. Тем временем Гомиьндан назначил Сюй Цяня своим представителем в 1-ю Национальную армию. Затем, один за другим, Ван Цзинвэй, Сунь Фо и Кун Сянси, от имени Гомиьндана, посетили Фэн Юйсяна в штабе его армии для укрепления политических связей. В конце концов, Фэн Юйсяна в Чжанцзякоу посетил Бородин, и вскоре после этого прибыла большая группа русских военных советников¹. Есть сведения, что, по просьбе Карахана, Бородин ездил в апреле 1925 года в Пекин, а 21 апреля отправился в Чжанцзякоу, в сопровождении русского военного атташе в Пекине А. И. Геккера. По-видимому, Бородин и Фэн Юйсян без труда достигли соглашения относительно русской помощи 1-й Национальной армии, так как основа уже была заложена Мао Ихэном и другими. Группа русских советников во главе с русским, которого по-китайски звали Жэнь Тацзян, по-видимому, прибыла в Чжанцзякоу где-то в мае 1925 года. Она состояла из двадцати девяти военных специалистов, двух политработников, одного врача и четырех переводчиков².

Как я помню, Ли Дачжао в то время послал ведущим организациям КПК в Северном Китае конфиденциальное сообщение, информируя их об этих событиях и намекая, что Фэн Юйсян может постепенно полностью перейти на сторону революции. В послании Ли партийным органам поручалось ориентироваться на эту новую ситуацию. Пекин был в то время культурным и политическим центром Китая, и Пекинская коммунистическая организация была крупнейшей в Китае. В послании Ли ей поручалось подготовить способных и энергичных молодых политработников для возможного назначения в армию Фэн Юйсяна. Как я помню, послание Ли произвело большое волнение и среди коммунистических руководителей в Пекине, и среди рядовых членов партии. Многие из них, в том числе и я, хотели бы работать в армии Фэн Юйсяна.

В октябре 1925 года Фэн послал в Советскую Россию военную миссию для изучения русского военного образования, а заодно и возможности получить от русских еще большую помощь. Главой миссии был Сюнь Бинь³, который имел вместе с тем, как минимум, еще одну важную задачу — подготовить почву для визита в Москву самого Фэн

Юйсяна. Фэн выехал в Россию в марте 1926 года. Двадцатого марта он покинул Пиндицюань, двадцать второго прибыл в Улан-Батор, где со своей женой и остальной группой прожил более месяца. Во время его нахождения в Улан-Баторе туда прибыл Бородин с группой из 30 человек, в которую входили Юй Южэнь, Юджин Чэнь, Гу Мэнъюй, Сюй Цянь и Чэнь Цисю. Бородин обсуждал с Фэном детали сотрудничества между Гоминьданом и Национальной армией. Наконец, 9 мая 1926 года Фэн прибыл в Москву. Ему был оказан самый сердечный и восторженный прием. Студенты УТК и КУТВа пришли приветствовать его на вокзал с огромными флагами и плакатами, на которых было написано: «Привет руководителю Народной армии — защитнику рабоче-крестьянского движения в Китае!» Помимо студентов, присутствовали начальник штаба Главного управления русской Красной Армии Пугачев, начальник Дальневосточного отдела Наркоминдела Мельников и командующий Московским гарнизоном Яковлев⁴.

Фэн был явно растроган оказанным ему радушным приемом. На вокзале он устроил пресс-конференцию, где заявил: *«Я приехал в Советскую Россию для укрепления уз дружбы, которые связывают две наши страны, и для изучения строительства России и Красной Армии. По пути из Верхнеудинска в Москву я уже видел успехи в строительстве многих мостов, больших дорог и жилых домов, которое сейчас уже завершено. Я счастлив, что здесь, в России, я нашел образец того, чем в будущем может стать Китай... Что особенно произвело на меня впечатление в вашей стране, так это Красная Армия, особенно Красная Кавалерия. В Верхнеудинске я участвовал в праздновании Первого мая и сам видел тесное единство и сотрудничество между Красной Армией и народом. Многие военные казармы, которые я посетил, содержались в таком порядке и чистоте, словно это учебные заведения»*⁵. Затем он подошел к встречающим студентам и поблагодарил их за приветствие, за что снова был награжден громкоподобными криками: «Да здравствует руководитель Гоминьцзюнь!», «Да здравствует борец против империализма!» В качестве следующего жеста симпатии к делу социализма он лично пожертвовал сто рублей в пользу бастующих английских рабочих и попросил членов своей группы также сделать пожертвования. Естественно, этот жест был отмечен на первой странице «Правды»⁶. Фэн поистине обладал талантами дипломата и актера.

Как позже описывали мне студенты УТК, еще лучше Фэн применил свой талант 10 мая, когда посетил могилу Ленина* и драматично заявил, что решил вступить в Гомиьдан и сражаться за национальную революцию. Хотя он представлял дело так, что на это его вдохновил «коммунистический святой», в действительности все основывалось на практических соображениях, вытекавших из неблагоприятной военной обстановки и растущей нехватки вооружения, с чем он столкнулся в Китае⁷.

Куда бы ни приезжал Фэн в Советском Союзе, он произносил взволнованные речи, демонстрируя свой революционный пыл. Он одурачил всех, в том числе и студентов нашего университета, которые пригласили его на специальный митинг. Мао Ихэн, сопровождавший его при посещении университета, писал: *«На третий день нашего пребывания в Москве Университет Сунь Ятсена пригласил Фэн Юйсяна выступить перед студентами. Были приглашены также Сюй Цилун (Сюй Цянь) и я. Собрание было назначено на восемь часов вечера, но мы прибыли около половины восьмого. Группа студентов немного дружески общалась с Фэнгом. Среди них оказалось несколько земляков Фэн Юйсяна из провинции Аньхуэй. На митинге был избран президиум из восьми человек. В их числе была девушка по имени Чжан Сюлянь, которая ныне является членом Контрольного Юаня на Тайване. Ректор Радек выступил с приветственной вступительной речью, в которой особо подчеркнул, что Фэн происходит из безземельных крестьян и поэтому может быть лучшим защитником крестьянских интересов. Он подчеркнул также, что Северный Китай нуждается в таком человеке, как Фэн Юйсян. Затем встал Фэн и произнес свою речь, первой фразой в которой была такая: “Я всегда буду ренегатом буржуазии! Я прогнал также маньчжурского императора из его дворца, разрушив таким образом самые корни многовековой китайской императорской системы!” Его первые фразы были приняты очень хорошо, о чем свидетельствовали громовые аплодисменты, которыми они были встречены. Все, по-видимому, были в восторге. Фэн говорил приблизительно час пятьдесят минут и очень хорошо владел своей аудиторией. Речь произвела на слушателей очень хорошее впечатление. Позже мне говорили, что после этой речи, при обсуждении на партийной*

---

* Автор имеет в виду Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади (прим. пер.).

группе университета вопроса, следует ли оказывать помощь Фэну, большинство высказалось за ее оказание»⁸. Другой студент, присутствовавший на собрании, позже рассказывал мне, что Фэн начал свою речь словами: «Я сын рабочего!», а окончил возгласом: «Да здравствует ленинизм! Да здравствует пролетариат! Да здравствует мировая революция!»

По-видимому, в ответ на красноречивое выступление Фэна в университете многие студенты на следующее утро пришли с визитом вежливости в отель «Европа», где остановился Фэн Юйсян. Нужно отметить, что, по воспоминаниям Мао Ихэна, в эту группу вошли Чэнь Шаоюй, Ван Тунъюнь и другие, происходившие, как и Фэн, из провинции Аньхуэй. По воспоминаниям видно, что Чэнь Шаоюй произвел на Мао Ихэна в высшей степени благоприятное впечатление как красивый молодой человек, умный, прекрасно владеющий русским языком и обладающий внушительными познаниями в области учений Ленина и Сталина. Об этом визите вежливости Мао Ихэн заметил также, что большинство студентов составляли коммунисты. Это обстоятельство позволило Мао предположить, что русские коммунисты посоветовали китайским студентам-коммунистам навестить Фэн Юйсяна, чтобы завязать отношения, которые в итоге могли бы привести к работе молодых коммунистов с Фэном в Китае⁹. Возможно, так оно и было. Но, когда я приехал в Москву, мне сказали, что китайские коммунисты из УТК организовали визит в отель к Фэну с намерением склонить его к хорошим отношениям с коммунистами и изолировать от Гоминьдана. Если их намерения были таковы, то на время они преуспели. Большинство студентов-гоминьдановцев, как мне сказали, смотрело на Фэна так, словно он уже был ставленником коммунистов. Лишь позже они сделали попытку помириться с ним. Во всяком случае, там, где шла речь об интересах коммунистов, коммунистическая организация всегда играла видную роль, что не всегда можно было сказать о Гоминьдане.

Как пишет Мао Ихэн, по просьбе Фэна, на пути в Москву сопровождавший группу русский читал Фэну и его окружению лекции по ленинизму. Во время пребывания в Москве Фэн максимально использовал свое «пролетарское происхождение». Он даже попросил Карла Радека объяснить ему ленинизм, что Радек и сделал. И именно в качестве ученика Радека он получил официальный студенческий билет УТК им. Сунь Ятсена, хотя и не посещал занятий¹⁰. Видимо, для дальнейшей демонстрации своей искренности в отношении к делу

революции Фэн вызвал своего сына Фэн Хунго из Германии, где тот учился, и записал его в наш университет¹¹. Он также записал туда свою старшую дочь, Фэн Фулунь*. Вторую же дочь, Фэн Учунь, он поместил на Московский авиационный завод в качестве работницы, видимо, для укрепления своих связей с пролетариатом.

Прежде чем покинуть Москву, Фэн Юйсян записал в ряды студентов УТК одного члена своей группы, близкого друга по имени Чэнь Тяньци. Чуть позже, по распоряжению Фэна, в университет были переведены многие его офицеры, учившиеся в военных учебных заведениях в Киеве и других городах. С одним из этих людей, Ян Няньси, носившим русскую фамилию Иванов, у меня возникла тесная дружба. Примерно в это же самое время Фэн каким-то образом записал студентом в КУТВ одного из своих старших офицеров Чжан Чжэнъя. А это означало, что Чжан должен был быть членом коммунистической партии, возможно, членом КПК. Хотя Чжан учился в КУТВе, он много времени проводил в УТК им. Сунь Ятсена, где я с ним и познакомился. Он всегда был очень занятым человеком. Не знаю, соответствовало ли это действительности, но я пришел к выводу, что он был двойным агентом, внедренным Фэном в коммунистическую партию, хотя и коммунистическая партия очень хорошо использовала его услуги. Конечно, он не был единственным человеком Фэна в России, вступившим в компартию. Но другие, как мне казалось, сохраняли несомненную верность Фэну.

Фэн Юйсян посетил в Москве многих влиятельных должностных лиц. Среди них были Чичерин, Зиновьев, Калинин, Радек, Ворошилов, Троцкий и вдова Ленина. Со Сталиным Фэн не встречался, но произвел на него большое впечатление. По словам Мао Ихэна, Сталин сначала обещал Фэну военное снаряжение для пятидесяти тысячного войска, но позже решил постараться изо всех сил и увеличил количество обещанного снаряжения в восемь раз¹². С такими плодотворными результатами 17 августа 1926 года Фэн покинул Москву. Его сопровождал выпускник КУТВа Лю Боцянь, работавший в китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна. По прибытии в Китай, Фэн назначил Лю Боцяня начальником политотдела Национальной армии.

15 сентября 1926 года Фэн Юйсян вернулся в свою штабквартиру в г. Уюане, провинции Суйюань, где был приведен к присяге в качестве командующего Объединенной национальной армии,

---

* Фэн Фунэн. Псевдоним — Нежданова. В УТК — «жена» Цзян Цзинго (прим. пер.).

и официально заявил, что стал членом Гоминьдана. Теперь под его командованием было шесть армий. 28 ноября 1926 года, после крупного сражения, он занял город Сиань, столицу провинции Шэньси. Юй Южэнь, уроженец Шэньси, был назначен губернатором провинции. Так Сиань стал центром революции в Китае. В это время и появилась пословица «На Юге — Кантон, а на Севере — Сиань».

В этот период столица провинции Шэньси стала, конечно, местом, благоприятным для деятельности коммунистов. Вскоре коммунисты заняли все влиятельные посты во всех областях провинции — в правительстве, просветительных учреждениях, массовых организациях и т. п. Интересно, что в Сиане, несомненно, с согласия Фэн Юйсяна, была создана организация, подобная русскому ГПУ. Она называлась Департаментом политической охраны (Чжэнчжи баовэй бу). Была учреждена в Сиане и Военная школа им. Сунь Ятсена. Как Департамент политической охраны, так и Военную школу им. Сунь Ятсена возглавлял коммунист по имени Ши Кэсюань. Коммунист Лю Боцянь был сделан начальником политотдела Объединенной национальной армии, и КПК быстро расширила внутри этой армии свою политическую работу. Кроме Лю Боцяня в ней также действовали коммунисты Лю Чжидань и Ли Линь. Лю Чжидань позднее стал основателем Советского района Шэньси-Ганьсу-Нинся¹³.

Молодые партийные активисты, отобранные коммунистической организацией специально для работы в армии Фэн Юйсяна, а их было около сотни, тоже в это время работали в Национальной армии. Я должен здесь отклониться немного для воспоминания об одном из них, моем близком друге детства, по имени У Чжунлань. Мы были из одной деревни в провинции Хунань и учились в одном университете в Пекине. Это я убедил его вступить в КПК и дал ему рекомендацию, я же рекомендовал его Пекинской коммунистической организации для назначения на работу в армию Фэн Юйсяна. Он уехал на эту работу раньше, чем я уехал в Москву. В 1927 году, когда Фэн повернул против китайских коммунистов, большинство из них, работавших под его началом, было смещено, а некоторые из них казнены. Казнен был и У Чжунлань.

Быстрый успех Северного похода Национально-революционной армии сопровождался ускоренным ростом разлада в революционных рядах. Конфликт между революционными и контрреволюционными элементами в области контроля Уханьского правительства, начавшись с антикоммунистического переворота в Шанхае, все углу-

блялся. Даже в высших эшелонах Уханьского правительства намечались признаки разногласия.

Чувствуя угрозу для китайской революции, 9 июня 1927 года студенты Университета им. Сунь Ятсена приняли резолюцию, убеждавшую Фэн Юйсяна и Тан Шэнчжи держаться революционной линии. Полный текст резолюции приводится ниже: *«Через ЦИК Гоминьдана в Ухане и Национальное правительство мы обращаемся к главнокомандующему Северного экспедиционного корпуса генералу Фэн Юйсяну, заместителю командующего генералу Тан Шэнчжи и ко всем офицерам и солдатам на фронте: недавняя победа Северного похода, начатого Уханьским правительством, и вооруженная угроза империалистов продемонстрировали, что только революционные войска, действующие при поддержке рабочих и крестьян, могут быть страшны для империалистов. Предательские и бесчеловечные действия Чан Кайши, нового орудия империалистов, приведут лишь к тому, что народ станет более революционным, усилится солидарность рабочих и крестьян с Национальным правительством, победа китайской революции станет еще неизбежнее, и падение господства империалистов в Китае ускорится.*

Вооружение рабочих и крестьян и аграрная революция в деревне являются единственной гарантией победы китайской национальной революции. Северный поход развивается победоносно, и мы предсказываем, что деморализация армии Чжан Цзолиня и его падение неизбежны. Мы очень рады этим известиям. Пролетариат и угнетенные народы всего мира, особенно рабочие и крестьяне Советского Союза, глубоко сочувствуют нашей национальной революции и предоставляют нам всю возможную помощь. Это свидетельство правильности трех принципов нашего знаменитого Президента.

Все члены организации Гоминьдан в этом университете поклялись работать вместе со всеми товарищами нашей партии и бороться до конца.

Община членов Гоминьдана в Университете Сунь Ятсена, Москва»¹⁴.

Эта полная высоких фраз резолюция, конечно, не была способна изменить намерений Фэна. Он не ответил на нее, не ответил и генерал Тан Шэнчжи. О чем Фэн действительно заботился, так это о расширении собственных владений, а вовсе не о революции.

10 июня 1927 года Фэн, Ван Цзинвэй, Тан Янькай, Сюй Чэнь, Сунь Фо, Гу Мэнъюй, Тан Шэнчжи, Чжан Факуй, Дэн Яньда и генерал Блюхер встретились в Чжэнчжоу для обсуждения мер возмездия Чан Кайши. Тем не менее, 19 июня Фэн встретился с Чан Кайши и Ху Ханьминем для обсуждения Северного похода и мер, которые могут быть приняты против Уханьского правительства. Фэн анализировал ситуацию следующим образом: *«Чан Кайши пригласил меня на встречу в Сюйчжоу. Когда я прибыл туда, мы обсуждали продолжение Северного похода. Итак, ныне Уханьское правительство хочет, чтобы я помог им бороться с Чан Кайши, а Чан хочет, чтобы я помог ему бороться с Уханьским правительством. Но если мы будем ссориться между собой, как мы сможем оправдаться перед китайским народом?»*¹⁵

После совещания с Чан Кайши отношение Фэна к Уханьскому правительству резко изменилось. 21 июня он послал Уханьскому правительству телеграмму, которая ясно указывала на то, что он встал на сторону Чан Кайши. Поэтому неудивительно, что 8 июля 1927 года Фэн официально дал старт своей «партийной чистке», направленной против коммунистов. Все политработники Национальной армии, находившиеся в Хэнани и Шэньси, подверглись поголовной проверке, и те из них, кто был послан Уханьским правительством или коммунистами, оказались смещены. Среди уволенных со своих постов был начальник политотдела армии Лю Боцянъ, вернувшийся в Китай вместе с Фэном. Фэн больше не нуждался в русской помощи и хотел избавиться от русских пут.

Однако, повернув против коммунистов, он словно забыл в Москве свою жену и детей. Реакция Фэн Хунго на измену отца особенно интересна, потому что он был поставлен точно в такое же положение, как Цзян Цзинго. Он поспешил выпустить следующее резкое разоблачение отцовского предательства¹⁶: *«Отец! Теперь ясно, что, дезертировав с революционного фронта, ты стал лидером контрреволюции. Для меня эта перемена не была неожиданной, так как я знал твой оппортунизм и твой самонадеянный и трусливый характер. Во время переговоров между Гоминьдан и Северо-западной Народной армией об условиях присоединения ее к Гоминьдану ты отклонил условия, по которым Гоминьдану предоставлялось бы право наказывать офицеров Национальной армии [Народной армии], если они нарушат дисциплину Гоминьдана. Ты приводил в то время довод, что*

такое условие означало бы капитуляцию Народной армии, а не было бы условием взаимного сотрудничества. Судя по этим словам, ты, видимо, не имел намерений вести революционную борьбу под руководством Гоминьдана, а хотел только использовать его знамя и, под предлогом защиты интересов рабочих и крестьян, захватить побольше территорий. Теперь маска сброшена. Ты не только не сумел защитить интересы рабочего класса и крестьянства, но и зашел так далеко, что начал сотрудничать с Чан Кайши, палачом рабочих и крестьян.

Я узнал, что ты пустил в ход наглое утверждение, будто бы на территориях, находящихся под контролем Уханьского правительства, торговцы, владельцы промышленных предприятий и помещики угнетались рабочими и крестьянами. Это смехотворно! Время, когда китайские рабочие и крестьяне смогут угнетать капиталистов, торговцев и помещиков, еще не пришло. Но даже если это было бы так, ты должен был бы стоять на стороне большинства народа и помогать рабочим и крестьянам свергнуть иго эксплуататоров.

Ты стал врагом рабочего класса и крестьянства и ренегатом суньятсенизма. Раньше, когда я учился в старой школе, я не имел понятия о революционных учениях. Теперь, после поступления в Университет Сунь Ятсена и изучения теории и практики революции, я знаю курс, которому должна следовать китайская революция. Пока ты следовал за контрреволюционерами, я стал революционером. И, как революционера, меня заботят только интересы революции, а никак не отношения между отцом и сыном. Поэтому я порываю все связи с таким контрреволюционным отцом, как ты. С этого дня я рассматриваю тебя как принадлежащего к своре Чан Кайши, Чжан Цзолиня и других контрреволюционеров.

Теперь мы с тобой принадлежим к враждебным лагерям. Ты — в лагере контрреволюции. Отныне я буду вести решительную борьбу против своего собственного отца, врага рабочего класса и крестьянства. Вот мое последнее слово моему отцу-контрреволюционеру!

15 августа 1927 года

Фэн Хунго, Москва»¹⁷.

Вечно подозрительные русские были настороже и в отношении Фэн Юйсяна. Но когда тот послал свою жену и детей в Москву, их

бдительность оказалась усыплена до степени сверхдоверия. В начале 1927 года Фэн послал в Россию группу военных, во главе с ветераном, генералом Лу Чжунлинем. Будучи превосходным солдатом, Лу был еще и превосходным оратором. Я помню, как 7 февраля 1927 года КУТВ проводил митинг памяти тех, кто четыре года назад, 7 февраля 1923 года, погиб в трагической стачке рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги. Выступающими на этом митинге были Бухарин и Лу. Лу произнес очень трогательную речь, которую присутствующие встретили громовыми аплодисментами. В заключение Лу сказал: «Я, Лу Чжунлинь, по возвращении в Китай сделаю все, что смогу, для освобождения рабочих и крестьян. Если когда-нибудь я стану контрреволюционером, то пусть любой из вас прикончит меня».

Этот устроенный Лу Чжунлинем спектакль еще более усилил доверие русских к Фэн Юйсяну. Они так ему доверяли, что когда в Уханьском правительстве появились раздоры, Бородин и другие русские советники планировали эвакуацию революционных элементов в ту часть Северо-Западного Китая, которая была под контролем Фэн Юйсяна. Однако их планы были обречены на провал, и Бородин не нашел убежища на территории Фэн Юйсяна.

ГЛАВА XI.

МАДАМ СУНЬ ЯТСЕН И ДРУГИЕ ВИЗИТЕРЫ В МОСКВУ И УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА

В Китае 1925—1927 годы были годами, полными событий, и кипение времени отражалось на числе влиятельных деятелей Гоминьдана и КПК, ездивших из Китая в Москву. В нескончаемой череде паломников в столицу больше всего было членов КПК. Университет им. Сунь Ятсена часто приглашал этих китайских коммунистов для докладов о положении на родине. Среди тех, кого мы имели удовольствие слушать, были Чжан Готао, Чжоу Эньлай, Сян Чжунфа, Цюй Цюбо, Лу Динъи, Дэн Чжунся, Гуань Сянъин и другие. Странно, но наш университет никогда не устраивал приемов ни для кого из этих руководителей китайских коммунистов, не награждал их почетными званиями. Приемы и почетные звания, по-видимому, резервировались для посещающих университет должностных лиц Гоминьдана.

Однако университет посещали не одни только руководители коммунистов и Гоминьдана. Среди наиболее влиятельных некоммунистических визитеров был всемирно известный ученый доктор Ху Ши*, хотя его визит состоялся не во время моего обучения в университете, и я даже не помню, чтобы слышал о нем от кого-либо во время моего пребывания в России. Зато Мао Ихэн в своих «Воспоминаниях» отмечает, что во время своей поездки в Москву с Фэн Юйсяном, в мае 1926 года, он слышал, что доктор Ху посетил университет ранее. Мао пишет: *«Ху Ши нанес визит в Университет Сунь Ятсена проездом через Россию. Радек (ректор университета) спросил его о впечатлении от Советского Союза. Ху Ши ответил с юмором: “Группа людей старательно работает в соответствии со своими идеями!” Что касается результата*

---

* Ху Ши (1891—1962). Философ, социолог, историк, литератор, общественный деятель. Учился в США. С 1917 профессор Пекинского университета. С 1928 ректор Китайского национального института, один из основателей Академии наук, ректор Пекинского университета (1946—1948). Посол гоминьдановского правительства в США (1938—1946) и ООН. Президент Академии наук на Тайване (с 1957). Стронник вестернизации Китая. Критиковал учение Сунь Ятсена и идеи коммунистов о классовой борьбе (прим. пер.).

этих стараний, то, сказал Ху, будущее покажет, а он не пророк. Этот случай был рассказан мне студентом Университета Сунь Ятсена, который осуждал Ху Ши, как продукт капиталистического воспитания... Впоследствии коммунисты и их сторонники осуждали Ху Ши принципиально... Отношение коммунистов к Ху Ши не было столь враждебным до его поездки в Москву. А с тех пор двери Университета Сунь Ятсена были закрыты для всех китайских ученых, которые не являлись революционерами. Мистер Чжан Цзюньмай¹, будучи в Москве, пытался добиться приема, но безуспешно»².

Особо важным посетителем университета был Ху Ханьминь. Я уже упоминал, что он был послан в Советский Союз как эмиссар Национального правительства в Кантоне, и произошло это в результате убийства Ляо Чжункая*. Ху Ханьминь выехал из Кантона 23 сентября 1925 года, а 18 октября уже прибыл в Москву. Его сопровождала дочь и много других лиц, в том числе генеральный секретарь кантонского правительства Ли Юаньфан, секретарь Военного комитета Чжи Хэчжун и два курсанта из Военной школы Вампу. Несмотря на то что Ху имел отношение к убийству Ляо Чжункая, Москва устроила ему полноценный прием. Очевидно, в каком бы преступлении Ху ни подозревался, его форма генералиссимуса и постоянные упоминания о мировой революции производили впечатление на русских. Ему дали пост в Коминтерне, а УТК наградил почетным званием. Однако во время одного из первых посещений университета тема убийства Ляо Чжункая вызвала у Ху Ханьминя большое замешательство. На собрании кто-то из студентов, конечно, не имевших возможности знать обстоятельства смерти Ляо Чжункая, прямо попросил Ху рассказать подробнее об этой смерти. Ху заметно покраснел и не мог произнести ни слова. Трудное положение было сглажено только чьей-то импровизированной речью³. Но, как я уже упоминал в предыдущей главе, несмотря на этот неловкий инцидент, Ху Ханьминь продолжал оказывать ценную поддержку организации Гоминьдана в университете.

---

* Будучи губернатором провинции Гуандун и временно исполняющим обязанности верховного главнокомандующего, Ху Ханьминь пытался незаконно провести своего брата Ху Ишэня на пост мэра г. Гуанчжоу. Этому помешало лишь личное вмешательство Сунь Ятсена, который дал из Тяньцзиня указание Ляо Чжункаю расследовать дела братьев Ху, что вызвало смертельную обиду последних и, видимо, стало одной из причин участия Ху Ишэня в организации убийства Ляо Чжункая в 1925, после смерти Сунь Ятсена (прим. пер.).

Другим интересным гостем университета был Юй Южэнь, старший член Гоминьдана. По свидетельству Мао Ихэна, идея привлечения Юй Южэня в Москву принадлежала Фэн Юйсяну, так как Фэн верил, что Юй Южэнь сможет помочь ему заполучить русскую помощь. Но устроил поездку Юя, по всей вероятности, Ли Дачжао⁴. Позднее зять Юй Южэня, Цюй У, учившийся в Университете им. Сунь Ятсена, по существу, рассказал мне то самое, о чем догадывался Мао Ихэн. Цюй, однако, добавил, что у Юя была еще одна миссия — получить русскую помощь для 2-й Национальной армии, с которой у Юя были тесные связи.

Юй прибыл в Москву в конце июля 1926 года. 4 августа в «Правде» появилось интересное интервью с ним, в котором был приведен подробный отчет о его жизни и деятельности, с особым упором на его участие в создании в 1922 году Шанхайского университета, учебного заведения, которое практически стало школой воспитания левых и коммунистических кадров⁵. Китайские коммунисты очень любили Юя. В статье он описывался как организатор 2-й Национальной армии. То, что он занимал в этой армии влиятельное положение и прибыл в Москву с особой миссией, явствовало из его интервью «Правде» от 4 августа:

«Вопрос: Каковы перспективы союза Чжан Цзолия с У Пэйфу?»

Ответ: С точки зрения всего опыта гражданской войны в Китае этот союз — неустойчив, конфликты между ними неизбежны. Но было бы грубой ошибкой, если бы мы, сложив руки, ожидали перемен в обстановке. Наоборот, Национальная армия должна предпринять немедленные действия и начать наступление.

Вопрос: Каковы в настоящее время силы Национальной армии? Сильно ли она ослаблена после недавнего поражения?»

Ответ: Естественно, Национальная армия в определенной степени ослабла, но ее база стала прочнее, чем когда-либо. Люди, жившие в контролировавшихся ею районах, побывав хоть недолго под властью милитаристов, стали ненавидеть их еще более, и они хотят возврата Национальной армии. А Национальная армия более чем когда-либо понимает насущную необходимость сотрудничества с Гоминьданом. Я надеюсь, что генерал Фэн Юйсян увезет с собой революционный опыт,

изученный в России, и я уверен, это будет очень ценно для повышения боеспособности Национальной армии.

Вопрос: «Правда» в своих сообщениях о поражении 2-й Национальной армии придерживалась мнения, что причиной его послужило то, что армия не сумела установить хороших отношений с крестьянами. В этих сообщениях говорилось также, что солдаты грабили крестьян. Насколько эти сведения точны?

Ответ: Эти сообщения верны. Из-за текучки в составе Национальной армии и условий войны, командующий 2-й армией не всегда был в состоянии осуществлять власть и контроль над войсками».

В период своего десятидневного пребывания в Москве Юй Южэнь был очень загружен. 31 июля он посетил Министерство сельского хозяйства, 3 июля был принят Крестинтерном* и представлен многим русским ученым. Горячее гостеприимство он встретил также в Университете им. Сунь Ятсена. На устроенном в его честь приеме ректор Радек наградил Юя почетным званием, как до него Ху Ханьминя и Фэн Юйсяна. Так имя Юя было присовокуплено к списку выдающихся питомцев университета. Кроме получения почетного звания, у Юй Южэня были в университете и другие дела. Там учились его родственники: студентами были его дочь Юй Лунь и зять Цюй У. После окончания Юй Лунь вернулась в Китай, а Цюй У остался в Москве и учился в Московской военной академии. Когда Цюя после окончания учебы отправили обратно в Китай, он сопротивлялся этому. На какой-то сибирской станции сошел с поезда и вернулся в Москву, надеясь продолжать отношения со своей русской любовницей. Однако вскоре он был арестован русской тайной полицией и отправлен в исправительные трудовые лагеря в Сибирь. В конечном счете, после многих лет лишений, его отослали обратно в Китай. Но вместо того, чтобы явиться для исполнения своих обязанностей к коммунистическим властям, он стал членом Контрольного Юаня при правительстве китайских националистов. Этому поста он добился с помощью своего влиятельного тестя.

Еще двумя интересными лицами, которые посетили Москву в этот период, были Шао Лицзы** и Лу Чжунлинь. Шао Лицзы при-

---

* Крестьянский интернационал (прим. пер.).

** Шао Лицзы (1882–1967). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905. Член

ехал в Москву с официальной миссией вскоре после Ху Ханьмина, Фэн Юйсяна и Юй Южэня. По версии русских, он представлял Чан Кайши в качестве делегата Гоминьдана в Коминтерне. Я уже упоминал этот факт в другой главе, но не сумел выяснить, был ли Шао Лицзы послан по решению ЦИК Гоминьдана или по личному приказу Чан Кайши. Я не уверен также относительно точной даты прибытия Шао в Москву.

Где-то в конце 1926 или начале 1927 года в Москву приехал Лу Чжунлинь с последней группой офицеров Фэн Юйсяна, большинство которых было в ранге командующих дивизиями. В состав группы входили Ли Сянъюнь, Чэнь Сисянь, Чжан Кэся, Хэ Цици и Пу Хуажэнь. Все офицеры были молодыми, неопытными и легко поддались влиянию коммунистической пропаганды. Единственный, кого в этой группе можно было назвать интеллигентом, был христианский священнослужитель Пу Хуажэнь, личный священник Фэн Юйсяна, зачарованный коммунизмом. Кроме обычного осмотра достопримечательностей, Лу и его спутники занимались на кратковременных курсах, устроенных специально для них в нашем университете. На курсах ректор Радек и другие преподаватели обсуждали с ними ленинизм и принципы военного дела. Некоторые члены группы Лу позднее стали коммунистами. Пу Хуажэнь, например, сменил свою пламенную веру в Христа на веру в Маркса и проповедовал коммунизм вместо христианства⁶.

Еще одним гостем Москвы, с которым встречались мы, студенты университета, был Дэн Яньда*. 1927 год стал поворотным пунктом в ходе китайской революции. После антикоммунистического переворота в Шанхае 12 апреля Уханьское правительство становилось все более и более шатким. Положение круто изменилось к худшему после того, как 21 июня 1927 года Фэн Юйсян телеграфировал Уханьскому

КПК в 1921–1926. Начальник секретариата Военной школы Вампу в 1925. Представитель ЦИК Гоминьдана в ИККИ в 1926–1927. После июля 1927 — заведующий отделом пропаганды ЦИК Гоминьдана, посол Китая в СССР. Ушел в отставку в 1949 (прим. пер.).

* Дэн Яньда (1895–1931). Генерал. В 1926–1927 кандидат в члены ЦИК Гоминьдана. В 1924–1925 на руководящей работе в Военной школе Хуанпу. В 1926–1927 — начальник Главного политуправления НРА. В 1927–1930 — в эмиграции в СССР, Германии и других странах Европы. В 1930–1931 — председатель правления Временного комитета действий Гоминьдана, оппозиционного Чан Кайши. Казнен по приказу Чан Кайши (прим. пер.).

правительству свой ультиматум. 13 июля телеграмма ТАСС из Ханькоу сообщила, что из-за такого неблагоприятного поворота событий Дэн Яньда выступил с заявлением, что Гоминьдан и Фэн Юйсян предали три народных принципа, и поэтому Дэн не желает оставаться начальником политотдела Национально-революционной армии. Вскоре после этого заявления он покинул Ухань и в августе через Северо-Западный Китай прибыл в Москву.

Когда Дэн приехал в Москву, все студенты университета были на каникулах в Тарасовке, в окрестностях Москвы. Так как все мы жаждали новостей из Китая, университетское начальство пригласило Дэна для доклада о положении в китайской революции прямо к нам на дачу. Дэн был очень образованным человеком и произвел на нас самое приятное впечатление. В четырехчасовом докладе он подробно охарактеризовал враждующие фракции внутри лагеря революции. Сурово обличая Чан Кайши и Уханьское руководство, он указывал также обвиняющим перстом и на коммунистов. Некоторые из присутствовавших студентов-коммунистов были явно разозлены обличением коммунистов и отомстили ему тем, что выключали свет и топтали ногами по полу.

Когда в сентябре 1927 года мы вернулись в университет, Дэн подготовил для нас хорошо написанный и документированный доклад. Он был распечатан в университете и роздан разным группам (каждый класс делился на группы) для обсуждения. Центральным вопросом этой дискуссии было соотношение между национальной революцией и классовой борьбой — для китайской революции в то время это была проблема жизни и смерти. Некоторые считали, что китайцы должны создать единый фронт для борьбы против империализма и что мы не должны увлекаться классовой борьбой. Другие настаивали на том, что антиимпериалистическая революция должна базироваться на рабоче-крестьянской революции.

И еще два лица посетили Москву в конце 1920-х годов — министр иностранных дел Уханьского правительства Юджин Чэнь и вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин*. Как я уже говорил, к 20 июля 1927 года антикоммунистический шторм уже приближался к Уханю,

---

* Сун Цинлин (1893—1981). Секретарь Сунь Ятсена с 1913 и его жена с 1915. Сестра жены Чан Кайши. Один из лидеров левого крыла Гоминьдана с 1925. В 1927—1931 — почетный председатель Антиимпериалистической лиги. Активно выступала против Чан Кайши. С 1949 жила в КНР. Член КПК с 1981. Почетный председатель КНР с 1981 (прим. пер.).

коммунисты и националисты уже стояли друг против друга с оружием в руках. В таких обстоятельствах 27 июля Бородин уехал из Уханя в Россию. Лидеры левого крыла Гоминьдана, которые больше не чувствовали себя в безопасности, также готовились покинуть Ухань. Среди них были Юджин Чэнь и Мадам Сунь, которые в конце июня порознь уехали из Уханя в Москву. Однако еще до этого в университете ходили слухи, что Дэн Яньда и Сун Цинлин собираются покинуть Ухань, и мы были очень обеспокоены. Однажды, в конце июля, мы собрались, чтобы обсудить положение в Ухане, и единодушно вынесли решение послать телеграмму Дэну и Сун, прося их остаться в Ухане. Текст телеграммы был таков:

«Обращение к товарищам Сун Цинлин и Дэн Яньда.

Познакомившись с заявлением товарища Сун Цинлин и циркуляром товарища Дэн Яньда об измене и предательстве высшими лидерами партии трех политических принципов, заложенных нашим великим руководителем Сунь Ятсеном (сотрудничество с Советской Россией, сотрудничество с коммунистами, поддержка интересов рабочих и крестьян), общее собрание студентов-членов Гоминьдана в Университете Сунь Ятсена целиком присоединяется к принципиальному мнению, выраженному в вашем заявлении и циркуляре. Мы считаем, что примирение с Нанкинским правительством и разрыв отношений с КПК означает повторение капитулянтской политики правых во время революции 1911 года. Это предательство интересов народа на нынешнем этапе революции.

Решительно осуждая предательскую политику так называемых суньятсенистов, общее собрание признает, что наша партия переживает сейчас чрезвычайно тяжелый кризис. Единственным выходом из этого положения является решительный отказ от примиренческой, предательской политики высших руководителей и твердое продолжение курса на расширение аграрной революции как главной силы демократической освободительной революции в Китае, решительное расширение рабоче-крестьянского движения и недвусмысленная поддержка сотрудничества с КПК для обеспечения здорового руководства революцией. Общее собрание считает, что в этот тяжелый момент прекращение вами выполнения своих обязанностей нежелательно, и мы обращаемся к вам обоим и ко всем членам Гоминьдана, еще сохранившим лояльность принципам нашего вождя Сунь Ятсена. Мы убедительно просим

вас в борьбе против изменнического руководства и контрреволюции быть более деятельными, энергичными, боевыми, чем когда-либо, и бороться за эффективную реализацию политики нашего вождя, объединяя рабочих и крестьян вокруг китайской национальной революции.

Долой изменников и предателей!

Да здравствует истинно революционный Гоминьдан!

Община членов Гоминьдана в Университете Сунь Ятсена, Москва»⁷.

К несчастью, Сун и Чэнь покинули Ухань раньше, чем эта телеграмма дошла до них. Хотя из Уханя они уехали порознь, но появились в Советском Союзе одновременно, прибыв в Москву 7 сентября 1927 года. Благодаря имени своего покойного мужа и своему собственному революционному обращению, Сун Цинлин произвела на студентов УТК большое впечатление. В день ее прибытия в Москву наши студенты (я был в их числе), студенты КУТВа, представители различных московских заводов и китайской общины, — все пошли встречать ее на Ярославском вокзале. Когда поезд подошел к перрону, оркестр играл «Интернационал» и звучали громогласные приветствия. Когда же поезд остановился, представитель центрального советского правительства Карахан и представитель Московского Совета Попов* вошли в вагон, чтобы лично приветствовать Сун Цинлин. Затем она вышла из вагона и прошла вдоль платформы, где наша толпа бешено аплодировала ей и выкрикивала лозунги. Она отвечала широкой улыбкой, хотя на лице ее были ясно видны признаки напряженности. Эта сцена напомнила мне о том, как я видел ее в первый раз. Это было, когда она и доктор Сунь Ятсен выходили из своего поезда в Пекине в конце 1924 года. Я также стоял тогда в толпе, которая хлопала и выкрикивала приветствия. Тогда она также была растрогана приветствиями тысяч молодых людей, целые часы простоявших в снегу. Но и тогда были видны следы напряженности на ее лице — беспокойства из-за быстрого ухудшения здоровья доктора Суня. Она улыбалась и махала нам рукой, следуя за доктором Сунем

---

* Видимо, Попов М. Г. (1884–1930). Китаевед, японист. Полковник, георгиевский кавалер. В 1913 окончил Восточный институт во Владивостоке. С 1918 в восточном отделе НКВД, под руководством Карахана. В 1920 первым из советских эмиссаров вел переговоры с Сунь Ятсеном в Шанхае. Был лично знаком с Сун Цинлин. С 1921 преподаватель Военной академии РККА и ЦИЖВЯ/МИВ в Москве. Арестован в 1929. Расстрелян 17 августа 1930. Реабилитирован 16 января 1989 (прим. пер.).

к ожидавшему его автомобилю. Меньше чем через три месяца она потеряла своего мужа. В день прибытия ее в Москву, спустя немногим более двух лет после смерти доктора Суня, следы печали на ее лице, без сомнения, были отражением потерь китайской революции, ради которой работали они оба — ее муж и она сама.

Мне пришлось встретиться с мадам Сунь Ятсен в третий раз, в совершенно иных обстоятельствах. В Пекине в 1924-м и в Москве в 1927-м году я был зрителем в зале, она же — звездой на сцене. Но летом 1934 года в Шанхае, когда я видел ее в третий раз в жизни, мы встретились по моему приглашению. В то время я был председателем Шанхайского Бюро ЦК КПК. Мы провели вместе целых пять часов в жилом доме на территории французской концессии в Шанхае. ЦК в Жуйцзине поручил мне устроить эту встречу с мадам Сунь, чтобы подробно информировать ее о положении в Советском районе Цзянси, который подвергался атакам Чан Кайши в Пятой кампании окружения. Для Красной Армии в Цзянси это был критический момент, и мне было поручено просить у мадам Сунь помощи в проведении в некоммунистических районах кампании, которая могла бы уменьшить давление на осажденные Советы. Мадам Сунь выразила глубокое беспокойство по поводу бедственного положения советов и обещала сделать все, что в ее силах, для помощи нам. Это была моя последняя встреча с мадам Сунь. Все три встречи с ней врезались в мою память с одинаковой силой. Но в тот день в Москве, в 1927 году, я, конечно, не мог предвидеть нашей последующей встречи. Я с обожанием смотрел на нее из толпы и слушал, как Попов, несколько московских женщин, а затем члены московской китайской общины произносили в ее честь приветственные речи.

На следующий день Сун Цинлин сделала через ТАСС заявление всем газетам. Вот его третий параграф: *«Предпринимая эту поездку в Советский Союз, я выполняю еще одну, третью, миссию. Смерть постигла доктора Сунь Ятсена раньше, чем он смог выполнить одно из своих страстных желаний, а именно, желание посетить Москву и посоветоваться с вами, верные революционные друзья Китая. Его смерть была ускорена лишениями сорока лет революционной борьбы и частыми нарушениями дисциплины со стороны тех людей, которые предали его, но продолжали претендовать на то, что проводят в жизнь принципы доктора Суня. Перед смертью доктор Сунь просил меня посетить Москву за него. Поэтому я прибыла в Москву,*

чтобы исполнить его волю. От имени революционных масс Китая, я заверяю народ Советской России, что мы оценили по достоинству его сотрудничество с нами в прошлом, и мы верим, что это сотрудничество будет продолжено в годы той борьбы, которая грядет»⁸.

Сталин и другие советские руководители тепло приняли Сун Цинлин во время ее пребывания в Москве, и она попросила их всех, чтобы Россия продолжала поддерживать революцию в Китае. Студенты Университета им. Сунь Ятсена, а особенно студентки, были переполнены гордостью за ее замечательную внешность. На приеме, устроенном в университете для Юджина Чэня и Сун Цинлин, ее осанка, красота и очарование вызвали во всех нас прилив любви и уважения. Хотя мадам Сунь была уроженкой Гуандуна, ее шанхайский диалект был безупречен, и она говорила с нами в тот день на шанхайском диалекте. Она, как я помню, выразила глубокое удовлетворение посещением первого за границей китайского университета, названного в честь ее покойного мужа. Она рассказала нам, какое волнение испытала, видя так много пылких молодых людей, вкладывающих свою энергию в реализацию трех народных принципов. Она предостерегала нас, чтобы мы никогда не забывали, что мы ученики Сунь Ятсена и учились в университете его имени. Она убеждала нас никогда не забывать, что самым ценным наследием Сунь Ятсена являются три народных принципа и три политические установки: союз с Советским Союзом, сотрудничество с китайскими коммунистами и работа для рабочих и крестьян. Только после того, как доктор Сунь принял свои три политические установки, сказала она, импульс к реализации трех народных принципов возрос, и Гоминьдан обрел новую силу. Она подчеркнула, однако, как и в своем заявлении ТАСС, что люди, которые предали Сунь Ятсена, претендуют на то, что действуют по его принципам. Она не называла имен в этой связи. Во всяком случае, она была очень сильным оратором. Ее бодрый, ясный голос периодически прерывался нашими аплодисментами, а ее выступление произвело на слушателей неизгладимое впечатление.

Сразу же после Сун Цинлин в этот день в университете перед нами выступил Юджин Чэнь. Он пользовался большой популярностью и в России, и среди наших студентов, так как считался автором сентиментального сердечного письма, посланного Сунь Ятсеном перед смертью в Советскую Россию⁹. Кроме того, Чэнь был знаменит и как революционный дипломат, министр иностранных дел Ухань-

ского правительства. Юджин Чэнь был зарубежным китайцем и, по-видимому, плохо говорил по-китайски, поэтому обратился к нам по-английски. Говорил он главным образом о своих переговорах с иностранными державами в бытность министром иностранных дел.

Сун и Чэнь были последними выдающимися членами Гоминьдана, приезжавшими в Москву. Период китайско-советского сотрудничества закончился: теперь два государства были разделены антагонизмом, и кампус УТК им. Сунь Ятсена больше не удостоивался чести посещений приезжими высокими лицами Гоминьдана.

ГЛАВА XII.

СТАЛИН И УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА

Иосиф Сталин начал изучать национальные проблемы на заре своей карьеры. Его первым трудом на эту тему был «Марксизм и национальный вопрос», опубликованный, кажется, еще в 1913 году. Даже сейчас эту работу считают классической большинство марксистов.

В апреле 1917 года Сталин сделал доклад по национальному вопросу на Седьмой Всероссийской конференции большевиков. 8 ноября того же года признание его как авторитета по национальным вопросам было подтверждено назначением на пост наркома по делам национальностей. В своей статье в газете «Жизнь национальностей»* от 24 ноября 1918 года Сталин кратко остановился на задачах коммунистов, работающих на Востоке: «Задача коммунизма — разбить вековую спячку угнетенных народов Востока, заразить рабочих и крестьян этих стран освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом и лишить, таким образом, мировой империализм его “надежнейшего” тыла, его “неисчерпаемого” резерва»¹.

На X съезде КПСС в 1921 году Сталин сделал еще один доклад «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Вероятно, благодаря его докладу и влиянию, в апреле 1921 года советское правительство основало, под руководством наркомата по делам национальностей, Университет трудящихся Востока. Личная роль Сталина подчеркивалась тем фактом, что в полном переводе название университета стало звучать как Коммунистический университет трудящихся Востока имени Сталина (КУТВ).

Со смертью Ленина в январе 1924 года Сталин все больше вовлекался в руководство Коминтерном. Несмотря на то что изначально КУТВ предназначался в основном для обучения народов Советского Союза, отныне этот университет делал все больший упор

---

* Статья называлась «Не забывайте Востока» («Жизнь национальностей» № 1, 24.11.1918). В этом еженедельном журнале Наркомата по делам национальностей Сталин регулярно писал передовые статьи (прим. пер.).

на народы колониальных и зависимых стран Востока². Это было как раз в то время, когда национально-освободительное движение, особенно в Индии и Китае, набирало силу. Сталин оказался тогда лицом к лицу с проблемами китайской революции.

В 1925 году, в год смерти доктора Сунь Ятсена, революционное движение в Китае быстро нарастало, и этот быстрый рост вызвал огромную потребность в кадрах. В КУТВе был китайский класс*, однако прием в него был ограничен требованием членства в компартии и китайском комсомоле. Кроме того, для удовлетворения быстро растущих потребностей этот класс был слишком мал, поэтому и был создан университет, специализировавшийся на подготовке революционных кадров для Китая — Университет им. Сунь Ятсена. История умалчивает, кто был инициатором создания этого учебного заведения. Но поскольку Сталин был спонсором КУТВа, а после XI съезда КПСС в 1922 году поднялся до могущественного поста генерального секретаря партии, он вполне мог сыграть роль и в учреждении Университета им. Сунь Ятсена.

Борьба за власть между Сталиным и Троцким после смерти Ленина была усилена китайскими проблемами и повлияла на них. А только что созданный Университет им. Сунь Ятсена был с самого начала втянут в эту борьбу. После инцидента с канонеркой «Чжуншань», то есть после первого антикоммунистического переворота Чан Кайши 20 марта 1926 года, Сталин и Троцкий приехали в университет и провели жаркие дебаты по поводу того, должны ли китайские коммунисты выйти из Гоминьдана. Было очевидно, что и Сталин, и Троцкий уже искали поддержки у молодых китайских революционеров.

С 17 февраля по 15 марта и с 22 ноября по 16 декабря 1926 года Исполком Коминтерна проводил свои шестой и седьмой расширенные пленумы, на которых подробно обсуждались проблемы китайской революции. 30 ноября 1926 года на заседании Китайской комис-

---

* Если судить по обращению Сталина к студентам КУТВа 18 мая 1925 (J. V. Stalin. Works. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1954, v. VII, c.153), наряду со студентами с советского Востока, университет включал в себя около десяти групп студентов из разных колониальных и зависимых стран. Нет сомнений, что китайский класс представлял собой одну из этих групп: «Китайский класс в Коммунистическом университете трудящихся Востока был впервые набран осенью 1921. В нем было, может быть, 35 или 36 студентов. Из них более половины составляли выходцы из провинции Хунань, а остальные — в основном выходцы из других районов Южного Китая. Многие из них были членами Китайской коммунистической лиги молодежи, и лишь некоторые — членами КПК».

сии Исполкома Коминтерна Сталин выступил со своей исторической речью «О перспективах революции в Китае». Резолюция, принятая этим пленумом по китайским проблемам, базировалась в основном на речи Сталина. В Коминтерне в это время доминировала ось Сталин — Бухарин. Бухарин сменил Зиновьева на посту председателя Исполкома Коминтерна*.

После отсрочки седьмого пленума Исполкома Коминтерна Сталин и Бухарин послали М. Н. Роя в качестве главного представителя Коминтерна в Китае, наряду с большим числом партработников, для усиления руководства китайской революцией со стороны Коммунистического Интернационала. В конце 1926 года по поручению Сталина Дальневосточный секретариат Коминтерна также отобрал для поездки с Роем в Китай большое число выдающихся студентов УТК. Один из моих однокашников, Дэн Вэньи, бывший среди тех, кто ездил с Роем, вспоминает: *«Весной 1927 года прошел слух, что 3-й Интернационал хочет послать в Китай делегацию для руководства революцией и что университет Сунь Ятсена должен отобрать сорок выдающихся студентов для возвращения с делегацией на работу в Китай. Возглавлял эту делегацию член Исполкома 3-го Интернационала — индус, по фамилии Рой. Китайскими представителями были Тан Пиншань и другие. 37 из 40 студентов были членами коммунистической партии, и только трое — членами Гоминьдана: Ло Фанцзюнь, Вэнь Чжун и я»*³.

Так как Национально-революционная армия быстро продвигалась вперед и конфликты в революционном движении становились все более очевидными, Рой и его спутники ускорили свой отъезд. Дэн вспоминает: *«Мы пустились в путь сразу же после получения уведомления. Нам разрешили взять с собой личные вещи, книги и записи. Это была льгота, предоставленная нам против правила, которое запрещало вывозить что-либо из России. На специальном поезде мы в большой спешке выехали из Москвы и с невероятной скоростью двинулись к месту назначения, словно солдаты, спешащие на поле битвы. Меньше чем через десять дней мы были уже во Владивостоке и после однодневной остановки отплыли в Кантон на борту парохода “Ленин”.*

---

* После смещения Г. Зиновьева в 1926 Н. Бухарин стал фактическим руководителем ИККИ. Но официальный пост председателя оставался в то время вакантным (прим. пер.).

Через семь дней мы прибыли в Кантон. Еще через неделю представлявшая 3-й Интернационал делегация и возвратившиеся из Москвы студенты отправились в Ухань»⁴.

Однако миссия Роя не могла изменить направление текущих событий. Внутренние конфликты и опасность вооруженной империалистической агрессии становились все более серьезными. Когда Северная экспедиционная армия захватила Шанхай и Нанкин, 24 марта 1927 года английские, американские, японские и французские канонерки обстреляли Нанкин, убив около двух тысяч человек военных и гражданского населения. Сталин назвал эти «нанкинские расстрелы» «сигналом к новой размежовке борющихся сил в Китае. Стреляя в Нанкин и предьявляя ультиматум, империалисты хотели сказать, что они ищут поддержки национальной буржуазии для совместной борьбы против китайской революции»⁵.

Интервенция иностранных держав, вкупе со столкновениями внутри единого фронта, вели к расколу китайской революции. Вскоре, 12 апреля, в Шанхае разразился антикоммунистический переворот, после которого Троцкий и его последователи резко усилили свои нападки на Сталина. В то же время троцкистские элементы в Университете им. Сунь Ятсена также усилили темпы своей агитации. Чтобы смягчить ухудшающееся положение и приглушить крики оппозиции, 21 апреля 1927 года Сталин опубликовал в «Правде» статью «Вопросы китайской революции», которая критиковала взгляды оппозиции, и особенно Радека: «Основная ошибка оппозиции (Радек и компания) состоит в непонимании характера революции в Китае, в непонимании того, какой этап проходит ныне эта революция, в непонимании ее нынешней международной обстановки»⁶.

В это время Радек номинально еще был ректором университета, но службу свою посещал редко. Однако закулисно он пытался подстрекать к действиям троцкистских преподавателей и симпатизирующих им студентов. Прочие студенты, принимая во внимание быстро ухудшающуюся обстановку в Китае, также сомневались в мудрости сталинского руководства. Чтобы развеять наши сомнения относительно китайской революции, мы попросили пригласить Сталина приехать в университет, дать нам свой анализ революции и ответить на наши вопросы. Наши пожелания, переданные по соответствующим каналам, были одобрены Сталиным. Он поручил партийной организации университета собрать вопросы студентов и представить их ему в письменном виде до назначенной беседы. Мы записали

вопросы, касавшиеся тех сторон китайской обстановки, которые нас беспокоили, и передали их в бюро партийной организации. Так как многие из этих вопросов были туманными, повторявшимися или несвязно сформулированными, несколько студентов старших курсов сортировали и корректировали их по ходу перевода на русский язык.

После того как вопросы были отосланы, мы с нетерпением ждали ответа. Наконец, утром 13 мая 1927 года напротив библиотеки появилось большое объявление, сообщавшее, что крупный деятель ЦК партии выступит перед студенчеством в этот же день, в два часа пополудни. Кто был этот крупный деятель? В объявлении об этом не говорилось, но все мы догадывались, что это должен быть Сталин. В настроении нетерпения, смешанного с волнением, мы примчались в зал задолго до назначенного часа. Несколько сот пар молодых глаз, не отрываясь, глядели на закрытую сцену. Наконец, занавес поднялся и на сцене появился улыбающийся Сталин. Зал был набит битком. Кроме заведующих различными отделами советских и коминтерновских организаций, здесь оказались многие видные деятели троцкистской оппозиции, тщательно записывавших за Сталиным каждое слово. Хотя в аудиторию набилось много русских, как сталинистов, так и троцкистов, ректора Радека среди них не было. В его отсутствие, в роли хозяина выступал секретарь бюро партийной организации.

Сталин не был оратором. С точки зрения красноречия, он не мог сравниться с Троцким или Радеком. Но он превосходил их в использовании простых слов для выражения сложных мыслей, поэтому, хотя в его речи не было большой агитационной силы, она была довольно убедительна. Он отвечал на вопросы один за другим, останавливаясь, чтобы дать переводчику возможность перевести. Когда переводивший Чжоу Дамин предложил ему говорить между двумя паузами чуть подольше, Сталин улыбнулся и сказал, как я помню: «Лучше я не буду говорить слишком долго за один раз, тогда вы не забудете слишком многого в своем переводе». Услышав это замечание, мы все рассмеялись и были под впечатлением от чуткости и проницательности Сталина.

К сожалению, Чжоу не удалось показать себя в этот день с лучшей стороны. То ли от робости, то ли из-за волнения, перевод его был не очень хорош. Мы единодушно потребовали, чтобы Чжоу был заменен Пу Шици (Пу Таомином), хотя Чжоу из-за этого мог потерять лицо. Сначала Сталин подумал, что крики и шиканье, обращен-

ные к Чжоу Дамину, относятся к нему. Но позже, узнав, что нарушение порядка не было негативной реакцией на его речь, а относилось к переводчику, он улыбнулся. Появившийся на сцене Пу Шици был встречен одобрительными возгласами. Он переводил гораздо лучше, и мы могли более полно схватывать тонкости важной речи Сталина, выступление которого длилось три часа. Довольно странно, но то ли из соображений безопасности, то ли просто из желания поговорить со своими товарищами, каждый раз, когда переводчик начинал переводить его ответы, Сталин исчезал за сценой. Причину этого мы так никогда и не узнали. После того как был дан ответ на наш десятый вопрос, и переводчик завершил перевод, мы спокойно ждали выхода Сталина, чтобы задать еще новые вопросы. Но на сцене появился партийный секретарь и объявил, что товарищ Сталин уже уехал, так как его ждут важные дела. Мы похлопали, чтобы выразить свое уважение к Сталину, но были в то же время слегка разочарованы, оставшись в недоумении от внезапности сталинского визита и от его таинственного отъезда.

Сталину было предложено гораздо большее число вопросов, чем он выбрал для ответа, в чем он сам признался в начале встречи с нами, намекнув, что в университете может быть устроено второе и, возможно, более долгое собрание. После того как Уханьское правительство выступило против коммунистов, студенческие страсти снова разгорелись, и мы все стали настаивать, чтобы Сталин выполнил свое обещание и появился в университете вторично. Но партийное бюро университета отказалось передавать Сталину наше приглашение, возможно, потому, что, как показали события, многие из прогнозов, сделанных им во время своего первого визита, оказались трагически неверными. Поэтому второй визит, обещанный Сталиным, так никогда и не состоялся.

Я вспоминаю, что был удивлен очень скромными мерами безопасности, принятыми по случаю визита Сталина в университет. Там и тут, в кампусе и в зданиях появилось несколько человек в обычной одежде. Их число даже и не приближалось к тому, какое, по моему представлению, должно было бы быть. Эти весьма слабые меры предосторожности драматично контрастировали с теми удушающими мерами безопасности, которые я увидел в 1932 году, при похоронах жены Сталина. В последнем случае всякое движение по улице, где проходила процессия, было запрещено. Все выходящие на улицу окна должны были быть закрыты. Вдоль улицы, спиной к процессии,

выстроились люди в военной форме, которые непрерывно оглядывали стоявшие вдоль пути здания и держали свои ружья наготове. Но в 1927 году о таких мерах безопасности в отношении советских руководителей еще не слыхали. В любом случае, в день приезда Сталина советские агенты безопасности явно не ожидали в Университете им. Сунь Ятсена никакого насилия.

В ответах на десять вопросов, проанализированных для нас Сталиным, были затронуты как теоретические материи, так и насущные тактические проблемы. Но, естественно, все, что он говорил, имело политическую подоплеку. Например, его ответы на наши первый и второй вопросы были прямой полемикой с положениями, выдвинутыми Радеком⁷. Радек считал, что в китайской деревне пережитков феодализма практически не было. Конечно, это имело отношение к фундаментальному вопросу о самом характере китайской революции, и Сталин должен был отнестись к этому с большой осторожностью. Сталин считал, что «если бы не было пережитков феодализма в Китае, если бы эти пережитки не имели серьезнейшего значения для китайской деревни, то не было бы тогда почвы для аграрной революции, тогда нечего было бы говорить об аграрной революции как одной из главных задач компартии на нынешнем этапе китайской революции»⁸. В то время как Радек настаивал на том, что Гоминьдан является мелкобуржуазной политической партией, Сталин помимо этого заявил, что Гоминьдан не есть «обычная» мелкобуржуазная партия⁹.

Позиции, занятые Сталиным в тот день в Университете им. Сунь Ятсена, широко обсуждались, и я не намерен говорить здесь о них подробно. Но мне хотелось бы упомянуть о реакции студентов на речь вождя. Мне кажется, что Сталин произвел на студентов в целом благоприятное впечатление. Это не значит, однако, что его ответы удовлетворили все студенческие фракции, или что каждый принял все его ответы. Например, те студенты, которые симпатизировали Троцкому, вовсе не собирались менять свои взгляды на многие вопросы, что бы там ни говорил Сталин. Даже студенты, поддерживавшие руководство Коминтерна, испытывали сомнения по поводу некоторых высказываний Сталина. Я, например, был не очень удовлетворен его анализом переворота 12 апреля 1927 года в Шанхае. Полагаю, можно сказать, что свет солнца не воссиял полной яркостью над УТК после приезда туда Сталина. Сталин развеял многие тучи неправильных представлений, но некоторые облака все же продолжали затемнять небо.

Как бы то ни было, чтобы придать речи Сталина еще больший эффект, партийное бюро университета немедленно назначило несколько русских преподавателей и китайских студентов для редактирования и перевода ее на китайский язык. Всего через два дня после приезда Сталина она была выпущена в виде брошюры на китайском языке, которая была доступна всем студентам и преподавателям. Тем временем партийное бюро созвало совещание всех университетских руководителей ячеек компартии (все они были русскими) и инструктировало их по поводу того, как проводить обсуждение речи Сталина на собраниях ячеек. На этом совещании руководителям поручили вести обсуждение в ячейках таким образом, чтобы критиковать положения троцкистской оппозиции и тем самым указывать на правильность положений Сталина. Иными словами, на тех собраниях наших ячеек мы обсуждали вовсе не китайскую революцию с позиций поиска хорошо обоснованных ответов на ее неотложные вопросы. Стратегия партийного бюро состояла лишь в том, чтобы поддержать Сталина в борьбе за власть внутри КПСС и Коминтерна. Такое положение дел не устраивало большую часть студентов в университете. Трагедия была в том, что, вместо того чтобы стать для партийных руководителей предметом серьезных размышлений, китайская революция оказалась просто политическим футбольным мячом, который они использовали, оспаривая друг у друга лидерство. В этой фракционной борьбе каждый из соперников, естественно, выискивал у своего оппонента лишь слабые пункты и, утрируя их, стремился дискредитировать все, что оппонент говорил. И каковой бы ни была возможная ценность аргументов оппонента, по ходу дела они тонули в море сарказма. Очевидно, не все то, что говорил Троцкий, было неверным. И не все то, что говорил Сталин, было правильным.

На собрании ячейки, к которой я принадлежал в университете, я был в числе тех, кто выражал неудовольствие сталинским разъяснением сути переворота 12 апреля 1927 года. И, возможно, мое отношение может служить образцом студенческой реакции. Сталин считал, что этот переворот не должен оцениваться как «спад китайской революции». Что те, кто так его оценивает, «стоят на деле за Чан Кайши, стоят на деле за то, чтобы Чан Кайши был возвращен в уханский Гоминьдан»¹⁰. Помню, я спросил руководителя нашей ячейки, является ли переворот 12 апреля, если он не спад китайской революции, подъемом китайской революции? Он не ответил, поэтому я продолжал заседать: Сталин сказал, что результатом перево-

рота 12 апреля было «частичное поражение рабочих в ряде районов. Но это есть лишь частичное и временное поражение»¹¹. Значит ли это, спрашивал я, что «частичное и временное поражение» не было спадом? В конце концов, руководитель ячейки ответил аргументом Сталина, что с переворотом 12 апреля китайская революция вошла в новый, более высокий этап, в фазу аграрной революции... Но ведь Сталин сказал также, что «в целом ряде районов, вроде Хунани, Хубэя и т. д., крестьяне уже захватывают землю снизу, строят свой суд, свою расправу, свою самооборону»¹². Если такое аграрное движение уже назревало снизу ко времени переворота 12 апреля, допытывался я, то почему же товарищ Сталин связал эту новую, аграрную фазу китайской революции с переворотом 12 апреля? И снова руководитель нашей ячейки впал в смущенное молчание. Поэтому я подлил масла в огонь. Может ли быть так, спрашивал я, что аграрная революция зашла слишком далеко, и ее эксцессы послужили причиной переворота 12 апреля? В постановке подобных вопросов я был, конечно, не одинок. Не один я задавал вопросы и по поводу утверждения Сталина, что «переворот Чан Кайши есть один из тех зигзагов в ходе китайской революции, который понадобился для того, чтобы очистить революцию от скверны и двинуть ее вперед, по пути мощного аграрного движения»¹³. Утверждает ли товарищ Сталин, хотели узнать многие из нас, что переворот 12 апреля является необходимой предпосылкой аграрной революции и что Чан Кайши содействует этой революции? Так мы и спорили на собраниях нашей ячейки. В конце концов, руководитель объявил, что вопросы, затронутые товарищем Сталиным, так сложны, что нам следует более детально изучить их позднее. И с этими словами он отложил наше собрание. Возможно, тут я должен заметить, говоря строго о самом себе, что мои сомнения относительно некоторых высказанных Сталиным вещей в целом не ослабили мою поддержку руководящей роли Коминтерна в китайской революции.

Через пять дней после выступления Сталина в нашем университете, 18 мая 1927 года, состоялся восьмой пленум Исполкома Коминтерна. Выступление Троцкого на пленуме, содержавшее его тезисы по Китаю, не стало доступным для публики. Тем не менее, троцкистская оппозиция снова начала свои острые нападки на китайскую политику Коминтерна. А сочувствовавшие оппозиции студенты и преподаватели Университета Сунь Ятсена, после короткого периода сдержанности, последовавшего за выступлением Сталина в университете

13 мая, также усилили тон своих возражений политике Коминтерна в Китае. На самом деле, под сильным влиянием Троцкого оказалось в итоге так много людей из Университета им. Сунь Ятсена, что это стало одной из причин, по которым КПСС и Коминтерн с одобрения Сталина закрыли университет в 1930 году.

ГЛАВА XIII.

УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА И «ПЕРЕСАДКА» ТРОЦКИЗМА В КИТАЙ

Лев Давидович Троцкий (1879—1940) был диссидентом с ранних лет. В большевистско-меньшевистском расколе его позиция была промежуточной. Когда в феврале 1917 года в России разразилась революция, он сумел приехать из Соединенных Штатов в Петроград, вскоре после того, как туда прибыл Ленин. В то время Троцкий руководил маленькой партией социал-демократов, вскоре слившейся с большевиками, и таким образом Троцкий стал членом большевистской партии лишь в июле 1917 года*.

Он был выдающейся личностью, хорошо разбирался как в военных, так и в гражданских делах, равно хорошо чувствовал себя и на коне, и при составлении дипломатической ноты. После Октябрьской революции он стал первым наркомом иностранных дел в новом советском правительстве. Позже он стал народным комиссаром по военным делам, и с тех пор трения между ним и другими руководителями партии начали возрастать, поэтому вскоре он этот пост потерял. Действительно, хотя во время Октябрьской революции известность его была такой же, как и у Ленина, с которым в прошлом у него было много разногласий, и хотя свое политическое инакомыслие он умел держать в узде, однако, при любой возможности, он снова возвращался к своей прежней неистовой сути.

Поскольку разногласия между ним и многими другими советскими и коммунистическими лидерами все более обострялись, Троцкий стал центральной фигурой объединенной оппозиции. Троцкисты придерживались иных позиций по многим вопросам советской внутренней и внешней политики, в том числе и по вопросу поли-

---

* После июльского выступления большевиков Троцкий был арестован и провел в тюрьме 40 дней. Лишь в августе 1917 на VI съезде РСДРП(б) Троцкий в составе группы социал-демократов интернационалистов («межрайонцев») был принят в партию и заочно введен в состав ЦК (прим. пер.).

тики в отношении Китая. Например, в 1923 году Троцкий последовательно выступал против приема Гоминьдана в Коминтерн. В то время как Сталин в 1925 году предлагал союз коммунистов с мелкой буржуазией в таких странах, как Египет и Китай, где коммунисты и некоммунисты образовали бы единую партию, Троцкий с самого начала выступал против идеи вступления китайских коммунистов в Гоминьдан. Троцкисты начали подавать признаки своего присутствия на Седьмом расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, который состоялся 22 ноября — 16 декабря 1926 года, и на котором троцкисты яростно атаковали китайскую политику Коминтерна. До этого в сентябре Троцкий требовал, чтобы китайские коммунисты вышли из Гоминьдана и вели независимую «пролетарскую» политику. На седьмом пленуме Исполкома Коминтерна Сталин, Бухарин и Тан Пиншань атаковали позиции Троцкого, несмотря даже на то, что 20 марта 1926 года Чан Кайши совершил в Кантоне антикоммунистический переворот. Можно понять, почему Троцкий был вне себя от гнева. Борьба становилась все более неистовой.

На восьмом пленуме Исполкома Коминтерна, 18–30 мая 1927 года, Троцкий выразил свои взгляды в двух выступлениях и поддержал Зиновьева, который призвал к прекращению союза с буржуазией. Конечно, к этому времени в Шанхае произошел антикоммунистический переворот 12 апреля 1927 года, и Троцкий нападал на положение Сталина об альянсе с буржуазией в Китае. Он критиковал Сталина также за то, что тот отклонил призыв оппозиции к созданию советов в Китае. Через месяц после восьмого пленума Исполкома Коминтерна, в июне 1927 года, левогоминьдановская организация в Ухане открыто выступила против коммунистов. Ввиду все более ухудшающейся обстановки в Китае, 14 июля 1927 года Исполком Коминтерна принял резолюцию с инструкцией китайским коммунистам о выходе из Уханьского правительства, но при сохранении членства в Гоминьдане. Эта резолюция осудила руководителей китайских коммунистов за ненадлежащее выполнение инструкций Коминтерна, тем самым возлагая на них вину за очевидные поражения коммунистов в Китае. Троцкий же критиковал и Сталина, и Бухарина за то, что они сваливали вину за такое положение дел на других. Борьба внутри КПСС бушевала вплоть до ее XV съезда в декабре 1927 года, когда троцкистская оппозиция была объявлена вне закона и потому стала объектом открытого подавления. Девятый расширенный пленум ИККИ, проходивший 9–25 февраля 1928 года, принял

особую резолюцию, одобряющую действия, предпринятые XV съездом КПСС.

Таким образом, в конце 1927 года троцкистская оппозиция подошла к концу своего существования в Советском Союзе. Она не была больше фракцией внутри КПСС, на нее навесили ярлык антипартийной антисоветской контрреволюционной организации. В общем, троцкисты в России буквально стояли перед выбором: жизнь или смерть. Колеблющиеся признавали, что сбились с пути, и капитулировали перед центром партийной власти. Решительные уходили в подполье, вели свою деятельность тайно и чаще всего постепенно ликвидировались Сталиным. В Университете им. Сунь Ятсена троцкисты оказались в целом преданной делу и убежденной группой. В августе 1928 года они создали здесь свою подпольную троцкистскую организацию. Именно они и «пересадили» троцкизм из Советского Союза в Китай.

Насколько мне известно из проведенного в то время расследования, кроме таких хорошо известных лидеров, как Лу Янь и Лян Ганьчао, членами этой первой тайной троцкистской организации в нашем университете состояли еще и Ань Фу, Фань Гэньбяо, Ван Вэньюань и Ли Пинь. Вел всю деятельность организации Ань Фу, в тот момент отождествлявшийся с троцкистами куда менее явно, чем Лу Янь и Фань Гэньбяо. Эта группа получала инструкции от русской оппозиции, с которой имела постоянный контакт, и отвечала за перевод документов оппозиции на китайский язык и распространение их среди студентов университета.

Ко времени появления тайной троцкистской организации в Университете им. Сунь Ятсена в августе 1928 года выпуск первого класса студентов уже, конечно, состоялся. Некоторые из них остались работать переводчиками или помощниками преподавателей, тогда как другие поступили в советские военные училища или прочие специальные учебные заведения. Но большинство студентов первого выпуска вернулись в Китай, и, похоже, среди них были троцкисты. Потому что в то время университет не пытался незаконно задерживать протроцкистски настроенных студентов, какими бы беспокойными они ни были. Чем держать их в университете, где они могли бы «заразить» других, их предпочитали отсылать домой, чтобы они сами искали там свою дорогу.

Именно по таким соображениям университет выслал в Китай столь хорошо известных троцкистов, как Лу Янь и Лян Ганьчао.

Лу Янь, уроженец уезда Юйяо провинции Чжэцзян, окончил наш университет в первом выпуске с превосходными успехами в учебе. Сначала его оставили в университете переводчиком. Имея большую склонность к научной, нежели к агитационной работе, Лу Янь был, наверно, самым знающим теоретиком среди китайских троцкистов в университете, хотя в практических делах не проявлял особой активности. В университете Лу женился на красивой молодой русской официантке по имени Анна, работавшей в нашей столовой. Мы частенько делали предположения, что они не слишком счастливая пара, потому что время от времени Лу появлялся с глубокими царапинами на лице, которые мы считали признаками супружеской несовместимости. Так это было или не так, но когда он вернулся в Китай, его сильная русская супруга осталась в России. Лян Ганьчао, уроженец Гуандуна, окончивший в первом выпуске Военную академию Вампу, приехал в Университет им. Сунь Ятсена в 1926 году. Он был бурного нрава и обожал спорить. Плюс к тому, он был громкоголос и толстокож. И на собраниях, когда слова выкатывались из его глотки в громоподобных тонах, вокруг него возникал ореол шаблонного героя. Проректор Кучумов однажды в шутку окрестил его «вождем угнетенных народов». Лу, Лян и другие, насколько я помню, уехали обратно в Китай летом 1928 года, и они, несомненно, начали «сеять» там семена троцкизма. Насколько мне известно, тайная троцкистская организация в Университете им. Сунь Ятсена возложила на них эту миссию.

Деятельность троцкистской оппозиции в Китае усилилась, когда в сентябре 1929 года из Москвы в Китай вернулись другие члены троцкистской организации: Оу Фан, Чжан Фан, Ши Шоуюнь, Чэнь Имоу, Сун Фэнчунь, Ли Мэйю, Сюй Чжэньвань, Фу Жэньлинь и другие. Примерно в это же время в Китай из Советского Союза вернулся Лю Жэньцзин, привезший программу, составленную для Китая самим Троцким. Однако к тому времени приехавшие в Китай раньше Лю китайские троцкисты уже начали некоторую организационную деятельность, и фракционность быстро расплодилась в троцкистском движении в самом Китае.

Есть сведения, что первая общая встреча китайских оппозиционеров-троцкистов состоялась в Шанхае в январе 1930 года. Встреча продолжалась три дня, и на ней была поддержана политическая платформа Троцкого, а в качестве главной политической установки принята оппозиция Сталину и «оппортунистическому»

руководству ЦК КПК. По-видимому, тогда-то и была завершена с организационной точки зрения «пересадка» троцкизма в Китай. Деятельность этой группы открыла китайский фронт всемирной троцкистской войны против сталинистов. Таким образом, в Китае была воздвигнута еще одна святыня иностранного Будды.

На той первой троцкистской встрече в Шанхае китайская оппозиция, по-видимому, избрала Генеральный исполнительный комитет (Цзун ганьши хуэй)*, который целиком состоял из людей, учившихся в УТК. Конечно, Сталину и в дурном сне привидеться не могло, что университет, который он помог создать, породит так много последователей его смертельного врага — Троцкого. Впрочем, эти последователи Троцкого были императорами только при своих дворах и не имели значительной народной поддержки. Созданная на встрече в январе 1930 года официальная организация называлась «Чжунго гунчаньдан цзопай хуаньдуйпай» (Левая оппозиция КПК). Много лет спустя участник троцкистских событий того времени рассказал мне, что, создавая эту организацию, левая оппозиция выполняла инструкции Троцкого, которые состояли в том, чтобы остаться в организационных рамках существующей КПК, а не формировать конкурирующую организацию, изолированную от членов этой партии. По словам Троцкого, Левая оппозиция могла бы действовать изнутри существующей партии более эффективно, чем извне. Однако такая тактика провалилась, потому что троцкисты вскоре были исключены из КПК. Среди призывов китайской Лево́й оппозиции, которые были выработаны, видимо, в январе 1930 года, были следующие:

1. Потребовать, чтобы ЦК (существующей КПК) публично обсудил вопросы, выдвинутые Лево́й оппозицией.

2. Потребовать, чтобы ЦК созвал Всекитайский съезд партии для выборов нового ЦК.

---

* В Генеральный [исполнительный] комитет, по-видимому, входили Лян Ганьчао, Ши Шоуюнь, Чэнь Имоу, Ли Мэйю, Сун Фэнчунь, Чжан Те и Лу Янь. Последний, вернувшись в Китай, взял имя Лу Июань. Следующие лица, по-видимому, были избраны кандидатами в члены этого комитета: Сяо Бинъянь, Оу Фан, Тань Юэбо и Сюй Чжэньань. Ши Шоуюнь был генеральным секретарем Генерального [исполнительного] комитета. Лу Янь — руководителем пропаганды. Чжан Те — начальником по организационным делам. Сюй Чжэньань — ответственным по региону Цзянсу—Чжэцзян. Лян Ганьчао — ответственным за пропаганду в Южном Китае. Сун Фэнчунь — ответственным по Северному Китаю. Сяо Бинъян — ответственным за пропаганду в Северном Китае, а Ли Мэйю — ответственным за оргдела в Северном Китае.

3. Потребовать, чтобы ЦК призвал Коминтерн к публичному обсуждению китайских проблем.

4. Потребовать, чтобы КПСС восстановила Троцкого на его прежних постах в партии.

5. Потребовать, чтобы КПСС реорганизовала свое руководство и приняла платформу Троцкого.

На XV съезде КПСС в 1927 году русская Левая оппозиция была, конечно, осуждена как незаконная организация. Так называемая Левая оппозиция в КПК, стараясь действовать внутри существующей организации китайских коммунистов, использовала эти призывы для попытки восстановить Троцкого в России, свергнуть существующий ЦК КПК и установить свое собственное руководство в новом ЦК. Нечего и говорить, что целей этих достичь было так же невозможно, как ухватить отражение цветов в зеркале или отражение луны в воде. И действительно, хотя китайская Левая оппозиция получила новый импульс, когда в нее официально вступили Чэнь Дусю и Пэн Шучжи, образовав «Единый фронт Троцкого—Чэня», сил ее хватило ненадолго.

Чэнь Дусю* и его сторонники были официально исключены из КПК 15 ноября 1929 года. Обвинения, выдвинутые против них в связи с этим исключением (насколько их можно воссоздать по написанному Чэнем «Письму к сведению всех товарищей по партии»), состояли не только в том, что Чэнь и его сторонники были не согласны с политикой ЦК КПК в отношении инцидента на КВЖД в 1929 году**, но и в том, что, начиная с конференции 7 августа 1927 года, они состояли в оппозиции к ЦК и в течение всего этого периода критиковали и пытались дискредитировать руководство КПК и КПСС. Кроме того,

---

* Чэнь Дусю (настоящее имя Чэнь Цяньшэн) (1879–1942). Лидер движения за новую культуру в Китае в 1915. Один из лидеров движения «4 мая» 1919. Основатель и лидер КПК в 1921–1927. Исключен из партии в 1929. Лидер китайских троцкистов в 1929–1932. Схвачен гоминьдановской полицией в 1932. Освобожден по амнистии в 1937 (прим. пер.)

** Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД, длина 2668 км, построена Россией в 1897–1903, с 1924 под совместным управлением СССР и Китая) произошел 10 июля 1929, когда китайские власти захватили КВЖД. 17 июля СССР официально разорвал дипломатические связи с Китаем. 17 ноября части Особой Дальневосточной Армии под командованием В. К. Блюхера перешли границу и за 3 дня успешно разгромили китайские войска. 3 декабря было подписано соглашение о завершении военных действий, а 22 декабря восстановлен статус КВЖД, предусмотренный соглашением 1924 (прим. пер.).

с какого-то момента они, по-видимому, начали восхвалять Троцкого и его политическую позицию по Китаю. Во всяком случае, ЦК заставлял Чэнь открыто занять позицию в отношении Троцкого, приказав ему 6 октября 1929 года написать статью против троцкистской оппозиции. Чэнь отказался писать статью, потому что, как он заявил в своем «Письме»: «Ныне я в принципе понял, что взгляды товарища Троцкого тождественны с марксизмом и ленинизмом. Как бы я мог писать лживые слова, противоречащие моим убеждениям?»¹

«Письмо» Чэнь Дусю датировано 10 декабря 1929 года, то есть написано два года спустя после того, как Троцкий был исключен из КПСС и фактически получил ярлык контрреволюционера. А Чэнь все еще называет его «товарищем», что указывает на его глубокое согласие с Троцким. «Поскольку мы говорили о Троцком как о товарище, — писал Чэнь в «Письме», — ЦК обвинил нас в том, что мы “уже предали пролетариат и перешли в лагерь контрреволюции”, и исключил нас из партии».

Затем, в начале февраля 1930 года, Коминтерн выпустил инструкцию для ЦК КПК. С одной стороны, он убеждал ЦК КПК не ослаблять политической борьбы против «оппортунизма» Чэнь Дусю. Но, с другой стороны, в инструкции была просьба к ЦК КПК передать Чэню, от имени Коминтерна, приглашение посетить Москву специально для обсуждения всех вопросов, связанных с его исключением из партии². 8 февраля 1930 года Политбюро ЦК КПК передало Чэнь Дусю это приглашение Коминтерна и просило Чэня дать ответ в течение недели. 17 февраля Чэнь ответил непосредственно Коминтерну. В своем послании он снова заявлял о своих политических взглядах и снова восхвалял Троцкого. Приглашение Коминтерна он решительно отверг. Его открытый вызов Коминтерну и твердый отказ действовать в соответствии с пожеланиями Коминтерна очень поддерживали как троцкистов в Китае, так и студентов-троцкистов, еще остававшихся в Университете им. Сунь Ятсена в Москве. Видимо, с этого момента Чэнь Дусю порвал с КПК и Коминтерном все связи и целиком посвятил себя «Оппозиции Троцкого—Чэня».

Но, судя по вышеописанным событиям, вероятнее всего, КПСС и Коминтерн рассматривали решение ЦК КПК об исключении из партии Чэнь Дусю и его группы как слишком резкое, поскольку попытки продолжить переговоры с Чэнем предпринимались ими месяцы спустя после того, как китайская партия исключила его из своих рядов. Учитывая солидную репутацию Чэня как политика

и ученого, КПСС и Коминтерн вполне могли надеяться сохранить его для партии, чтобы не уступать троцкистскому движению в Китае хорошо известного лидера. Без Чэня распространить троцкистское влияние в Китае, несомненно, было бы гораздо труднее, потому что студенты-троцкисты, которые вернулись в Китай из Университета им. Сунь Ятсена, не имели политического веса.

Ведущие фигуры из окружения Чэня не были студентами УТК, хотя некоторые из них учились в Советском Союзе. Это верно, например, в отношении ближайших к Чэню людей, подписавших заявление китайскойлевой оппозиции, датированное, по-видимому, ноябрем 1929 года: Пэн Шучжи, Юнь Гуаня, Чжэн Чжаолиня, Гао Юйхана, Чэнь Билань (жены Пэн Шучжи), Ма Юйфу и других. Однако, несмотря на внешнюю видимость, китайское троцкистское движение было далеко от единства. В действительности оно раздиралось конфликтами. Их второе общее собрание было намечено провести в Шанхае в сентябре 1930 года. Это была попытка сгладить противоречия, но разногласия оказались столь серьезными, что собрание пришлось отложить. Начиная с 1929 года легкоопознаваемые соперничающие группировки китайских троцкистов стали множиться, как по китайской поговорке, что трех человек достаточно для создания группировки, а пяти — для создания партии. Особо заметных групп было четыре. Одной такой группой было «Наше слово», руководимое Оу Фаном, Лян Ганьчао и Чэнь Имоу. Потом от нее откололась группа «Октябрь», руководимая Лю Жэньцином, влиятельным ветераном КПК, посетившим Троцкого в Турции. Третья, маленькая группа была создана Ван Пинь*, Лю Инем, Хуан Юаньмином и другими. Четвертая группа, самая сильная, называлась «Пролетарской». Она была организована Чэнь Дусю и Пэн Шучжи. Среди ее ведущих фигур были Юнь Куань, Чжэн Чаолинь, Ма Юйфу и Ван Цзэкай.

Из четырех вышеупомянутых троцкистских групп первые три состояли главным образом из людей, учившихся в УТК, КУТВе или

---

* Я хорошо знал Ван Пинь. Он был выпускником Университета трудящихся Дальнего Востока, вернувшимся в Китай из Советского Союза в конце лета 1928 года. По прибытии в Шанхай он работал там в ЦК комсомола, в отделе экономической борьбы, возглавлявшемся тогда ветераном партии Вэнь Юйчэнем. Постепенно он включился в профсоюзную работу партии. Это была как раз та деятельность, которой он занимался в то время, когда, по некоторым причинам, вступил в китайскую Левую оппозицию. Когда писалась эта книга, он был членом Национальной ассамблеи в Тайбэе.

в ленинском институте (Ленинской школе)*. В «Пролетарской» группе такие люди составляли тончайшую прослойку, одним из них был Пэн Шучжи, учившийся в КУТВе. Хотя четыре группы оказались неспособными найти достаточно общего, чтобы объединиться, у первых трех общий пункт был — они критиковали «правый оппортунизм», проявленный Чэнь Дусю и Пэн Шучжи во время событий 1927 года. Они полагали, что Чэнь и Пэн дискредитировали себя и недостойны считаться последователями Троцкого.

В конце концов, Троцкий, по-видимому, лично вмешался в дела своих любящих споры китайских последователей, побуждая их объединиться. Тогда каждая группа назначила двух делегатов для формирования комитета, задачей которого была разработка плана единой троцкистской организации, приемлемой для всех. Усилия этого комитета увенчались объединительным конгрессом, состоявшимся в мае 1931 года, на котором возникла «Коммунистическая лига Китая». По всем сведениям, в избранный объединительным конгрессом ЦК вошли Чэнь Дусю, Пэн Шучжи, Ван Вэньцюань, Сун Фэнчунь и Чжэн Чаолин. Хотя конгрессу удалось объединить разнородное, к стабильности он все же не привел, потому что в последующие три месяца большинство членов ЦК было арестовано, а большая часть организаций Лиги разгромлена.

С 1931 по 1932 год агенты гоминьдановской разведки, действительно, непрерывно совершали налеты на ячейки подпольной оппозиции Троцкого — Чэнь Дусю. Первый налет произошел в мае 1931 года, вскоре после объединительной конференции. В числе членов ЦК «Коммунистической лиги Китая», схваченных при этом налете, оказались Чжан Чаолин, Ван Вэньцюань, Чэнь Имоу и Цзян Чанши. Второй налет произошел в августе 1931 года, и тогда была арестована другая группа членов оппозиции, в том числе Сун Цзиньсю, Юнь Куань, Цзин Хунту и Сунь Юйцзе. Третья волна налетов, нанеся роковой удар оппозиции, началась 15 октября 1932 года и продолжалась до 17 октября 1932 года. В ходе этих налетов были арестованы лидер оппозиции Чэнь Дусю и члены ЦК — Пэн Шучжи (вначале пытавшийся скрыть свое имя от полиции, назвавшись Чжан Цзэнанем), Се Тепань и Сун Фэнцюань. Из других влиятельных функционеров в это время подверглись арестам Пэн Даочжи, брат Пэн Шучжи, Ван Пинъи и Лян Юйгуан. По всем

---

* Международной ленинской школе (прим. пер.).

статьям, октябрь 1932 года означал конец троцкизма как организованной независимой силы в китайской политике. Лишь несколько человек, сумевших избежать ареста, вели после этого нерегулярную деятельность.

Со временем арестованные троцкисты один за другим были освобождены. Даже Чэнь Дусю и Пэн Шучжи, приговоренные 26 апреля 1933 года к 13 годам тюрьмы, были выпущены после того, как разразилась Антияпонская война*. Что касается тех троцкистов, которые не были арестованы, то большинство их капитулировало перед Гоминьданом, потому что если бы они не сделали этого, охота за ними была бы продолжена. Очень многие из них совсем прекратили политическую деятельность. Но некоторые из некогда убежденных троцкистов — Лян Ганьчао, Чжоу Тяньлу и другие — отправились в Сиань и служили у генерала Ху Цзуннаня — того самого генерала, которому Чан Кайши поручил «окружение и сдерживание» китайских коммунистов после Сианьского инцидента 1936 года. Лян Ганьчао, Чжоу Тяньлу и другие оказались в этом деле весьма полезными. В результате они твердо упрочили свои позиции под крылом Ху Цзуннаня, что побудило присоединиться к ним многих их бывших товарищей-троцкистов. По-видимому, они пытались разжечь угасший костер. Другие бывшие троцкисты, либо по рекомендации Ху Цзуннаня, либо какими-то другими путями, поступили в гоминьдановскую разведку генерала Дай Ли, где боролись против КПК. Цзян Цзинго после возвращения из СССР в Китай в 1938 году стал окружным уполномоченным в южной провинции Цзянси, где проводил многочисленные реформы, и многие троцкисты тяготели к нему. Однако после того как в 1939 году он был отозван в Чунцин, бывшие троцкисты, видимо, рассеялись.

Как уже было упомянуто, предпринимавшиеся в течение многих лет попытки перегруппировки китайских троцкистов оказались безуспешными: некоторые из прежних троцкистов умерли от болезней или бедности. По крайней мере, один из них, Чжоу Тяньлу, был, видимо, убит подпольными коммунистическими агентами в своей шанхайской квартире в апреле или мае 1949 года, накануне захвата города коммунистами. Другие бывшие троцкисты постепенно старели и становились все более пассивными политически, отчего их

---

* Восьмилетняя война 1937–1945 китайского народа против агрессии империалистической Японии (прим. пер.).

судьбы забыты в современном Китае. Некоторые и сегодня работают в различных организациях Гоминьдана, тогда как другие живут за границей.

В то время как в Китае начинала формироваться троцкистская оппозиция, стержень которой составили студенты, вернувшиеся из УТК им. Сунь Ятсена в Москве, в самом университете золотой век остатков троцкизма приближался к концу. Проходившая в апреле 1929 года XVI конференция КПСС предписала чистку внутри русской партии. Резолюция относительно грядущей чистки появилась 1 мая 1929 года в номере «Правды», отчего в партии воцарилась некоторая нервозность. Напряженность ощущалась, конечно, и в нашей партийной организации, а университетские троцкисты, естественно, становились особенно нервными.

В Университете им. Сунь Ятсена троцкисты были объединены в подпольную организацию, которая имела только вертикальные оргсвязи, но не имела горизонтальных. Это значит, что члены одной ячейки не знали, что представляют собой другие ячейки или кто в них входит. Их организационная связь проходила по командной цепочке непосредственно над ними, а не выше. Таким образом, любой член ячейки, который поколебался в своей верности, был в состоянии предать только членов своей ячейки и, возможно, одно лицо более высокого уровня, но не мог предать членов других ячеек. Троцкисты действительно функционировали подпольно, используя для проведения своих тайных встреч всякие университетские экскурсии, передавали сведения в классах, общежитиях и других местах таким образом, что посторонние не понимали их действий. Короче, учебные занятия служили прикрытием их деятельности, а оперативные методы хорошо совмещались с обычной работой и приносили им успех.

Но пора расцвета для троцкистов в университете длилась недолго. В осеннем семестре 1929 года к нам нагрянули уполномоченные по чистке, посланные Центральной контрольной комиссией КПСС. Это были старые революционеры, закаленные в многочисленных битвах. Многие из них раньше служили в Китае или вовлекались в китайские дела через советскую военную разведку, либо через другую советскую разведывательную деятельность. Была назначена целая череда собраний, где эти уполномоченные председательствовали, и каждый член партии в университете должен был встать на собрании лицом к лицу с другими членами партии, которые могли его обвинить. Бюро партийной организации университета тщательно

отбирало тех членов партии, на чью лояльность оно могло рассчитывать, и я был одним из них. Этим членам партии, прежде чем они растворялись среди других участников собраний, давался специальный инструктаж. Они защищали нужных членов партии против нападков других и громили троцкистов и прочих «антипартийных» элементов, выдвигая против них обвинения. Эти собрания были суровым испытанием для лиц, которые подвергались проверке, потому что любое, даже малейшее пятнышко их прошлого могло подвергнуться публичному рассмотрению. Тщательно проверялась даже семейная история, вплоть до далеких предков. Метод допроса был жесток. Под тяжелым перекрестным огнем вопросов и обвинений многие слабые люди просто сломились. Даже самые крепкие из нас обливались холодным потом во время этих инквизиций.

Перед батареей инквизиторов с железными лицами троцкисты УТК дрогнули. Один из них, занимавший высокий пост в подпольной организации, в конце концов, обратился в партийную организацию и сделал, по-видимому, полное признание. Я не могу припомнить его имени, хоть и помню, что он происходил из провинции Хэнань, где был учителем, а потом директором школы*. Это был человек лет тридцати, с честным лицом. За четыре дня до назначенной ему проверки он неожиданно пришел ко мне. Лицо его было темно, как туча, и выглядел он так, словно жестоко страдал. Казалось, он хочет что-то сказать, но не смеет, опасаясь каких-то страшных последствий. После того как я его утешил и подбодрил, он начал нерешительно говорить, пока еще скрывая информацию о тайной организации и ее участниках. Он откровенно сказал мне, что его товарищи-троцкисты уже почуяли в нем перемену, пристально за ним наблюдают и намекнули, что его жизни будет грозить опасность, если он посмеет от них отойти. Произнеся это, он уставился на меня напряженным взглядом, будто надеялся, что я своим ответом дам ему какую-то гарантию безопасности. Я разгадал, чего он хочет, и с улыбкой сказал ему, что надо иметь мужество и не поддаваться угрозам. Потом я вызвался проводить его на следующее утро к Игнатову, секретарю партийной организации, чтобы обсудить дело. Он согласился, и мы разошлись. На следующий день мы встретились в условленном месте и пошли домой к Игнатову, который тепло его принял. Он начал приободряться и рассказал многое, а Игнатов слушал его историю с изумлением

---

* Этого студента звали Чжао Яньцин (1897–1930). Псевдонимы — Мамашкин, Донбасов (прим. пер.).

и записывал все, что тот говорил. Но когда наш осведомитель кончил свою речь, лицо его начало мрачнеть, а дух ослаб. Он печально сказал, что положение его тяжело и опасно, товарищи хотят уничтожить его, а бюро партийной организации не обязательно поверит ему. Так как он не может удовлетворить ни одну сторону, то у него единственный выход — совершить самоубийство, чтобы покончить с этим безвыходным положением. Крайне удивленные этим неожиданно выраженным желанием умереть, мы с Игнатовым сделали все возможное, чтобы его успокоить. Игнатов уверял его, что партия ему полностью доверяет и что раз он желает выйти из игры, все будет хорошо. Услышав это, он повеселел, и облако сомнения сошло с его лица. Это было в воскресенье. В понедельник вечером он снова пришел ко мне, снова выглядел мрачно и хотел поговорить со мной в садике храма напротив университета. Стояла глубокая зима, снег лежал выше колена, а он был весь в испарине, выглядел очень взволнованно и сказал мне охрипшим голосом, что не может избавиться от страха и собирается покончить с жизнью. Я был ошеломлен и спросил, в чем дело. Покачивая головой, он молча вздохнул и выглядел так, будто на него сильно давят со стороны. Я опять его утешил, попытался объяснить положение. Мои слова начали прибодрять его, в ответ на них он улыбался, притом очень естественно. Я думал, что все будет хорошо. Но вечером накануне назначенной ему проверки, незадолго до возвращения студентов в общежитие, он повесился в своей комнате*. Его смерть причинила мне огромную печаль и бесконечные сожаления. Если бы я принял меры предосторожности, жизнь этого товарища, поверившего мне и пришедшего ко мне за помощью в минуту отчаяния, могла бы быть спасена. Я корил себя за глупость и наивность.

Его трагическая смерть ужаснула университет. Все студенты, профессора и преподаватели чувствовали себя крайне неуверенно. На собраниях чистки висело тяжелое и давящее уныние. По-видимому, нервничали и те, кого проверяли, и те, кого не проверяли. Чтобы ослабить напряжение и уменьшить страдания тех троцкистов, которые еще колебались, а также избежать трагедий в будущем, бюро партийной организации поручило мне доложить общему собранию студентов историю самоубийства того студента-троцкиста и намекнуть, что остальным троцкистам не стоит больше колебаться, потому что все уже открылось и было бы бесполезно пытаться утаить что-

---

* Заявление на имя Игнатова Чжао Яньцин подал 21 января, а 28 января 1930 он покончил с собой (прим. пер.).

либо. После моего доклада большинство студентов успокоились, но поставленные перед трудным выбором студенты-троцкисты совсем упали духом. Продолжать борьбу или оставить дело? — этот вопрос внес сумятицу в их ряды, и к единодушному решению они так и не пришли. Поэтому каждый стал действовать по-своему. Первым раскололся высший командный состав троцкистской организации. Студент по имени Ли Пинь, отвечавший за тайные организационные дела, во время собрания неожиданно сделал публичное признание и предоставил список восьмидесяти или девяноста студентов-троцкистов. Так троцкистская организация в Университете им. Сунь Ятсена потерпела полный провал. Некоторые студенты заявили о своем выходе из оппозиции, но было немало и таких, кто боролся до конца. Тут уж русское ГПУ протянуло свои мохнатые лапы. Все подозреваемые в том, что являются членами руководства оппозиции, но отказываются признаться, были арестованы и посажены в тюрьму. Судьба многих из них осталась неизвестной.

С самого начала и до конца я был вовлечен в жестокую борьбу против троцкистов в Университете им. Сунь Ятсена. На протяжении всей чистки я был членом бюро организации КПСС университета, по совместительству и секретарем организации, ответственным за все переводы с китайского на русский и с русского на китайский на всех заседаниях бюро. В то же время я был заместителем партийного куратора (ху дан чжидоаюань) одной из курсовых ячеек университета³.

В моей ячейке было свыше двадцати студентов. За исключением двух или трех членов, более или менее лояльных в отношении бюро партийной организации, все они были троцкистами или какими-нибудь другими «антипартийными» элементами. Это была самая худшая ячейка в университете, и поскольку «оппозиционеры» были в большинстве, они не раз принимали резолюции, требуя, чтобы партийная организация сместила меня с поста заместителя куратора и заменила кем-нибудь другим. Естественно, бюро партийной организации игнорировало эти требования, в то же время проводя со мной ободряющие беседы о важности того, чтобы я был хорошим бойцом. Таким образом «оппозиционеры» на каждом собрании меня осаждали. С упрямством и решительностью юности я парировал все их обвинения, и в процессе этого они не без основания меня возненавидели. Когда чистка достигла своего апогея и оппозиционеры совсем обезумели, был даже раскрыт заговор с целью моего убийства⁴.

Между тем, поскольку чистка продолжалась и самые беспокойные китайские студенты-троцкисты были арестованы и содержались в подземных камерах в штаб-квартире ГПУ на Лубянской площади, появилась необходимость в их допросах. Штаб-квартира ГПУ попросила бюро партийной организации университета назначить кого-нибудь им в помощь при допросах. К несчастью, бюро назначило на эту одиозную работу меня. Я сказал Игнатову, что возражаю против такого назначения, но тот настаивал, что я должен принять его, объявив: «Это приказ». И мне не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться этому приказу.

Помню, как вскоре вечером пришел ко мне сотрудник ГПУ. Он напомнил мне о рекомендации бюро и заставил подписать документ, который обязывал меня не разглашать никакой информации, которая станет известной мне в ГПУ, как помощнику ведущего допрос. Спустя несколько дней, после ужина, за мной приехала машина и отвезла меня на Лубянку.

Как только я прибыл в штаб-квартиру ГПУ, мы тут же начали допрос. Русского следователя, которому я помогал, звали, по-моему, Беременный. В то время он был сотрудником ГПУ, ответственным за китайские дела. Как и другие сотрудники, он работал по ночам. Я сопровождал его в подвальную камеру за арестованным, которого он собирался допрашивать. По пути вниз, при входе в тюремный блок, я услышал звуки ножных кандалов и наручников. После яркого света наверху камера была такой темной, что некоторое время я ничего не видел. Тюремный блок состоял из многих маленьких камер-одиночек, где сидели арестанты. Беременный направился в одну из этих камер, приказав охраннику отпереть дверь, и мы вошли. Представший передо мной арестант был моим однокашником по УТК, с которым у меня были дружеские отношения. Машинально мы протянули друг другу руки, чтобы обменяться рукопожатием. В этот момент сильная рука резко пригнула мою руку, а другая рука ударила по запястью заключенного. Это пустил в ход обе свои руки Беременный. Пораженный, я взглянул на него, а он уже орал на арестованного: «Ты контрреволюционер! Ты теперь арестант! Ты не имеешь права жать руку этому товарищу!» Не знаю, кто из нас, я или арестованный, был более подавлен этой отвратительной грубостью. Мы только молча посмотрели друг на друга. Сказать нужно было многое, но мы не могли сказать ничего. Через несколько минут охранники привели арестованного наверх, в кабинет Беременного. В присутствии воору-

женного охранника в кабинете начался допрос, на котором я был переводчиком.

Беременный приказал арестованному стать спиной к стене, касаясь ее плечами и пятками, смотреть прямо перед собой и не двигаться. Вопросов было задано много. Прошли часы, наступила полночь, я чувствовал себя изможденным. Бросил взгляд на Беременного: он выглядел очень свежо и бодро. Арестованный же, так и стоявший спиной к стене, как мне показалось, походил на труп. Встревоженный его видом и обеспокоенный за однокашника, я попросил Беременного на сегодня прекратить допрос и продолжить его в другое время. Беременный такую идею отверг. Как я помню, он сказал: «В практике ГПУ принят метод непрерывного допроса, когда у арестованного нет передышки. Долго его никто выдержать не может. В конце концов, они вам расскажут все, что вы хотите знать. Доведенные до изнеможения, они скажут правду, лишь бы получить передышку». Это был, как он сказал, метод пытки. Но при этом настаивал, что другие формы пыток не применяются, и в них нет нужды. Мы, уверял он меня, как раз сейчас дошли в допросе до важного этапа. Несколько первых часов арестованный отрицает все, и только после этого можно ожидать, что он начнет говорить правду. А потому, сказал мне Беременный, сейчас отложить допрос мы не можем.

Беременный велел мне собраться и взбодриться. Дал сигарету и чашку кофе, и мы продолжили допрос. К моему удивлению, произошло именно то, что, по его словам, должно было произойти. В конце концов, арестованный сдался. Когда мы закончили допрос, вставало солнце. Беременный приказал охранникам отвести арестованного в камеру. Потом он велел мне подписать протокол допроса, который напечатал в трех экземплярах после того, как я его перевел. Я подписал все три экземпляра и спросил, зачем ему нужны все три. Один экземпляр, сказал он, пойдет в ЦК КПСС, второй — в Коминтерн, а третий — в дела ГПУ.

Сейчас я не могу вспомнить, как долго занимался этой неприятной работой. Но знаю, что провел очень много утомительных ночей в штаб-квартире ГПУ. И хотя арестованные страдали ужасно, те муки, которые причиняла эта работа мне самому, казались едва ли легче тех, которые испытывали они. Я спрашивал себя: «Для чего все это делается?»

Вдобавок к арестам и допросам студентов-троцкистов, некоторые из других наиболее активных «антипартийных элементов»,

объединившихся с оппозицией для образования фракции «Второй линии», которая описана подробно в главе 15, были сосланы в Сибирь, на исправительные работы при золотых рудниках Алтая и в другие трудовые лагеря. Некоторые из них, насколько мне известно, там и умерли. Но большая часть их, пережив ужасные лишения, были высланы в Китай. Однако когда эти потенциальные новые рекруты троцкистского движения прибыли обратно в Китай, оппозиция в самом Китае уже выдохлась и была неспособна к действиям. Троцкизм был «пересажен» в Китай, но климат и почва оказались для него неподходящими, и он увял, не успев пустить корней.

В неудаче китайского троцкистского движения, безусловно, сыграли роль различные факторы. Одним из важнейших, определенно, была оценка троцкистами ситуации в Китае после 1927 года. Следует помнить, что троцкизм был импортирован в Китай вскоре после поражения революции 1925–1927 годов. Оппозиционеры признали это поражение неоспоримым фактом, каковым оно, конечно, и было. Но они явно ошибались, придавая слишком большое значение военной победе Гоминьдана, как это видно из «Письма всем товарищам» Чэнь Дусю*. По словам последнего, военная победа Гоминьдана так укрепила положение «китайской буржуазии», что ей удалось создать устойчивый режим, который будет господствовать в Китае много лет. Поэтому троцкисты убеждали китайский народ вести политическую деятельность в рамках «буржуазной демократии» и «бороться за созыв Национальной ассамблеи»⁵. Хотя на словах троцкисты призывали к созданию советов, на деле они сосредоточили усилия на созыве Национальной ассамблеи, которая если когда-нибудь и была бы созвана, мало что могла бы сделать при господстве одной партии. Общий интерес к Национальной ассамблее был мал, потому что никто не верил новому правительству, которое манипулировало бы в своих целях любой Национальной ассамблеей. А недовольство новым правительством имело широкие масштабы, потому что оно не выполнило обещаний, данных перед Северным походом.

Оппозиционеры, конечно, имели полное представление об отчаянии, усталости и разочаровании, царивших в Китае после поражения революции. Но, по-видимому, они не понимали, что это только одна сторона медали, а другой стороной ее является глубокое, всена-

---

* Полное название документа: «Письмо к сведению всех товарищей по партии» (прим. пер.).

родное чувство неудовлетворенности существующим положением. Это последнее и послужило причиной того, что призыв троцкистов к созыву Национальной ассамблеи произвел на многих впечатление очередной политической ловушки. Было еще, конечно, большое непонимание того, как можно вызвать прилив революции всего лишь путем созыва Национальной ассамблеи.

Другой важной составной частью неудачи китайских троцкистов, безусловно, было то, что они появились как раз в то время, чтобы попасть под перекрестный огонь двух вооруженных лагерей — Гоминьдана и китайских коммунистов, а собственных реальных сил, чтобы отстреливаться, у них не было. За китайской революцией 1925—1927 годов последовали еще более мучительные политические схватки и открытые военные столкновения между Гоминьданом и китайскими коммунистами. Постепенно они переросли во всеобщую гражданскую войну. Две соперничающих партии создали два враждебных режима, каждый из которых опирался на собственные внутренние и внешние ресурсы, каждый имел свое военное ведомство. При таких обстоятельствах было почти невозможно возникновение любой третьей силы, которая была бы не коммунистической и не гоминьдановской. Например, некогда видный коммунист Тань Пиншань, исключенный из КПК в 1927 году, организовал вместе с группой Дэн Яньда Третью партию (Ди сань дан), эта новая партия быстро навлекла на себя огонь с обеих сторон, причем со стороны коммунистов не меньше, чем со стороны Гоминьдана. Подавленные огнем с обеих сторон, ее члены столкнулись с такими громадными трудностями, что им даже просто физически трудно было выжить, не говоря уж о ведении политической деятельности. И вскоре Третья партия потерпела крах.

Еще одно безуспешное независимое движение начали Ли Чжишэн, Чэнь Миньцай, Цзай Тинкай и другие, поднявшие восстание и провозгласившие 20 ноября 1933 года создание «Народного правительства Китайской Республики» в Фучжоу, провинции Фуцзянь. Одновременно они создали свою партию, названную Партией производства (Шэн чань дан). Это правительство и эта партия просуществовали недолго. Столкнувшись, с одной стороны, с тяжелым давлением сил гоминьдановского правительства, а с другой — ощущая холодный прием китайских коммунистов, относившихся к фуцзяньскому правительству с ревностью и подозрением, это «народное правительство» развалилось в январе 1934 года.

Троцкисты, возвратившиеся из Университета им. Сунь Ятсена и вступившие в группу Чэнь Дусю, являли собой еще одну попытку организовать третью силу, последовавшую за попыткой Тань Пиншаня и предшествовавшую попытке Ли Чжишэна со товарищи. Успехов у них было не больше, чем у Тань Пиншаня, и меньше, чем у Ли Чжишэна и его коллег. Троцкистская оппозиция была неприемлема ни для Гоминьдана, ни для коммунистов. Коммунисты нападали на них, как на ренегатов марксизма-ленинизма, тогда как Гоминьдан видел в них последователей одной из ветвей коммунистического движения.

Полезно кратко упомянуть тот факт, что ни Гоминьдан, ни КПК не были политическими партиями в привычном смысле. Каждая имела свою собственную партийную армию. Обычно политические партии атакуют друг друга с помощью словесной критики, а эти две партии нападали друг на друга с пушками, используя их вдобавок к оружию словесной критики. Как тут могла выжить третья партия — будь то троцкистская оппозиция или любая другая, стоя между этими двумя и пытаясь найти срединный путь, если бы только она не стала более радикальной, чем КПК, или более консервативной, чем Гоминьдан?

В заключение я хотел бы сказать немного о влиянии борьбы Сталина — Троцкого на китайскую революцию. Китайская революция превратилась в предмет соперничества в борьбе Сталина — Троцкого за власть, и ни одна сторона не была озабочена ее истинными интересами, а только использовала ее успехи и поражения в этом противоборстве, как средство достижения (для троцкистов) или удержания (для Сталина) власти. Задним числом ясно, что руководство делами китайской революции со стороны оси Сталин — Бухарин было далеко от совершенства, даже если исходить из их собственных ценностей. Ошибки Сталина и Бухарина, выявившиеся на практике, были многочисленными и тяжелыми, чего отрицать никак нельзя. Теории троцкистской оппозиции в отношении китайских проблем тоже содержали много неверных представлений. Но предостережения, делавшиеся ими в отдельные периоды китайской революции, а также политические меры, предлагавшиеся для решения некоторых проблем, были не лишены достоинств. К сожалению, обе стороны злоупотребляли борьбой за власть, и ни одна не желала спокойно оценивать и искренне обсуждать предложения другой стороны. Каждая держалась своих убеждений (или предубеждений), а Китай и китайский народ были настоящими жертвами. Ныне оба они ушли: Троцкий

был убит в Мехико 20 августа 1940 года. А в марте 1953 года Сталин также отправился для доклада к Владыке преисподней Янь-вану.

Тот мудрым был, а тот — глупцом.
Но через тысячу лет
Кто сможет знать о том?
Все ушли на тот свет.
Только могилы видны, что поросли сорняком.

Что касается Сталина и Троцкого, то их спор о Китае был разрешен смертью. Но у Троцкого в Китае не было наследников, и никто из Китая не ухаживал за его могилой. Сталин же может рассчитывать на жертвоприношения со стороны Мао Цзэдуна и К° по таким случаям, как Новый год или другие праздники, либо на одинокий венок, положенный перед его могилой приехавшими с визитом китайскими коммунистическими деятелями. С этой точки зрения Троцкий действительно был окончательно проигравшим.

ГЛАВА XIV.

УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА И VI ВСЕКИТАЙСКИЙ СЪЕЗД КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ

В начале 1928 года Политбюро КПК решило созвать в марте этого же года VI Всекитайский съезд партии, который должен был дать оценку урокам, извлеченным из поражения китайской революции 1925–1927 годов, и перегруппировать силы коммунистов. Но Политбюро не назначило места проведения съезда¹. И действительно, подыскание безопасного места для съезда было трудной задачей из-за беспощадного истребления коммунистов Гоминьданом. Тем временем на лето 1928 года в Москве был назначен созыв 6-го конгресса Коминтерна и 5-го конгресса Коммунистического Интернационала молодежи, а на весну — 4-го конгресса Профинтерна². КПК, естественно, должна была послать делегатов на эти конгрессы. И, как я впоследствии узнал в Москве, китайское Политбюро, воспользовавшись созывом этих трех интернациональных конгрессов, для участия в которых его делегаты в любом случае должны были быть в Москве, предложило Коминтерну провести и свой VI Всекитайский съезд в Москве, примерно в то же время. Коминтерн, конечно, дал согласие³.

Проведение VI Всекитайского съезда КПК в Москве облегчило для русских коммунистов и Коминтерна задачу выступить в роли советников КПК, хотя это и стоило русским значительной суммы иностранной валюты, поскольку китайских делегатов надо было доставлять в Москву и обратно. Однако если бы Коминтерн не протянул эту руку своевременной помощи для собирания основательно потрепанных сил КПК и доставки их в Москву, где они могли немного отдохнуть, оживиться и ободриться, китайские коммунисты не смогли бы сами перегруппировать свои силы. В крайнем случае, они пережили бы долгий период смуты и беспорядка внутри партии, в течение которого было бы невозможно объединить волю членов партии и возродить ее силу как единого целого.

Следует напомнить, что КПК потерпела крайне серьезное поражение. В особенности после наньчанского восстания 1 августа 1927 года, восстания Осеннего урожая в Хунани и Хубэе и кан-

тонского восстания в конце 1927 года, организационная структура партии была изрядно разрушена, равно как и находившиеся под ее контролем вооруженные силы. Одни члены партии были истреблены в ходе гоминьдановского «белого террора», другие просто отступились, а еще некоторые потерялись в смуте и никогда больше не нашли обратной дороги в партию. В итоге ко времени своего V Всекитайского съезда в апреле 1927 года КПК имела около 57 967 членов⁴. Летом же 1928 года, во время VI Всекитайского съезда, число ее членов упало где-то до 20 или, самое большее, до 25 тысяч.

В партии в то время царили пораженческие настроения. Конференция 7 августа 1927 года отстранила Чэнь Дусю от руководства партией, хотя его влияние в партии, разумеется, не было стерто одним махом. Но если отождествлявшийся с именем Чэнь Дусю «оппортунизм» оказался гибельным, то «путчизм», который проводил его преемник Цюй Цюбо, был просто самоубийством. Политика Цюя походила на поведение безумца, ставящего все имущество на кон в последней отчаянной игре, которую он проигрывает. Что тогда, конечно, требовалось, так это организованное, дисциплинированное и терпеливое отступление, чтобы сохранить оставшиеся силы и поддержать моральный дух. Но этот «учителишка», чьей главной заявкой на славу было умение читать и писать, своим руководством ускорил и углубил кризис КПК. К лету 1928 года партия выказывала тревожные симптомы и структурного, и психологического истощения.

Печальное состояние партии отразилось на настроениях делегатов VI Всекитайского съезда. Делегаты из тех районов Китая, которые подверглись особо суровому антикоммунистическому насилию, были куда более подавлены, чем делегаты из других мест. И в частных разговорах, и в публичных выступлениях они жаловались на недостатки руководства ЦК. В отношении перспектив революции они также были настроены пессимистично. Конечно, часть прочих делегатов демонстрировали более высокий моральный дух⁵. По-видимому, это смятение мыслей делегатов ясно проиллюстрировало разногласия, возникшие уже в начале съезда. Некоторые делегаты настаивали, что в китайской революции еще преобладает нарастающий прилив. Их опровергали другие, доказывавшие, что революция переживает глубокий спад. А третьи, ища компромисса между противоборствующими сторонами, заявляли, что хотя подъема волны не видно, зато можно было видеть «немного пены». Таким образом, диспут превратился в утомительный циничный спор о словах, который продолжался

много дней. Он привел к тому, что и так уже запутанные и удрученные делегаты стали еще более запутанными и удрученными⁶. Позже, когда студенты УТК им. Сунь Ятсена, в том числе и я, узнали о споре про то, переживает ли Китай революционный прилив или это просто «немного революционной пены», эта тема стала для нас расхожей шуткой. Но, учитывая обстоятельства этого диспута, один из присутствовавших на съезде людей заключил, что если бы съезд проводился не в Москве, то, вероятно, он обернулся бы катастрофой, способной привести к непоправимому расколу партии⁷. Но Бухарин в итоге смог взять дело в свои руки и вдохнуть в работу съезда некоторый дух порядка.

Выборы делегатов на съезд

Делегатов на VI Всекитайский съезд КПК не избирали путем голосования с участием всех членов партии. Некоторые делегаты были назначены ЦК. Члены самого ЦК, если они могли оторваться от своих обязанностей на довольно длительный срок, записывались в делегаты автоматически. Вдобавок, определенная квота была зарезервирована для партийных функционеров из различных организаций Китайского коммунистического фронта, таких как профсоюзы⁸. Число делегатов из различных географических районов было прямо пропорционально численности членов партии и силе партии в этих районах. Более крупные делегации представляли провинции, имевшие мощные партийные организации, а отдаленные провинции, где партийное влияние было слабым, получили очень ограниченные делегатские квоты. Три самых крупных делегации прибыли на съезд из Гуандуна, Цзянсу и Шун-чжи (Хэбэй). Близкой к ним по численности была делегация провинции Хунань. Многие провинции были представлены делегациями из трех-пяти человек, а такие как Шэньси, Шаньси, Шаньдун и Хэнань имели только по одному или по два делегата. Надо отметить, что некоторые делегаты VI Всекитайского съезда КПК были одновременно делегатами V Всекитайского съезда комсомола, который последовал сразу за партийным съездом⁹.

Историкам коммунистического Китая еще предстоит назвать полный список делегатов VI Всекитайского съезда КПК. Так как документы по делегатам пока недоступны, исследователи этой темы

вынуждены, изоцряясь всеми способами, складывать вместе списки известных и предполагаемых делегатов¹⁰. Следующий список, составленный по [латинскому] алфавиту, хотя и не полон, включает людей, которых Цинь Маньюнь*, после самых тщательных раздумий, припоминает как присутствовавших на VI съезде полномочных делегатов¹¹: Чжан Цзиньжэнь, Чжан Кунди, Чжан Готао, Цзян Хуэйфан, Чжоу Эньлай, Чжоу Сычжу, Цюй Цюбо, «Старый» Чжуан, Фан Вэйсян, Хэ Шухэн, Ся Си, Сян Чжунфа, Сян Ин, Сюй Циньлань, Сюй Сигэнь, Сюй Тели, Ху Чжунхэ, Хуа Шаофэн, Хуан Пин, Гуан Сянъин, Ли Лисань, Ли Цзуфэнь, Лю Бочжуан, Ло Дэнянь, Мэн Цзянь, Су Чжаочжэн, Дэнь Чжунся, Дэнь Инчао, Дин Чжунъян, Цай Чан, Цай Хэсэнь, Ван Чжунъи, Ван Жофэй, Вэнь Юйчэнь, Ян Чжихуа, Ян Ин, Юй Фэй, Юань Сяосянь и Юань Бинхуэй. Никто из этих делегатов не был тогда студентом УТК, но позднее Хэ Шухэн, Сюй Тели, Фан Вэйсян и Ся Си были записаны в его особый класс.

В нашем обычном понимании требования Коминтерна тех дней состояли в том, чтобы как можно большее число делегатов было рабоче-крестьянского происхождения и как можно больше делегатов было старыми членами партии с хорошими политическими данными. По-видимому, проверить состав всех делегатов VI Всекитайского съезда КПК по этим меркам все-таки невозможно. Похоже, что в состав делегаций, словно рыбы глаза среди жемчужин, сумели втереться люди с сомнительным происхождением, а возможно, даже некоторые троцкисты. Ли Ан, например, пишет, что он и другие члены провинциальной делегации, назначенной ЦК, были сняты с московского поезда в Иркутске и отправлены обратно в Китай, предположительно, по приказу из Москвы. По его словам, позднее они узнали, что это было сделано потому, что среди них были люди, подозреваемые в «опозиционности», чего на самом деле, как он утверждает, не было¹². Я согласился бы с Ли Аном, что в его делегации не было «опозиционеров», потому что «опозиция» появилась в Китае позднее. Но я не уверен, что в его делегации или на VI Всекитайском съезде КПК не было людей с троцкистским уклоном.

---

* Цинь Маньюнь (Авилова, 1910–2001), в то время студентка УТК. Вышла замуж за одного из руководящих делегатов съезда. В 1933 г. стала супругой автора книги (прим. пер.).

Численность делегатов

Один гоминьдановский источник утверждает, что на VI Всекитайском съезде КПК присутствовало 176 делегатов¹³, что, несомненно, является преувеличением. Многие обращавшиеся к этой теме коммунистические историки утверждают, что на съезде присутствовали 84 делегата с правом голоса¹⁴. Один коммунистический историк утверждает, что в съезде участвовали также 34 делегата с совещательным голосом и что различные делегации представляли более сорока тысяч членов КПК¹⁵. Это доводит до 118 человек общее число делегатов и делегатов с совещательным голосом, приводимое в просмотренных мною китайских коммунистических источниках. Как вспоминает Цинь Маньюнь, число людей, присутствовавших на съезде, никогда не превышало ста человек, считая делегатов с решающим и совещательным голосом, секретарей и административных помощников, набранных из УТК и КУТВ¹⁶. Наиболее правдоподобно, ей кажется, общее число в 84 делегата с решающим и совещательным голосом.

Впоследствии я узнал, что ЦК КПК и ее провинциальные комитеты отобрали больше делегатов, чем действительно присутствовало на съезде, так как многим из них не удалось доехать до Москвы. Делегаты из самых отдаленных провинций не добрались вовремя до Шанхая, чтобы сесть на попутное русское судно. В то время регулярного судового сообщения между Шанхаем и Владивостоком не было, и иногда приходилось ждать следующего рейса месяц или два. Поэтому естественно, что опоздавшие на свой рейс делегаты не смогли вовремя приехать в Москву, чтобы попасть на съезд. Кроме того, насколько я помню, некоторые делегаты были арестованы агентами Гоминьдана раньше, чем смогли выехать в Россию. Еще некоторые из наиболее важных делегатов съезда не смогли выехать в последнюю минуту, потому что непредвиденное развитие событий в Китае требовало их присутствия там. Поэтому точное число делегатов, действительно присутствовавших на съезде, еще предстоит определить. Но мне кажется, что Цинь Маньюнь, вероятно, вспомнила всех присутствовавших на съезде влиятельных делегатов. Некоторых она, конечно, забыла, но они, вероятно, не были хорошо известны и, самое большое, являлись фигурами второго плана.

Подготовка к съезду в Москве и в Университете им. Сунь Ятсена

Пока в Китае происходил отбор делегатов, в Москве полным ходом шла подготовка к съезду. В деятельности, которая сделала съезд возможным, принимал участие и УТК им. Сунь Ятсена. Многие резолюции, позже принятые съездом, были написаны преподавателями университета под руководством Коминтерна, а секретарская работа для административных служб выполнялась в основном студентами нашего же университета. К этой деятельности были также привлечены некоторые студенты китайского отделения КУТВа.

Цинь Маньюнь была среди студентов УТК, отобранных для работы на съезде. На самом деле, секретариат съезда состоял главным образом из наших однокашников. Группу обслуживавших съезд студентов возглавлял Цюй Цзинбо, младший брат Цюй Цюбо. Их назначение производилось тайно. Прочие из нас могли только замечать, что некоторые знакомые студенческие лица исчезли из университета. Мы предполагали, что их отправили обратно в Китай, но, насколько я знаю, никто не вникал в это дело, поскольку в коммунистической организации было правило, которому, как ощущал каждый, лучше было строго следовать: вопрос не в том, чтобы что-то узнать, а в том, должен ли этот человек знать это. Если человек узнавал что-либо, что знать не полагалось, у него начинались неприятности.

Возьмемся теперь к подготовке съезда. Цинь Маньюнь вспоминает: *«В конце мая и в начале июня 1928 года некоторых студентов Университета Сунь Ятсена, в том числе и меня, вызвали в кабинет начальника секретариата Погуляева. Он раздал несколько документов на китайском языке и велел нам переписать их на стенографической бумаге для печати, строго предупредив, чтобы другие студенты не знали о содержании документов и даже о том, что мы были у него в кабинете. Прежде чем документы были розданы, их уже разрезали на части или короткие параграфы. Некоторые из нас переписывали введение, другие — заключение, третьи — часть основного текста. Эти предосторожности были приняты для того, чтобы никто из нас не мог составить полную картину или идею документов, так как нам не разрешили обмениваться частями, которые были нам розданы... Эти таинственные документы не могли быть ни запи-*

сами университетских лекций, ни записями дискуссий в нашей партийной группе. В то же время ни у кого не возникло даже малейшего подозрения, что это документы VI Всекитайского съезда КПК! Эта таинственная работа длилась целую неделю. Затем, в один прекрасный день, Погуляев велел каждому из нас собрать свои чемоданы. Он сказал: «Завтра вы уедете из университета в другое место. Университетская камера хранения будет сегодня открыта, чтобы вы сдали туда багаж со своими именами на бирках. Дальше вам о нем заботиться не нужно, он будет вам послан. Что касается ваших вещей в общежитии и в классах, вы должны оставить все как есть, ничего не трогайте. Вам только надо отметить предметы, которые вы хотите взять с собой...» Когда мы спросили его, едем ли мы обратно в Китай, он, поколебавшись немного, ответил: «Сейчас вы не должны спрашивать, узнаете в свое время». В конце он предупредил нас, чтобы мы не показывали виду, что уезжаем из университета».

Пока эти «призванные» студенты не сели вместе в поезд неизвестного направления, никто не знал, что был «одним из членов избранной группы». В момент, когда они выходили из университетских дверей, настроение у них было грустное, потому что они привязались к университету, жалко было уезжать, и на сердце было тяжело из-за незнания того, что готовит им будущее. Они не могли попрощаться с товарищами, и никто, конечно, не мог их проводить. Цинь Маньюнь продолжает: «Только сев в трамвай, идущий к вокзалу, я впервые получила возможность увидеть, кто входил в группу. Среди нас была Ли Пэйцзэ, обладательница студенческого билета Университета им. Сунь Ятсена №1. Она была женой Ван Жофэя, члена ЦК КПК. Здесь были также Мэн Циншу — «любовь» Чэнь Шаоюя, и Ду Цзосян — жена Чэнь Чанхао. Из студентов-мужчин были Ху Сикуй, Цюй Цзинбо — брат Цюй Цюбо, и другие». У вокзала они сошли с трамвая, и их встретил русский, выдавший каждому билет на поезд. Они сели в поезд, который сделал семь или восемь остановок. Вспомнить названия станции, на которой они сошли, она не смогла. В конце концов, все происходило почти сорок лет назад. Тем не менее она сообщила: «Это явно не был поезд сибирского направления. Сойдя с поезда, мы около получаса ехали на машине и остановились у белого здания. Там мы встретили много старых знакомых, например, Чжуан Дун-

ся, из первого выпуска студентов Университета Сунь Ятсена. Ее муж, университетский переводчик, тоже был здесь. Я помнила, что они уехали обратно в Китай весной 1927 года. Оба работали переводчиками в ЦК КПК в Шанхае. Необходимость в переводчиках возникла из-за того, что и Коминтерн, и Профинтерн, и другие организации имели в Шанхае представителей и всегда были важные документы на русском языке, приходящие из Москвы, которые нужно было переводить».

Цинь Маньюнь рассказала, что лишь после этой встречи ее коллеги обнаружили, что будут работать для VI Всекитайского съезда КПК. Будучи в то время студентом УТК, я кое-что знал о происходящем. Вспоминаю, например, что помогал переводить с русского на китайский некоторые документы, в итоге появившиеся на съезде. В частности, резолюцию по аграрному и крестьянскому вопросу, написанную профессором нашего университета М. Волиным. Тем не менее я не знал, где и когда состоится будущий съезд.

Прибытие делегатов в Москву и строгие меры безопасности

Хотя VI Всекитайский съезд КПК начался, по-видимому, не раньше 18 июня 1928 года, первая группа делегатов прибыла в Москву в конце мая, за нею последовали другие. Влиятельные лидеры КПК, такие как Цюй Цюбо, Чжоу Эньлай и Сян Чжунфа, уже находились в Москве для обсуждения с руководителями Коминтерна вопросов, связанных со съездом. Однако все другие делегаты приехали из Китая прямо на место проведения съезда, которое находилось вне Москвы. Когда поезд с делегатами прибыл в Москву, занавески на окнах были опущены. Им пришлось ждать в поезде, пока не сойдут все другие пассажиры. Затем прямо на вокзальные платформы въехали автомобили, которые и отвезли делегатов на место проведения съезда. По пути занавески в машинах были опущены. Чтобы меньше выделяться, после прибытия на место делегаты сразу же переоделись в костюмы «ленинского», или европейского, стиля. Большинство делегатов должны были вскоре вернуться в Китай. Некоторые собирались ненадолго задержаться для участия в грядущих конгрессах Коминтерна и Коммунистического Интернационала молодежи,

тогда как другим было назначено вернуться на родину сразу же по окончании VI Всекитайского съезда КПК. И конечно, были приняты все меры предосторожности, чтобы не допустить опознания делегатов, прежде чем они смогут вернуться в Китай. Пока съезд заседал, никаких сведений о нем не публиковалось. Студенты Университета им. Сунь Ятсена были недалеко от места проведения съезда, но лишь немногие из них знали что-либо о съезде, не говоря уже о широкой публике. 17 июля 1928 года я пришел на открытие 6-го конгресса Коминтерна и только там впервые увидел нескольких китайских делегатов, участвовавших в VI Всекитайском съезде КПК. Некоторых я узнал, а некоторых — нет. Они сидели в делегатской ложе, а я в зале. Только во время перерыва мы друг с другом поговорили, но и тогда мы просто обменивались любезностями. О VI съезде они помалкивали. В своем марафонском докладе этому конгрессу Коминтерна Н. Бухарин нигде не упомянул о созыве VI съезда КПК. Молчание по поводу него хранилось, очевидно, потому, что еще не все делегаты вернулись в Китай. Как вспоминает Цинь Маньюнь, пока шел съезд, его делегаты ни разу не показывались на публике, у них не было даже экскурсии по Москве. Некоторые влиятельные делегаты этого съезда были приглашены для выступления в Университет им. Сунь Ятсена, но лишь в начале сентября, после летних каникул, когда у нас возобновились занятия. Это было уже почти два месяца спустя после закрытия VI съезда.

Даты проведения съезда

Коммунистические историки не приводят точной даты созыва VI Всекитайского съезда КПК, хотя все они единодушны в том, что он проходил в июне 1928 года. Павел Миф, ответственный за организацию съезда, сообщил только, что «VI Всекитайский съезд КПК был созван летом 1928 года»¹⁷. Все нити съезда были, конечно, в его руках, но он предпочел не открывать его точной даты даже девять лет спустя, когда съезд стал историей. Неудивительно, что у некоммунистических историков были проблемы с определением точной даты съезда¹⁸. Историк Пэй Тун, проливший на эту тему больше света, чем прочие историки в коммунистическом Китае, утверждает, однако, что VI Всекитайский съезд КПК открылся 18 июня и закрылся 11 июля 1928 года¹⁹.

Цинь Маньюнь согласна с датами, приведенными в работе Пэй Туна. Кроме того, она вспомнила, что через три дня после закрытия съезда, 15 июля 1928 года, в том же месте, где проходил и съезд партии, открылся V Всекитайский съезд комсомола. Тем временем некоторые делегаты VI Всекитайского съезда КПК переехали в Москву на 6-й конгресс Коминтерна, который открылся 17 июля 1928 года.

Когда собрался VI съезд КПК, УТК им. Сунь Ятсена был закрыт на летние каникулы, большая часть студентов была отправлена в окрестности Москвы для военного обучения. О съезде они узнали лишь после возвращения в университет в начале сентября.

Место проведения съезда

Один студент КУТВа, присутствовавший на VI съезде КПК, вспоминает, что место, где он проходил, называлось «Серебряное», это была дача недалеко от города Звенигорода под Москвой²⁰, которая в царские времена принадлежала одному помещику. Ее название означало «Серебряная усадьба» и происходило от белых стен дома, которые сверкали на солнце. При даче был красивый сад и спортивная площадка. Дом выходил на дорогу, а сад находился позади него. За садом был холм, густо поросший зеленью, а за ним протекала речка, чья чистая вода и зеленые берега сделали ее любимым местом отдыха делегатов²¹. Николай Бухарин, представлявший на съезде Коминтерн, иногда останавливался на соседней даче*, а иногда ездил из Москвы.

Дача в «Серебряной усадьбе» представляла собой здание внушительных размеров. Первый этаж состоял из столовой, кухни и многих других комнат, где располагались службы секретариата съезда. Здесь переписывали и от руки копировали документы, а также вели протоколы съезда. На втором этаже усадьбы был великолепно украшенный зал, вмещавший от семидесяти до восьмидесяти человек. Бывший владелец усадьбы, возможно, принимал в нем гостей, и именно здесь проходили заседания съезда. Другие комнаты этого этажа служили для размещения делегатов и функционеров съезда.

---

* Видимо, именно усадьба «Серебряное», расположенная на высоком берегу р. Десны, называлась «дачей Бухарина». В дни съезда там жили Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чжан Готао, Сян Чжунфа и др. Общие заседания съезда проходили в ближайшем селе Первомайское Наро-Фоминского района Московской области (прим. пер.).

Высокопоставленным руководителям КПК, приехавшим вместе с женами, таким как Чжоу Эньлай и его жена Дэн Инчао, Цюй Цюбо и его жена Ян Чжихуа, были выделены отдельные комнаты для каждой четы. Другие размещались по несколько человек в комнате. Комнаты на третьем, последнем этаже были превращены в общежитие. «Серебряная усадьба» стала «красным штабом». Кто бы мог подумать, что убежище русского помещика будет принимать в роли гостя китайское коммунистическое движение?

Скажу еще несколько слов о Звенигороде. Это был маленький городок. Возле него находился государственный дом отдыха. Многие студенты Университета им. Сунь Ятсена, в том числе и я, приятно провели целый месяц в этом доме отдыха, который представлял собой старый феодальный замок (настоящую крепость) царских времен*, построенный на холме. Это было в августе 1928 года, ровно через 20 дней после закрытия VI съезда КПК. Однако мы не ведали о том, что в этом же районе существует «Серебряная усадьба».

Ход съезда

18 июня 1928 года, в первый день съезда, на церемонию открытия послали своих высокопоставленных представителей и КПСС, и Коминтерн, и Коммунистический Интернационал молодежи, и Профинтерн. От имени ЦК КПК съезд официально открыл Цюй Цюбо**. После приветственных речей представителей различных организаций, съезд избрал на открытом заседании президиум из 15 человек. Выборы проводились так, чтобы партия, комсомол, профсоюзы и другие руководимые коммунистами организации имели в президиуме своих представителей. Цюй Цюбо, Чжан Готао и Чжоу Эньлай*** представляли в этом президиуме ЦК КПК. Комсомол был

---

* Вероятно, автор описывает Саввино-Сторожевский мужской монастырь (основан в 1398), который при советской власти был превращен в дом отдыха трудящихся (прим. пер.).

** Цюй Цюбо (Страхов, настоящее имя Цюй Шуан) (1899—1935). Член КПК с 1922. Член ЦИК (ЦК) КПК с 1925. Член Политбюро в 1927—1931. Глава делегации КПК в ИККИ, член Президиума ИККИ в 1928—1930. Член Китайского Советского правительства в 1931—1934. Захвачен гоминьдановцами и казнен (прим. пер.).

*** Чжан Готао (1897—1979). Один из основателей КПК в 1921. Член ЦИК (ЦК) КПК

представлен Гуань Сянъином. Членами президиума от Всекитайской федерации профсоюзов были Сян Чжунфа, Су Чжаочжэн и Сян Ин. Чжоу Сючжоу представляла в президиуме китайских женщин и работниц. Миссис Чжоу, жена Ло Дэнсяня, была рабочего происхождения. Энергичная и способная, она показала себя на съезде как замечательная личность. После избрания президиума съезд выбрал комиссию для проверки полномочий делегатов. Затем Чжоу Эньлай был единодушно избран исполнительным генеральным секретарем съезда, на пост, который сделал его на съезде главным распорядителем. Затем были образованы различные комиссии и назначены ответственные за их созыв (чжао чжу жэнь). Здесь были, например, комиссия по проекту политической резолюции, комиссия по рабочему движению, комиссия по молодежному движению, комиссии по солдатскому и женскому движениям. Проекты всех резолюций, формально говоря, готовились этими комиссиями и затем представлялись на пленарные заседания съезда для обсуждения и принятия. Членство в этих многообразных комиссиях основывалось на виде работы, которая проводилась их участниками в Китае. Например, активные участники рабочего движения были введены в комиссию по рабочему движению. Таким образом, предполагалось, что все члены комиссий являются экспертами в своих областях и способны дать ценные рекомендации.

Делегаты из различных частей Китая зачастую говорили на непонятных друг другу диалектах, что, конечно, затрудняло общение. Когда кантонец говорил на своем родном диалекте, другие делегаты не могли его понять, поэтому требовалось очень много переводчиков. Хуан Пин, кантонец, говоривший также на пекинском диалекте, и Дэн Инчао, уроженка Хэнани, изучившая кантонский диалект, были переводчиками для кантонской делегации. Так как на съезде присутствовали высокопоставленные лица из Коминтерна, такие

в 1921—1923 и 1925—1938. Член делегации КПК в ИККИ в 1928—1930. Исключен из партии из-за конфликта с ЦК КПК в 1938. Эмигрировал в 1949 (прим. пер.). Чжоу Эньлай (1898—1976). Один из лидеров КПК и КНР. В начале 1920-х учился во Франции, с 1924 — начальник политотдела Военной школы Хуанпу, заведующий военным отделом Гуандунского комитета КПК, с 1925 — комиссар 1-й дивизии 1-го корпуса НРА, начальник политотдела 1-го корпуса. С 1927 — член ЦК, член Политбюро ЦК КПК. С 1928 — член ПК ПБ КПК. В 1926—1927 — член, глава военной комиссии ЦИК КПК. Глава делегации КПК в ИККИ в 1930. Занимал высшие посты в партии и правительстве: премьер Госсовета КНР с 1949, член ПК ПБ ЦК КПК, зампред ЦК КПК в 1956—1969 и т. д. (прим. пер.).

как Бухарин и другие, русскоязычными переводчиками для них были назначены Пань Цзячэнь и Пань Вэньюй. Чжуан Дунся, жена Пань Цзячэня, и Ли Пэйцзэ, жена Ван Жофэя, переводили для Комиссии по женскому движению. Были там и дополнительные переводчики. Все китайцы, служившие русскоязычными переводчиками, были либо студентами УТК, либо работали там переводчиками раньше, как Пань Цзячэнь, во время съезда не имевший отношения к университету. В дополнение к китайцам было придано несколько русских переводчиков, бегло говоривших по-китайски. Эти русские работали в Восточном семинаре УТК, а затем перешли в НИИ китайских проблем. Переводческая работа на съезде была очень напряженной, так как кроме устного перевода нужно было многое переводить письменно. Все материалы съезда были подготовлены на китайском и на русском. Часть из них можно было перевести до съезда, но другие нужно было переводить на месте, а многие документы нужно было пересматривать.

Как уже упоминалось, делегаты не были единодушны в оценке положения в Китае и в своих мнениях относительно того, кто должен руководить партией. Горячие споры возникали по многим вопросам. Но как бы ни различались их взгляды вначале, в конечном счете они унифицировались под руководством Бухарина, или такова была внешняя видимость. Как вспоминает Цинь Маньюнь, Бухарин произнес на съезде девятичасовую речь. В ней он говорил со всеми подробностями о международном положении, о текущей обстановке в Китае и об ошибках, допущенных КПК. Он выбрал главной мишенью критики Чэнь Дусю и обвинял его за поражение китайской революции. Он критиковал также «путчизм» Цюй Цюбо после партконференции 7 августа 1927 года. Именно в этой речи он сделал свое знаменитое замечание, что «вооруженное восстание — тонкое искусство. Это не так просто и легко, как зажечь спичку». Досталось от бухаринской канонады и другим руководителям²².

После почти четырех недель (съезд длился двадцать четыре дня) споров и дискуссий съезд принял несколько резолюций и избрал новый ЦК. Впервые в истории КПК было установлено пролетарское руководство — на посту генерального секретаря Цюй Цюбо был сме-

нен Сян Чжунфа, поднявшимся из рабочих рядов*. Но настойчивость Коминтерна по поводу пролетарского руководства, основывавшаяся на догматической уверенности в том, что рабочий класс обязательно выше всех других классов по революционному духу и решительности, обернулась еще одной из его ошибок в отношении КПК. Сян Чжунфа взошел на трон исключительно благодаря своему рабочему происхождению. Решая передать руль корабля, плывущего по бурным водам, человеку, никогда не плававшему по морю, а только гребшему по Янцзы на речных лодках, съезд под давлением Коминтерна шел на воистину безрассудный риск. Именно это решение позволило Ли Лисаню вырвать реальную власть из неумелых рук Сяна и поплыть по гибельной «линии Ли Лисаня»**.

Николай Бухарин и другие русские на съезде

В то время Бухарин был председателем Коминтерна***. Он пользовался такой же известностью, как Сталин. Ленин, записывая в свои последние годы наблюдения по поводу Сталина и Бухарина, похвалил Бухарина как «самого ценного и крупного теоретика», который «по праву считается любимцем всей партии»²³. В действительности, он так же, как и Сталин, ответственен за исход революции в Китае в 1925–1927 годах. Тот факт, что VI Всекитайский съезд КПК проходил под его личным руководством, показывал, что Коминтерн и КПСС придают съезду исключительное значение. Во время пребывания в Москве у меня было много случаев убедиться в красноречии Бухарина. Однажды он говорил шесть часов подряд без всяких замечок. У него была самая обычная русская внешность: он не

---

* Сян Чжунфа (1880–1931). Член КПК с 1922. Председатель Генерального совета Уханьской федерации профсоюзов в 1926. Член ЦК с 1927. Сотрудник Профинтерна в 1928. Генсек ЦК КПК с 1928. Арестован и казнен гоминьдановской полицией (прим. пер.).

** Ли Лисань (1899–1967). Один из основателей и лидеров КПК. Покончил с собой в результате политической травли в годы «культурной революции» (прим. пер.).

*** Н. И. Бухарин был в 1919–1929 членом Исполкома Коминтерна (ИККИ), членом президиума и заместителем председателя ИККИ. В 1926–1928 Бухарин был генеральным секретарем ИККИ и, таким образом, его фактическим главой. Должность председателя была тогда упразднена (прим. пер.).

был ни высоким, ни крепким, ни плотным, усы придавали ему, на мой взгляд, напыщенный вид, хотя он нисколько не был надменным. Цинь Маньюнь была под большим впечатлением от его ораторского искусства. По ее воспоминаниям, хотя девятичасовая речь Бухарина на съезде была, конечно, длинной, его красноречие приковало все внимание делегатов к тому, что он говорил. Никто не казался утомленным и не выказывал признаков дремоты. После каждого заседания съезда он неизменно с улыбкой и теплыми приветствиями обращался к отдельным китайским делегатам. Часто он привозил с собой охотничье ружье, ремень от которого всегда был на его плече, и в первую же свободную минуту отправлялся на охоту в сопровождении двух телохранителей. Охота явно была его любимым отдыхом.

Другим влиятельным русским на съезде был Павел Миф, который в качестве старшего чиновника Дальневосточного секретариата Коминтерна был тогда ответственным за китайские дела. Следует помнить, что он был тогда ректором Университета им. Сунь Ятсена, а на съезде отвечал за административную деятельность. Эта деятельность была не просто технического характера, но включала также политические и теоретические вопросы. Например, он отвечал за подготовку заметок для политического доклада Бухарина съезду и подготовку проектов резолюций съезда, помимо контроля над теми, кто ведал приемом и доставкой делегатов, мерами безопасности и так далее. Всеми этими делами в основном занимались русские. Кроме того, вспоминает Цинь Маньюнь, в середине съезда в помощь уже находившимся там и измотанным работой студентам была привлечена дополнительная группа студентов из Университета им. Сунь Ятсена, и за всех них отвечал Миф.

В период съезда Миф большую часть времени оставался в Москве. Он присутствовал на съезде только урывками, очевидно потому, что должен был сообщать Сталину о ходе съезда и заниматься в Москве такими делами, как подготовка окончательных проектов резолюций и поправок к резолюциям съезда. Так как он лишь изредка имел возможность приезжать на съезд, обычно вместо него за ходом работы следил его помощник, проректор университета Кучумов.

В подкрепление этим русским, для участия в VI Всекитайском съезде КПК и V Всекитайском съезде комсомола в Москву вернулись некоторые делегаты Коминтерна и Коммунистического Интернационала молодежи в Китае. Цинь Маньюнь вспоминает, что на съезде присутствовали представитель Коммунистического Интернационала

молодежи в Китае, имя которого она забыла, и представитель Коминтерна, женщина, известная как Бабушка (Лао цзу му), помогавшая КПК в организации ее женского движения. Оба они явно приехали в Москву для участия в съезде. В Китае Бабушка провела много времени с Ян Чжихуа, женой Цюй Цюбо, и с Цай Чан, женой Ли Фучуня и сестрой Цай Хэсэня. Вероятно, эта представительница Коминтерна именовалась Бабушкой из соображений конспирации, потому что была на самом деле молодой дамой лет тридцати с лишним. Съезд назначил ее членом Комиссии по женскому движению.

Как уже упоминалось, несколько русских, таких как Е. С. Иолк, также занимались на съезде устным и письменным переводом. Сюда же был придан русский врач с несколькими медсестрами. За питание и воскресный отдых отвечали тоже русские. На китайский обслуживающий персонал съезда, взятый из УТК, произвели большое впечатление превосходное взаимодействие и услужливость, проявленные их русскими хозяевами. В то время отношения между русской и китайской коммунистическими партиями казались очень сердечными и гармоничными. Кто бы мог подумать, что тридцать лет спустя эти две братские партии будут противостоять друг другу, словно огонь и вода? В природе и океаны могут быть превращены в рисовые поля. Но перемены в человеческих делах и политике еще менее предсказуемы.

Чэнь Шаоюй (Ван Мин) и VI Всекитайский съезд КПК

Чэнь Шаоюй, известный еще и как Ван Мин, был в составе первого выпуска Университета им. Сунь Ятсена. После окончания курса в 1927 году он остался в университете переводчиком, а также помогал Мифу в изучении докладов и других документов, посылаемых КПК в Коминтерн. Когда VI Всекитайский съезд КПК был назначен на июнь 1928 года, Миф сделал Чэня своим помощником по организации съезда. Никакого официального статуса он ему, однако, не предоставил. Чэнь Шаоюй не был ни делегатом, ни делегатом с совещательным голосом, и официально он на съезде даже не присутствовал. Один источник утверждает, что фракция обучавшихся в России студентов, возглавляемая Чэнь Шаоюем и Ян Шанькунем, была одной из фракций делегатов съезда, и что она действовала в интере-

сах Мифа, пытаясь захватить там контроль над руководством КПК²⁴. Но никто из этой предполагаемой фракции, кроме Чэнь Шаоюя, на съезде даже не появлялся. Есть признаки того, что авторы спутали с этим съездом 4-й пленум ЦК шестого созыва. Видимо, столь же ошибочно они идентифицировали, как членов этой фракции, так называемых «28 большевиков», хотя эта группа студентов УТК им. Сунь Ятсена (одним из членов которой был я) лишь гораздо позже получила свое название. Во время VI съезда КПК «28 большевиков» еще не существовало. Но об этом я буду говорить подробнее в следующих главах.

Чэнь Шаоюй, как мы упоминали, был всего лишь одним из помощников Мифа в подготовке к VI съезду КПК. Возможно, правда, что Чэнь вносил предложения по проектам некоторых резолюций и что Миф принял некоторые из его предложений. Но это была личная закулисная деятельность Чэня, и она не представляла так называемой фракции студентов, обучавшихся в России. Как я узнал позже, в связи со съездом Чэнь Шаоюю были поручены некоторые особые задачи, вроде помощи русским при встрече делегатов и наблюдении за их устройством, а до открытия съезда — раздача документов на русском языке избранным студентам УТК (одним из которых был я), способным перевести их на китайский. Цинь Маньюнь вспоминает, что Чэнь Шаоюй время от времени посещал съезд, с одной стороны, чтобы узнать, как он продвигается, а с другой — чтобы увидеться со своей невестой Мэн Циншу, на которой он впоследствии женился. Его закадычная подруга Мэн, Чжу Цзушунь и Пань Вэньюй, работавшие переводчиками на съезде, были привлечены к этой работе по рекомендации Чэнь Шаоюя.

У Мифа могло быть что-то на уме, когда он сделал Чэнь Шаоюя своим помощником. Может быть, он хотел дать Чэнь Шаоюю возможность познакомиться с членами ЦК и влиятельными делегатами из разных провинциальных и городских парторганизаций. Возможно, Миф также надеялся, что Чэнь сможет разузнать настроения делегатов — информацию, которую Коминтерн мог бы использовать для руководства съездом. То, что Чэнь Шаоюй был любимцем Мифа еще с 1927 года, не было секретом.

Без всякого сомнения, Чэнь Шаоюй был честолюбивым молодым человеком. Когда в 1927 году Миф сменил Радека на посту ректора УТК, Чэнь сделал все возможное, чтобы завоевать его доверие. С тех пор Чэнь свободно давал Мифу советы по университетским

и партийным делам. Вся эта деятельность Чэня, естественно, подготавливала путь к его будущему скачку для занятия видного положения. Но в решениях VI съезда КПК Чэнь Шаоюй никакой значительной роли не играл и не был лицом, сколько-нибудь известным в связи с этим съездом.

V Всекитайский съезд комсомола

Цинь Маньюнь вспоминала, что V Всекитайский съезд комсомола открылся 15 июля 1928 года и заседал чуть больше одной недели. Число его делегатов было меньше числа делегатов на VI съезде КПК. Они расходились во взглядах меньше, чем делегаты партийного съезда, и весьма послушно следовали генеральной линии, принятой партийным съездом. Поэтому съезд комсомола прошел гладко. В съезде участвовал глава Коммунистического Интернационала молодежи Читаров, блестящий молодой человек, с которым я был знаком. Представитель Коммунистического Интернационала молодежи в Китае в связи со съездом был отозван, поэтому тоже находился здесь. V съезд комсомола, который, как уже упоминалось, следовал политической линии VI съезда КПК, принял много резолюций и избрал новый ЦК, генеральным секретарем которого стал Гуань Сянъин — студент КУТВа с первых лет его существования. Хуа Шаофэн, ставший широко известным коммунистическим историком под именем Хуа Ган, чьим близким другом мне предстояло стать в будущем, был избран руководителем отдела пропаганды ЦК. Ли Цзуфэнь стал начальником орготдела. А Вэнь Юйчэнь, рабочий шанхайского металлургического завода, был избран начальником отдела, отвечающего за экономическую борьбу рабочих. После закрытия съезда Ли Цзуфэнь вернулся на работу в Шанхай, а Гуань Сянъин, Хуа Шаофэн, Вэнь Юйчэнь, Ху Цзюньхэ, ныне живущий на Тайване Юань Бинхуэй и еще другие остались для участия в 5-м конгрессе Коммунистического Интернационала молодежи.

Несколько студентов из УТК присутствовали на V съезде комсомола в качестве наблюдателей. Другие работали на съезде, из них Цинь Маньюнь смогла вспомнить имена только двоих — Ли Юаньцюя и Ван Хэшу. Ли оставит комсомол и коммунистическое движе-

ние после возвращения в Китай, кажется, в 1929 году. А Ван Хэшу остался в коммунистическом движении, и ныне он чиновник правительства в Пекине.

События после окончания съезда

Делегатов VI съезда КПК и V съезда комсомола следовало как можно скорее отправить в Китай, потому что там они были срочно необходимы. Как вспоминает Цинь Маньюнь, группы по пять-семь человек отъезжали по отдельности и с разными интервалами. Как только одна группа благополучно пересекала русскую границу и добиралась до места назначения, из Москвы отправлялась следующая группа. Пока делегаты ожидали своей очереди на отправку, коминтерновские власти проводили с ними и с работавшими на съезде студентами УТК военное обучение. Вел программу военного обучения русский офицер. Участники съезда учились пользоваться основным оружием, производимым в разных странах, технике уличных боев, искусству партизанской войны и другим практическим сторонам военного дела. Программа длилась всего один месяц, после чего делегаты и все работавшие на съезде студенты УТК им. Сунь Ятсена отправились на реальные поля сражений в Китай.

В то время путешествие из России в Китай было очень опасным предприятием для китайского коммуниста. Но благодаря тому, что все было тщательно спланировано работниками секретных служб Коминтерна в тесном взаимодействии с ГПУ, каждый без приключений проделал обратный путь в Китай.

Цинь Маньюнь описывала поездку таким образом: делегаты ехали на родину тремя путями, первый из которых шел через Европу. Этим путем путешествовали под видом студентов и богатых коммерсантов. Нет нужды говорить, что лишь малое число делегатов воспользовалось этой привилегией из-за ее дороговизны. Так ехали, например, Чжоу Эньлай с женой. Второй путь был на международном экспрессе, роскошном поезде с вагоном-рестораном, до станции Маньчжоули на китайской стороне китайско-советской границы в Маньчжурии. Это путешествие занимало девять дней. Третий путь был на Сибирском экспрессе, медленном обычном поезде без вагона-ресторана, до станции Седанка в окрестностях Владивостока.

Это было двенадцатидневное путешествие. На Седанке делегаты садились в поезд до станции Учан на китайско-русской границе. И на Седанке, и в Учане путешественников помещали в гостиницу. Однако в гостинице в Учане двери и окна были плотно закрыты и путников предупреждали, что говорить можно лишь вполголоса. Меры предосторожности для делегатов, приезжавших в расположенный рядом с китайской границей город Учан, были гораздо строже, чем на Седанке, которая была уже внутри России. Русские в обеих гостиницах были специалистами в тайном переводе людей через границу, туда и обратно. Путешественники жили на Седанке и в Учане по одному-два или более дня, в зависимости от обстоятельств. Во время этих остановок русские тщательно осматривали их багаж и одежду. Если одежда признавалась не соответствующей вымышленному статусу, под которым путешествовали делегаты, им приходилось, соответственно, переодеваться.

Прежде чем путешественники проходили русский контроль, они должны были быть надлежащим образом одеты с головы до ног. Самое главное, им не разрешалось брать с собой ни клочка бумаги и ничего сделанного в России. Когда все было в порядке, путешественники садились в запряженную лошадей повозку и темной ночью осторожно выезжали. Приблизившись к китайской границе, они шли уже пешком, нервно пробираясь, кто как мог, вслед за русским проводником. Вскоре они нелегально пересекали границу и оказывались уже на китайской земле. Затем их приводили в маленькую кофейню, которая служила прикрытием для центра связи, где оперировали русские агенты. «В тот момент, когда мы переступили через порог кафе, — вспоминала Цинь Маньюнь, проделавшая это путешествие, — наше напряжение спало и мы, расслабившись, ощутили утомление и голод. Чашка дымящегося кофе и легкая закуска отлично нас подкрепили. Там мы дали отдых нашим напряженным и усталым телам. Пока мы крались в темноте, я глубоко прочувствовала, что участие в революции — это акт полного самоотречения, форма самопожертвования. Я не могу подавить в себе чувства уныния, когда вспоминаю эту героиню своей юности, и поражаюсь тому, чем эта жертва, в конце концов, завершилась».

Миссия сопровождающих русских агентов заканчивалась в кофейне. Теперь делегатам предстояло уже самим решать встающие перед ними проблемы. Случалось, что некоторые неопытные путешественники нечаянно выдавали себя сами или привлекали вни-

мание китайской полиции своей подозрительной нервозностью, и их задерживали для допросов. К счастью, взятки были способны решить любую проблему. Обычно полиция освобождала задержанных, как только карманы полицейских наполнялись деньгами.

При остановке на Седанке агенты Коминтерна выдавали каждому путешественнику некоторую сумму в китайской валюте и несколько американских долларов. Количество денег было в прямой зависимости от статуса личности: делегаты, например, получали больше, чем студенты. Но даже и самой малой суммы хватало, чтобы путешественник мог добраться до места своего назначения. К тому же каждый получал достаточно денег для месячных бытовых расходов на случай, если у него возникнут трудности в установлении контактов с партией в месте своего назначения, что в условиях «белого террора» в Китае в то время было реальным. Конечно, было очень важно, чтобы при невозможности установить контакт путешественник имел достаточно денег для того, чтобы поехать куда-либо еще или, в крайнем случае, прокормиться. Нельзя отрицать, что русские были чрезвычайно предусмотрительны, предвидели все случайности и снабжали путешественников средствами, чтобы те могли справиться с этими случайностями.

Последние делегаты уехали в Китай поздней осенью. Исключение составляли те, кто остался в Москве в связи с партийной работой, такие как Цюй Цюбо, Чжан Готао и другие.

ГЛАВА XV.

БОРЬБА ПРОТИВ «ВТОРОЙ ЛИНИИ» В УНИВЕРСИТЕТЕ им. СУНЬ ЯТСЕНА И ПОЯВЛЕНИЕ «28 БОЛЬШЕВИКОВ»

Чэнь Шаоюй выдвигается в борьбе двух фракций в УТК им. Сунь Ятсена

В начале лета 1927 года конфликты и столкновения в едином фронте китайской революции вновь достигли апогея, что стало фактором, обострившим борьбу между Сталиным и Троцким. Карл Радек бросил весь свой авторитет на чашу весов Троцкого в противостоянии лидерству Сталина. Явная враждебность по отношению к Сталину стоила ему поста ректора в Университете им. Сунь Ятсена. Взамен Радека ЦК КПСС назначил исполняющим обязанности ректора Агура, который, насколько я помню, был заведующим учебными делами университета, потому что проректор Павел Миф находился тогда с особой миссией в Китае. Агур был очень честолюбивым человеком. Пользуясь временным вакуумом власти в администрации университета, он хотел сам стать ректором. Чтобы укрепить свое положение, он завоевал поддержку нескольких влиятельных студентов, таких как Чжоу Дамин, Юй Сюсун и Дун Исян, старых членов партии с солидной репутацией. Юй Сюсун, например, работал представителем Коминтерна с Григорием Войтинским над созданием в Шанхае в августе 1920 года Института иностранных языков, а затем Социалистического союза молодежи*. С такими фигурами вокруг себя Агур быстро привлек на свою сторону заметное число студентов и сделался в университете безжалостным диктатором, полностью игнорируя секретаря партийной организации товарища Седникова. Поэтому между Агуром и Седниковым разгорелась яростная борьба за власть. Седников, в свою очередь, привлек на свою сторону лидеров бывшей Московской секции КПК — Ху Чжуня и Ши Ши. Так в университете возникли два враждебных лагеря — так называемая фракция академической работы во главе с Агуром и фракция партийной организации во главе с Седниковым.

---

* Основанный в 1920 Социалистический союз молодежи Китая был переименован в начале 1925 в Коммунистический союз молодежи (прим. пер.).

Эта борьба за власть достигла кульминации на заключительной конференции семестра, который закончился где-то в конце июня 1927 года¹. Две фракции провели на этой конференции «кровавую» битву, горячо споря об академических и партийных делах. Фракция академической работы заявляла, что партийные дела в университете велись из рук вон плохо, а фракция партийной организации настаивала, что в университете завалена академическая работа. Ни одна сторона не желала уступить другой ни вершка своей территории. Конференция продолжалась семь дней и ночей подряд, с перерывами только на еду, но компромисс так и не был достигнут. Я был одним из многих студентов, не связанных ни с одной из фракций, которым наскучила эта борьба за власть. Так возникла третья сила, которая еще больше осложнила ситуацию в университете. Междоусобные раздоры продолжались, так что Миф по возвращении в университет нашел его буквально разодранным на части фракционной борьбой. Чэнь Шаоюй, сопровождавший Мифа в Китай и обратно, предложил ему план, как прекратить хаос и положить конец раздорам. План состоял в том, чтобы Миф взял в свои руки третью силу и использовал ее в сотрудничестве с фракцией партийной организации, чтобы нанести поражение агуровской фракции академической работы. Таким образом, для Мифа мостился путь к ректорству в университете. План Чэня был приведен в действие и оказался эффективным. Агуровская фракция потерпела полное поражение, а Миф вскоре был назначен ректором. Чэнь Шаоюй, как один из активных организаторов этого движения, стал главным любимцем Мифа. В этой борьбе Чэнь Шаоюй впервые вошел в альянс с Чжан Вэньтянем, Шэнь Цзэмином и иже с ними. В итоге именно из этого альянса возник другой альянс, известный под названием «28 большевиков» и оказавший далекоидущее влияние на судьбы Университета им. Сунь Ятсена и самой КПК.

Антитроцкистская борьба начинает перемежаться с борьбой против «Второй линии»

Не успела утихнуть борьба вышеназванных фракций, как в университете разгорелась борьба против троцкистской оппозиции. Последняя была вызвана инцидентом 7 ноября 1927 года, во время празднования

10-й годовщины Октябрьской революции. С 1918 года для жителей Москвы стало традицией отмечать эту годовщину большой уличной демонстрацией, направленной к Красной площади. В честь 10-й годовщины проводилось более изысканное празднование, чем когда-либо раньше, и я был в числе демонстрантов от УТК. Когда процессия приблизилась к входу на Красную площадь, русские троцкисты из числа участников марша внезапно вытащили из карманов матерчатые флаги, стали махать ими и выкрикивать антисталинские и протроцкистские лозунги. Провокация сразу же вызвала отпор со стороны демонстрантов, поддерживавших руководство КПСС, и между двумя группами произошла драка. Преподаватель университета Догмаров, читавший нам ленинизм, был в этой схватке сильно избит троцкистами: из носа у него текла кровь, видимо, многие удары пришлось по лицу. Но, в продолжение этой потасовки, марш на Красную площадь и мимо мавзолея, на котором, глядя на процессию, стояли Сталин и другие должностные лица, продолжался без перерыва. Естественно, они тоже видели драку, происходившую перед ними. Когда китайские студенты приблизились к мавзолею, русские руководители, как они делали по этому случаю и в прошлом, поднимали руки и выкрикивали лозунги поддержки: «Да здравствует революционная китайская молодежь!», «Да здравствует победа китайской революции!». Обычно китайские студенты отвечали, просто выкрикивая по-русски «Ура!» Но на этот раз, к всеобщему, в том числе и моему удивлению, несколько студентов УТК ответили выкриками в поддержку Троцкого и осажденных где-то перед ними в процессии русских троцкистов. Они кричали во все горло и шумели, казалось, больше, чем русские троцкисты. Этот публичный бунт троцкистов из УТК произошел совершенно неожиданно, что не могло не шокировать собравшихся там лидеров КПСС и Коминтерна. А так как это произошло перед лицом гостей со всего мира, многие из которых были влиятельными людьми, то должно было показаться Сталину публичным плевок ему в лицо.

Этот инцидент обострил борьбу против Троцкого и его сторонников внутри КПСС. Ранее, 14 октября 1927 года, «Правда» обвинила троцкистскую оппозицию в намерении сформировать новую партию, а 23 октября 1927 года Троцкий и Зиновьев были выведены из ЦК КПСС. А через неделю после инцидента, 14 ноября 1927 года, они были исключены и из самой КПСС. Тем не менее дело против Радека, Каменева, Раковского и других оппозиционеров было в это

время передано на решение XV съезду КПСС, который должен был состояться в декабре того же года*².

Тем временем разгневанный Сталин приказал Мифу тщательно расследовать деятельность троцкистов в УТК и немедленно доложить результаты в ЦК КПСС. Это стало мне известно потому, что в то время я был в бюро партийной организации университета. Кропотливое расследование длилось несколько месяцев. Студенты-главари, выкрикивавшие протроцкистские лозунги на Красной площади, в том числе Лу Янь, Лян Ганьчао и другие, были депортированы в Китай. Студенты, вина которых была менее значительной, либо были посланы работать на заводы для перестройки их сознания, либо поставлены на партийный испытательный срок. Профессора и преподаватели, о которых стало точно известно, что они симпатизируют Троцкому, были уволены.

Но борьба против троцкизма в УТК им. Сунь Ятсена этими организационными и административными мерами не ограничилась. Одновременно с расследованием началась и идеологическая борьба. Те студенты, включая Чэнь Шаоюя и меня самого, которые объединились в предшествовавшей борьбе против фракции академической работы, теперь сплотились вокруг партийного бюро в борьбе против троцкистов. Но чем больше мы в нашей борьбе нажимали, тем с большими трудностями сталкивались. Как обнаружилось, троцкистская оппозиция как таковая была не единственной оппозицией, с которой приходилось считаться. Поражение китайской революции породило у студентов всяческие сложные вопросы. Кто, например, должен считаться ответственным за поражение? Как в УТК, так и в китайском классе КУТВа многие студенты были склонны подвергать сомнению руководство Сталина и Коминтерна в целом. Среди них широко распространились разочарование, скептицизм и растерянность. Такие студенты не были троцкистами. Возможно, на самом деле позиция Троцкого их никогда и не привлекала. Тем не менее нечто общее с троцкистами у них было, потому что и те и другие были недовольны руководством Сталина, КПСС и Коминтерна. Их реакция на борьбу против троцкистской оппозиции в университете состояла в том, чтобы воспользоваться этой возможностью и образовать соб-

---

* В декабре 1927 все основные лидеры оппозиции — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Раковский и др. были исключены из партии, а затем арестованы. Все оппозиционеры, отказавшиеся от публичных саморазоблачений, были высланы (прим. пер.).

ственную независимую силу для противодействия бюро партийной организации и Мифу. Они вели энергичную борьбу против студентов, поддерживавших бюро парторганизации. Курс, принятый ими впоследствии, на который был навешен ярлык «Второй линии», не мог в действительности быть отождествлен с троцкизмом, но и отделить его от троцкизма было нелегко. Таким образом, борьба против оппозиции Троцкого стала переплетаться с борьбой против «Второй линии»*.

Коалиция Второй линии: мифическое Цзянсу-Чжэцзянское землячество и вмешательство Сян Чжунфа

Коалиция, поддерживавшая Вторую линию, состояла из трех групп студентов — остатков фракции академической работы, «авангардистов» из членов Коммунистического Союза молодежи и так называемых рабочих-оппозиционеров.

Фракция академической работы потерпела поражение, и Агур был наказан увольнением из университета. Но в университете оставались такие студенты, как Юй Сюсун и Дун Исян, составлявшие китайскую элиту этой фракции. Будучи людьми честолюбивыми, они пристально следили за каждым новым поворотом развития и неустанно стремились извлечь для себя пользу. Поэтому было естественно, что они должны присоединиться ко Второй линии в борьбе против общего врага. Однако они действовали исключительно закулисно, так как совсем недавно были дискредитированы. Попытки остаться в тени им не удалась, их деятельность была сорвана Чэнь Шаоюем и другими лицами, которых позже стали называть «28 большевиками». Надо заметить, что многие студенты, считавшиеся членами фракции академической работы, были уроженцами провинций Цзянсу и Чжэцзян. Например, родиной Юй Сюсуна был уезд Шаосин в Чжэцзяне. Дун Исян происходил из Чанчжоу в провинции Цзянсу. Выпускники УТК, посланные на учебу в военные учебные заведения Москвы и Ленинграда по рекомендации Юй Сюсуна и Дун Исяна (когда последние еще были в силе), тоже были родом из этих

---

* Вторая линия. Далее по тексту — без кавычек (прим. пер.).

двух провинций. Ходило много слухов относительно значения таких совпадений по месту происхождения. Было предположение, что эти две провинции образовали Цзянсу-Чжэцзянское землячество, и эта мнимая ассоциация дала в руки Чэнь Шаоюя и его соратников отличное оружие против Юй Сюсуна, Дун Исяна и их последователей. Поскольку формирование такой организации шло вразрез с правилами партийной организации, а также потому, что эту предполагаемую организацию можно было при всех обстоятельствах заклеить как феодальную, Чэнь Шаоюй и иже с ним потребовали полного расследования вопроса. По их требованию бюро партийной организации тотчас начало расследование, в котором пригласило участвовать и ГПУ. Некоторые незначительные данные, смутно подтверждавшие возможность создания такой организации, были обнаружены, хотя в то время я не верил, что она формально существовала. Но использование преувеличений в качестве оружия борьбы за власть — дело самое обычное, и, быть может, в коммунистических партиях это оружие применяется более свободно, чем где-либо еще.

Если память мне не изменяет, расследование происходило в начале мая 1928 года. В апреле 1928 года Сян Чжунфа уже прибыл в Москву для участия в IV Конгрессе Профинтерна. В надежде запугать коалицию Второй линии, по предложению Чэнь Шаоюя, Миф склонил Сян Чжунфа выступить против предполагаемой организации в нашем университете и других училищах или вузах Москвы и Ленинграда, где учились китайские студенты. Так, однажды Сян явился в УТК и выступил с лекцией по данному вопросу как представитель ЦК. В своей речи он уже прямо утверждал существование фракционной организации Цзянсу-Чжэцзянское землячество среди членов КПК в СССР. Те, кто, по его словам, создал данную организацию, были осуждены им в самых суровых выражениях, а сама организация охарактеризована как антипартийная. Сян Чжунфа предупреждал ее членов, что уже найденные улики дают партии возможность их наказать. Он даже зашел так далеко, что угрожал лидерам организации расстрелом. Даже сейчас еще я слышу его, как он предъясвляет этот ультиматум на своем режущем ухо ханькоуском диалекте. Насколько мне известно, сам он этим вопросом не занимался, а просто принял сторону Мифа. Нет ничего неожиданного в том, что его речь вызвала негодование и страх среди студентов нашего университета, КУТВа и других мест — уроженцев Чжэцзяна и Цзянсу, которые долгое время поддерживали тесные связи с Юй Сюсуном, Дун Исяном и их

сторонниками. Те, кто объединился с ними в борьбе против партийного бюро и Мифа, естественно, также были обеспокоены. Нет сомнений, что речь Сян Чжунфа напугала не только Юй Сюсуна и Дун Исяна с их сторонниками, но и всю Вторую линию в целом.

Психологическая победа, принесенная выступлением Сян Чжунфа, оказалась, однако, кратковременной. После первого шока коалиция Второй линии начала сплачиваться и принимать контрмеры, чтобы разрушить обвинения Сяна. Они апеллировали непосредственно к ЦК КПК и китайской делегации в Коминтерне, требуя проведения другого расследования дела. Они не стали обращаться с общей петицией, а забросали ЦК и китайскую делегацию в Коминтерне обращениями, каждое из которых было подписано несколькими лицами. Под давлением большого числа обращений от китайских студентов в СССР, ЦК КПК поручил китайской коминтерновской делегации в Москве разрешить противоречие на месте. Тем временем начался и закончился VI Всекитайский съезд КПК, и главой китайской коминтерновской организации был назначен Цюй Цюбо, сам уроженец Цзянсу. Цюй Цюбо был в большой обиде на Мифа, явно приложившего руку к его смещению с поста генерального секретаря КПК на VI съезде. В то же время Цюй ревновал Сян Чжунфа, который сменил его на этом посту в результате решений VI съезда. Когда ЦК поручил Цюй Цюбо разобраться с Цзянсу-Чжэцзянским землячеством, он воспользовался случаем, чтобы отомстить Мифу и Сян Чжунфа. Официально вызвав к себе в офис десятки лиц, которых считали членами предполагаемой организации, он там их допросил. Все подозреваемые отвергали выдвинутые Сян Чжунфа обвинения и уверяли Цюя, что все это был заговор Мифа, Чэнь Шаоюя и их сторонников. По крайней мере, так докладывали Мифу некоторые члены китайского коминтерновского персонала.

В конце концов, Цюй Цюбо попросил подозреваемых представить ему свои аргументы в письменной форме, что они и сделали. И у их противников он также потребовал представить доказательства в дополнение к тем незначительным материалам, которые были обнаружены при первом расследовании, чтобы подкрепить обвинение. Но это требование было проигнорировано Чэнь Шаоюем и другими под предлогом того, что существование организации является уже установленным фактом и в дополнительных доказательствах нет необходимости. К несчастью для нас, это несотрудничество оказалось на руку Цюй Цюбо, доложившему в ЦК, что доказательств

существования такой организации недостаточно. В докладе Цюя далее утверждалось, что согласие по определенным вопросам среди некоторых студентов, выходцев из провинций Чжэцзян-Цзянсу — не преступление, а вопрос политических разногласий, к которому надо относиться именно как к таковому. Чтобы пояснить и усилить свою позицию, он, кроме того, указывал, что такие уроженцы Цзянсу и Чжэцзяна, как Чжан Вэньтянь, Шэнь Цзэминь и многие другие, выступали против мнимой Цзянсу-Чжэцзянской организации. Да и не все предполагаемые члены этой мнимой организации, писал он, были из Чжэцзяна и Цзянсу. Например, Чжоу Дамин, числящийся в лидерах ассоциации, является уроженцем Гуйчжоу. В самом деле, мы не могли отрицать, что кое-что в докладе Цюя было правдой. Но нам казалась важной не сама эта мнимая организация, а политический курс, которого придерживались те, кого с нею отождествляли. Он рассматривался как несовместимый с курсом Коминтерна и бюро партийной организации УТК им. Сунь Ятсена.

Доклад Цюй Цюбо был послан в ЦК вместе с письменными объяснениями подозреваемых студентов. Однако он не был представлен в целом какому-либо собранию членов партии в нашем университете, не был он и опубликован. Но содержание доклада было широко известно среди студентов из коалиции Второй линии в университете и повсюду, по-видимому, потому что о нем сообщил им сам Цюй. Что касается нашей стороны, то, по поручению Мифа, бюро партийной организации кратко информировало избранных об этом докладе. С одной стороны, доклад Цюя способствовал тому, что студенты из коалиции Второй линии осмелели в борьбе против Мифа и бюро партийной организации университета. С другой стороны, он углубил конфликт между Цюем и Мифом. Так борьба против Второй линии в Университете им. Сунь Ятсена переплелась с борьбой между Мифом и китайской коминтерновской организацией, возглавляемой Цюй Цюбо, о которой я буду говорить более подробно далее.

Авангардисты из членов Коммунистического союза молодежи в УТК создают вторую группу в коалиции Второй линии

С самого начала борьбы против Второй линии многие члены комсомола в университете продемонстрировали ей свою поддержку.

Некоторые ведущие фигуры в бюро комсомольской организации университета открыто выступали за неповиновение бюро парторганизации. Самым откровенным из этих комсомольских руководителей был Симэнь Цзунхуа, но Гао Чэньле, Линь Цито и другие были также заметными фигурами³. Они критиковали партбюро в том же самом деструктивном тоне, какой применяли и другие последователи Второй линии.

Борьба против Второй линии обнаружила всю тяжесть раскола внутри УТК им. Сунь Ятсена поздней осенью 1928 года. Прежде всего, состояние дел противоречило основному организационному принципу, который определял отношения между партией и комсомолом. Предполагалось, что комсомол, как помощник партийной организации, действует только в соответствии с решениями партии. Во-вторых, из-за симпатий к Троцкому, клика Симэня — Гао была ответственна за высокий процент троцкистов среди членов комсомола в университете.

На общем партийном собрании университета я выступил с большой речью, в которой критиковал клику Симэня — Гао. Я характеризовал их курс как «авангардизм», потому что их пренебрежение к партийному руководству выказывалось в требованиях, чтобы линия партбюро была изменена. После этого их уже называли «авангардистами». Они превратились в важную составную часть Второй линии, и для того, чтобы ослабить эту коалицию, в октябре 1928 года, по рекомендации партбюро, университетские власти начали отсылать самых беспокойных ее членов в Сибирь, где те занимались тяжелым физическим трудом. Среди сосланных в Сибирь были Гао Чэньле, Линь Цито и прочие. Иные, вроде Симэнь Цзунхуа, на следующий год были отправлены обратно в Китай⁴.

«Рабочие-оппозиционеры» как часть коалиции Второй линии

Основную силу коалиции Второй линии составляла фракция рабочей оппозиции, возглавляемая Ли Цзяньцзю и Юй Дусянем. Можно сказать, что фракция Ли—Ду поставляла «пушечное мясо» для сражений. Члены фракции происходили из рабочих и были выходцами из Уханя и Шанхая. Ли Цзяньцзю, например, был прославленным героем трех рабочих восстаний в Шанхае в 1926—1927 годах.

Юй Дусянь был влиятельным деятелем в Уханьском рабочем движении. Неграмотные в прямом и политическом смысле, они не могли бы играть значительной роли в университетской борьбе, если бы из-за кулис их не направляли другие. На поверку, за кулисами действовали самые разные люди, такие как Цюй Цюбо и Юй Фэй, бывший трамвайный кондуктор из Шанхая, который в то время был членом ЦК КПК и членом китайской делегации в Коминтерне. На первом месте среди активных закулисных деятелей были также Юй Сюсун, Ду Исян и Гу Гуи, — все трое из бывшей фракции академической работы, а также Ли Бэньи и другие из группы, положившей начало Второй линии. Все эти люди играли на недовольстве фракции Ли Цзяньцзю — Юй Дусяня учебной политикой в университете и подстрекали их против партбюро и «28 большевиков». Скрываясь под безупречной вывеской китайского рабочего движения, они могли поставить партийную организацию и университетские власти в чрезвычайно неудобное положение.

Почему некоторые студенты из рабочих были недовольны администрацией университета и партии? Это получилось так: до 1928 года большую часть студентов Университета им. Сунь Ятсена составляли интеллигенты. Но в 1928 году число студентов рабочего и крестьянского происхождения быстро и неожиданно возросло. И администрации университета пришлось делать поворот в своей образовательной политике, от первоначальной ориентации на обучение интеллигентов, к обучению совершенно неграмотных рабочих и крестьян. Пришлось добавлять многих преподавателей и многие курсы. Курс китайского языка, например, был введен в попытке обучить грамоте неграмотных студентов. Вместо марксизма-ленинизма, который мы изучали раньше, для вновь пришедших пришлось ввести курс, названный «Здравым смыслом в политике», потому что они просто не могли справиться с более сложными материями. И хотя университет горел желанием обучить новоприбывших необходимым дисциплинам, администрация все же рассматривала задачу превращения таких студентов в искусных пролетарских руководителей как совершенно невыполнимую. Вследствие этого университет, как никогда ранее, интенсивно продвигал вперед обучение интеллигентов, особенно в передовых областях теории и технической работы.

Именно эта двойственность в воспитательной работе и повлекла за собой обвинения в дискриминации, выдвинутые некоторыми из студентов рабоче-крестьянского происхождения. Хотя в партийной

и студенческой организациях им дали видные посты, многие посты все же были заняты интеллигентами, например, проректора, заместителя заведующего отделом учебной работы, научных сотрудников во многих семинарах, переводчиков и т.д., поскольку такие посты были выше способностей совсем необразованных людей. Такое положение дел было своего рода проявлением различия между физическим и умственным трудом, которое, как указывал Маркс, исчезнет лишь на конечном этапе развития коммунистического общества. По правде говоря, университет нельзя было обвинить в дискриминации. Но ради достижения своих личных политических целей Цюй Цюбо и другие провоцировали студентов из рабочих и крестьян на выдвижение таких обвинений, как способ нападок на университетскую администрацию, Мифа и его китайских сторонников.

Коалиция Второй линии состояла в то время из своей первоначальной группы, остатков бывшей фракции академической работы, «авангардистов» среди членов комсомола, фракции «рабочей оппозиции» и троцкистов.

Кем были «28 большевиков»?

Против мощной коалиции Второй линии твердо встали так называемые «28 большевиков»*, которых поддерживали студенты, выступавшие за руководство партбюро и за руководство университета. 28 большевиков были объединены скорее своей идеологической позицией, чем какой-то формальной организацией. Они тем более не нуждались в собственной организации, так как их контролировало партбюро и поддерживали русские власти. Кроме того, группа не имела признанного лидера. У большинства из них были хорошие отметки, и они были активными и энергичными участниками партийных, учебных и административных дел университета. Хорошее владение русским языком давало им возможность широких контактов с русскими как внутри, так и вне УТК, и служило причиной того, что они производили на русских в общем хорошее впечатление. Тем не менее никто из 28 большевиков, кроме Чэнь Шаоюя (Ван Мина),

---

* 28 большевиков. Далее по тексту — без кавычек (прим. пер.).

которого Миф давно высоко ценил, не входил в состав избранной группы, специально отобранной Мифом еще до начала этой борьбы. Миф не создавал 28 большевиков. Они превосходно показали себя в процессе борьбы в УТК, поэтому он обратил на них внимание как на обученную силу, которая могла быть ему полезной. И поскольку эти 28 человек стали противниками всех «антипартийных» фракций в УТК им. Сунь Ятсена, в результате их и прозвали «28 большевиками», подразумевая, что они служили просто бесплатным приложением к русским большевикам.

О том, кто составлял 28 большевиков, было написано много глупостей⁵. Не знаю, повезло ли мне или не повезло в том, что я учился в УТК в момент их появления и был одним из них. Но так как я имел к этому отношение, то привожу окончательный список, определяющий этих людей. Но прежде надо заметить, что прозвище «28 большевиков» было дано оппозиционерами, и в отношении того, какие лица огульно зачислялись в эту группу, существовала некоторая произвольность и неопределенность. Для одного оппозиционера 28 большевиков были одними лицами, а для другого, быть может, немного другими. Тем не менее я уверен, что приводимый ниже список действительно идентифицирует этих людей. Привожу их имена в порядке [латинского] алфавита.

ЧЖАН ЦИНЦЮ (жена Шэнь Цзэминя), ЧЖАН ВЭНЬТЯНЬ (Ло Фу, или Цзы Мэй), ЧЭНЬ ЧАНХАО, ЧЭНЬ ШАОЮЙ (Ван Мин), ЧЭНЬ ЮАНЬДАО, ЦИН БАНСЯНЬ (Бо Гу), ЧЖУ АГЭНЬ, ЧЖУ ЦЗУШУНЬ (женщина), ХЭ КЭЧУАНЬ (Кай Фэн), ХЭ ЦЗЫШУ, СЯ СИ, СЯО ТЕФУ, ЛИ ЧЖОУШЭН, ЛИ ЮАНЬЦЗЕ, МЭН ЦИНШУ (жена Чэнь Шаоюя), ШЭНЬ ЦЗЭМИНЬ, ШЭН ЧЖУНЛЯН (автор, Шэн Юэ), СУНЬ ЧЖИМИНЬ, СУН ПАНЬМИНЬ, ДУ ЦЗОСЯН (жена Чэнь Чанхао), ВАН ЦЗЯСЯН, ВАН БАОЛИ, ВАН ШЭНДИ, ВАН ШЭНЬЮН, ВАН ЮНЬЧЭН, ЯН ШАНКУНЬ, ИНЬ ЦЗЯНЬ и ЮАНЬ ЦЗЯЮН.

Чуть позже я упомяну биографии вышеназванных лиц, сейчас же приведу некоторые общие данные о 28 большевиках.

1. Лишь пятеро из них происходили из рабочих: один из Шанхая, трое из Уханя и один из Нанкина. Все другие были из интеллигенции.

2. Большинство их были членами КПК, может, трое или четверо — членами комсомола.

3. В группе было четыре женщины, они составляли пять процентов от приблизительно восьмидесяти студенток, которые учились тогда в университете.

4. Восемь из 28 большевиков происходили из провинции Хубэй, это было наибольшее число лиц из одной провинции. Пятеро происходили из провинции Аньхуэй, четверо из Хунани, четверо из Сычуани, один из Цзянси и шестеро из провинций Чжэцзян и Цзянсу.

5. Все 28 большевиков были выходцами из долины Янцзы.

6. Из 28 большевиков приблизительно двадцать имели высшее образование и бегло говорили на одном или двух иностранных языках: русском, английском, французском или немецком.

7. Один из них (Ся Си) был членом ЦК КПК до возвращения в Китай, а десять (Чжан Вэньтянь, Чэнь Шаоюй, Цин Бансянь, Хэ Кэчуань, Шэнь Цзэминь, Ли Чжоушэн, Шэн Чжунлян, Ван Цзясян, Ван Юньчэн и Ян Шанкунь) были избраны членами или кандидатами в члены ЦК КПК через какое-то время после возвращения в Китай. Трое человек (Чэнь Шаоюй, Цин Бансянь и Чжан Вэньтянь) стали генеральными секретарями КПК. Двое стали, последовательно, председателями Шанхайского Бюро ЦК КПК — Ли Чжоушэн и Шэн Чжунлян. Четверо (Цин Бансянь, Ван Юньчэн, Сунь Чжиминь и Хэ Кэчуань) стали членами ЦК комсомола, двое из них (Цин Бансянь и Ван Юньчэн) генеральными секретарями комсомола. Остальные из 28 большевиков стали партийными лидерами провинциального уровня или политкомиссарами фронтовых армий.

8. Четверо из 28 большевиков умерли от болезней или погибли в авиакатастрофе. Трое были схвачены Гоминьданом и казнены. Одиннадцать были схвачены Гоминьданом и оставили коммунистическую партию. Из этих одиннадцати трое впоследствии были схвачены китайскими коммунистами и казнены, когда коммунисты пришли к полной власти во всем Китае. Из остальных одиннадцати семеро остались в материковом Китае, когда коммунисты пришли там к власти, и я ничего не знаю о них, кроме того, что Чэнь Шаоюй, по некоторым сведениям, живет в СССР. Я тоже поселился за границей. Из 28 большевиков в КПК остались семеро, четверо из них до «Великой пролетарской культурной революции» были в ЦК, но либо до «культурной революции», либо во время нее попали в немилость у Мао Цзэдуна.

Десятидневное партийное собрание и Чжан Готао

28 большевиков родились и выросли в политической борьбе в Москве, в УТК им. Сунь Ятсена. Хотя они и их сторонники вступили в яростную борьбу с коалицией Второй линии, которая намного превосходила их по численности, тем не менее они добились свержения этой коалиции в начале лета 1929 года. В качестве составной части своей стратегии «завоевания быстрой победы», они внесли на партбюро ряд предложений, которые все были приняты. Так, они предложили создать в университете общее собрание для проведения исчерпывающего обсуждения относящихся к делу вопросов. Они также предложили, чтобы на собрании выступил Финьковский, секретарь комитета партии того района, где находился УТК*. Далее было предложено, чтобы на собрании присутствовали китайские представители Коминтерна, дабы их можно было подвергнуть публичной критике, направленной на прекращение их закулисной деятельности — это была стратегия «вытащить их, а потом побить». В то время как Финьковский с удовольствием принял приглашение, Цюй Цюбо от него вежливо отказался. Вместо него, в качестве представителя китайской делегации в Коминтерне, пришел Чжан Готао. Отсутствие Цюй Цюбо, которого русские называли товарищ Страхов, разочаровало 28 большевиков, так как для них он составлял главную цель атаки. Ясно, что Цюй Цюбо отклонил приглашение, чтобы избежать прямой конфронтации с ними в УТК. Скорее всего, он не хотел рисковать своим престижем в деле, которое было заведомо проигрышным, ибо на чаше весов 28 большевиков лежал авторитет и Коминтерна, и КПСС.

Собрание было созвано. Чжан Готао был избран в президиум, и 28 большевиков были среди тех, кто голосовал за то, чтобы его туда посадить, дабы потом было легче его публично достать. Чжан Готао председательствовал на первом заседании, ротация председателей президиума происходила на всех заседаниях. Главным оратором был Финьковский, он нам нравился. Как уже упоминалось, Финьковский был секретарем комитета КПСС того района Москвы, где находился УТК им. Сунь Ятсена (одного из 26 административных районов). Этот район был известен как район культуры, а не рабочего класса. Здесь находились такие высшие учебные заведения, как Коммунистическая Академия Наук имени Маркса—Энгельса, Военная академия

---

* Хамовнический райком ВКП(б) (прим. пер.).

и КУТВ*. Штаб-квартира Коминтерна, располагавшаяся недалеко от УТК, тоже относилась к данному району. Таким образом, это был район высшей интеллигенции и ветеранов политической деятельности, что требовало большой тонкости и сноровки от возглавляющего его секретаря КПСС. И действительно, ЦК КПСС старался делать так, чтобы этот пост занимали особо одаренные люди. Финьковский, например, был старым большевиком, имевшим хорошее образование. Он был внимательным и располагающим к себе оратором, общеизвестным мастером улаживания конфликтов. Его появление на собрании и тот факт, что он собирался выступить, представляли угрозу, которую коалиция Второй линии и их закулисные хозяева должны были принимать всерьез.

К их удивлению, однако, решительно защищая политическую линию партбюро Университета им. Сунь Ятсена, Финьковский ограничился лишь мягкой критикой в адрес коалиции Второй линии. Очевидно, он надеялся, что кое-кого из них сможет завоевать на сторону партбюро. И действительно, его аргументы были столь убедительны, что лидеры коалиции почувствовали, что если сейчас не заставить его замолчать, помешать ему завоевать аудиторию будет уже невозможно. Финьковский и половины не успел сказать, как в аудитории поднялись хриплые крики, свист, шиканье и громкое топанье ног. Студенты грозили ему кулаками. Заседание было сорвано. Сделать что-нибудь продуктивное стало невозможно. Хаос достиг апогея, когда два студента рабочего происхождения вскочили на трибуну и попытались стащить с нее Финьковского. Естественно, такое небывалое поведение привело в ярость 28 большевиков и всех противников коалиции Второй линии. Они потребовали от президиума прекратить эту подрывную деятельность и обеспечить продолжение партийного собрания. Чжан Готао оказался между двух огней. Как председатель президиума на данном заседании он отвечал за поддержание порядка. Но, поддерживая порядок, он легко мог попасть в положение, нежелательное как для него, так и для коалиции. А если бы он допустил продолжение беспорядка, то подставил бы самого себя под прямую атаку со стороны 28 большевиков и мог

---

* Очевидно, автор имеет в виду находившиеся на Волхонке Коммунистическую академию (1918–1936) и Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931), а также расположенную неподалеку Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе (с 1918). КУТВ (1921–1938) находился в Путинковском переулке, около Страстного бульвара (прим. пер.).

попасть в немилость у русских. Что бы он себе ни придумывал, у него не было иного выбора, кроме как действовать на стороне порядка и в качестве председателя президиума, и в качестве представителя Коминтерна. Поэтому вскоре Чжан Готао встал и громким голосом стал призывать присутствующих к порядку. Однако беспорядок продолжался, а на его призывы не обращали внимания. Тогда он еще громче попросил присутствующих выслушать его. Наконец, члены коалиции уgomонились, сообразив, должно быть, что если помешают Чжан Готао, то могут вынудить его резко выступить против них. Чжан призвал присутствующих сохранять порядок и внимательно слушать, что будет говорить Финьковский. Каждый, сказал Чжан, имеет право соглашаться или не соглашаться с Финьковским, но никто не должен выступать с выражением своих взглядов, пока товарищ Финьковский не кончит говорить. Он увещевал их, требуя подчиняться правилам ведения партийного собрания и вести себя как коммунисты. Ничто из сказанного им не выходило из рамок парламентской процедуры. Чжан не коснулся существа спора. Естественно, ни прямо высказываться в самом начале, ни самому открыто вступать в споры на собрании ему было невыгодно. Чжан Готао должен был также понимать, что подставит себя под общую атаку со стороны 28 большевиков, если займет на собрании сторону коалиции Второй линии. Мы были готовы атаковать каждого, кто бы такое сделал. А он должен был многое знать о политической ситуации в университете от своего брата Чжан Гошу, бывшего тогда здесь студентом и глубоко симпатизировавшего коалиции.

Во время своего пребывания в Москве в роли делегата в Коминтерне, после VI Всекитайского съезда КПК летом 1928 года, Чжан Готао получил псевдоним Чжан Бяо. Среди русских он больше был известен как товарищ Чжан Бяо. На собрании, пока он призывал к порядку, ко мне подошли двое русских и спросили, какую песню поет товарищ Чжан Бяо. Для русских его повторяющееся раз за разом скандирование по-китайски: «Товарищи! Слушайте меня!» звучало как какое-то музыкальное исполнение. Я уверил их, что Чжан не поет, а говорит. Они сделали несколько насмешливых замечаний по поводу его выступления, а затем попросили меня перевести, что он говорит. Позже я узнал, что эти двое русских были из персонала китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна.

Собрание длилось десять дней подряд. Я не могу припомнить, присутствовал ли Чжан Готао на остальных заседаниях после горь-

кого опыта первого дня. Университетская стенгазета, которая была органом партбюро и которую в то время издавал я, играла в борьбе против коалиции Второй линии важную роль. Она ежедневно давала отчет о заседаниях и анализ дебатов, а также снабжала читателей указаниями о том, что им следует делать на заседаниях.

Десятидневное собрание было самым драматичным эпизодом политической борьбы в Университете им. Сунь Ятсена. Это были десять дней бурных штормов, хаоса и преднамеренного раскола, которые далеко превосходили хриплый тенор семидневного собрания, проходившего здесь в 1927 году, которое началось тогда как обычное собрание по университетским делам, а превратилось в форум жарких споров по политическим вопросам. На десятидневном собрании все «антипартийные» фракции университета атаковали 28 большевиков. Тем не менее, благодаря мастерскому владению марксистско-ленинской тактикой и преданности линии Коминтерна, 28 большевиков выжили. В разоблачении коалиции Второй линии они преуспели, хотя коалиция была разбита на этом собрании далеко не полностью. После его закрытия она продолжала бороться так же упорно, как и прежде, опираясь на поддержку очень многих студентов университета и поощрение со стороны китайской делегации в Коминтерне. Борьба перешла в события чистки КПСС, которая вскоре захлестнула Советский Союз. Таким образом, борьба против коалиции Второй линии переплелась с чисткой КПСС, начатой осенью 1929 года.

28 большевиков и делегация китайских коммунистов при Коминтерне

Потерпев неудачу в попытке заманить на собрание Цюй Цюбо и других членов китайской коминтерновской делегации, 28 большевиков сразу же запланировали новую битву против Цюя и делегации в целом. По их убеждению, поражение делегации было предпосылкой поражения коалиции Второй линии. Так называемая фракция рабочей оппозиции внутри этой коалиции благосклонностью русских не пользовалась. Ее члены жаловались на это китайской коминтерновской делегации, которой излагали все свои обиды. Они подробно описывали несправедливости, совершенные по отношению к ним

университетской администрацией и 28 большевиками. И еще они говорили, что, пользуясь покровительством русских, 28 большевиков действуют с явным пренебрежением к китайской коминтерновской делегации, что, конечно, так и было. Последнее обвинение явно задевало за живое Цюй Цюбо и остальных делегатов, потому что во время ректорства Мифа китайская делегация действительно не пользовалась авторитетом в университете, у нее не просили ни советов, ни консультаций по университетским делам. Университет был полностью под контролем русских, и такое положение китайская делегация считала, мягко говоря, одиозным.

Миф, быстро продвигающийся наверх молодой коммунист, был невысокого мнения о китайской делегации в Коминтерне. Хотя для видимости он советовался с Цюй Цюбо и другими по вопросам КПК, было нетрудно заметить, что он не проявлял особого энтузиазма к таким совещаниям. Часто он придерживался позиций, коренным образом отличающихся от позиций Цюй Цюбо и китайской делегации. Как правило, Миф прислушивался не столько к Цюй Цюбо, сколько к мнению людей, которых считал специалистами по Китаю, таких как Волин и его любимый помощник Чэнь Шаоюй. Отношение Мифа к Цюю после понижения последнего на VI съезде КПК с должности генерального секретаря до простого делегата в Коминтерне усиливало у Цюя чувство унижения. Конфликт между Мифом и Цюем постепенно разрастался.

С самого начала борьбы против Второй линии в университете в 1928 году Цюй и другие китайские коминтерновские делегаты, казалось, почувствовали, что наступает время отмщения за неуважение, проявленное к ним Мифом. Поэтому они поощряли коалицию в атаках на Мифа. Поведение китайской делегации при Коминтерне вызывало у 28 большевиков враждебность. Тем не менее из тактических соображений они воздерживались от прямых публичных атак на делегацию так долго, как только позволяла ситуация. Но в то же время не упускали случая критиковать членов делегации без упоминания имен. Эта сдержанность подошла к концу, когда Цюй Цюбо и другие делегаты стали действовать более агрессивно. 28 большевиков начали собирать свидетельства об их закулисной деятельности. В то же время мы начали скрупулезно просматривать их высказывания, начиная с VI Всекитайского съезда КПК, выискивая заявления, которые отличались от позиций КПК и Коминтерна. Насколько я знаю, существовали еженедельные коминтерновские публикации,

которые имели ограниченное распространение и содержали многие заявления китайских делегатов, и мы проходились по этим публикациям частым гребнем. Можно сказать, мы вели идеологическую подготовку к широкому политическому наступлению против Цюя и других членов делегации. По нашим планам, это наступление должно было совпасть с партийной чисткой в Университете им. Сунь Ятсена. В чистках КПСС стало традицией, чтобы проверке каждого отдельного члена партии в данной ячейке предшествовала дискуссия о положении всей ячейки. Поэтому мы решили начать наступление на Цюй Цюбо и остальных членов делегации во время первой фазы чистки, общей дискуссии, так как они не стали бы приходить в университет на допросы при следующей стадии чистки.

Первое собрание по партийной чистке в Университете им. Сунь Ятсена открылось, как мне кажется, где-то в октябре 1929 года. На собрании присутствовали приглашенные из Коминтерна, ЦК КПСС, райкома КПСС и из других органов. После короткой речи о процедуре чистки, с которой выступил назначенный в университет председателем комиссии по партийной чистке генерал Павел Иванович Берзин*, старый большевик, бывший в то время, как мне кажется, начальником разведки в Генеральном штабе Красной Армии, я взял слово, чтобы произнести, второй раз в Москве, большую речь. Я открыто обвинил Цюй Цюбо и его сотрудников в оппортунизме, заявив, что Цюй виновен в левом оппортунизме, а Чжан Готао — в правом оппортунизме. Я обвинил их всех в поощрении «антипартийной коалиции Второй линии» в университете. Чтобы придать вес своим обвинениям, я привел большое число цитат из их речей и статей, а также много доказательств их закулисной деятельности. Я говорил по-китайски, без пауз для перевода моих слов на русский, потому что Ван Цзясян и другой китаец, чье имя я забыл, вдвоем вели синхронный перевод. Выступления ограничивались пятиминутным регламентом, но с разрешения Берзина я говорил около 45 минут.

Моя речь вызвала неоднозначную реакцию аудитории. Там были и шумные аплодисменты со стороны лояльных к 28 большевикам,

---

* Ян Карлович Берзин (настоящее имя Петерис Янович Кюзис) (1890–1938). В 1905 вступил в РСДРП. В октябре 1917 охранял Смольный и лично Ленина. В 1921 назначен начальником отдела разведуправления Генштаба РККА. Начальник этого управления в 1924–1935. Расстрелян в 1938. Реабилитирован в 1956 (прим. пер.).

и сердитые выкрики и свист со стороны студентов, принадлежавших к коалиции Второй линии. Все присутствовавшие русские, включая представителей Коминтерна и ЦК КПСС, одобрительно аплодировали. Конечно, русским лучше было бы сохранять видимость нейтралитета. А так их аплодисменты показали, что они против китайской коминтерновской делегации. Из-за моей открытой атаки и последовавших за ней многих других атак моих сторонников, отношения между 28 большевиками и китайской коминтерновской делегацией стали быстро ухудшаться. Политическое положение Цюй Цюбо и его коллег оказалось под серьезной угрозой. Учившийся в нашем университете младший брат Цюй Цюбо так разъярился, что вернул в райком свою карточку кандидата КПСС. В день возвращения карточки он исчез. Мы не знали, был ли он арестован, как утверждали слухи, или совершил самоубийство⁶. Что бы ни случилось с младшим Цюем, это был удар по Цюй Цюбо. И с этого дня атмосфера, в которой велась борьба, стала еще серьезнее, чем прежде.

Вмешательство КПСС и КПК

Борьба против Второй линии завела в тупик все университетские дела. В конце концов, в них должны были вмешаться как ЦК КПСС, так и ЦК КПК. Для расследования положения в УТК была выбрана жена председателя Центральной контрольной комиссии КПСС Емельяна Михайловича Ярославского, госпожа Кирсанова (это ее собственная фамилия), являвшаяся членом ЦК КПСС*. Ее назначение встревожило 28 большевиков, потому что у нее были дружеские отношения с Чжоу Дамином, Дун Исяном и Юй Сюсуном, лидерами бывшей фракции академической работы, являвшимися сторонниками Второй линии. Она слишком явно показала во многих случаях, что рассматривает Чжоу Дамин как «китайского Ленина». Казалось очень вероятным, что Чжоу Дамин сумеет повлиять на ее мнение. Тем более что когда Кирсанова начала расследование, было непохоже, что она собирает все факты, необходимые для подготовки бес-

---

* Ярославский Е. М. (Губельман Миней Израилевич) (1878–1943). Член РКП(б) с 1898. В 1923–1934 член Президиума и секретариата ЦКК ВКП(б); Кирсанова К. И. (1887–1947). Член РСДРП(б) с 1904, супруга Ярославского Е. М. Никогда не была членом ЦК КПСС. Работала лектором ЦК КПСС в 1941–1945 (прим. пер.).

пристрастного доклада. Насколько я помню, например, она не проконсультировалась ни с кем из 28 большевиков, хотя собрала мнения некоторых членов коалиции Второй линии. Мы сообщили Мифу об особых отношениях между нею и Чжоу Дамином. Он использовал свое влияние на Сталина, дабы убедить его попросить жену Ярославского не представлять на рассмотрение пристрастного доклада. Без сомнения, благодаря вмешательству Сталина, доклад жены Ярославского был довольно умеренным. Она рекомендовала, чтобы ЦК КПСС одобрил общую политическую линию партбюро университета, хотя в то же самое время критиковала партбюро за многочисленные недостатки в текущей партийной работе. ЦК КПСС принял ее рекомендации и поручил ей доложить свои выводы на общем партийном собрании университета, которое состоялось где-то в начале 1930 года. Я вспоминаю, что когда она дошла в своем докладе до того места, где рекомендовала поддержку общей политической линии партбюро, 28 большевиков и их сторонники встретили ее слова горячими аплодисментами, в то время как члены коалиции Второй линии слушали это с опущенными головами. Ее выводы представляли собой не что иное, как признание общей правоты партбюро и 28 большевиков и приговор коалиции Второй линии, как антипартийной в своей основе.

Коалиция Второй линии и те, кто поддерживал ее с тыла, Цюй Цюбо и Чжан Готао, потерпели полное поражение. Вскоре после того, как ЦК КПСС принял свою резолюцию с одобрением политической линии партбюро в университете, такую же резолюцию провела русская делегация в Коминтерне. В ней критиковалась позиция, занятая в этой борьбе делегацией китайских коммунистов в Коминтерне⁷. Это принесло Мифу и 28 большевикам еще одну победу, тогда как Цюй Цюбо и Чжан Готао потерпели полное поражение. Хотя Миф сообщил 28 большевикам об этой коминтерновской резолюции, мало кому из нас выпала возможность видеть этот документ своими глазами.

После резолюции, принятой КПСС и Коминтерном, КПК признала серьезность положения. Весной 1930 года для разрешения конфликта в Москву был направлен специальный уполномоченный, Чжоу Эньлай. От имени КПК он официально согласился с выводами резолюций КПСС и Коминтерна и реорганизовал китайскую делегацию в Коминтерне. В течение года или около того Цюй Цюбо, Чжан Готао, Дэн Чжунся и Юй Фэй, один за другим, вернулись в Китай.

28 большевиков вышли из этой потасовки с победой. В этой борьбе против коалиции Второй линии они заложили основы для своей грядущей борьбы за лидерство во всей КПК.

ГЛАВА XVI.

28 БОЛЬШЕВИКОВ И ИХ БОРЬБА ПРОТИВ ЛИНИИ ЛИ ЛИСАНЯ

В течение полутора лет, с VI Всекитайского съезда КПК в 1928 году и по январь 1930 года, КПК оправилась, следуя принятым на съезде решениям и директивам Коминтерна. Она не только подлечила раны, нанесенные ей поражением революции 1925—1927 годов, но и достигла реального прогресса в деле своей консолидации. Например, ее численность возросла к январю 1930 года, по меньшей мере, до 65 628 человек¹, а возможно, и до 120 тысяч². В сравнении с общим числом членов партии в 57 900 человек ко времени V Всекитайского съезда КПК в апреле 1927 года, такой рост был впечатляющим и значительным. Следует заметить, что до V Всекитайского съезда партийного съезда — с 1924 до апреля 1927 года, когда Чан Кайши начал свою антикоммунистическую чистку, или переворот в Шанхае, — коммунисты пользовались свободой политической деятельности в районах, контролируемых Гоминьданом. Даже после антикоммунистического переворота Чан Кайши в Шанхае компартия все еще имела некоторую свободу в районах, оставшихся под контролем Уханьского правительства. Но с тех пор, как в июне и июле 1927 года против коммунистов выступили левые гоминьдановцы в Ухане, китайские коммунисты были вынуждены вести свою деятельность подпольно по всей стране. При «белом терроре» многие коммунисты были зверски перебиты. Ввиду грозившей опасности многие вышли из партии. Кроме того, после партконференции 7 августа 1927 года путчизм Цюй Цюбо усугубил положение дел и погубил многих членов партии. Организация и личный состав компартии раз за разом претерпевали многочисленные серьезные удары. Ко времени VI Всекитайского съезда КПК число ее членов составляло, вероятно, меньше половины от 57 900, то есть числа членов во время V съезда. Таким образом, в начале 1930 года из 65 528 членов партии большинство было новобранцами. В условиях «белого террора» и «подпольной деятельности» организационной структуре партии было нелегко даже просто сохранить существование. И то, что в этот период, несмотря на неблагоприятную обстановку, китай-

ские коммунисты способны были еще продвигаться вперед — поистине замечательный факт.

Но хорошее не длится долго. Возрождение партии было серьезно затруднено неустойчивым руководством, и КПК, словно выздоравливающий больной, страдала от рецидивов. С VI съезда партии и до своей казни в июне 1931 года партийным лидером был деревенский парень Сян Чжунфа, чью власть быстро присвоил революционный авантюрист Ли Лисань. Когда летом 1930 года положение стало более благоприятным для китайских коммунистов, Ли Лисань начал проводить в жизнь свой безумный авантюристический революционный план.

Объясняя причины появления линии Ли Лисаня, китайский коммунистический историк Хуан Хэ говорил следующее: *«Красная Армия и революционные базы привнесли некоторые конструктивные процессы в районы, контролируемые Гоминьданом. Работа партийной организации была до определенной степени восстановлена, особенно в мае 1930 года, когда вспышка гражданской войны между Чан Кайши, Янь Сишанем и Фэн Юйсяном создала чрезвычайно благоприятную для революционного развития событий ситуацию. И тут в партии вновь вспыхнули пережитки «левого» радикализма. Центральное Политбюро партии, под руководством товарища Ли Лисаня, 11 июня приняло левацкую резолюцию “Новый революционный прилив и успехи сначала в одной или нескольких провинциях”. С этих пор в ведущих организациях партийного центра воцарилась левацкая линия»*³.

П. Миф считал, что «политика Ли Лисаня основывалась на предположении, что скоро разразятся и китайская, и мировая революции. Переоценивая зрелость революционной ситуации по всему Китаю, он вел партию к организации повсеместных, включая главные центры страны, восстаний, которые превратились в простые путчистские акции»⁴. Решительно выступая против линии Ли Лисаня, Миф рассматривал ее как идущую вразрез с линией Коминтерна. Он перечислил следующие основные пункты линии Ли Лисаня: *«Ли Лисань полностью игнорировал повседневную борьбу рабочих и крестьян. Он распустил красные профсоюзы под предлогом того, что во время восстания они излишни. Он прилагал усилия к тому, чтобы ликвидировать партизанское движение под предлогом того, что партизанская война устарела. Он давал*

руководителям в Советских районах инструкции организовать госхозы и колхозы и запрещать свободную торговлю и куплю-продажу земли. Все эти меры послужили осложнению экономического и политического положения в Советских районах»⁵.

Историки КПК назвали лилисаневский путчизм «Второй “левой” линией», в то время как линия Цюй Цюбо получила ярлык «Первой “левой” линии». По мнению Мифа, слепое бунтарство Ли Лисаня было гораздо более опасным, чем бунтарство Цюй Цюбо. Пожалуй, в шутку можно сказать, что революционная мания Ли составила, в сочетании с его природной хунаньской грубостью, гремучую смесь, тогда как на поведение Цюя влияла цзянсуская интеллигентность ученого. Но следует заметить, что когда Цюй получил власть, партия только что потерпела роковой удар. Его усилия, направленные на то, чтобы выжить в таком бедственном положении, были отчаянными. А когда летом 1930 года добрался до власти Ли Лисань, ситуация была очень благоприятной для КПК, которая в то время обладала значительными вооруженными силами в Советских районах и хорошо функционирующими партийными организациями в городах. Кроме того, благоприятные возможности для коммунистов представлял внутренний раздор в Гоминьдане того времени. Но лилисаневский путчизм серьезно ослабил рост партии и на деле разрушил многое из того, что партия с таким трудом построила.

Один гоминьдановский источник информации описывает эту ситуацию следующим образом: *«Под руководством линии Ли Лисаня, все усилия которой были направлены на военный радикализм и оппортунизм, были полностью разрушены многие партийные организации вне Советских районов. Коммунистическая организация в Шанхае, которая была очень крепкой и состояла из восьми районных комитетов — Центрального, Западного и Восточного Шанхая, Чапэя, Французской концессии, Пудуна, Усуна и Порты, — в начале господства линии Ли Лисаня имела около трех тысяч членов. Но в результате лилисаневского руководства... шанхайская организация была почти полностью разрушена, семь из восьми районов ликвидированы. Число членов партии упало с трех тысяч до семисот человек. Были разрушены все массовые организации под контролем КПК... Положение в других местах было таким же, как и в Шанхае»⁶.*

Китайские коммунистические историки считают линию Ли Лисаня несчастливой звездой китайского коммунизма. Хэ Ганьджи, например, говорит: «Господство в партии линии Ли Лисаня было кратковременным, оно длилось лишь с июня по сентябрь 1930 года. Так как там, где эта линия проводилась на практике, партия и революционные силы неизменно терпели поражения, большое число членов партии выступало за ее исправление»⁷.

Призывы к суровому осуждению Ли Лисаня раздавались среди китайских коммунистов все громче и громче. Серьезное положение в КПК заметил в далекой Москве и Коминтерн. Ознакомившись с принятой 11 июля 1930 года Центральным Политбюро КПК резолюцией «Новый революционный прилив и успехи сначала в одной или нескольких провинциях» и переворотом в партии, вызванным строгим выполнением этой резолюции лилисаневским руководством, Исполком Коминтерна принял 23 июля 1930 года резолюцию, которая была направлена на исправление радикальных действий лилисаневской линии. Для проведения в жизнь этой резолюции Исполкома Коминтерна обратно в Китай был послан Цюй Цюбо, который созвал 3-й пленум ЦК шестого созыва. Но выполнить свою миссию Цюй не сумел.

Между 1929 и 1932 годами в Китай порознь вернулись так называемые 28 большевиков, главную силу которых составляли те, кто вернулся летом 1930 года. Своей штаб-квартирой они сделали Шанхай. В момент их возвращения ЦК контролировался Ли Лисанем, который только что заставил Центральное Политбюро принять «левую» путчистскую резолюцию 11 июня 1930 года. Как сторонники политики Коминтерна, 28 большевиков начали атаковать линию Ли Лисаня. Вооруженные марксизмом-ленинизмом и поддерживаемые Коминтерном, они представляли смертельную угрозу для господства Ли Лисаня⁸. Но атака 28 большевиков на линию Ли Лисаня не всегда представляла собой плавание по спокойному морю: *«На собрании работников Центрального Комитета, проходившем в конце июня или начале июля 1930 года, Чэнь Шаоюй и другие только что вернувшиеся из Москвы выступили против резолюции Политбюро от 11 июня. В результате Чэнь Шаоюй был поставлен на испытание, как член партии, на шесть месяцев, а Цинь Бансянь, Ван Цзясян и Хэ Цзышу получили самые строгие выговоры»*⁹.

Однако они не были обескуражены наложенным на них партийным взысканием. Напротив, принятая Исполкомом Коминтерна 23 июля 1930 года резолюция по китайскому вопросу, осуждавшая линию Ли Лисаня, несомненно, была для них явной поддержкой. Воодушевившись, они возобновили свои неудержимые атаки. Коминтерн послал Цюй Цюбо в Китай, по-видимому, в июле или августе 1930 года, а собранный им 3-й пленум ЦК шестого созыва состоялся в сентябре 1930 года. Для помощи Цюй Цюбо в искоренении линии Ли Лисаня из Москвы возвратился также Чжоу Эньлай. Но 3-й пленум не достиг своей цели из-за соглашательского отношения к линии Ли Лисаня со стороны Цюй Цюбо. Может возникнуть вопрос, почему Цюй не выполнил поручение, данное ему Коминтерном. Судя по его собственному заявлению о покаянии, он сам признавал, что его соглашательская позиция на пленуме была небеспричинной¹⁰.

«Цюй Цюбо признал, что его соглашательская позиция не была случайной, ее истоки зародились еще до VI Всекитайского съезда КПК в 1928 году. По его словам, со времени своих авантур 1927 года и вплоть до 3-го пленума 1930 года он разделял с Ли Лисанем многие основные идеи относительно китайской революции... В результате, по его признанию, он ошибочно отождествлял политику Ли Лисаня с линией Москвы, несмотря на то, что участвовал в обсуждении директивы Коминтерна от 23 июля 1930 года, прежде чем она была принята»¹¹.

Кажется ясным, что, хотя на VI Всекитайском съезде КПК Цюй подвергся суровой критике за путчизм и был освобожден от должности генерального секретаря, своего путчизма он не оставил. Поэтому совершенно естественно, что он мог занять соглашательскую позицию в отношении линии Ли Лисаня, который имел пристрастие к путчизму. Более того, «Цюй признался, что его концепция внутрипартийных фракционных конфликтов была также абсолютно неверной. По его признанию, в период пребывания в Москве, в роли представителя КПК, он не только не сумел помочь Коммунистической партии Советского Союза ликвидировать ссоры между китайскими коммунистами в Москве, но и сам оказался втянутым в них»¹². Во внутрипартийной фракционной борьбе в Университете им. Сунь Ятсена и в своей борьбе с Мифом Цюй потерпел неудачу, поэтому его ненависть к Мифу и 28 большевикам была понятной. По этой причине на 3-м пленуме он, с одной стороны, старался пойти на компромисс с линией Ли Лисаня, а с другой — пытался привлечь на свою

сторону ветеранов партии, чтобы предотвратить захват 28 большевиками руководства в КПК. Несомненно, это была его месть Мифу и 28 большевикам, которая показывает также, что внутривнутрипартийная фракционная борьба в УТК им. Сунь Ятсена оказывала очень глубокое влияние на КПК.

3-й пленум был, по существу, поражением, и Цюй Цюбо снова стал мишенью атак 28 большевиков. Они критиковали также принятую на пленуме резолюцию. Китайский коммунистический историк делает по поводу этого пленума несколько уместных комментариев: *«Таким образом, положив конец вышеупомянутым ошибкам линии Ли Лисаня, 3-й пленум добился некоторых позитивных результатов... Но так как 3-й пленум и Центральный Комитет не раскритиковали линию Ли Лисаня до конца, и на самом заседании, и некоторое время после него сектантские ошибки в партии продолжали существовать, а «левые» идеи и установки все еще часто находили свое выражение»*¹³.

Соглашательское отношение к линии Ли Лисаня на 3-м пленуме возмутило многих членов КПК и ускорило формирование мощной оппозиции во главе с 28 большевиками. Своей героической смелостью они заслужили откровенную похвалу Мифа: *«Борьба против полутроцкистской линии Ли Лисаня была начата в шанхайской секции партии под руководством Чэнь Шаоюя. Борьба за правильную линию увенчалась успехом. Собрав вокруг себя лучшие силы партии, товарищ Чэнь Шаоюй (Ван Мин), один из самых выдающихся и одаренных руководителей коммунистического движения в Китае, вместе с другими ведущими членами партии, такими как товарищи Цинь Бансянь, Ван Цзясян, Хэ Цзышу, Шэнь Цзэминь и Чэнь Юаньдао, борясь на два фронта, сумели добиться признания правильной ленинско-сталинской линии по вопросам китайской революции»*¹⁴.

Все прославляемые Мифом «лучшие силы партии» принадлежали к 28 большевикам. В то время как борьба против линии Ли Лисаня и соглашательской политики 3-го пленума в КПК достигла апогея, Исполком Коминтерна написал ЦК КПК длинное письмо в семь тысяч иероглифов, где снова и снова повторялось, что линия Ли Лисаня является, по существу, полной противоположностью политике Коминтерна. Это письмо дошло до ЦК КПК в Шанхае 16 ноября 1930 года¹⁵. Оно фактически налагало вето на решения 3-го пленума, в которых заявлялось, что Ли Лисань совершил ошибку

не в линии, а в тактике. Кроме того, письмо укрепляло положение 28 большевиков в партии. На расширенном заседании Политбюро КПК, проведенном 22 ноября 1930 года, в дополнение к принятию инструкции от Коминтерна, Центральное Политбюро приняло также резолюцию, отменяющую взыскания Чэнь Шаоюю, Цинь Бансяню, Ван Цзясяну и Хэ Цзышу¹⁶. Эта резолюция расчистила 28 большевикам путь к установлению их лидерства в КПК. Но даже еще до принятия этой резолюции они уже нанесли поражение Ли Лисаню, которого отозвали в Москву для получения инструкций. К этому моменту позиции Цюй Цюбо, Чжоу Эньлая и других оказались ослаблены. Это было особенно верно в случае Цюя, чьи усилия установить контроль над ЦК КПК окончились полной неудачей. Но такое положение помогло разжечь амбиции в отношении контроля над ЦК, питаемые фракцией Хэ Мэнсюня и Ло Чжанлуна. Из-за этого стала обостряться борьба за власть между этой фракцией и 28 большевиками, или «кликой вернувшихся студентов». Как раз в то самое время под руководством находившегося тогда в Шанхае Мифа началось так называемое движение против правого оппортунизма Хэ Мэнсюня и Ло Чжанлуна, а также последних сторонников линии Ли Лисаня.

Чтобы обеспечить полную лояльность КПК к Коминтерну, в ноябре или декабре 1930 года Коминтерн направил в Китай Мифа в качестве своего представителя. Миф приехал в Китай с важным поручением: реорганизовать ЦК КПК, введя туда 28 большевиков, и таким образом ускорить «большевизацию» КПК. Другими словами, его миссия состояла в том, чтобы поставить китайских коммунистов под абсолютный контроль коммунистов русских. Однако относительно даты приезда Мифа в Китай и времени возвращения в Китай 28 большевиков существуют различные мнения. Так, например, Бенжамин И. Шварц говорит: «Таким образом, мы выясняем, что когда весной 1930 года Миф был назначен представителем Коминтерна в Китае, его юные протеже сопровождали его в Китай»¹⁷. Но Сяо Цзолян сообщает, что Чжан Готао сказал ему в своем интервью: «Он [Павел Миф] прибыл в Китай в качестве представителя Коминтерна, вероятно, в июне 1930 года и вернулся в Россию к концу 1930 или в начале 1931 года... Миф привез с собой в Китай группу молодых студентов, центром которой был Чэнь Шаоюй»¹⁸. Существует еще одна версия — что Миф прибыл в Китай в ноябре 1930 года, после 3-го пленума ЦК шестого созыва, проходившего в сентябре 1930 года. В связи с этим опять-таки, основываясь на интервью с Чжан Готао,

Сяо Цзолян утверждает: «Весной 1930 года Чжоу Энълай был послан от КПК в Москву, по распоряжению Павла Мифа, заведующего китайской секцией Восточного отдела Коммунистического Интернационала. По прибытии в Москву Чжоу Энълай практически принял на себя все функции китайской делегации в Москве, ведя переговоры от имени КПК, по требованию Мифа. Как Цюй Цюбо, так и Чжан Готао оставались Коминтерном в тени, по причине их враждебного отношения к Мифу, которое проявилось в том, что известно под названием «дела Университета Сунь Ятсена», когда они выступили против Мифа, как ректора этого университета в области образования, за что и были наказаны»¹⁹.

Мои собственные познания относительно этого дела таковы: в Москве я оставался с весны и до августа 1930 года, когда выехал в район Владивостока—Хабаровска. В это время меня назначили помогать в переводе и оценке всех документов, присылавшихся КПК в Коминтерн. Это была работа, которой до своего отъезда в Китай занимался Чэнь Шаоюй. Я переводил документы, а потом готовил для Коминтерна краткие аналитические справки по ним. Благодаря такому положению, я раз или два в неделю виделся с Мифом в его коминтерновском кабинете. Он беседовал тогда с Чжоу Энълаем об улаживании судьбы УТК им. Сунь Ятсена. Поэтому я знаю, что Миф оставался в Москве, по крайней мере, до августа 1930 года. Цюй Цюбо уехал из России в Китай где-то после того, как Коминтерн принял 23 июля 1930 года резолюцию по китайскому вопросу²⁰, поскольку он вернулся в Китай для проведения этой резолюции в жизнь и присутствовал на 3-м пленуме ЦК шестого созыва в сентябре. Кажется совсем невероятным и то, что Миф и Цюй Цюбо приехали в Китай одновременно, потому что Миф едва ли сумел бы прибыть в Китай вовремя, чтобы попасть на 3-й пленум ЦК КПК, на котором присутствовал Цюй. Более того, Миф и Цюй были практически в состоянии войны друг с другом, и кажется маловероятным, чтобы их послали в Китай вместе, чтобы просто перенести поле их битвы из Москвы в Шанхай. В то же время кажется маловероятным, что Коминтерн мог послать Цюя в Китай, если бы не верил, что тот сумеет выполнить его поручение. Более похоже на то, что лишь когда Цюй провалил свою миссию на 3-м пленуме ЦК КПК шестого созыва в сентябре 1930 года, его старый противник Миф выехал в Китай, чтобы исправить положение, где-то в октябре или ноябре, либо еще позже.

Следующая волнующая нас тут проблема состоит в том, как и когда вернулись в Китай так называемые 28 большевиков. Большинство вторичных источников сообщает, что они вернулись домой с Мифом в 1930 году. Ничто не может быть дальше от истины.

Во-первых, так называемые 28 большевиков возвратились в Китай не вместе. Некоторые из них приехали обратно в конце 1929 года, но их воздействие не было немедленным. К примеру, Чэнь Шаоюй приехал в Китай прежде, чем Миф был назначен в Китай представителем Коминтерна. Кроме того, по возвращении в Китай, Чэнь не был сразу же назначен ЦК КПК на какой-нибудь значительный пост. Он был назначен корреспондентом журнала «Хунци» («Красное знамя») от Западного Шанхая. Главным редактором «Красного знамени» был тогда старый коммунист Се Цзюэцай, много позже занявший пост министра внутренних дел китайского коммунистического режима в Пекине, с которого он ушел весной 1965 года. Где-то между маем и июнем 1930 года Чэнь Шаоюй был арестован на массовом митинге в Западном Шанхае. В полицейском участке, куда его заключили как простого нарушителя порядка, он не был опознан. В действительности, в то время Чэнь не обладал влиянием в КПК. Но Чэню не терпелось выбраться из тюрьмы. Отбросив элементарные меры безопасности и подвергнув свою партию опасности, он написал просьбу о помощи Пань Вэньюю, выпускнику Университета им. Сунь Ятсена, тогда секретарю отдела пропаганды ЦК КПК²¹. Затем подкупил индийского полисмена, чтобы тот доставил послание Паню. Получив письмо Чэня, Пань Вэньюй пережил потрясение. Из-за глупости Чэня большинство подпольных явок коммунистов в Шанхае пришлось перенести в другое место, потому что Чэнь послал полисмена прямо на одну из них. Вскоре Чэнь был освобожден. Затем он написал Мифу письмо, в котором фальшиво заявил, что в тюрьме его били, и пожаловался, что ЦК КПК проигнорировало его. Миф был взбешен. Перед 4-м пленумом ЦК КПК он написал в ЦК письмо, восхваляя Чэнь Шаоюя за его героизм и за то, что он представляет собой лучший пример храброго революционера, а также нападая на руководство Ли Лисаня за то, что оно не сумело предоставить Чэню влиятельного поста.

Вышеописанный эпизод подтверждает тот факт, что так называемые 28 большевиков не возвращались в Китай вместе с Мифом, и что эти возвратившиеся «герои» не поднялись к власти сразу же по прибытии домой.

Во-вторых, подавляющее большинство так называемых 28 большевиков вернулись в Китай, поочередно, летом 1930 года. Большая часть из них выбрала полем своей деятельности Шанхай, в том числе Чжан Вэньтянь (Ло Фу), Цинь Бансянь, Хэ Цзышу, Инь Цзянь, Чэнь Шаоюй, Мэн Циншу (мадам Чэнь Шаоюй), Чэнь Юань-дао, Чэнь Чанхао, Ду Цзосян (мадам Чэнь Чанхао), Ван Юньчэн, Чжу Агэнь, Хэ Кэчуань и Ли Юаньцзе. Всего их было 17 человек, представлявших почти две трети всей группы.

В-третьих, небольшое число так называемых 28 большевиков приехало обратно в Китай в 1931 и 1932 годах. Осенью 1930 года они были назначены на работу в Дальневосточный район Советской России. Это была одна из специальных кадровых перестановок, проведенных русской коммунистической партией в Дальневосточном районе после инцидента на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году. Для работы там были посланы более двадцати студентов Университета им. Сунь Ятсена, одним из которых был я. В том числе, ветеран партии Линь Цзухань (Линь Боцюй), позже ставший членом ЦК и Политбюро КПК, У Юйчжан, Пу Таомин и Ли Яокуй. Туда же были посланы четверо из 28 большевиков: Шэн Чжунлян (имя, которое я тогда носил), Ван Шэнди, Сунь Чжиминь и Юань Цзяюн. Узнав о своем назначении на Дальний Восток России, я очень расстроился. Пошел в здание Коминтерна к Чжоу Эньлаю просить, чтобы он отменил назначение и позволил мне возвратиться в Китай. Чжоу сказал мне, что не может изменить предписание, поскольку, как представитель ЦК КПК, уже дал свое письменное согласие на все назначения. Он посоветовал мне подчиниться приказанию и ехать на русский Дальний Восток. Я неохотно принял его совет и в августе 1930 года поехал на работу в качестве члена пропгруппы ЦК ВКП(б) в район Владивостока — Хабаровска, где и оставался до августа 1932 года. Затем Коминтерн вызвал меня обратно в Москву, где я жил до возвращения в Китай в конце 1932 года.

Разумеется, 28 большевиков были старательно выпестованы русскими, единственной целью которых в этом деле было установление контроля над КПК и превращение ее в партию, бесповоротно преданную Советской России и Коминтерну. По возвращении в Китай 28 большевиков стали главной силой, противостоящей линии Ли Лисаня. С помощью Коминтерна, и особенно его представителя Мифа, на 4-м пленуме ЦК шестого созыва в январе 1931 года они одержали всестороннюю победу. Их полный контроль над ЦК про-

должался до конференции в Цзуньи в январе 1935 года. На конференции в Цзуньи Цинь Бансянь был освобожден от работы в должности генерального секретаря. Но его преемник Чжан Вэньтянь был тоже одним из 28 большевиков и служил генеральным секретарем со времени конференции в Цзуньи, вплоть до 1942 года²². Видимо, избрание Чжан Вэньтяня в 1935 году было продиктовано, прежде всего, выгодой и компромиссом, о чем пойдет речь в следующей главе. Таким образом, номинально 28 большевиков могли сохранять власть даже после 1935 года. Однако фактически реальной властью в партии пользовался тогда Мао Цзэдун, что еще больше обострило продолжающуюся борьбу за власть между ним и 28 большевиками.

ГЛАВА XVII.

28 БОЛЬШЕВИКОВ И ИХ БОРЬБА С МАО ЦЗЭДУНОМ ЗА ЛИДЕРСТВО В КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ

13 января 1931 года в Шанхае состоялся 4-й пленум ЦК КПК шестого созыва. Миф лично присутствовал на этой встрече, чтобы давать инструкции¹. 28 большевиков добились на пленуме полной победы в своей политической борьбе. Они сражались на два фронта: с одной стороны, ликвидировали остатки линии Ли Лисаня и лишили избранных на 3-м пленуме членов ЦК права занимать должности под предлогом того, что те принадлежали к линии Ли Лисаня. Они также положили конец членству в ЦК Цюй Цюбо, Ли Вэйханя, Ли Лисаня и Хэ Чана. С другой стороны, они избрали Чэнь Шаоюя членом ЦК, членом Политбюро и секретарем комитета провинции Цзянсу; Шэнь Цзэминя — членом ЦК и заведующим центральным отделом пропаганды; Чжан Вэньтяня — членом ЦК, заведующим отделом по работе в деревне и председателем редакционного совета центрального партийного органа; Цинь Бансяня — членом ЦК и генсеком комсомола. Чжао Юнь (Кан Шэн) был избран в ЦК и в заведующие организационным отделом, а Чжоу Эньлай был переизбран в ЦК и в председатели военного комитета, на пост, который занимал — помимо короткого периода в 1931 году при переезде из Шанхая в Жуйцзинь, когда эти обязанности исполнял Ли Фучунь, — вплоть до момента, когда в январе 1935 года на конференции в Цзуньи уступил его Мао². 28 большевиков сыграли поистине великолепный спектакль. Успешно выполнив свою миссию, Миф с торжествующим видом отдал дань уважения достижениям 4-го пленума, заявив: *«Однако, по причине своей примиренческой позиции, 3-й пленум Центрального Комитета, проходивший в сентябре 1930 года, еще не вывел партию на правильный путь. Только на 4-м расширенном пленуме Центрального Комитета, проходившем в январе 1931 года, политическая линия руководства партии укрепилась. 4-й пленум избрал новое руководство, разоблачил антиленинский характер политики Ли Лисаня и отразил попытку правых оппортунистов навязать партии капиту-*

лянтскую программу отступления. Сделав это, 4-й пленум сыграл чрезвычайно важную роль в большевизации партии»³.

Мифовский ярлык «правых оппортунистов» был предназначен здесь «группе Хэ Мэнсюна — Ло Чжанлуна», которая фактически была «Группой реальной власти», или «Фракцией рабочего союза», и выступала против линии Ли Лисаня. Но эта группа критиковалась 28 большевиками за то, что противостояла «левому» пути «правым» путем, а Мифом — за то, что навязывала партии «капитулянтскую программу отступления». Хотя эта группа и взяла верх над линией Ли Лисаня, плодами своей победы они не воспользовались. Никто из группы не сохранил членства в ЦК. Возмущенные этим, они подняли собственное знамя и 17 января 1931 года создали свой Провинком Цзянсу, оппозиционный провинциальному комитету КПК. Ван Кэчуань, член группы Хэ Мэнсюна, принял пост секретаря этого раскольнического Провинкома Цзянсу. Но уже на следующий день после создания этого органа Хэ Мэнсюн был совершенно неожиданно арестован в Шанхае. В тот же день были арестованы и еще около тридцати влиятельных членов группы Хэ Мэнсюна⁴. Они были казнены гоминьдановскими властями 7 февраля 1932 года. Хотя Ван Кэчуань благополучно избежал опасности, в дальнейшем он покался перед ЦК КПК, выйдя из фракции Хэ Мэнсюна. Раскольнический Провинком Цзянсу, естественно, потерпел крах. После смерти Хэ Мэнсюна, руководство «правой» фракцией КПК в Шанхае принял на себя Ло Чжанлун. 31 января 1931 года, под руководством Ло, был организован «Чрезвычайный Центральный Комитет». Его генеральным секретарем стал твердолобый рабочий Сунь Чжэньи. Отдел пропаганды возглавил сам Ло Чжанлун. Сюй Вэйсянь был назначен начальником Центрального организационного отдела, Лю Цзудай — начальником управления делами ЦК, а Ли Дахань — секретарем Провинкома Цзянсу. В начальный период после образования этого Чрезвычайного ЦК фракция имела свои органы в Чжэцзяне, Цзянсу, Хубэе, Хэбэе и Маньчжурии, и с момента создания КПК это была острейшая и самая крупная внутривнутрипартийная борьба. Но этот комитет, как и его предшественник — Провинком Цзянсу Хэ Мэнсюна, оказался недолговечным. Ло Чжанлун вскоре сдался властям Гоминьдана, и комитет прекратил свое существование.

Таким путем фракция вернувшихся из России студентов захватила руководство в ЦК КПК. После 4-го пленума ЦК КПК шестого созыва они подчеркивали, что наибольшую угрозу для КПК пред-

ставляют правые оппортунисты. «Они посылали своих представителей на места по всей стране, организуя так называемую борьбу против правых»⁵. Они хотели контролировать органы КПК первого эшелона не только в провинциях под контролем Гоминьдана, но и во всех Советских районах. Во исполнение своего грандиозного плана, 28 большевиков сначала сделали Чэнь Шаоюя главой провинциального комитета Цзянсу, который имел в КПК первостепенную важность. Инь Цзянь, Ван Юньчэн и Чжу Агэнь⁶ остались в Шанхае для участия в рабочем движении или в комсомоле. Ли Юаньцзе был назначен на работу в Шаньдун; Чэнь Юаньдао — в Маньчжурию; Хэ Цзышу — в Хэбэй. Ван Цзясян был переведен в Жуйцзинь, где стал заведующим Политотделом Китайской Красной Армии*. Чэнь Чанхао стал политкомиссаром 4-й Полевой армии под командованием генерала Сюй Сянчяня, в Хубэй-Хэнань-Аньхойском Советском районе. Позже для укрепления партийного руководства туда были посланы Шэнь Цзэминь и его жена Чжан Циньцю. Ся Си являлся представителем ЦК КПК в Советском районе Хунху-Хунань-Западный Хубэй. Там он руководил чисткой предполагаемых членов «группировки А-Б» и троцкистов, в ходе которой было казнено потрясающее число членов партии и комсомола, многие из которых, насколько я понимаю, были невиновны. Я знал Ся Си довольно хорошо. Это был безобразный, устрашающего вида человек, смотревший на все узко и свехупрощенно, видевший повсюду врагов партии и считавший себя едва ли не единственным большевиком во всей партии. Уже покинув партию, я узнал, что КПК казнила его за эксцессы этой чистки. Для работы в комсомоле туда был послан Сун Паньминь. Блестящий молодой человек, уроженец Уханя, Сун происходил из рабочего класса (он и его отец были рабочими). Позже, во время чистки, за которую Ся Си нес главную ответственность, Сун был казнен в ходе поистине ужасающей охоты за предполагаемыми членами «группировки А-Б»** и троцкистами. Думаю, он был невиновен в при-

---

* «Красная Армия» Китая основана 01.08.1927 под руководством Мао Цзэдуна и КПК. Официальное название — Народно-освободительная армия Китая (НОАК) (прим. пер.).

** В 1930 в подконтрольном Мао Цзэдуну Советском районе в провинции Цзянси началась первая крупная «чистка» в КПК, известная как преследование «А-Б союза» («Антибольшевистский союз», создан правыми гоминьдановцами в 1925—1926 для борьбы с коммунистами, часто путем тайного внедрения в КПК). Под предлогом борьбы с этим союзом разные фракции КПК сводили счеты друг с другом.

писанных ему преступлениях. Район относился к ведению 2-й Армии под командованием Хэ Луна и представлял большую стратегическую важность. Насколько я понимаю, Хэ Лун был в то время очень слаб в интеллектуальном отношении и слушался указаний Ся Си.

Среди возвратившихся и посланных сюда студентов Университета им. Сунь Ятсена были Ван Ланьин (жена Чжан Куаньди, члена ЦК КПК), Чжуан Дунсяо и Кан Юньшунь. Ван Ланьин, уроженка Кантона, приехала в Москву в начале 1927 года и училась в нашем университете. Она работала в секретариате VI съезда КПК и вернулась в Китай в 1928 году. Вместе со своим мужем Чжан Куаньди она была назначена на работу в Тяньцзинь. В конце 1929 года их с Чжаном отозвали обратно в Шанхай для работы во Всекитайской федерации профсоюзов. Чжан Куаньди участвовал в 4-м пленуме ЦК в январе 1931 года. Летом 1931 года супругов назначили на работу в Сянхо-си, под этим названием всем был известен район Хунху-Хунань-Западный Хубэй. Ван Ланьин прожила в Сянхо-си лишь около года. Там она заболела и в 1932 году уехала в Шанхай. Из Кантона в Шанхай приехала ее мать, чтобы повидаться с ней и забрать ее в Кантон. Все это время Ван оставалась в партии, и после выздоровления ее назначили на работу в Гонконг. Вскоре британские власти в Гонконге арестовали ее и депортировали вместе с арестованным спутником на британском судне, под конвоем, в Шанхай. Ожидалось, что по прибытии в Шанхай ее освободят. ЦК КПК узнал о депортации и его разведывательный отдел планировал встретить ее в Шанхае. Подготовку встречи поручили Кан Шэну. Но контакт не состоялся, так как англичане, по-видимому, неофициально известили секретных агентов Гомиьндана о ее прибытии. Как только судно вошло в устье Усуна, гомиьндановские агенты поднялись на борт и схватили Ван Ланьин. Ее спутник спасся, бросившись в воду. А пока все это происходило, агенты КПК ожидали в доке. Но Ван не высадилась. Предполагая, что вооруженные агенты КПК могут начать в доке серьезный бой, ее задержали на борту, и когда судно отправилось в обратный рейс, агенты Гомиьндана эскортировали ее назад в Гонконг. Из Гонконга англичане немедленно депортировали ее в Кантон, где в конце 1932 года, после непродолжительных допросов, она была расстреляна агентами Гомиьндана.

Жертвами чистки стали десятки тысяч солдат Красной Армии, членов партии и комсомола, а также простые граждане (прим. пер.).

Чжуан Дунсяо, другая женщина, посланная в район Хунху-Хунань-Западный Хубэй, начала учебу в УТК им. Сунь Ятсена в Москве в 1925 году и была в первом выпуске. Ее муж, Пань Цзячэнь, был в нашем университете переводчиком. Они вместе вернулись в Китай в 1927 году, и Пань работал переводчиком в ЦК. В 1928 году они оба ездили в Россию как переводчики VI съезда КПК. После съезда поступили в Москве в Ленинскую школу — учебное заведение для иностранных коммунистов, предназначенное для занятий повышенного типа*. В 1931 году, вернувшись в Китай, были назначены в Сян-хо-си. В 1932 году Чжуан вернулась в Шанхай, где получила другое назначение — в Маньчжурию. И тут мои сведения о ее деятельности обрываются. Кан Юньшунь, еще одно лицо, упомянутое выше в качестве посланного в Сян-хо-си, вступил в КПК в Париже, где был, как я думаю, рабочим. В УТК в Москве он и приехал из Франции. Это был здоровенный парень. Как я понимаю, он был казнен в ходе вышеупомянутой чистки, которая унесла Сун Паньминя и многих других. ЦК КПК специально назначил политкомиссаром в войска 2-й Армии Гуань Сянъина. Конечно, Гуань Сянъин — такой же ветеран партии, как и Ся Си, был по должности ниже последнего. Видимо, при вышеназванной чистке Гуань Сянъин рекомендовал Ся Си сдержанность, но тот игнорировал его советы. Ван Ланьин, Чжуан Дунсяо, Кан Юньшунь и Гуань Сянъин не принадлежали к группе так называемых 28 большевиков, но были преданными сторонниками нового ЦК, в котором господствовали 28 большевиков. Гуань Сянъин был выпускником КУТВа в Москве. Еще одна вернувшаяся из УТК студентка, Ли Ханьфу, была послана на работу в Советский район на северо-востоке провинции Цзянси.

Когда в 1932 году ЦК КПК принял решение о переезде в Жуйцзинь, в провинции Цзянси, то в Центральный Советский район для проведения предварительной подготовки был послан Ян Шанкунь, один из 28 большевиков. Центральный Советский район в Цзянси был крупнейшим и самым многообещающим из китайских Советских районов. Естественно, для 28 большевиков он стал первой целью завоевания. Их главным соперником был Мао Цзэдун, обладавший большой армией. Хотя Мао был далеко в Цзянси, когда 28 большевиков захватывали ЦК в Шанхае, это не значило, что он был менее заинтересован в руководстве в ЦК КПК после 4-го пленума. Мао

---

* Полное название — Международная ленинская школа (прим. пер.)

предвидел неизбежность яростной и долгой борьбы за власть между ним и вернувшимися «большевиками». Эта борьба за власть, начатая на 4-м пленуме, полностью не выходила на поверхность, пока все члены ЦК КПК не прибыли из Шанхая в Жуйцзинь. После чего возглавляемая Цинь Бансянем фракция 28 большевиков и Мао Цзэдун взяли курс на прямую конфронтацию.

Ситуация внутри КПК в это время была такой. Во-первых, положение в Шанхае, где находился ЦК КПК, ухудшилось. Вскоре после 4-го пленума ЦК Шестого созыва в Ухане был арестован Гу Шуньчжан, начальник разведывательной сети КПК, только что сопровождавший туда Чжан Готао, который ехал в Хубэй-Хэнань-Аньхойский совет. Позже Кан Шэн говорил мне, что арест Гу был случайным. За два дня до этого штаб Уханьского гарнизона захватил одного коммуниста, которому угрожали смертью, если он не раскроет секретного агента или сеть агентов КПК в Ухане. Но все подпольные явки, которые этот несчастный мог бы им дать, были сразу после его ареста изменены, поэтому гарнизонные власти повели его на прогулку по улицам Ханькоу в надежде, что он может случайно встретить своих сотрудников. На одной из улиц они и встретили Гу. Арестованный немедленно признал в Гу коммуниста, и гарнизонные офицеры схватили его на месте. Это случилось где-то в апреле 1931 года.

Гу вступил в КПК в 1924 году. Он долгое время был членом ЦК, и Чжоу Эньлай считал его одним из самых способных своих помощников. Гу был поручен разведывательный отдел КПК в Шанхае. Чрезвычайно полезным для партии было его длительное членство в ведущем шанхайском тайном обществе. Кроме того, ему удалось также стать влиятельным членом Шанхайского городского Управления полиции. Расточительная частная жизнь, которую вел Гу, скрываясь за спиной Чжоу Эньлая, а также его поведение пользовались дурной славой. И другие члены ЦК критиковали Чжоу за то, что он смотрит сквозь пальцы на его сумасбродства. Мне говорили, что Чжоу Эньлай в частной беседе жаловался, что контролировать Гу так же трудно, как дикую лошадь. Во всяком случае, после ареста Гу сразу капитулировал перед гоминьдановскими властями. На специальном самолете они послали его в Шанхай, надеясь, что он сможет произвести там одновременный разгром всех тайных учреждений КПК. Но секретная служба КПК в Ухане доложила шанхайскому штабу об аресте Гу раньше, чем Гоминьдан смог предпринять

какую-либо акцию. Тем не менее, как причастный ко «дну» шанхайских тайных обществ, Гу помог Гоминьдану совершить налеты на многие секретные организации КПК. Его наибольшим «вкладом» был арест 22 июня 1931 года генерального секретаря ЦК КПК Сян Чжунфа, которого расстреляли в тюрьме двумя днями позже. Более того, 15 июня был совершен налет на Тихоокеанский секретариат Профинтерна. Его директор, носивший фамилию Ноуленс, и другие сотрудники были арестованы. Дело широко освещалось в международной печати. Да, цепь опустошительных налетов на секретные учреждения КПК в Шанхае привела к панике и подрвала мораль высшего эшелона членов КПК.

Чтобы заполнить вакансию, освобожденную Сян Чжунфа, Чэнь Шаоюй был поспешно избран генеральным секретарем КПК. До этого выдвижения он был секретарем провинциального комитета КПК в Цзянсу, который руководил работой в районе Шанхая. Обязанности этой должности постоянно ставили Чэня под угрозу ареста. Ему не столько угрожали агенты Гоминьдана, которые могли бы проникнуть в его Цзянсуский провинком, потому что, как мне сдается, гоминьдановцам редко удавалось проникнуть в организации КПК провинциального уровня и выше. Но зато в организации КПК ниже уровня провинциального комитета агенты Гоминьдана в Шанхае проникали очень успешно. А Чэнь Шаоюй, как секретарь провинкома, должен был поддерживать постоянный контакт с партийными организациями более низкого уровня, в каждую из которых могли проникнуть агенты Гоминьдана. Сначала Чэнь добивался руководства провинциальным комитетом Цзянсу, когда эта должность не была столь опасной. Но ко времени, когда он действительно получил ее, эта должность стала одной из самых опаснейших, и Чэнь жил в постоянном страхе, имея для того все основания. Но внезапное продвижение, хотя оно и уменьшило личную опасность, никоим образом не уменьшило его страха: он редко появлялся на заседаниях ЦК. Словно птичка, напуганная стрелой охотника, Чэнь не смел жить в отеле или квартире, или даже в частном доме. После долгих раздумий он решил переехать в санаторий, расположенный в окрестностях Шанхая. Для организации переезда он назначил Кан Шэна. Ему помогал другой член ЦК, Чэнь Юнь, который после ареста Гу Шуньчжана в Ханькоу в апреле 1931 года был назначен на заведование разведывательным отделом ЦК. В этом качестве Чэнь Юнь обязан был исполнять приказы Чэнь Шаоюя.

Чэнь Шаоюй и его миловидная жена Мэн Циньшу вскоре переехали в санаторий. Ради своей безопасности Чэнь Шаоюй хотел снять целый этаж. Он попросил Кан Шэна и Чэнь Юня поговорить по этому вопросу с дирекцией санатория. Несмотря на то что Кан и Чэнь не советовали этого делать, говоря, что так можно лишь вызвать подозрения и создать угрозу для их безопасности, Чэнь Шаоюй настаивал на своем. Недовольные Кан и Чэнь сняли целый этаж. Арендная плата, которая была значительной, выплачивалась ЦК КПК. После переезда в санаторий супруги Чэнь никогда не переступали его порога и фактически стали затворниками. Все дела, будь они важные или нет, Чэнь возложил на Кан Шэна и Чэнь Юня. Без соответствующего руководства работа КПК фактически полностью прекратилась. Затворничество Чэней длилось до июля или августа 1931 года. Где-то в июле в Шанхае произошел налет на службу отдела пропаганды КПК и тайную типографию. Около 23 влиятельных лиц из отдела пропаганды, включая Ло Юаня и Ян Паоаня, были арестованы. Боясь оставаться дальше в Шанхае, в июле или августе 1931 года Чэнь Шаоюй сложил с себя обязанности генерального секретаря ЦК. Назначенный на пост представителя ЦК в Коминтерне, он возвратился в Москву, где оставался до 1937 года, до приезда в Яньань.

Чэнь Шаоюй пытался вернуться в Китай между концом 1933 и весной 1934 года. В конце 1933 года Шанхайское бюро ЦК КПК, членом которого я был, получило от Коминтерна инструкцию организовать доставку Чэнь Шаоюя в Жуйцзинь, провинции Цзянси. В инструкции говорилось, что Чэнь прибудет через Европу в Гонконг, а из Гонконга он должен быть доставлен в Жуйцзинь. Шанхайское бюро сделало две попытки послать людей в Гонконг для организации доставки, но обе попытки не удались. В первый раз назначенный организовать дело человек был быстро арестован. В следующий раз, когда поручение Коминтерна относительно Чэнь Шаоюя было передано Ли Цзиньюну, заведующему подпольной радиостанцией и бывшему студенту УТК им. Сунь Ятсена, прошедшему специальное обучение радиodelу в Москве, Ли тоже был арестован. В обоих случаях, конечно, гарантии безопасности были ненадежными. Дальнейшие попытки доставить Чэня в Жуйцзинь казались слишком рискованными, и потому Чэнь оставался в Москве еще четыре года. Он добрался до Китая лишь в 1937 году, когда приехал в Яньань.

Чэнь Шаоюй «сослал» себя в Москву, несомненно, продолжая питать иллюзии, что в нужное время его пригласят стать рулевым китайской революции, как Ленина, вернувшегося в Россию в апреле 1917 года, накануне Октябрьской революции. Но Чэнь проглядел возможность того, что когда «Восток заалел, взошло солнце, в Китае появился Мао Цзэдун!» Отсидевшись в безопасности за границей и вернувшись, когда это стало безопасным, он оказался перед фактом, что Мао набрал крепкую команду как в партии, так и в армии, и стал уже известен в мире. Да, Мао захватил руководство партией, и Чэнь вернулся слишком поздно, чтобы эффективно оспаривать это руководство. Неудача и поражение Чэня были следствием его собственного малодушия и оппортунизма*.

Когда, где-то в июле или августе 1931 года, Чэнь Шаоюй покинул Шанхай, исполняющим обязанности генерального секретаря ЦК стал Лу Футань, член Центрального Политбюро. Лу, шахтер по профессии, вступил в КПК в 1926 году. До этого он был секретарем горкома КПК города Циндао, секретарем Шаньдунского провинциального комитета и секретарем фракции КПК во Всекитайских профсоюзах. Хотя он и был старым коммунистом, его искусственность в роли исполняющего обязанности генерального секретаря ЦК оставляла желать много лучшего. Вскоре, 1 сентября 1931 года, его заменил Цинь Бансянь, член ЦК и генеральный секретарь комсомола, оставивший этот пост, чтобы стать генеральным секретарем партии. Эта дата знаменует начало господства Циня, длившегося три года и три месяца. В момент вступления Циня на новый пост ЦК был в печальном состоянии развала: одни члены были арестованы, другие посланы в различные Советские районы, а некоторые, как Чэнь Шаоюй, покинули страну. В Шанхае не было достаточного числа членов ЦК для образования кворума, и, чтобы справиться с этой печаль-

---

* В одном сообщении об отношениях между Мао Цзэдуном и Чэнь Шаоюем в начале 30-х годов говорится, что, пытаясь ограничить власть Чжоу Эньлая, Мао заманил Чэнь Шаоюя в Советский район Цзянси, где посадил его под домашний арест. Судя по сообщению, лишь в результате вмешательства представителя Коминтерна Мао Цзэдун в итоге освободил Чэня, после чего тот уехал в Москву. (См. У Сянсян [ред.] Чжунгу гунчаньдан чжиту ши (Проницательный взгляд на Коммунистическую партию Китая), с. 158).

Это сообщение явно драматизирует борьбу за власть в КПК. Однако, по моим достоверным сведениям, Чэнь Шаоюй никогда не посещал Советский район Цзянси, поэтому данная информация поражает меня своей абсолютной неточностью.

ной ситуацией, ЦК дополнительно набрал несколько функционеров, не являвшихся членами ЦК. В публикациях китайских коммунистов в последние 20 лет на эту организацию ссылаются как на «временный» ЦК. Однако в период его действия, насколько я помню, о нем не упоминали как о временном органе. И он выпускал документы не как временный орган, но считался и считал себя *именно* ЦК. Да и Коминтерн признавал его в таком качестве. Ярлык «временного», по-видимому, был навешен Мао Цзэдуном и был частью его усилий по преуменьшению влияния 28 большевиков. Но, по моим сведениям, для занятий партийными делами в штаб-квартиру комитета регулярно приходили, кроме Цинь Бансяня, только Чжан Вэньтянь, Кан Шэн (чье настоящее имя было Чжао Юнь, позже он сменил его на Чжао Юн, а — в конечном счете — на Кан Шэн) и Чэнь Юнь. Хуан Вэйтин, принявший псевдоним А Цян, был в ЦК временным начальником по кадрам. Непохоже было, чтобы местные комитеты в провинциях находились в лучшем положении, чем ЦК. Таково было печальное состояние дел КПК после 4-го пленума. Это был результат «белого террора» извне и «внутрипартийной борьбы», которая раскалывала партию.

Однако 28 большевиков не прекратили борьбы против «правого» оппортунизма внутри партии и после 4-го пленума. Мао Цзэдун и его команда не были удовлетворены политикой ЦК, контролируемого 28 большевиками, и оценка 4-го пленума со стороны Мао и его людей была совершенно отличной от оценки Мифа. В это время — с января 1931 до начала 1933 года — 28 большевиков не имели возможности начать всекитайскую атаку на Мао Цзэдуна, открыто называя его имя. Но направленные против Мао атаки, тем не менее, велись. Например, резолюция ЦК от 9 мая 1931 года объявляла «правую» линию главной опасностью в партии⁷. Упоминание в резолюции так называемой кулацкой линии было направлено на Центральный Советский район в провинции Цзянси и на Мао Цзэдуна. Это положение ЦК Мао Цзэдун заклеил как доказательство того, что «новая “левая” линия уже конкретно применяется и развивается в практической работе»⁸. Резолюция была прелюдией к последующей открытой борьбе за власть между 28 большевиками и Мао Цзэдуном.

Кроме того, 28 большевиков снова бросили вызов Мао Цзэдуну в «Инструктивном письме Центрального Комитета Советским районам» от 1 сентября 1931 года⁹. Инструкция была выпущена как

циркуляр всем Советским районам. Но, на самом деле, в ней атаковался Центральный Советский район, который находился под контролем Мао Цзэдуна. Инструкция отмечала, что главными проблемами Центрального Советского района являются отсутствие четко определенной классовой линии и недостаточное развитие работы в массах. Обе эти проблемы проистекают из влияния линии Ли Лисаня. Тяжелые ошибки руководства партии и правительства в Советских районах, которые были упомянуты в инструкции, включали перечисление серьезных стратегических ошибок, особенно в Центральном Советском районе. Например, в отношении Красной Армии и Советских районов инструкция отмечала отсутствие хорошо размещенных безопасных штаб-квартир и настаивала на необходимости освободить и оккупировать один или больше городов покрупнее для использования их в качестве штаб-квартир. Что касается политики в отношении богатых крестьян, то письмо выступало против распределения плодородной земли богатым крестьянам. Оно также нападало на Красную Армию за то, что та неразумно ведет исключительно партизанскую деятельность, и подчеркивало, что ее структуры не годятся для ведения широких военных действий, которых следует ожидать. Несмотря на то что Мао был далек от желания принимать инструкции от ЦК, немедленной контратаки он не начал. Потому что ЦК находился тогда в Шанхае, слишком далеко, чтобы у Мао появилась необходимость принимать его инструкции на полном серьезе. Кроме того, в это время положение Мао в партии не позволяло ему вступать в прямую конфронтацию с 28 большевиками. Мао знал, что должен терпеть их из-за их влияния. Но лишь только ЦК КПК переехал в Жуйцзинь, начиная где-то с ноября 1932 и по начало 1933 года, ситуация изменилась. Борьба за власть между Мао и 28 большевиками во главе с Цинь Бансянем вступила в новую фазу.

Возникает вопрос по поводу того, когда ЦК переехал в Жуйцзинь. Официальный коммунистический источник относит дату этого переезда к началу 1933 года¹⁰. Другие источники дают противоречивые и смутные данные¹¹. Мои собственные сведения о переезде ЦК в Жуйцзинь, вдобавок к моим личным знаниям о событиях, опираются на обсуждение этого вопроса с Цинь Маньюнь, работавшей функционером ЦК с середины 1931 года до середины 30-х годов. Осенью 1931 года несколько отдельных членов ЦК, в том числе Чжоу Эньлай, уехали из Шанхая в Жуйцзинь. Дэн Инчао, жена Чжоу Эньлая, и ее

мать присоединились к Чжоу в Жуйцзинь весной 1932 года. Перед отъездом в Жуйцзинь Дэн Инчао сама условилась с Цинь Маньюн о связи с нею с помощью личного секретного шифра. Большинство членов ЦК начало переезжать в Жуйцзинь больше чем через год после отъезда Чжоу Эньлая из Шанхая. Эти члены ЦК и их сотрудники тонкой струйкой потекли в Жуйцзинь с конца 1932 и по начало 1933 года. Поэтому официальная версия КПК в отношении даты прибытия ЦК в Жуйцзинь является верной.

Прежде чем ЦК закончил свой переезд в Жуйцзинь, было решено создать в Шанхае бюро ЦК. Членами ЦК, оставленными в Шанхае для работы в этом Шанхайском бюро, были Кан Шэн и Ли Чжоушэн, один из 28 большевиков. Среди других оставшихся в Шанхае для работы в Шанхайском бюро, но не являвшихся членами ЦК, были Хуан Вэйюн, более известный под своим псевдонимом А Цян, и Хуан Вэньцзе, еще один студент, вернувшийся из УТК в Москве. Я присоединился к Шанхайскому бюро, в качестве начальника отдела пропаганды, после своего приезда в Шанхай из России, в январе 1933 года. Кан Шэн, проживший в Шанхае много лет и являвшийся фигурой, знакомой слишком многим, чтобы оставаться в безопасности, вскоре вместе со своей женой Цао Шуин уехал в Москву, на смену Чэнь Шаоюю, в качестве представителя КПК в Коминтерне. Однако, как уже упоминалось, Чэнь не вернулся в Китай, как это планировалось. Поэтому он остался в Москве в роли главы делегации КПК в Коминтерне, тогда как Кан Шэн находился там в роли члена этой делегации. Настоящее имя жены Кан Шэна Цао Шуин, хотя в КПК она пользовалась именем Цао Йоу. Уроженка провинции Шаньдун, она окончила в Цзинани Шаньдунскую женскую школу. Затем поступила в Шаньдунский университет, где приблизительно в то же время учился Кан Шэн, и где, как я могу догадываться, эти двое и встретились. Когда в начале 1933 года я прибыл в Шанхай, Цинь Бансянь и другие только что уехали в Жуйцзинь, и Шанхайское бюро было учреждено, по-видимому, незадолго до моего приезда.

Переезд ЦК КПК в Цзянси является важным событием в истории партии. Он знаменует новую фазу в борьбе за власть между Мао Цзэдуном и 28 большевиками. С одной стороны, переезд ЦК КПК в Жуйцзинь несколько ослабил лидерство Мао в Центральном Советском районе и на время поставил Мао в неблагоприятное положение. Но, с другой стороны, переезд ЦК КПК из крупнейшего города Китая в изолированный район внутреннего Китая означал, что ЦК больше

не мог получать поддержки от рабочего движения и поэтому должен был опираться на поддержку вооруженных сил, руководимых Мао. Вообще говоря, вооруженные силы являются жизненно необходимым инструментом для установления или свержения режима. Без прямого контроля над вооруженными силами Цинь Бансянь и его фракция были бессильны противостоять растущей власти Мао Цзэдуна, в конечном счете и нанесшего им поражение.

Вскоре после прибытия в Жуйцзинь в начале 1933 года*, Цинь Бансянь и его команда начали кампанию против правого оппортунизма. Цинь и Чжан Вэньтянь написали и опубликовали в жуйцзиньской газете «Борьба» много статей, в которых атаковали правый оппортунизм вообще и линию Ло Мина в частности¹². В то же время Цинь Бансянь многократно призывал на партийных собраниях к исправлению правого оппортунизма и линии Ло Мина. Надо заметить, что борьба против линии Ло Мина в Советском районе Цзянси, которую энергично начали Цинь Бансянь и Чжан Вэньтянь, была на самом деле нацелена против Мао Цзэдуна**. Действительно, под огонь критики попали и подверглись различным видам дисциплинарных взысканий многие близкие союзники Мао того времени — Дэн Сяопин, Мао Цзэтань, Гу Бо, Се Вэйцзинь, Тань Чжэнлинь, Сяо Цзингуан, Хэ Шухэн, Дэн Цзыхуэй и Лу Динъи. Над некоторыми из них официально устраивали особые суды. Таким образом, направленные на Мао Цзэдуна политические угрозы и давление становились все тяжелее и тяжелее.

В 1933 году Чан Кайши собрал почти миллионное войско для начала своей Пятой кампании окружения, направленной против всех Советских районов. Но, перед лицом этого подавляющего превосходства врага, КПК продемонстрировала не единство, а разлад и смятение. Вопрос о том, как расстроить Пятую кампанию окружения, стал главным пунктом острой полемики между Мао и так называемой «Третьей “левой” линией» под руководством Цинь Бансяня.

---

* Основной состав Временного Политбюро ЦК КПК во главе с и. о. генсека ЦК КПК Цинь Бансянем (Бо Гу, Погорелов) прибыл из Шанхая в Жуйцзинь в январе 1933 (прим. пер.).

** Ло Мин возглавлял партком провинции Фуцзянь и не был крупной фигурой в КПК, но имел сходные с Мао Цзэдуном взгляды на тактику революционной борьбы. 15 февраля 1933 ЦК КПК в Жуйцзине решил отстранить от работы Ло Мина, как сторонника тактики отступления и оставления без боя советских территорий, и призвал «развернуть решительную борьбу против линии Ло Мина» (читай — против Мао Цзэдуна) (прим. пер.).

В действительности за полемикой стояла борьба за власть между Мао Цзэдуном и 28 большевиками.

Как Мао Цзэдун осуждал так называемую «Третью “левую” линию», можно видеть по следующим выдержкам из его собственного сообщения об этом: *«Период с создания временного центрального руководства, возглавляемого товарищем Цинь Бансянем (Бо Гу) с сентября 1931 года до совещания в Цзуньи в январе 1935 года, был периодом продолжающегося развития Третьей “левой” линии...*

5-й пленум Центрального Комитета шестого созыва, собранный временным центральным руководством в январе 1934 года, знаменовал собой пик развития Третьей “левой” линии... 5-й пленум сделал безрассудное заключение, что ... борьба против пятого “окружения и подавления” была “борьбой за полную победу китайской революции” ...

В районах революционных баз самым губительным последствием Третьей “левой” линии была неудача борьбы против пятого “окружения и подавления” в том районе, где располагалась центральная руководящая группа, и уход оттуда главных сил Красной Армии. В военных операциях во время отхода из Цзянси и во время Великого похода “Левой” линией была совершена еще одна ошибка — ошибка поспешного бегства, причинившая Красной Армии дополнительные потери»¹³.

Споры между Мао Цзэдуном и Цинь Бансянем с его сторонниками по поводу стратегии совладания с чанкайшистской Пятой кампанией окружения были жестокими. Как член Шанхайского бюро ЦК, в то время я был в какой-то степени вовлечен в эту полемику и имел представление о некоторых ее аспектах.

У Мао Цзэдуна уже имелся опыт отражения четырех предшествующих чанкайшистских окружений и, вполне естественно, он не обращал большого внимания на нереалистичные лозунги Цинь Бансяня. Поэтому Цинь и его последователи, дабы усилить свое давление на Мао, искали поддержки у военного советника Коминтерна. Этот военный советник, Альберт Лист, и политический советник Коминтерна находились тогда в Шанхае. Оба они были немецкими коммунистами*. Когда я приехал в Шанхай, они уже были там. Обычно

---

* Отто Браун (1900—1974). Военный советник ЦК КПК в 1932—1935, член Дальбюро ИККИ в Шанхае в 1932—1933; Артур Эрнст Эверт (1890—1954). Предста-

дважды в неделю они совещались со мной и другими членами Шанхайского бюро. На этих встречах мы давали им радиосообщения по военным вопросам, которые получали из Жуйцзиня¹⁴. По получении этих сведений из Жуйцзиня Лист тут же на месте писал ответ, который мы затем передавали в Жуйцзинь с помощью подпольного передатчика Шанхайского бюро.

Летом 1933 года Шанхайское бюро ЦК получило приказ Коминтерна о назначении этого молодого немецкого военного представителя в Жуйцзинь, где он мог бы давать советы на месте, во избежание недоразумений и ошибок, неизбежных в случае его пребывания в Шанхае, вдали от боевых действий. Шанхайское бюро сразу же организовало для него безопасный путь. Отдел бюро, который ведал сетью подпольных связей вне Шанхая, предоставил сопровождающих, обеспечивших безопасную доставку Листа в Жуйцзинь. Он познакомился с Цинь Бансянем и другими членами ЦК в Шанхае. И по приезде в Жуйцзинь он работал в ЦК. Когда между Цинем и Мао появилось противоречие, он выступил против Мао, на стороне Циня. Но у Мао был упрямый хунаньский характер, и он не желал покоряться Циню и его сторонникам. Поэтому будучи как генеральный секретарь уверен в поддержке Коминтерна, Цинь направил в Коминтерн послание, в котором обрисовал главные пункты несогласия. Это послание было отправлено в Шанхайское бюро, и мы передали его в Коминтерн через подпольный радиопередатчик этого бюро.

Прежде чем текст послания попал в Москву, я и еще один коллега из Шанхайского бюро обсуждали его с вновь прибывшим из Москвы русским, который был старшим военным представителем Коминтерна в Китае. Во время гражданской войны, последовавшей за Октябрьской революцией в России, этот старший военный представитель был комбригом и имел практический опыт партизанской войны. Он был очень образован в военных делах*. При нашей

витель ИККИ в Китае, секретарь Дальбюро ИККИ в Шанхае в 1932–1934 (прим. пер.).

* Это был Манфред (Моше) Штерн (1896–1954). В 1-ю мировую войну — австрийский офицер. Попал в русский плен. В 1917 встал на сторону большевиков, воевал с Колчаком в Сибири. Член ВКП(б) с 1920. С 1929 резидент советской разведки в США и Канаде. В 1933–1934 военпред ИККИ в Китае, главный военный советник ЦК КПК. В Шанхае работал с Р. Зорге. В 1936 советский военный советник в Испании, под именем Эмиль Клебер (генерал Клебер). Репрессирован. Умер в тюрьме

встрече мы вручили ему копию послания Циня и попросили высказать по этому поводу свое личное мнение.

Старший военный представитель сказал, что со стороны немецкого военного представителя в Жуйцзине было неразумно втягиваться в спор, занимая сторону Цинь Бансяня, потому что позиция советника должна быть строго объективной, а его работа должна примирять разные мнения обеих сторон. Он считал, что взгляды Мао Цзэдуна по военным вопросам должны приниматься в расчет, из-за его военного опыта и энциклопедического знания географии района, и что непозволительно смешивать политические вопросы с военными решениями. Так как отсутствие в Красной Армии воздушных сил и достаточного количества тяжелого вооружения ограничивало ее возможности контратаковать огромную, хорошо вооруженную силу, мобилизованную против нее Чан Кайши, он был согласен с Мао Цзэдуном в том, что следует принять стратегию прорыва, как и в предыдущих четырех окружениях. Он сказал также, что на поле сражения военные решения должны приниматься в ответ на быструю смену обстановки, а вовсе не обязательно в ответ на политические резолюции. Он указал также, что Москве неуместно будет судить о положении в Цзянси на основании одного послания, такого, как это послание Цинь Бансяня.

Поскольку война в Цзянси находилась в критической фазе, как только мы передали в Москву послание Цинь Бансяня, русский представитель по подпольной шанхайской радиостанции, принадлежавшей его организации, передал в Москву свое собственное послание, в котором, как я думаю, он в основном изложил свои взгляды, высказанные в беседе со мной. Я думаю также, что это послание старшего военного советника в Китае было направлено с целью посоветовать Коминтерну, как отвечать на информацию Цинь Бансяня. Во всяком случае, он убеждал Москву немедленно ответить ЦК КПК.

Насколько я помню, через несколько дней после лунного Нового 1934 года мы с тем членом Шанхайского бюро послали Цинь Бансяню письмо. Так как в нашем письме содержались взгляды старшего военного советника Коминтерна в Китае, мы ожидали, что Цинь его тщательно рассмотрит. Но, вместо этого, он реагировал возмущенным письмом, отправленным в тот же день, когда он получил наше послание. В письме Цинь приказывал нам не вмешиваться в воен-

---

18 февраля 1954 (прим. пер.).

ные дела в Советских районах и напоминал, что Шанхайское бюро предназначено для руководства только в районах, контролируемых Гоминьданом. Высокомерие Циня поразило нас! Через два дня мы получили ответ из Коминтерна на послание Циня. В том, что Коминтерн не поддержал Циня, не было неожиданности. В письме не содержалось выступления ни против одной из сторон в споре, а был совет обеим сторонам стараться вместе выработать лучший план обороны. В инструкции подчеркивалось, что Коминтерн, который находится за тысячи километров, не собирается ограничивать действия местного командования, настаивая на том, чтобы оно буквально следовало его инструкциям. Коминтерн, говорилось там, может лишь предлагать вниманию КПК направляющие принципы.

По прошествии более чем тридцати лет, детали текста стерлись из моей памяти, но главные пункты были приблизительно следующими: 1) Центральный Советский район, как штаб-квартира Советского движения в Китае, должен быть защищен. Однако, ввиду чрезвычайной мощи врага, Красная Армия должна принять гибкую стратегию, которая позволила бы ей сделать разумный выбор между обороной своей штаб-квартиры и сохранением своей военной силы. 2) На случай непредвиденных обстоятельств Красная Армия должна принять меры для обеспечения отступления, чтобы избежать возможности своего полного уничтожения в ходе попыток обороны штаб-квартиры. 3) Коминтерн предлагал, чтобы одна треть Красной Армии была рассредоточена вокруг Центральной Советской базы и в прилегающих к ней районах для ведения партизанской войны, предназначенной для разобщения военных сил атакующего противника. В случае, если главные силы Красной Армии и различные партийные и правительственные организации пришлось бы эвакуировать, это затруднило бы преследование их противником. 4) Чтобы уменьшить потери в случае отступления, советовалось выбрать на линии фронта противника место, которое было бы менее всего защищено, в качестве возможного пункта прорыва. 5) Для разобщения мощи преследующих сил противника Коминтерн предлагал, чтобы войска Красной Армии в других Советских районах вместе с рассеянными партизанскими силами тревожили противника внезапными атаками. Коминтерн не делал предложений по поводу того, куда Красная Армия должна направиться в случае отхода.

Хотя Коминтерн в своем послании избегал жестких указаний, главный упор в нем делался на сохранении военной мощи Красной

Армии, а не на защиту ее штаб-квартир любой ценой. Смысл послания соответствовал старой китайской пословице: «Пока существуют горные леса, нечего беспокоиться о том, что не будет топлива». Послание Коминтерна указывало на то, что обширная территория Китая делает для Гоминьдана невозможным обеспечение его власти во всех частях страны и что нетрудно создать новые опорные районы, где бы могла сохраняться военная мощь партии.

Общие силы Красной Армии в Центральном Советском районе составляли менее ста тысяч, тогда как только войска Чан Кайши, атакующие Центральный Советский район, насчитывали около полумиллиона человек. Что же касается вооружения, то Красная Армия никоим образом не могла сравниться с армией Чан Кайши. Тем не менее «Пятая кампания» длилась целый год, что указывает на упорность сопротивления, которое Красная Армия оказывала Чану. И все-таки, когда в октябре 1934 года военное положение ухудшилось, у китайских коммунистов не было иного выбора, кроме как оставить свои штаб-квартиры в Центральном Советском районе и пуститься в свой знаменитый Великий поход в 25 тысяч ли (немногим более 8 тысяч миль). В ходе этого отступления многие коммунисты погибли или разбежались. Лишь после перехода через реку Уцзян и занятия Цзуньи, в провинции Гуйчжоу, в январе 1935 года они смогли рискнуть остановиться на короткий отдых. Моральное состояние партии и Красной Армии в это время было плохим.

На расширенном совещании Центрального Политбюро, состоявшемся в январе 1935 года в Цзуньи, которое в истории известно как знаменитое «совещание в Цзуньи», Мао обвинил Цинь Бансяня, и, как мне кажется, совершенно справедливо, в неудачах, которые потерпели партия и армия. Цинь энергично противился упору на партизанскую войну и выдвигал свой военный лозунг: «В кампании окружения Красная Армия должна стойко защищать свои позиции и не уступать врагу ни пяди красной территории». По-видимому, Мао объединил вокруг своей позиции большинство, потому что официальная история партии приписывает этому собранию «установление нового центрального руководства, возглавляемого товарищем Мао Цзэдуном»¹⁵. Цинь Бансянь со своим демагогическим упрямством не только возмутил большинство руководителей на совещании, но и оказался, по-видимому, неспособным завоевать поддержку присутствовавших там 28 большевиков. Такие влиятельные среди 28 большевиков фигуры, как Чжан Вэньтянь, долго таившие свое

недовольство Цинем, в Цзуньи открыто поддержали Мао. Объединившись с Чжан Вэньтянем и добившись поддержки других лидеров, Мао Цзэдун в конечном счете нанес поражение Цинь Бансяню. Но хотя Мао и смог взять реальную власть, номинальным партийным лидером он не сделался. Цинь Бансянь был освобожден от должности генерального секретаря, но новым генеральным секретарем стал Чжан Вэньтянь. Это убедительно показывает, что Чжан Вэньтянь был с Мао Цзэдуном в хороших отношениях. Кроме того, это служит верным признаком того, что в то время 28 большевиков не были единой силой.

Мао Цзэдун установил на совещании в Цзуньи свое фактическое лидерство в партии, но в то же время позволил занять вожделенный пост генерального секретаря Чжан Вэньтяню. Почему?

Прежде всего, Мао Цзэдун должен был вполне осознавать, что Чжан Вэньтянь, человек с наклонностями к литературе, с мягким и добродушным характером, не был создан для политики. По этой причине он был идеальной фигурой для того, чтобы номинально возглавлять партию в переходный период — от руководства Цинь Бансяня до тех пор, пока Мао не почувствует себя в силах официально провозгласить собственное лидерство. Затем важным потенциальным политическим противником Мао Цзэдуна все еще оставался Чэнь Шаоюй, который после семилетнего пребывания в Москве добился весомого международного авторитета и поддержки русских коммунистических лидеров. Кроме того, 28 большевиков все еще пользовались значительным влиянием в партии. Одни из них были членами ЦК КПК, другие еще и членами могущественного Центрального Политбюро. Чтобы поддержать дружеские отношения с Коминтерном и КПСС во время консолидации собственного руководства в партии, Мао не хотел применять к 28 большевикам крутых мер, которые могли бы отвратить от него Коминтерн и русских. Наконец, открытая атака на 28 большевиков могла предоставить фракции, возглавляемой Чжан Готао, старым противником Мао, возможность сформировать с ними единый антимаоистский фронт.

История доказала правильность стратегии Мао. На деле, 28 большевиков были всего лишь горсткой интеллигентов, умевших лучше писать статьи и выкрикивать лозунги, чем заниматься практической работой. С их стороны угроза Мао Цзэдуну была гораздо меньше, чем со стороны Чжан Готао, за которым стояли войска. После того как возглавляемая Мао Цзэдуном Красная Армия и 4-я

Полевая армия под командованием Чжан Готао встретились 16 июня 1935 года в Маогуне, в западной провинции Сычуань, они вместе продолжали движение на север. Но, дойдя до Маоэргая, к юго-западу от Сунбаня, Чжан Готао и Мао Цзэдун серьезно поспорили. Мао хотел продолжать их поход на север, а Чжан хотел двигаться на запад. Чтобы усилить свою оппозицию Мао Цзэдуну, Чжан сформировал параллельный ЦК партии. Вот как выразил это один коммунистический историк: *«Таким образом, возник серьезный спор между ним [Чжан Готао] и ЦК партии. ЦК выступал за то, чтобы Красная Армия двигалась на север и создала в районе Шэньси-Ганьсу-Нинся базу для координации с всекитайским антияпонским движением, растущим день ото дня. Но Чжан Готао выступал против этой политики и защищал капитулянтскую линию отступления в районы проживания национальных меньшинств, в Синьцзян и Тибет»*¹⁶.

Хотя позднее Чжан неохотно последовал политике Мао, быть у него под башмаком он никогда не хотел. И именно эта глубоко скрытая борьба между Мао и Чжаном помешали первому принять суровые меры против 28 большевиков. Мао боялся, что Чжан может сговориться с ними против него, поскольку Чжан уже завоевал на свою сторону Чэнь Чанхао, одного из них. Хотя Мао освободил Цин Бансяня от должности генерального секретаря ЦК КПК, политически для него было благоразумнее показать свое великодушие в отношении 28 большевиков как группировки. Он выжидал еще целое десятилетие, прежде чем объявить о полном поражении Чэнь Шаоюя и его фракции.

В начале 1937 года Чэнь Шаоюй вернулся домой. Не приходится сомневаться, что, по его личному мнению, то было триумфальное возвращение. Как он, так и русские, вероятно, ожидали, что он будет руководить партией в ее политике единого фронта, и в процессе этого, предположительно, вновь возвратит себе генеральное секретарство в КПК. Чэнь был самонадеянным человеком и по прибытии в Яньань начал работу по установлению своего влияния в партии. Видя неиссякаемое честолюбие Чэня, Мао Цзэдун ловко устроил, чтобы Чэня вместе с другими послали в качестве представителей КПК в Ухань, а позже в Чунцин, на совещание с Гоминьданом по вопросам отношений между двумя политическими партиями в укреплении Единого антияпонского национального фронта. Отослав Чэня из Яньани, Мао временно удалил из штаб-квартиры партии сильного политического

противника. Это наводит на мысль, что Мао чутко осознавал международный престиж Чэня. Угроза со стороны Чжан Готао в это время была уже устранена, но Мао Цзэдун должен был ощущать, что ему следует быть особенно осторожным в действиях против Чэня. Таким образом, между Мао и Чэнем последовала скрытая борьба за власть. Точка зрения Мао на эту борьбу может быть охарактеризована словами китайского коммунистического историка: *«Но в 1937 году, после того как был создан Единый антияпонский национальный фронт, некоторые товарищи, совершившие ранее «левые» оппортунистические ошибки, как это было с товарищем Чэнь Шаоюем, начали теперь совершать правооппортунистические ошибки. Эти правооппортунистические ошибки были в то время главной опасностью, потому что они мешали партии бороться против реакционных тенденций в едином фронте и подвергали пролетариат опасности потерять свою независимость»*¹⁷.

Со времени 4-го пленума ЦК шестого созыва до совещания в Цзуньи в январе 1935 года, Чэнь Шаоюй и другие выдающиеся фигуры из 28 большевиков характеризовались Мао Цзэдуном и его командой как «левые» оппортунисты. Теперь Чэнь осуждался как «правый» оппортунист в вопросе единого фронта! Тем не менее, насколько можно судить по их публикациям того времени, у Мао и Чэня было мало разногласий относительно характера Единого антияпонского национального фронта, если они и были вообще¹⁸. Если память мне не изменяет, то в октябре 1938 года, когда ЦК принимал на расширенном пленуме резолюцию по единому фронту, и Чэнь Шаоюй, и Мао Цзэдун были членами Политбюро. И хотя историки китайских коммунистов склонны утверждать, что «правооппортунистические ошибки» в отношении единого фронта получили на этой встрече оценку, они не утверждают, что на встрече выявились политические разногласия¹⁹.

У меня нет намерений защищать здесь Чэнь Шаоюя. Я хочу только отметить, что эта официальная история китайских коммунистов написана строго в соответствии с «Решением по некоторым вопросам истории нашей партии»²⁰, которое было, по-видимому, написано Мао Цзэдуном и принято руководимым им ЦК в то время, когда Мао открыто утвердил свое превосходство над Чэнь Шаоюем и 28 большевиками и готовился девальвировать всю их деятельность. Это решение позволяло Мао Цзэдуну и его сторонникам отстоять

себя и отомстить за зло, причиненное им 28 большевиками, когда те были у власти. Оно является важным документом борьбы за власть между Мао и 28 большевиками. Более того, это решение содержит много косвенных свидетельств о разногласиях между русскими лидерами и Коминтерном, с одной стороны, и Мао Цзэдуном — с другой.

Коминтерн приветствовал 4-й пленум ЦК КПК как веху в большевизации КПК. Миф и Коминтерн расхваливали 28 большевиков как истинных ленинцев. В резком контрасте с этим, Мао позднее резко критиковал избранный на 4-м пленуме ЦК как подстрекателей «Третьей “левой” линии» и характеризовал 28 большевиков в период единого фронта как «правых» оппортунистов, возводя главную вину на Чэнь Шаоюя. Все это свидетельствует о глубоко коренившихся разногласиях между КПК во времена господства Мао, с одной стороны, и между КПСС — с другой. Выдающаяся независимость Мао, свидетельством которой является установление им собственного лидерства в КПК, давно, еще с 1931 года, беспокоила русских коммунистов. Мне часто приходится задумываться, были бы отношения между Китаем и Россией такими, каковы они есть сегодня, если бы Чэнь Шаоюй или некоторые другие известные члены группы 28 большевиков все еще оставались у власти в коммунистическом Китае.

Как бы там ни было, борьба между Мао и остатками группы 28 большевиков не окончилась в 1945 году, когда Мао официально объявил, что в прошлом они сбились с пути, а лично он всегда шел правильным путем. Чэнь остался в Политбюро. Но в 1956 году на VIII съезде КПК Чэнь Шаоюя и его сторонников снова жестоко критиковали как правых оппортунистов, и на этот раз были признаки того, что Чэнь разбит наголову. После VIII съезда он исчез из Политбюро, сохранив лишь самый низкий пост в ЦК.

И все-таки, хотя расхождения Мао с остатками группы 28 большевиков были улажены ко времени VIII съезда КПК, они и все другие, учившиеся в СССР, по-видимому, продолжали быть чем-то вроде бельма на его глазу, потому что во время «Великой пролетарской культурной революции», как и в период прелюдии к ней, они продолжали подвергаться нападкам. Однако в последнем случае Мао относился к ним уже совсем по-иному, в сравнении с его же отношением к ним в прежних баталиях. На этот раз сохранять кого-либо из них на каких-либо важных постах, даже номинально, кажется, уже не было необходимости. Последними из 28 большевиков, оставшимися в материковом Китае в середине 1960-х годов были Чжан Вэнь-

тянь, Чэнь Шаоюй, Ван Цзясян, Ян Шанкунь, Чэн Чанхао и Чжан Циньцю, вышедшая замуж за Чэнь Чанхао после смерти Шэнь Цзэ-миня. Некоторые из них, в том числе Чэнь Чанхао, целые годы были в политической изоляции. Соответственно, все потеряли когда-либо занимавшиеся ими официальные посты. Невольно напрашивается вывод о том, что Мао больше не чувствует необходимости каких-либо жестов в сторону китайских коммунистов, отождествлявшихся с политикой коммунистов русских. В самом деле, есть признаки того, что одной из целей «Великой пролетарской культурной революции», помимо прочих, была и цель окончательной дискредитации всех подобных членов партии.

Таким образом, в 1960-х годах Мао стремился окончательно разбить не только тех, кто носил ярлык 28 большевиков, но также многих бывших студентов УТК им. Сунь Ятсена и других советских институтов. Вот почему те, кто учился в России, в подавляющем большинстве — в УТК, составляли огромное большинство китайских коммунистов, подвергавшихся безжалостным нападкам в ходе «Великой пролетарской культурной революции». Стоит отметить, что Чжан Вэньтянь, этот умеренный большевик-литератор, также оказался среди тех, кто был публично дискредитирован в материковом Китае в процессе последних событий. Но имеется одно исключение, которого я не мог не отметить. Это студент второго выпуска УТК им. Сунь Ятсена Чэнь Бода, которого все считают главным архитектором «Великой пролетарской культурной революции». Одно время, насколько я помню, он был членом одной из фракций в нашем университете. Чэнь Бода — один из немногих студентов с русским образованием, ставших на сторону Мао в его борьбе с 28 большевиками.

Так или иначе, борьба между Мао Цзэдуном, с одной стороны, и Цинь Бансянем, Чжан Вэньтянем и прочими, отождествлявшимися в то или иное время с политикой русских, — с другой, заняла более четверти века. И многое из этого началось с горстки тех из нас, кто оказался волей случая в Университете имени Сунь Ятсена в Москве.

БИОГРАФИЯ ШЭН ЮЭ (Вместо эпилога)

Досконально воссоздав на страницах этой книги картину жизни Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена в Москве, Шэн Юэ привел в ней лишь очень отрывочную информацию о своей дальнейшей жизни и деятельности на советском Дальнем Востоке и в Китае. Сведения же о жизни автора после его ареста в Шанхае и выхода из КПК в 1935 году были до недавнего времени неизвестны даже специалистам. К счастью, сегодня, когда покровы секретности, на которые грустно сетовал автор, наконец, пали, бесценные архивы УТК стали доступны ученым всего мира. В этих архивах нам удалось разыскать и изучить личное дело Шэн Юэ, найти его юношеские фотографии и ряд интереснейших личных документов, таких как учебные, партийные и рабочие характеристики, несколько автобиографий, заявление о переводе из рядов КПК в ВКП(б), анкеты, докладные записки, протоколы собраний по чистке в партии, прошения, командировочные удостоверения, секретные донесения из Китая и многие другие материалы. Благодаря этим документам из архивов УТК и Коминтерна, а также помощи дочери Шэн Юэ, у нас, наконец, появилась возможность отдать должное автору и предложить вниманию читателей его краткую биографию. Реконструкция биографии автора важна для лучшего понимания и его книги, и всей эпохи 20–30-х годов прошлого века.

Шэн Юэ, в молодости носивший имя Шэн Чжунлянь, родился 19 июля 1907 года в деревне Сяньян, уезде Шимэнь, в провинции Хунань. Мать его была домохозяйкой, а отец — учителем (служащим) и «мелким помещиком», владевшим 45–50 му земли, на которых выращивали рис, чай и хлопок. Окончив в 1922 году среднюю школу, Шэн проучился полгода в торговом институте в г. Чанша. Но учеба в этом институте не понравилась юноше, поэтому он уехал в Пекин и поступил на курс политологии Государственного пекинского юридического университета, где проучился 3 года. Подобно многим молодым людям своего времени Шэн Юэ принимал активное участие в студенческом движении. В 1922 году он вступил в Социалистический союз молодежи Китая, в 1923 году — в китайский комсомол (преподавал в вечерней школе КСМК для детей бедняков южного пригорода Пекина), зимой 1924 года стал членом организации «Новая Армия», объединявшей левых гоминьдановцев, но руководимой коммунистами. Был избран членом исполкома этой организации и ответственным редактором принадлежавшего ей полулегального печатного органа «Новое общество». В конце 1924 года Шэн Юэ вступил в КПК, был заместителем секретаря партийной ячейки университета, вел кадровую, агитационную и переводческую работу, был членом комиссии партпросвещения при горкоме партии. Будучи коммунистом, в 1925 году Шэн вступил в Гоминьдан и, судя по автобио-

графии, устроил массовое вооруженное нападение на министра Чжан Сы-чао, во время которого был ранен¹.

В октябре 1926 года, так и не окончив университет в Пекине, Шэн был послан в Москву, и уже в декабре поступил в УТК, чтобы «побольше изучить теорию ленинизма и его практику — партийное строительство, советское управление и пр.». Получив «русское» имя Мицкевич и студенческий билет № 527, Шэн Юэ приступил к упорной учебе и партийной работе. Уже через 7–8 месяцев он овладел русским языком настолько, что стал переводчиком лекций и заседаний бюро партячейки, получая за это зарплату. В 1928 году Шэн Юэ был переведен из КПК кандидатом в члены ВКП(б), принимал участие в «чистке партии» 1929–1930 годов и, судя по партхарактеристике, «активно боролся за линию Коминтерна по вопросам китайской революции, дрался против китайских троцкистов, правых оппортунистов»².

В 1930 году, после двух лет учебы и двух лет работы переводчиком в УТК, Шэн Юэ был направлен партийным агитатором на Дальний Восток, где работал в ДВК (Дальневосточный Краевой Комитет ВКП(б)) членом Приморской пропгруппы ЦК (до 1931 года), потом — оргинструктором по работе среди китайских рабочих во владивостокском горкоме. В этой должности Шэн тесно сотрудничал с местной Ленинской школой для китайских рабочих (ректор и все преподаватели школы были бывшими студентами УТК), а также был членом советского Дальневосточного комитета содействия латинизации китайского письма. Согласно характеристике ДВК, «тов. МИЦКЕВИЧ... работая во Владивостоке, пользовался большим авторитетом среди китайских рабочих. За время его работы ядро китайских коммунистов значительно выросло. Тов. Мицкевич пользуется авторитетом как у китайских, так и у русских работников»³.

Судя по скупым строкам автобиографии, в этот период произошли важные перемены и в личной жизни Шэн Юэ — он женился на местной работнице швейной фабрики, кандидате ВКП(б) с 1931 г., отец и брат которой были «швейники тоже»⁴. В 1932 г. Мицкевич стал членом ВКП(б) и работал ответственным секретарем краевой китайской газеты «Рабочий путь» — органа крайкома ВКП(б) в Хабаровске. Наконец, 19 июля 1932 г., после 6 лет жизни в СССР, Шэн был откомандирован приказом ЦК ВКП(б) в распоряжение ИККИ, сдал на хранение свой партбилет* и отбыл на родину⁵.

По возвращении в Китай в январе 1933 г. работал главой отдела пропаганды, а затем и. о. секретаря подпольного Партбюро ЦК в Шанхае, отвечая, в частности, за отбор кандидатов для отправки на учебу в Россию, а также за контакты с Отделом международных связей Коминтерна, с представителем Профинтерна и сотрудниками IV управления советской военной разведки. Но 5 октября 1934 г. он был арестован на своей конспиративной квартире. В результате этого ареста агенты Гоминьдана захватили единственную радиостанцию, обеспечивавшую связь между ЦК КПК, Дальбюро и ИККИ⁶.

---

* Партбилет Мицкевича Ф. А. №2459145 и учетная карточка переданы на хранение в ЦК ВКП(б) 10.01.1936.

Незадолго до ареста Шэна была схвачена и его жена Цинь Маньюнь (Авилова, 1909—2001), выпускница КУТК, ведавшая секретариатом и бухгалтерией ЦК КПК в Шанхае. Попытки спасти жену стали, видимо, одной из причин провала Шэн Юэ. По некоторым данным, незадолго до своего ареста Шэн встречался с неким членом руководства Гоминьдана — возможно, своим однокашником по УТК, или даже с самой Сун Цинлин, с которой он еще до этого имел подпольную встречу в Шанхае*⁷.

Благодаря усилиям друзей Шэн и Цинь были выпущены из тюремных застенков. Но платой за это спасение, по обычной гоминьдановской практике тех лет, стало их «добровольное» самоотречение от коммунистических взглядов, выход из КПК и участие в перевербовке других арестованных коммунистов. В итоге после выхода на свободу Шэн Юэ навсегда оставил революционную работу и вернулся с женой и появившейся в декабре 1935 г. на свет старшей дочерью в свою родную деревню. Одно время он зарабатывал на жизнь как внештатный политический обозреватель газеты «Наньцзин жибао» (Nanking Daily), а позднее издавал с друзьями журнал-ежемесячник.

Что касается китайских коммунистов, то почти любой попавший в те годы в тюремные застенки и прекративший революционную борьбу партиец становился для них заведомым предателем. Так или иначе, в особом списке «изменников партии», поступившем в 1939 году в распоряжение ИККИ от Дэн Инчао (супруги Чжоу Эньлая), и Шэн, и Цинь Маньюнь, которая до ареста работала в Шанхае в тесном контакте с Дэн, уже официально названы изменниками и предателями⁸. Согласно секретному донесению из Китая от 19.03.1943, после выхода на свободу Шэн «сначала выполнял антикоммунистическую работу в системе СС (Чэнь Лифу). После начала антияпонской освободительной войны стало известно, что он работает на особой службе в системе Ван Пен-шэнь в должности его секретаря и руководил информ. группой при комитете партийных дел ГМД. Между системой особой службы Ван Пен-шэнь и системой службы Дай Ли существует тесная связь»⁹.

С началом антияпонской войны (1937—1945) Шэн Юэ поступил на службу в армию и был направлен на работу в Комитет по делам военной авиации, поскольку отлично владел русским языком. Первым назначением Шэн Юэ стала работа связным офицером на авиабазе Ланьчжоу (провинция Ганьсу), служившей пунктом дозаправки и отдыха для советских летчиков-добровольцев, воевавших в Китае. После событий 1941 года в Пёрл-Харбор Шэн получил звание генерал-майора, а с 1943 года служил руководящим политработником в Новой 1-й Армии — китайских экспедиционных силах на индо-бирманском театре военных действий.

В 1946 году Шэн Юэ, наконец, воссоединился с семьей в г. Нанкине (к тому времени родились четверо из пяти его детей), поступил на службу в МИД Китайской Республики, работал в составе делегаций при ООН, возглавлял миссии на Ближнем Востоке (Ирак, 1950—1955) и в Латинской Америке. С 1955

---

* Возможность такой встречи с Сун Цинлин для спасения Цинь Маньюнь предполагает дочь Шэн Юэ.

Автобиография

17/24 / 24

I. Я родился в 1902 г. в семье Чин-Мин в провинции Юнань. По образованию я окончил высшую школу в Пекине. В 1924 г. я уехал в Китай. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1926 г. я уехал в Россию. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1928 г. я уехал в Китай. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации.

- 2 - 16 2

в семье Талангина, крестьянина, там я окончил высшую школу в Пекине. В 1924 г. я уехал в Китай. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1926 г. я уехал в Россию. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1928 г. я уехал в Китай. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации.

- 3 - 16/15 24

Часть из них в Китае. В конце 1928 г. я уехал в Китай. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1930 г. я уехал в Россию. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1932 г. я уехал в Китай. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации.

- 4 - 16 24

одновременно занимаясь самообразованием. Продолжил образование в Китае. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1932 г. я уехал в Россию. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации. В 1934 г. я уехал в Китай. Там я работал в течение 2 лет в качестве переводчика в китайской администрации.

Ил. 9 а — г. Автобиография А. Ф. Мицкевича (Шэн Чжунляна), написанная им 9 октября 1932 г., накануне возвращения в Китай (РГАСПИ, 530-225-2984, л. 24—27).

- 5 -

11 5
28

редактировал печатный орган
Кашинского городского Комитета
партии "Новое объединение",
был инструктором Каш. гор. Ком.
по работе с Жен. Комитетом
работал за все время в Кашине
в членских комитетах Илан-
зо-Лена Валлооскиллогитуса
и. т. д. Работал в Кашине
около 4 года до отъезда в
свер.

В свободное время в Кашине.
В 1928 г. как переводчик СКПК в
Кандидат ВКП(б), затем в
Злен ВКП(б). Работал по партийным
в Кашине и Кашинские партийные
и, т. д. Елена Кульштрона

- 6 -

12 3 2

аргументов для работы,
редактировал еженедельный
еженедельный журнал. В 1930 г. в работе
на ДРК в Кашине Елена
Кронштит ЦК ВКП(б) до 3/4
Копен — организатор
ЦК ВКП(б) во Владивостоке,
и наконец в 1931 г. (32 г.)

был от-в. редактором
Кашинского городского
Кашинского ВКП(б).
За все время пребывания
в партии в Кашине не
сделал с партийного курса и
всегда решительно боролся
возник отклонения от парт.
линии. Партийным членом и др.

- 7 -

11 30

из Кашинского.

Вашинские материалы биогра-
фии могут быть использованы в Кашине
Кашине по работе партии в 1929-30,
в Москве, а руководящие кад-
роты партии Т. Славин, Козлов,
Анисимов, Кашагаров, и т. д.

Ф. Ф. Мицкевич
(Иван Иванович).

11-1932 г.

Ил. 9 д-ж. Автобиография А. Ф. Мицкевича. Окончание. 09.10.1932 (РГАСПИ, 530-225-2984, л. 28-30)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Воздушная Коммунистическая Партия (больш.) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Москва, 19 июля 1932

Направление № 1055

Отдел Центрального Комитета ВКП(б) и Управление
 тов. *Михайлов* Ф. А. № 2459145

в распоряжение *ИКИ*

для работы *в распоряжение*
 (название должности и учреждения)

Основание: *Согласно распоряжению*

Срок прибытия к месту назначения: *19/7*

Исполнитель: *С. А. Орловский* отделом ЦК

(См. на обороте)

Ил. 10. Направление Мицкевича Ф. А. на работу в ИКИ от ЦК ВКП(б). Москва, 19.07.1932 (РГАСПИ 530-225-2984-206)

32

БИОГРАФИЯ СТУДЕНТА МИЦКЕВИЧА.

Переводчик.
 группа.

Мне сейчас 23 года (1907 г.), родился в Хунани (на юге Китая). Я сам участвовал - учился в средней школе 4 года, в институте в Китае почти один год, в Пекине в Университете почти 3 года. Учился на средства отца и только; отец был (после 1911г.) учителем средней школы 6 лет, потом он работал в армии почти 2 года в качестве служащего, а после того, как эта армия была разбита, он опять начал работать по линии образования. Ему уже больше 50 лет, и от моих друзей в Пекине я узнал, что он сейчас находится на родине (в семье). Имущество семьи до и после 1911 года было где время оставалось очень небольшим, как я помню у нас было приблизительно 4 му земли и 2 му сухой земли. Но в армии и потом в учреждении родного города отец порядочно зарабатывал и купил еще землю и в 1925г. уже насчитывалось больше 40 му (колебание между 40 и 50 му точно я не могу помнить. Здесь я должен сказать, что я уже 4 года не имел связи с семьей, не знаю сколько му земли осталось в настоящее время. Я мало участвовал в общественной работе в Китае, кроме 1923г. в Пекине я выступал в С.У. и вместе с некоторыми из парижских организаций вечерние школы для детей бедняков южного района пекинского города. Я выступал в Хунани после вступления в Китайскую партию я работал как член отдела АППО городского комитета ПИД в Пекине несколько месяцев. Я выступал также в обществе "Новая Армия" представлявшее собой организацию местных коммюнистов, но руководимое коммунистами. Я был членом исполнителя этого комитета этого общества и членом комиссии в этой организации потом в Пекинском университете, я организовал "союз по изучению социологии". Меня выбрали членом исполнительного комитета и ответственным редактором органа "Наше общество" этой организации. Эта организация играла большую роль в деле пропаганды коммунизма. Основное ядро этой организации - коммунисты - в том числе и эта организация фактически находилась под непосредственным руководством городского комитета нашей партии в Пекине. Я вступил в партию в конце 1924 года. Я был заместителем секретаря партийки в пекинском юридическом университете, был членом комиссии по переизбранию ври городском комитете партии. Не был в ККССМ я был командирован в конце 1926 г. городским комитетом партии в Пекине в Шанхай в черв ЦК партия отправлена в СССР. Я работал в Ун-те очень много. Я по учебной и по партийной линии. После 1-го месяца я уже начал переводить и работать переводчиком до сих пор. Я был членом АППО Комиссии бюро вузовской ячейки почти один год был членом оргкомиссии бюро вузовской ячейки в 1929 году, был помощником партийного секретаря уже 2-й год да. Сейчас я работаю в бюро ячейки как переводчик.

Некоторые замечания:

1. моменты поступления в ун-т и несколько раз заполнял анкеты очень коротко, на этот раз писал в анкете подробнее.
2. Картина моей деятельности в партии здесь полностью не дана, я могу дополнить ее устно при чистке.

Ил. 11. Автобиография студента Мицкевича. Составлена накануне «чистки» 1930 (РГАСПИ, 495-225-2984-32)

Отдел.....

г. Хабаровск, 19 Июня 1932.

№ 4280

№ *10*

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А.

Тов. МИШКЕВИЧ, Ф.А., член ВКП(б) с 1932 года, китайской ком-
партии с 1924 года работал в ДВК членом Приморской группы ЦК ин-
структором по работе ~~работе~~ ^{дела} среди китайских рабочих в Владивосток-
ском Горкоме, редактором Краевой китайской газеты "Рабочий
Путь".

Тов. МИШКЕВИЧ выдержанный, дисциплинированный партизц, хорошо
разбирается в вопросах партизани. В своей работе активно боролся
за линию Коминтерна по вопросам китайской революции, дрался про-
тив китайских троцкистов, правых оппортунистов.

Работая во Владивостоке пользовался большим авторитетом
среди китайских рабочих. За время его работы ядро китайских
коммунистов ~~значительно~~ ^{значительно} выросло.

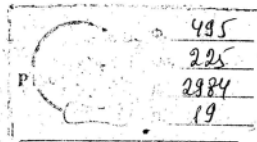
Тов. МИШКЕВИЧ пользуется авторитетом как у китайских, так и
у русских работников.

СЕКРЕТАРЬ КРАЕКОМА

ЗАВ. УПРАВЛ. ПРОП. ОТД. ДВК

(С.БЕРГАВИНОВ)

(Матусевич)

Ил. 12. Характеристика Мишкевича Ф. А. Выдана 19.06.1932 Дальневосточным Краевым Комитетом ВКП(б) в г. Хабаровске (РГАСПИ, 495-225-2984-19).

急00259 電收部交外

51年6月25日
收文第 87號

批 示	來電專號	地名	發電者
	第 一〇三	烏拉圭	盛岳
	電收台	電發台	發電時間
	51年6月2日8時3分	51年6月2日1時2分	
	號	單位	部內
	部外	部內	部內
	辦理	☐ 部長 ☐ 政務次長 ☐ 秘書長 ☐ 亞東司 ☐ 亞西司 ☐ 歐洲司 ☐ 美洲司 ☒ 國務司 ☐ 情報司 ☐ 人事室 ☐ 機要室	☐ 秘書處 ☐ 亞西司 ☐ 亞東司 ☐ 情報司 ☐ 人事室 ☐ 機要室

台北外交部：頃准烏外交部廿二日照會內稱：烏國務委員會廿一日已決定同意中烏雙方使館升格為大使館。並已約定擬由雙方於七月五日在兩國首都發表公報，可否請電示。又據烏外交部口頭表示，烏可能在七月五日前即提名大使人選向我徵求同意，在烏大使呈遞國書後，即派員赴台設館云。併以奉開。職盛岳

奉件之奉 知悉 此 奉 命 辦理
 在奉之奉 知悉 此 奉 命 辦理

了
 了
 了

附呈
 六廿五

3763 第 編 總

Ил. 13. Донесение Шэн Юэ в МИД КР о повышении дипломатических отношений с Уругваем до уровня посольств. 23.06.1962. Копия из архива МИД КР, Тайбэй

по 1960 годы, уже живя на Тайване, он служил начальником департамента по делам Западной Азии, ведавшего связями с СССР и странами Ближнего Востока. В годы службы специальным полномочным посланником в Уругвае (1960—1962) Шэн Юэ подписал от имени президента Чан Кайши и правительства Китайской Республики важное соглашение о культурном сотрудничестве, а его последним успехом на поприще дипломатии стало повышение двусторонних отношений с уровня миссий до уровня официальных посольств.

Оставив дипломатическую службу в 1963 году, Шэн Юэ поселился в США и занялся научной работой в Университете Канзаса и Гуверовском институте Стэнфордского университета. В 1970 году Шэн Юэ и его супруга вышли на пенсию и поселились в городке Пало-Альто, штат Калифорния. Лишь в 1984 году автор книги и члены его семьи получили долгожданную возможность посетить КНР по личному приглашению Ян Шанкуня, однокашника Шэн Юэ по УТК им. Сунь Ятсена.

В 2000 году, по инициативе Шэн Юэ, в его родном уезде Шимэнь был учрежден «Образовательный фонд семейства Шэн для помощи школьницам», ежегодно оказывающий материальную поддержку местным школьницам из бедных семей. К 2006 году 70 стипендиаток этого фонда успешно окончили среднюю школу высшей ступени, а еще 10 студенток завершили учебу в университете.

29 марта 2007 года Шэн Юэ ушел из жизни, не дожив лишь пяти месяцев до своего столетия. Согласно завещанию, 23 августа того же года его прах, вместе с прахом верной супруги, был развеян в воды Тихого океана у берегов Санта-Круз, Калифорния. «После выдающейся жизни море стало их последним пристанищем. После столь многих жизненных потрясений, в день их похорон погода была ясной, а море спокойным. Они навсегда упокоились, и море приняло их в свои объятия»*.

Переводчики

---

* Строки из письма Шэн Сяолун, дочери автора, любезно предоставившей значительную часть публикуемых здесь сведений о своих родителях.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В тексте:

Ил. 1. Личная анкета Шэн Чжунляна, заполненная им накануне отъезда в Россию в 1926 г. В анкете указано место проживания автора в Шанхае: Французская зона, гостиница «Пин Ань», № 133, 3-й этаж

Ил. 2. Статья о жизни и учебе китайских студентов в УТК им. Сунь Ятсена в Москве. «Огонёк», 1927

Ил. 3. Учебное пособие Л. Вакс. Первая волна национально-революционного движения в Китае. Издание КУТК, 1929

Ил. 4. Стандартная общая анкета студента УТК, которую Шэн Чжунлян (уже Мицкевич) заполнил по прибытии в Москву в конце 1926 (РГАСПИ, 495-225-2984-11).

Ил. 5. УЧИТЬСЯ КОНСПИРАЦИИ. Статья из стенгазеты УТК, в которой работал редактором Шэн Чжунлян (Мицкевич) (РГАСПИ, 530-2-9828)

Ил. 6. Заявление Мицкевича о переводе из КПК в ВКП(б) от 27.01.1928 (РГАСПИ, 495-225-2984-102)

Ил. 7. КАЧАТЬ КИТАЙЦА!

Рабочие фабрики Москвошвея, после митинга в честь занятия китайскими революционными войсками Шанхая, чествуют своего товарища по работе — китайца Сан-Чу-Фана. «Огонёк» № 12 (210), март 1927

Ил. 8. Сын против отца-изменника. Интервью с Цзян Цзинго. «Огонёк» № 18 (214), 1.05.1927

Ил. 9 а—ж. Автобиография А.Ф. Мицкевича (Шэн Чжунляна), написанная им 9 октября 1932 г., накануне возвращения в Китай (РГАСПИ, 530-225-2984, л. 24—27).

Ил. 10. Направление Мицкевича Ф. А. на работу в ИККИ от ЦК ВКП(б). Москва, 19.07.1932 (РГАСПИ 530-225-2984-206)

Ил. 11. Автобиография студента Мицкевича. Составлена накануне «чистки» 1930 (РГАСПИ, 495-225-2984-32)ПИ, 495-225-2984-32)

Ил. 12. Характеристика Мицкевича Ф. А. Выдана 19.06.1932 Дальневосточным Краевым Комитетом ВКП(б) в г. Хабаровске (РГАСПИ, 495-225-2984-19).

Ил. 13. Донесение Шэн Юэ в МИД КР о повышении дипломатических отношений с Уругваем до уровня посольств. 23.06.1962. Копия из архива МИД КР, Тайбэй

Во вкладке

1. Автор книги Шэн Юэ (Шэн Чжунлян, Мицкевич). Фрагмент групповой фотографии студентов УТК-КУТК в Москве. (РГАСПИ, 495-225-1144-1)

2. Сунь Ятсен — первый президент Китайской республики, чьим именем был назван УТК-КУТК в Москве
3. Чан Кайши, 1926
4. М. М. Бородин
5. «Сунь Ятсен и главный советник, тов. Бородин». Снимок 1924 г. «Огонёк», 1927
6. И. В. Сталин
7. Л. Д. Троцкий
8. Н. И. Бухарин, декабрь 1927
9. Ли Дачжао (1888—1927)
10. Карл Радек. Первый ректор УТК (1925—1927). Рис. И. Бродского, 1920
11. Павел Миф. Второй ректор УТК-КУТК (1927—1929)
12. Вегер В. И. (Поволжец). Третий ректор КУТК (1929—1930)
13. Чжан Готао (1897—1979)
14. Цюй Цюбо (1899—1935)
15. Сян Чжунфа (1880—1931)
16. Дэн Сяопин (1904—1997). Генсек ЦК КПК в 1956—1966. В 1926 студент УТК в Москве. Псевдонимы — Крезов, И. С. Дозоров
17. Цзян Цзинго (1910—1988). Старший сын Чан Кайши. Президент Китайской Республики (1980—1988). Студент первого набора УТК 1925 г. Псевдоним — Н. В. Елизаров
18. Чэнь Шаоюй (Ван Мин, И. А. Голубев 1904—1974). Студент и сотрудник УТК в 1925—1929. И. о. генсека ЦК КПК в 1931
19. Цинь Бансянь (Погорелов, Богу, 1907—1946). Генсек ЦК КПК в 1932—1935. Студент УТК-КУТК в 1926—1930
20. Чжан Вэньтянь (Измайлов, Ло Фу, 1900—1976). Генсек ЦК КПК в 1935—1938. Студент УТК-КУТК в 1925—1928
21. Ян Шанкунь (Салтыков, 1907—1998). Председатель КНР в 1988—1993. Студент УТК-КУТК в 1926—1930
22. Е Цзяньбин (Юхнов, 1897—1986). Маршал, министр обороны КНР. Студент КУТВ и КУТК в 1928—1930
23. Жэнь Чжосюань (Рафаил)
24. Будущие студенты УТК-КУТК в Москве. Автор книги Шэн Чжунлян (Шэн Юэ, 1907—2007) накануне отъезда во Владивосток. Шанхай, ноябрь 1926. Фотостудия «Biofix Бао Фа» (РГАСПИ)
25. Будущие студенты УТК-КУТК в Москве. Цинь Маньюнь (Авилова, 1909—2001) накануне отъезда во Владивосток. Шанхай, ноябрь 1926. Фотостудия «Biofix Бао Фа» (РГАСПИ)
26. Москва, ул. Волхонка, 16. Главный корпус УТК им Сунь Ятсена. Современный вид (фото В. Головачёва)
27. И. М. Ошанин (1900—1982). Преподаватель и сотрудник УТК-КУТК. Китаевед
28. Студентки и сотрудницы УТК. Подмосковье, 1926. Снимок из журнала «Ляован» 1985, № 9 (61)
29. Шэн Чжунлян (Мицкевич) с группой друзей-студентов УТК-КУТК в Москве. Надпись на тыльной стороне снимка: «Сидят слева направо: 1. Камалов. 2. Воробьёва. 3. Бородин (1144). 4. Мицкевич (2984). Стоят: 1. ... 2. Трошин (2982). 3. ... 4. ... 5 Васильев (551)» (РГАСПИ, 495-225-1144-1)

30. Демонстрация рабочих СССР в поддержку революционного Китая
31. Чан Кайши, отец Цзян Цзинго. Дата на фото: 10.01.1927, за 3 месяца до антикоммунистического переворота 12 апреля
32. М. М. Бородин с сыном. Последний снимок в Китае. «Огонёк», № 26 (222), 1927
33. Маршал Фэн Юйсян — почетный студент УТК
34. Торжественная встреча Фэн Юйсяна на вокзале в Москве, март 1926
35. ФУ-ФА НЕ ИЗМЕНИТ. Фэн Фуфа, младшая дочь Фэн Юйсяна. «Огонёк», 1927
36. Ху Ши
37. Ху Ханьминь
38. Юджин Чэнь (Чэнь Южэнь)
39. Прибытие в Москву. Слева: Юджин Чэнь с дочерьми в вагоне. Справа: Вдова Сунь Ятсена и ее письменное приветствие: «От революционного Гоминьдана — рабочим Москвы. Сун Цинлин. 7 сентября 1927». «Огонёк», 1927
40. Сунь Ятсен со своей женой Сун Цинлин. Статья в журнале «Огонёк» (1927). Снимок 1924
41. РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
Сун Дзин-лин, жена Сун Ят-сена, провозглашена главой китайского правительства в Нанчане войсками, восставшими против нанкинских и ханькоуских милитаристов. «Огонёк», № 35 (331), 1927.
42. Генерал Дэн Яньда (1895—1931)
43. Дом, где проходил VI съезд КПК. Село Первомайское, Наро-Фоминский район Московской области
44. Усадьба «Серебное», где жили участвовавшие в VI съезде лидеры КПК (Фото В. Головачёва)
45. Политическая резолюция VI съезда КПК. Копия на китайском языке. 1928
46. Ли Лисань (1899—1967)
47. Шэн Юэ (Шэн Чжунлянь) в годы службы в войсках Гоминьдана. 1935. Фото из архива семьи Шэн.
48. Статья о назначении Шэн Юэ чрезвычайным и полномочным посланником КР в Уругвае. (Газета «Чжун-ян жибао», 20.10.1959. Копия из архива МИД КР, Тайбэй)
49. Шэн Юэ и Цинь Маньюнь (Цинь Мэйин) в годы послевоенной дипломатической службы. Фото из архива семьи Шэн.
50. Шэн Юэ и Цинь Маньюнь (сидят в центре) с пятью детьми (слева направо в 3-м ряду) и другими членами семьи в день 90-летия Цинь Маньюнь. Калифорния, май 2000. Фото из архива семьи Шэн.
51. Они навсегда упокоились, и море приняло их в свои объятия. Прах Шэн Юэ и Цинь Маньюнь развеян в Тихом океане у берегов Санта-Круз, Калифорния 23.08.2007. Фото из архива семьи Шэн.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Под ред. Го Хэньюя, М. Л. Титаренко и др. М., 1994–2007. Т. 1–5.
2. Го Шаотан (А. Г. Крымов). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990.
3. Карл Радек о Китае. Документы и материалы. Редактор и составитель Панцов А. В. М., 2005.
4. Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае // ПСС, Т. 21, с. 400–406.
5. Ленин В. И. Обновленный Китай // ПСС. Т. 22.
6. Миф П. Уроки Шанхайских событий. Под ред. К. Радека. М., 1926.
7. Радек К. Б. Сунь Ятсен и китайское революционное движение. М., 1925.
8. Радек К. Б. Шанхай пал // Известия, 22.03.1927.
9. Сталин И. В. ЦК РКП(б) — Центральному исполнительному комитету Гоминдана. 13.03.1925. // Сочинения. — М., 1954, т. 7; газета «Правда» № 60, 14.03.1925.
10. Сталин И. В. Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена. 13 мая 1927 г. // Сочинения. М., 1954, т. 9, с. 238–268.
11. Сталин И. В. Вопросы китайской революции. // Сочинения. М., 1954, т. 9, с. 221–230.
12. Сталин И. В. Революция в Китае и задачи Коминтерна. Речь на X заседании VIII пленума ИККИ 24 мая 1927 г. // Сочинения. М., 1954, т. 9, с. 282–312.
13. Сунь Ятсен. Избранные произведения. 2-е изд. М., 1985.
14. Троцкий Л. Д. Ответ тов. Троцкого китайским оппозиционерам // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 9, 22.12.1929. <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm269.htm>
15. Троцкий Л. Д. Сталин и китайская революция. Факты и документы // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 15–16, 26.08.1930. <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm282.htm>
16. Троцкий Л. Д. Революция и война в Китае. Предисловие к книге Гарольда Айзекса «Трагедия китайской революции» // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 72. <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm449.htm>

На иностранных языках

1. Бай Юй сяньшэн фанвэнь цзилу (Запись бесед с г-ном Бай Юй) // Чжунъян яньцзю юань. Цзиньдай ши яньцзюсю (Академия наук. Институт новой и новейшей истории). Тайбэй, 1987.
2. Дэн Вэньи. Ю цзун вань ли (Скитания за десять тысяч верст). Тайбэй, 1978.

3. Мао Исян. Э Мэн хуэй лу (Мемуары о России и Монголии). Гонконг, 1954.
4. У Сюцюань. Хуэйи юй хуайнянь (Воспоминания и ностальгия). Пекин, 1991.
5. Цзян Цзинго. Во цзай сулянь ды жицзы (Мои дни в Советском Союзе) // Цзян Цзинго сяньшэн цюаньцзи (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго). Тайбэй, 1991, т. 1.
6. Ши Чжун. Во цзай Мосыкэ Чжуншань дасюэ ды хуэйи (Мои воспоминания об Университете Сунь Ятсена в Москве) // Ван ши хуэй шоу бай нянь чао, 2005, № 2, с. 32–36. <http://cnki.net>
7. Ян Шанкунь. Ян Шанкунь хуэйи лу (Воспоминания Ян Шанкуня). Пекин, 2001.
8. Yueh Sheng. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution: A Personal Account. Center for East Asian Studies, University of Kansas, 1971.

Литература

1. Головачёв В. Ц. Шэн Юэ — политик, дипломат, ученый. // Восток, 2008, № 4, с. 217–219.
2. Григорьев А. М. Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980.
3. Григорьев А. М. Борьба ВКП(б) и Коминтерна по вопросам политики в Китае (1926–1927) // Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 2. с. 123–134; № 3, с. 112–128.
4. Крюков М. В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М., 2000.
5. Маллори Д. Сын против отца-изменника // Огонёк. № 18 (214), 01.05.1927
6. Ларин А. Г. Два президента. Или путь Тайваня к демократии. М., 2000.
7. Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.
8. Панцов А. В. Большевики и Гоминьдан во время китайской революции 1925–1927 гг. // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. Материалы научной конференции 23 апреля 1999 г. М., 1999.
9. Сунь Яовэнь. Фэн юй у цзай: Мосыкэ Чжуншань дасюэ бэньмо (Пять бурных лет: начало и конец Университета имени Сунь Ятсена в Москве). Пекин, 1996.
10. Тимофеева Н. Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в 1926–1938 гг. // Народы Азии и Африки. 1979, № 5.
11. Усов В. Н. Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20–30-е годы. // Проблемы Дальнего Востока. 1987, № 5.
12. Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М., 2002.
13. Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 30-е годы XX века. М., 2007.
14. Шэн Юэ. Мосыкэ Чжуншань дасюэ хэ чжунуго гэмин (Университет Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Перевод на кит. язык). Пекин, 2004.
15. Юй Миньлин. Э го данъань чжун ды лю Су сюэшэн Цзян Цзинго (Цзян Цзинго — советский студент. По материалам российских архивов) // Цзинь дай ши яньцзюсо цзи кань (Периодический сборник Института новой истории). Тайбэй, 1998, № 29, с. 107–130.
16. Miin-ling Yu. Sun Yat-sen University in Moscow, 1925–1930. Ph. D. Dissertation. New York: New York University, 1995.
17. Pantsov Alexander. From Students to Dissidents: the Chinese Trotskyists in Soviet Russia (Part 2). Issues and Studies (Taipei, April 1994), vol. 30, No. 4.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамсон 62
Агур 224, 225, 228
Айзэкс Гарольд Р. 19
Акимов В. М. 80, 306
Ань Фу 185
Арсеньев В. К. 6
Беременный 197, 198
Берзин Я. К. (Петерис) 242
Берман 122, 308
Бёртон Роберт А. 8, 10
Блюхер В. К. 147, 159, 188
Бо Гу (Цинь Бансянь, Погорелов) 235, 269, 270
Бородин М. М. 14, 21, 24, 29, 32, 34, 35, 141, 145, 147, 148, 151, 152, 153, 161, 168, 302, 304
Брандт Конрад 52, 312
Браун Отто 270
Бухарин Н. И. 37, 52, 142, 147, 148, 161, 175, 184, 201, 205, 211, 212, 215–217, 314
Бэксхем Джордж М. 7
Ван Баоли 62, 305
Вакс 77, 98, 289
Ван Бянь 85, 86, 310
Ван Вэньюань 185
Ван Жофэй 206, 209, 215
Ван Ланьбинь 260, 261
Ван Лии 114
Ван Мин (Чэнь Шаоюй) 5, 9, 55, 218, 235, 251
Ван Пен-шэнь 282
Ван Пинъи 15, 191
Ван Тунъюнь 155
Ван Цицзян 114, 118
Ван Хэшу 220
Ван Цзинвэй (Ван Чжаомин) 24, 25, 29, 34, 115, 142, 152, 159
Ван Цзэкай 190
Ван Цзясян 236, 243, 249, 251, 252, 259, 279, 312, 314
Ван Цюсинь 86
Ван Цяо 307, 315
Ван Чжунъи 206
Ван Чунъю 15, 85
Ван Шаолунь 114, 119
Ван Ши 307, 315
Ван Шэнти (Ван Хао) 93
Ван Шэньюнь 235
Варга 70
Вергер В. И. 55, 56, 70
Верченко А. Л. 6
Войтинский Г. Н. 28, 64, 85, 224, 305
Волин М. (Беленький С. Н.) 68, 70, 210, 241
Ворошилов К. Е. 156
Высотый 64
Вэй Юньчэн 120
Вэнь Юйчэнь 190, 206, 220
Ган Цзэ 114
Гао Чэньле 232, 214
Гао Юйхань 190
Гегель 112
Го Инфэнь 29

Го Иньцзы 305
Головачёв В. Ц. 293
Горький Максим 96, 129
Григорьев А. М. 293
Гу Бо 269
Гу Гун 233
Гу Мэнгьюй 40, 153, 159
Гу Чжэнган 114, 119
Гу Чжэндин 114, 118, 120, 308
Гу Чжэнлунь 120
Гу Шуньчжан 145, 262, 263
Гуань Сянгын 162, 206, 214, 220, 261
Дай Ли 14, 192, 282
Дин Вэйфэнь 40
Дин Чжунгян 206
Догмаров 226
Ду Цзосян 209, 235, 255
Дуань Кэцин 114, 118
Дуань Цижуй 24, 25, 35, 39, 40
Дун Исян 224, 228, 229, 230, 243
Дункан 135
Дэн Вэньи 14, 31, 107, 114, 175, 292, 301, 307, 311
Дэн Инчао 206, 213, 214, 267, 268, 282
Дэн Миньцю 120
Дэн Сяопин 5, 6, 13, 85, 86, 269
Дэн Цзыхуэй 269
Дэн Чжунся 162, 206, 244, 310
Дэн Яньда 120, 159, 166, 167, 168, 200
Е Нань 120
Е Цзуцзян 120
Елизаров М. Т. 73
Жэнь Тацзян 152
Жэнь Чжосюань (Е Цин, Рафаил) 123, 125, 127, 131
Зиновьев Г. Е. 26, 27, 28, 48, 52, 156, 175, 184, 226, 227
И Пэйчи 40
Иванов А. А. (Ивин) 68
Иванов А. И. 69
Игнатов 65, 98, 194, 195, 197, 311
Инь Цзянь 235, 295, 259
Инь Чэнь 65
Иоффе А. А. 21, 23, 48
Иолк Е. С. 68, 70, 218
Калинин М. И. 156
Каменев Л. Б. (Розенфельд) 46, 226, 227
Кан Шэн (Чжао Юнь) 36, 257, 260, 262, 263, 264, 266, 268, 310
Кан Юньшунь 260, 261
Кара-Мурза Г. С. 307
Карахан Л. М. 21, 73, 151, 152, 169
Карнеев А. Н. 6
Кирсанова К. И. 243
Каутский Карл 71, 78
Коларов 135
Колоколов В. С. 69, 70
Крупская Н. К. 127, 128, 129, 130, 131
Крюков М. В. 293
Кучумов В. Н. 53, 70, 147, 186, 217
Кун Сянси 152
Кун Цзечжи 80, 311
Лапидус И. А. 80
Ларин А. Г. 293
Левковский 93
Ленин В. И. 16, 18–20, 23, 28, 48, 72, 73, 79, 82, 100, 103, 112, 117, 118, 127, 128, 154, 155, 156, 173, 174, 183, 216, 242, 265, 292
Ли Ан 206, 312, 313
Ли Бэньи 233
Ли Дахань 258
Ли Дачжао 40, 151, 152, 164, 305
Ли Линь 157
Ли Лисань 55, 81, 206, 216, 246–252, 254, 255, 257, 258, 267, 315, 317
Ли Лунцянь 145

- Ли Мэйю 15, 186, 187
 Ли Пинь 185, 196
 Ли Пухай 36, 37
 Ли Пэйцзэ 126, 209, 215
 Ли Сеюнь 108
 Ли Тайфэнь 309
 Ли Тяньцай 36, 302
 Ли Фучунь 144, 145, 218, 257, 314, 316
 Ли Ханьфу 261
 Ли Цзиньюн 264
 Ли Цзунжэнь 120
 Ли Цзэфэнь 206, 220
 Ли Цзяньцзю 92, 232, 233
 Ли Цюши 55
 Ли Чжишэн 200, 201
 Ли Чжоушэн 62, 93, 235, 236, 268, 305
 Ли Чжунъу 308
 Ли Юаньфан 163
 Ли Юаньцзе 235, 255, 259
 Ли Юаньцюй 220
 Ли Юйинь 40
 Ли Юйчжу 118
 Ли Яокуй 255
 Линь Бошэн 34
 Линь Цзухань (Линь Боцюй) 81, 88, 144, 145, 146, 255, 312, 313
 Линь Цито 232, 314
 Лист Альберт (Браун Отто) 270, 271
 Ло Дэнянь 206, 214
 Ло Мин 269
 Ло Фу (Чжан Вэньтянь) 235, 255
 Ло Чжанлунь 55, 252, 258, 316
 Лозовский А. (Дридзо С. А.) 81
 Лу Динъи 162, 269
 Лу Тупинь 144
 Лу Футань 265
 Лу Чжунлинь 161, 165, 166
 Лу Янь (Лу Ююань) 15, 185, 186, 187
 Лумумба Патрис 17
 Лю Боцянь 156, 157, 159
 Лю Бочжуан 36, 37, 206
 Лю Бочэн 312, 313
 Лю Жэньцзинь 186
 Лю Жэньцин 15, 190
 Лю Паньчжу 114, 119
 Лю Цзуцай 258
 Лю Цифэн 72, 93
 Лю Чжидань 157
 Лю Шаоци 13, 86, 314
 Лю Юньяо 14, 114
 Лю Яоцзу 145
 Лян Ганьчао 15, 185–187, 190, 192, 227
 Лян Юйгуан 191
 Ляо Чжункай 115, 163
 Ма Цибин 307, 315
 Ма Юйфу 190
 Мадьяр 70
 Макиавелли 62
 Маллори Д. 293
 Малявин В. В. 6
 Мао Дунь (Шэнь Яньбинь) 86
 Мао Ихэн 114, 152, 154–156, 162, 164, 307, 309, 310
 Мао Цзэдун 9, 13, 15, 73, 86, 88, 89, 202, 236, 256, 259, 261, 262, 265–270, 272, 274–279
 Мао Цзэтань 269
 Маринг Г. (Снифлет Х.) 22
 Марко Поло 149
 Маркс К. 16, 71–73, 78, 116, 129, 166, 173, 234, 237, 238
 Мельников 153
 Мирошевский 111
 Миф П. (Фортус М. А.) 52–55, 62, 70, 211, 217–219, 224, 225, 227–231, 234, 235, 241, 244, 247, 248, 250–255, 257, 258, 266, 278, 292

- Мицкевич (Шэ Чжунлян, Юэ Шэн) 73, 281
- Мэн Цзянь 206
- Мэн Циншу 209, 219, 235, 255
- Мэн Шанцзюнь 94
- Мэрфи 135
- Норт Роберт 302, 303
- Ноуленс 263
- Островитянов К. В. 78
- Оу Фан 186, 187, 190
- Ошанин И. М. 68
- Панцов А. В. 6
- Пань Вэньюй 215, 219, 254, 316
- Пань Цзячэнь 215, 261
- Пи Ишу 14
- Погуляев 62, 208, 209
- Попов М. Г. 169, 170, 293
- Преображенский Е. А. 37
- Пугачев 153
- Пу Таомин 14, 71, 177, 255
- Пу Хуажэнь 166, 310
- Пу Шици (Пу Таомин) 177, 178
- Пэй Тун 211, 212
- Пэн Даочжи 191
- Пэн Шучжи 188, 190, 191, 192
- Радек К. Б. 28, 48–53, 58, 59, 76, 91, 104, 127, 135, 154–156, 162, 165, 166, 176, 177, 179, 219, 224, 226, 227, 292, 293, 303, 304, 305, 306, 309, 311
- Раковский 48, 226, 227
- Рафаил 123, 131
- Рой М. Н. 83, 141, 147, 175, 176
- Свердлов Я. М. 52, 79
- Се Вэйцзинь 269
- Се Тепань 191
- Се Цзюэцай 254
- Се Цзяньмин 72
- Седников 224
- Симэнь Цзунхуа 92, 232, 306, 313
- Синь Бинчжоу 118
- Смит Томас Р. 8
- Сталин И. В. (Джугашвили) 9, 15, 23, 26, 27, 45, 48, 49, 52, 54, 55, 69, 72, 73, 78–80, 101, 118, 120, 121, 138, 142–143, 146–149, 155, 156, 171, 173–182, 184–187, 201, 202, 216, 217, 224, 226, 227, 244, 292
- Страхов 70, 213, 237
- Су Чжаочжэн 206, 214
- Сун Паньминь 259, 261
- Сун Фэнчунь 15, 186, 187, 191
- Сун Цзиньсюй 191
- Сун Цзвэнь 310
- Сун Цинлин 167–171, 282, 311
- Сунь Фо 152, 159
- Сунь Цзунфань 72, 139
- Сунь Чжиминь 236, 255
- Сунь Чжэньи 258
- Сунь Юйцзе 191
- Сунь Яовэнь 293
- Сунь Ятсен (Сунь Вэнь) 5, 6, 13, 17, 19, 20–22, 24–29, 36, 40, 45, 59, 61, 82, 86–88, 115–117, 149, 151, 162, 163, 167–169, 171, 174, 292
- Сюй Вэйсянь 258
- Сюй Кэсян 90
- Сюй Сигэнь 206
- Сюй Сянцянь 259
- Сюй Тели 88, 89, 206
- Сюй Циньлань 206
- Сюй Цянь 151–153, 154
- Сюй Чжэньань 186, 187
- Сюн Бинь 152
- Ся Си 89, 144, 206, 235, 236, 259–261
- Сяо Цзуюй 310
- Сян Ин 206, 214
- Сян Чжунфа 91, 98, 162, 206, 210, 212, 214–216, 229, 230, 247, 263
- Сяо Бинъян 187

- Сяо Тефу 93, 235
 Сяо Цаньюй 14, 114
 Сяо Цзингуан 269
 Сяо Цзолян 252
 Тан Цзефэй 114
 Тан Шэнчжи 142, 158, 159
 Тань Пиншань 200, 201
 Тань Чжэнлинь 269
 Тань Юэбо 187
 Тань Янькай 29, 30
 Тимофеева Н. Н. 293
 Тин Вэйфэнь 61
 Троцкий Л. Д. 15, 23, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 54, 118, 120, 138, 147–149, 156, 147–149, 156, 174, 176, 177, 179–184, 186–191, 193, 199, 201, 202, 224, 226, 227, 232, 292
 У Пэйфу 29, 164
 У Цзяюй 14, 38, 85, 114, 119
 У Чжунлань 157
 У Юйчжан 16, 87, 88, 144, 145, 255
 Ульянов В. И. (Ленин В. И.) 18
 Ульянова А. И. 73
 Усов В. Н. 293
 Фан Вэйсян 206
 Фань Вэньлань 76, 305
 Фань Гэньбяо 185
 Фань Хуэйчжоу 93
 Финьковский 237–239
 Фрунзе М. В. 238
 Фу Жэньлинь 186
 Фу Сюэвэнь 59, 60
 Фэн Учунь 156
 Фэн Фулунь 120, 156
 Фэн Хунго 120, 156, 159, 160, 310
 Фэн Юйсян 37, 120, 142, 146, 151, 152, 154–158, 160, 161, 162, 164, 165–167, 247, 302, 307, 309, 310
 Хань Лянсянь 72
 Ху Сикуй 209
 Ху Ханьмин 58, 59, 72, 115, 159, 163, 165, 166, 304, 310
 Ху Цзинги 151
 Ху Цзуннань 87, 192, 314
 Ху Цзюньхэ 220
 Ху Чжун 85, 224
 Ху Чжунхэ 206
 Ху Шаоцю 145
 Ху Ши 69, 162, 163
 Хуа Ган 220
 Хуа Шаофэн 206, 220
 Хуан Вэйтин 266
 Хуан Вэйюн 268
 Хуан Пин 206, 214
 Хуан Юаньмин 190
 Хун Сюцюань 28, 306
 Хэ Ганьчжи 249, 316, 317
 Хэ Кэчуань (Кай Фэн) 235, 236, 255
 Хэ Мэнсюн 55, 252, 258, 316
 Хэ Ханьвэнь 114, 119
 Хэ Цышу 69, 235, 249, 251, 252, 255, 259
 Хэ Цили 166
 Хэ Чжунхань 14, 144
 Хэ Шухэн 89, 90, 206, 269, 311
 Хэ Шэнъян 38
 Цай Хэсэнь 206, 218, 310
 Цай Чан 206, 218
 Цао Шуин 268
 Цзин Хунту 191
 Цзо Чуань 85, 87
 Цзэн Дэвид Х. Л. 7
 Цзян Гуанчжи 86
 Цзян Дунцин 145
 Цзян Канху 308
 Цзян Сичжун 114, 119
 Цзян Хао 88, 144, 306

- Цзян Хуэйфан 206
- Цзян Цзинго 5, 6, 10, 14, 35, 73, 120, 139, 148, 149, 156, 159, 293, 302, 309
- Цзян Чанши 191
- Цинь Бансянь (Бо Гу, Погорелов) 5, 15, 119, 249, 251, 252, 255–257, 262, 265–272, 274, 275, 279
- Цинь Маньюнь 8, 206–212, 215–217, 219, 220–222, 267, 268, 282
- Цюй У 164, 165
- Цюй Цзинбо 208, 315
- Цюй Цюбо (Цюй Шуан, Страхов) 55, 70, 162, 204, 206, 208–210, 213, 215, 218, 223, 230, 233, 234, 237, 240, 241, 242–244, 246, 248–253, 257, 308, 310
- Цюй Юньбо 73
- Чан Кайши 6, 10, 14, 22, 25, 30, 31, 37, 47, 52, 60, 73, 115, 120, 121, 135, 138, 139, 141–149, 158–160, 166, 167, 170, 174, 180, 181, 184, 192, 246, 247, 269, 272, 274, 285, 288, 302, 304, 309
- Червоный Андрей (см. Шумяцкий Б. Ф.) 76
- Чжан Вэньтянь (Ло Фу, Цзы Мэй) 5, 15, 225, 231, 235, 236, 255–257, 266, 269, 274, 275, 278, 279, 312, 314
- Чжан Готао (Чжан Бяо) 162, 206, 212, 213, 223, 237–239, 242, 244, 252, 253, 262, 275–277
- Чжан Гошу 239
- Чжан Кунди 206
- Чжан Сюлань 14
- Чжан Сюэлян 36, 302
- Чжан Тайлэй 310
- Чжан Те 187
- Чжан Факуй 120, 159
- Чжан Фамин 120
- Чжан Фан 186
- Чжан Цзиньжэнь 206
- Чжан Цзолинь 24, 33, 135, 139, 141, 143, 158, 160, 164
- Чжан Цзюньмай 163, 210
- Чжан Цинцю 235
- Чжан Чао 108, 109, 191
- Чжан Чжэн 114
- Чжан Чжэнья 156
- Чжан Шуши 145
- Чжао Яньцин (Донбасов) 194, 195
- Чжи Хэчжун 163
- Чжоу Дамин 177, 178, 224, 231, 243, 244
- Чжоу Сычжу 206
- Чжоу Сючжоу 214
- Чжоу Тяньлу 85, 87, 192
- Чжоу Чжисян 114
- Чжоу Эньлай 162, 206, 210, 212–214, 221, 244, 250, 252, 253, 255, 257, 262, 265, 267, 268, 282, 316
- Чжу Агэнь 235, 255, 259
- Чжу Байдо 70
- Чжу Дэ 212
- Чжу Маоцзэн 302
- Чжу Цзусунь 219, 235
- Чжуан Дунсяо 126, 209, 260, 261
- Чжэн Цземин 14, 114
- Чжэн Чаолинь 190, 191
- Читаров 220
- Чичерин Г. В. 21, 46, 156, 301
- Чу У 85, 87
- Чэнь Билань 190
- Чэнь Бода 13, 279
- Чэнь Вэйжэнь 36, 37
- Чэнь Дусю 91, 123, 146, 147, 150, 188, 189–191, 192, 199, 201, 204, 215, 305, 311
- Чэнь Имоу 186, 187, 190, 191
- Чэнь Лифу 282
- Чэнь Тяньци 156
- Чэнь Фу 120
- Чэнь Цзюньмин 22
- Чэнь Цисю 153

- Чэнь Цянь 144–146, 188
Чэнь Чанхао 15, 209, 235, 255, 259,
276, 279
Чэнь Чуньпу 34
Чэнь Шаоюй (Ван Мин) 15, 54, 155,
218, 219, 224, 225, 229, 235, 236, 241,
249, 251, 252–255, 263–265, 275–279
Чэнь Юаньдао 235, 251, 255, 259
Чэнь Юнь 263, 264, 266, 314
Шао Лицзы 59, 60, 120, 165, 166, 304
Шао Чжиган 59, 120
Шварц Бенжамин И. 252, 312
Ши Ши 224
Ши Шоуюнь 186, 187
Штерн Манфред (Эмиль Клебер) 271
Шумяцкий Б. З. 76
Шэн Сяолун 288
Шэн Чжунлянь (Юэ Шэн, Мицкевич)
235, 236, 255, 280
Шэн Юэ (Шэн Чжунлянь) 5, 6, 8, 9,
235, 280–282, 285, 288, 293
Шэнь Юньлун 304
Шэнь Цзэминь 86, 225, 231, 235, 236,
251, 257, 259, 279, 312
Шэнь Юаньмин 114, 119
Шэнь Яньпин 86
Эверт Артур Эрнст 270
Энгельс Ф. 16, 71, 72, 73, 117, 129,
237, 238
Юань Бинхуэй 206, 220
Юань Сяосянь 206
Юань Цзяюн 235, 255
Юджин Чэнь (Чэнь Южэнь) 25, 153,
167, 168, 171, 172, 310
Юдин Ксения 7, 302, 303
Юй Гочжэнь 104
Юй Дусянь 232, 233
Юй Лунь 165
Юй Миньлин 6
Юй Сюсун 85, 224, 228, 229, 230, 233,
243
Юй Фэй 206, 233, 244
Юй Южэнь 87, 153, 157, 164, 165,
166, 310
Юнь Дайин 310
Юнь Куань 190, 191, 310
Юэ Вэйцзюнь 151
Яковлев 153
Ян Ин 206
Ян Минчжай 64, 305
Ян Чжихуа 206, 212, 218, 310
Ян Шанкунь 5, 15, 69, 72, 93, 235, 236,
261, 279, 288, 293
Янь Няньси 156
Янь Сишань 247
Янь-ван 202
Ярославский Е. М. 243, 244
Но Кап-чih 303, 307, 315
Lien-ying How, Julie 307, 308
Wilbourg, C. Martin 307, 308

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Lenin V.I. Regenerated China. In: Collected Works (Moscow: Foreign languages Publishing House, 1963), v. XVIII, с. 400; Ленин В. И. Обновленный Китай // ПСС, 5 изд. Т. 22.

² Lenin V.I. Democracy and Narodism in China. In: Collected Works (Moscow: Foreign languages Publishing House, 1963), v. XIII, с. 165; Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае // ПСС, 5 изд. Т. 21.

³ Там же.

⁴ Harold Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1951), с. 55–56.

⁵ Советско-китайские отношения 1917–1957. М., Главная редакция восточной литературы, 1959, с. 9.

⁶ См. там же, с. 39, где письмо Г. В. Чичерина воспроизведено полностью.

⁷ См. там же, с. 43, где приведен весь документ.

⁸ Сунь Чжуншань сюаньчжу (Избранные произведения Сунь Ятсена). Пекин: Жэнь-минь чубаньшэ, 1962, т. 2, с. 876.

⁹ International Press Correspondence (London), vol. V, № 20) March 19, 1925, с. 286.

¹⁰ Телеграмма от ЦИК Гоминьдана от 12 марта 1925. — Правда, № 60 (299) 14.03.1925. Опубликовано также в International Press Correspondence (London), vol. V, № 20, March 19, 1925, с. 286.

¹¹ Правда, № 60 (299) 14.03.1925, с. 1.

¹² International Press Correspondence (London), vol. V, № 20, March 19, 1925), с. 286.

¹³ Правда, № 60 (299) 14.03.1925, с. 1.

¹⁴ Там же, с. 3.

¹⁵ Там же, с. 2–3.

¹⁶ Цзинь жи далубань юэ кань (Материк сегодня, Тайбэй), № 96 (15 июля 1959), с. 24.

¹⁷ Дэн Вэньи. Юй цун вань ли (Вокруг света). Тайбэй: издание автора, распространяемое книжным магазином «Ба ти шучу», Тайбэй, 1959. Дэн занимал много важных постов в Гоминьдане и Национальном правительстве, последняя его должность — заместитель министра внутренних дел по политическим вопросам.

ГЛАВА II. ПАЛОМНИЧЕСТВО В «КРАСНУЮ МЕККУ»

¹ Цзиньжи далу, № 96 (1959), с. 24.

² Там же, с. 96.

³ Там же, № 98, с. 32.

⁴ Книга опубликована и распространялась Цзян Цзинго, старшим сыном Чан Кайши. Она была написана им в бытность эмиссаром министерства иностранных дел в Северо-Восточном Китае в 1945 году. К сожалению, мне не удалось получить копию этой книги, и приведенные здесь данные скопированы моим другом в Тайбэе и сообщены мне письмом. К тому же мой друг не сообщил страниц, с которых взяты цитаты.

⁵ In: Chiang Kai-shek. A fortnight in Sian: Extract from a Diary (Shanghai: Walsh Ltd., 1937, с. 57). Ли Тяньцай был идентифицирован во время Сианьского инцидента как «главарь разведки Чжан Сюэяня». По официальной должности он был определен как помощник начальника Северо-западного отдела политической подготовки в комиссии по военным делам у Чжан Сюэяня.

⁶ Фэн Юйсян недавно вернулся в Китай из поездки в Россию в мае 1926 года. Фэн попросил КПК предоставить для его армии сто политработников, и ЦК КПК дал партийному комитету Пекина и прилегающих районов задание рекомендовать кадры на эти посты. Я сам дал несколько рекомендаций, и в данном случае просто предложил свою кандидатуру на один из постов в армии Фэн Юйсяна.

ГЛАВА III. ОТКРЫТИЕ УНИВЕРСИТЕТА им. СУНЬ ЯТСЕНА И ЕГО ТРИ РЕКТОРА

¹ Я не мог установить точную дату основания университета по газете «Правда» 1925 года. Не смог этого сделать и никто из моих бывших однокашников. По-видимому, наиболее точные даты его основания и официального открытия приведены в книге Ксении Юдин и Роберта Норта «Советская Россия и Восток, 1920—1927. Документальный обзор». Они утверждают, что Университет им. Сунь Ятсена «был создан в Москве в сентябре 1925 года и открыт в ноябре того же года» (Xenia J. Eudin and Robert C. North. Soviet Russia and East, 1920—1927. A Documentary Survey. Stanford University Press. 1957, с. 86). Кроме того, в Кантоне Бородин объявил ЦИК Гоминьдана о создании университета 7 октября 1925 года.

² Согласно личному письму, присланному мне из Тайбэя другом, который был так любезен, что обсудил этот вопрос с одним из моих однокашников, Чжу Маоцзэном, господин Чжу прибыл в Москву в ноябре 1925 года с первой группой студентов. Занятия начались сразу после их прибытия, не дожидаясь официального открытия университета. Церемония открытия состоялась два месяца спустя, когда из Китая прибыло еще несколько групп студентов. Но м-р Чжу сказал, что он не помнит точной даты церемонии.

³ Мне не удалось установить оригинала речи Л. Троцкого. В библиотеке Университета им. Сунь Ятсена был, однако, ее китайский перевод, и один мой друг, студент университета, который присутствовал на церемонии, сделал заметки по тексту в библиотеке. Именно из этих любезно предоставленных мне заметок я и взял эту цитату.

⁴ За время моего более чем шестилетнего пребывания в России я побывал во всех ее уголках. Впечатление у меня сложилось такое, что чем дальше на запад или на юг, к Украине и Кавказу, тем более дружелюбно люди относились к нам, китайцам. Чем дальше к востоку — тем менее дружелюбно. В частности, в пограничных между двумя странами районах презрение и предвзятость углублялись, быть может, потому, что два народа контактировали здесь чаще, чем в самой России или на Западе. Великодержавный шовинизм в России не был выкорчеван и после полу-

века коммунистического правления. Не только обычные русские не были обращены в так называемых интернационалистов, но даже коммунистические руководители всех уровней не были в действительности пролетарскими интернационалистами. Это одна из причин того, что репутация Советской России запятналась, и ее влияние постепенно пришло в упадок даже среди других коммунистических стран. Особенно это верно для отношений России с азиатскими и африканскими странами.

⁵ Chiang Kai-shek. *Soviet Russia in China*. New York: Farrar, Straus and Cudahy, 1957, с. 22.

⁶ Там же, с. 21—22.

⁷ Радек был восстановлен в партии в 1930 году. Однако он не только продолжал общаться с членами оппозиции, но и стал выдающимся членом правотроцкистского блока. В январе 1937 года его судили вместе с пятнадцатью другими антисталинистами, включая Бухарина и Рыкова, и приговорили к десяти годам тюрьмы. Но, отбыв только половину своего срока, он был освобожден и мог бы в оставшиеся годы жизни служить пропагандистом и тем самым вложить свою «прибавочную стоимость» в коммунистическую партию. Однако многие источники считают, что он был казнен около 1943 года как немецкий шпион. Недавно я слышал от одного человека, который считал свой источник безупречным, что Радек умер в тюрьме: в переполненной камере он поссорился с заключенным, и тот забил его до смерти (прим. автора).

6 января 1928 Радека приговорили к 3 годам ссылки на Урал, а 4 мая того же года выслали в Сибирь. 31 мая 1929 от ссылки освобожден, а в 1930 восстановлен в ВКП(б). В 1936 вновь исключен из партии и арестован по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». В 1937 осужден на 10 лет заключения. Убит сокамерниками в Верхнеуральской тюрьме 19 мая 1939. Реабилитирован в 1989 (прим. пер.).

⁸ Цзиньжи даду. Тайбэй, № 99 (15 октября 1959), с. 33—34.

⁹ Trotsky Leon. *Problems of the Chinese Revolution*. 2-nd ed. New York: Paragon Book Gallery, 1962. с. 19.

ГЛАВА IV. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Ксения Юдин и Роберт Норт заявляют, что «богатые члены Гоминьдана и зарубежные китайцы обеспечили основные материальные средства для содержания университета на первых порах, но Коминтерн и общественные организации в СССР тоже вносили деньги. В середине 1927 года, когда отношения с Гоминьданом были прекращены, учреждение содержалось исключительно советской Россией» (Xenia J. Eudin and Robert C. North. *Soviet Russia and East. 1920—1927. A Documentary Survey*. Stanford University Press, 1957, с. 86).

² Следующее извлечение из «Истории новой китайской революции» проливает некоторый свет на этот вопрос: «...во время учреждения школы Вампу не было фондов, не было оборудования, не было преподавателей. Ружья и патроны были присланы туда Советской Россией. Главная материальная поддержка была оказана Советской Россией... помощь персоналом и материальная поддержка со стороны Советской России сделали возможным создание Военной школы Вампу» (Ho Kan-chih. *A History of the Modern Chinese Revolution*. Peking: Foreign Language Press, 1957, с. 60).

Шэнь Юньлун также рассказывает, что «пока Национальная Ассамблея [Гоминьдана] проводила сессию [январь 1924 года], он [д-р Сунь Ятсен] назначил Чан Кайши для подготовки к созданию Военной академии Вампу. Вначале Чану не удалось получить никаких фондов. Несколько позже Ляо Чжункай послал Чан Кайши телеграмму, в которой говорилось: «У меня есть кое-какие деньги для Академии. Я не буду требовать от Вас отчета о расходах, если Вы не будете спрашивать меня о происхождении денег» (Shen Yun-loong. *The Origin of the Chinese Communist Party*. Taipei: Free China Press, 1959, с. 40). Шэнь позже говорил, что деньги были получены от русских в результате продажи на рынке Кантона большой партии русского керосина.

³ Нет никаких сомнений, что Советская Россия взяла все расходы на себя. Но из-за внутренних и внешних условий, в которых жила в то время страна, по-видимому, было неосторожно раскрывать подлинное происхождение фондов университета. Поэтому русские власти умышленно заявляли, что университет создан и содержится не одной только Россией, и что китайский народ предоставил главные материальные средства. В действительности же дело обстояло совсем не так.

⁴ Ху Ханьмин — влиятельное лицо в ЦИК Гоминьдана, долгое время бывший близким сотрудником Сунь Ятсена, уехал из Китая в Россию в сентябре 1925 года. В Китае над ним сгустились тучи, когда его брат попал под подозрение как соучастник убийства Ляо Чжункай. Думали, что в этом замешан и сам Ху Ханьмин. Насколько я помню, в таких обстоятельствах Михаил Бородин предложил ему совершить визит в Россию. Помимо всего прочего, в России он участвовал в Конгрессе Крестьянского Интернационала, в Исполком которого был избран. Он участвовал также в шестом пленуме Исполкома Коминтерна в качестве первого делегата Гоминьдана, участвовавшего в таком пленуме после приема Гоминьдана в Коминтерн. Ху Ханьмин вернулся в Китай 29 апреля 1926 года. Решение о юридическом статусе УТК им. Сунь Ятсена было принято в то время, когда Гоминьдану было предоставлено особое членство в Коминтерне. Гоминьдан, как сообщалось, подал заявление о приеме в Коминтерн еще в июне 1924 года, когда Коминтерн проводил свой 5-й конгресс. «Гоминьдан также просил о приеме в Коминтерн, но не был принят, так как не являлся коммунистической организацией» (William Z. Foster. *History of the Three Internationals*. New York: International Publishers, 1955, с. 347). Но Гоминьдан вовсе не смутился, когда его просьба была вежливо отклонена. Эта партия неуклонно стремилась к своей цели, что можно видеть из нижеследующего: «Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна проходил с 17 февраля по 15 марта 1926 года... Ху Ханьмин, член Гоминьдана, присутствовал от имени этой партии, которая была принята в Коминтерн в качестве сочувствующей. На заседании Политбюро ВКП(б) в марте 1926 года решение о принятии Гоминьдана было проведено. Против голосовал Троцкий» (Jane Degras. *The Communist International. 1919—1943. Documents*, London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1960, II, с. 245).

⁵ Подлинный текст в собрании исторических документов в архиве Гоминьдана в Тайбэе.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Шао Лицзы, который в это время был близок к Чан Кайши, присутствовал на седьмом пленуме Исполкома Коминтерна в ноябре 1926 года как представитель Гоминьдана. Я несколько раз в начале 1927 года слушал его различные выступления с балкона штаб-квартиры Коминтерна в Москве.

⁹ Го Иньцзы (ред.). Чжунхуа миньго да ши чжи (Хроника главных событий Китайской Республики) Тайбэй, 1957, с. 204.

¹⁰ Подлинный текст в собрании исторических документов в архиве Гоминьдана в Тайбэе.

¹¹ Там же.

¹² Ли Чжоушэн и Ван Баоли оба входили в число так называемых «28 большевиков». Ли Чжоушэн, фаворит Чэнь Шаоюя, вернулся в Китай летом 1930 года. Работал в Шанхае в орготделе ЦК КПК. Согласно признанию Сян Чжунфа, сделанному захватившим его националистам прежде, чем они его казнили, Ли одно время отвечал за орготдел. В 1932 году, когда было создано Шанхайское бюро ЦК после переезда самого ЦК в Жуйцзинь, он стал первым председателем Бюро, где я отвечал за пропаганду. Пятый пленум ЦК 6-го созыва избрал его членом ЦК и кандидатом в члены Политбюро. Он был арестован 26 июня 1934 года в Шанхае — этот день живет в моей памяти, так как тогда были массовые облавы на коммунистические организации в Шанхае, и я чуть не попался. Так как этого, однако, не произошло, я сменил Ли Чжоушэна на посту председателя Шанхайского бюро.

¹³ Ян Минчжай и Войтинский сначала посетили в Пекине Ли Дачжао и по рекомендации Ли встретились в Шанхае с Чэнь Дусю. В Шанхае они основали Институт иностранных языков, задачей которого был отбор студентов для московского КУТВа. В Шанхае и Кантоне они организовали Социалистический Союз молодежи, а также вели организационную работу в шанхайских профсоюзах.

¹⁴ У меня была возможность просмотреть несколько ранних номеров этого журнала в библиотеке Канзасского университета.

¹⁵ Были, конечно, и другие китайские переводы некоторых марксистско-ленинских трудов, в большинстве случаев выполненные японцами. Но в целом эти переводы были плохими.

ГЛАВА V. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Тем не менее многие выпускники Университета им. Сунь Ятсена были отобраны для дальнейшего обучения в таких высоких академических учреждениях, как Институт красной профессуры, Военно-политическая академия в Ленинграде, НИИ проблем Китая, Военная академия в Москве, Промакадемия. Учащихся таких институтов, конечно, готовили для получения по возвращении в Китай важных партийных постов, связанных с политической, воспитательной, промышленной и военной сферами деятельности.

² Фань пишет: «От первых лет Западного Чжоу до Новейшего времени история Китая насчитывает более трех тысяч лет. Если рассматривать их на уровне явления, то это огромное собрание данных представляет собой множество подъемов и спадов, порядка и хаоса династий, где было больше хаоса, чем порядка. Но, в сущности, проблема всего одна — проблема земельной собственности, то есть борьба крестьян против класса землевладельцев за право собственности на землю» (Фань Вэньлань. Няньчу Чжунго саньяньнянь лиши дэ яоши (Ключ к изучению трехтысячелетней истории Китая). В кн.: Фань Вэньлань (ред.). Чжунго туниши цяньбянь (Краткий курс истории Китая). — Шанхай: изд-во Хуадун жэньминь чубаньшэ. 1950, с. 5. Чжу Чжэньчжи в «Modern History» говорит, что Радек написал книгу под

названием «Тайпинское восстание», где утверждал, что оно было крестьянским движением с элементами буржуазной революции (Ссылка на: Цзянь Юйвэнь. Макэсы сюэпай дэ Тайпин Тяньго ши гуань — Взгляд марксистских историков на историю Небесной империи тайпинов. См.: Issues and Studies. Taipei. Vol. 2, № 3, Feb. 20, 1962). Это содержание сходно с идеей, что на втором этапе буржуазия сплачивается с крестьянами в их борьбе за землю. В действительности, 14 марта 1925 года Радек опубликовал в «Правде» статью в память о докторе Сунь Ятсене, и в ней было сказано, что лидер тайпинского восстания Хун Сюцюань был предшественником Сунь Ятсена — мнение, которое Радек часто повторял в своем курсе по истории китайской революции.

³ Stalin J. Dialectical and Historical Materialism (London: Lawrence and Wishart Ltd., 1941, с. 5).

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 18.

⁶ Сталин И. В. О перспективах революции в Китае // Сочинения. — М., 1954, т. 8, с. 363.

⁷ Там же, с. 364.

⁸ Я имел удовольствие встретиться с ним десять лет спустя (1937) на аэродроме BBC в Ланьчжоу, провинции Ганьсу. Он был командиром русских летчиков-добровольцев, помогавших Китаю. Его штаб располагался в столице провинции Ганьсу, городе Ланьчжоу (прим. автора).

Полковник Владимир Михайлович Акимов командовал тогда базовым аэродромом в г. Ланьчжоу. В Китай он впервые приехал еще в 1925 г., в составе группы советских военных советников. Владел китайским языком и хорошо знал местные обычаи. См. воспоминания Ф. П. Польшина в кн.: В небе Китая. 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. — ГРВЛ, Наука, М., 1980 (прим. пер.).

⁹ Он был также известен как Линь Боцой. Вернувшись в Китай в начале 1933, был послан в Жуйцзинь, в провинцию Цзянси, на пост министра финансов Центрального Советского правительства.

¹⁰ Lenin. Democracy and Narodism in China. In: Lenin V. I. The National Liberation Movement in the East. Moscow: Foreign Languages Publishing House. 1962, с. 45.

¹¹ Цзиньжи даду (Материковый Китай сегодня). Тайбэй, № 95, 15 июля 1959, с. 27.

¹² На обратном пути в Китай, кажется, в 1930, Цзян Хао в поезде тяжело заболел и во Владивостоке был вынужден лечь в госпиталь, где и умер. Я в это время работал во Владивостоке, и мне пришлось устраивать его похороны и выполнять на них необходимые обязанности. Он был похоронен со всеми воинскими почестями на холме в окрестностях города, где, после того как я произнес последнее слово, воинская часть русской Красной Армии произвела прощальный салют над его могилой.

¹³ Член китайского комсомола в годы учебы в Университете им. Сунь Ятсена Симэнь Цзунхуа впоследствии оставил коммунистическое движение и поступил на службу к националистам в министерство иностранных дел. Из министерства он ушел, чтобы сделаться профессором Университета Цзинлин в Нанкине. Когда к власти в Китае пришли коммунисты, он остался на материке.

¹⁴ Каждый профессор или преподаватель имел список группы, который использовался не для переключки, а чтобы ежедневно ставить оценки студентам. Финальная отметка за курс была итогом ежедневных оценок, которые были и справедливыми, и очень точными.

¹⁵ По поводу экскурсий по городу один однокурсни́к писал: «В Москве много различных музеев и знаменитых зданий. Эти музеи, число которых составляет 160, выставляют многочисленные экспонаты и рисунки. Что касается исторических поместий, охраняемых правительством, то их всего около 870, большинство из них открыто для посещения народом» (Цзиньжи далу. Тайбэй, № 103, 1 января 1960, с. 13).

¹⁶ Stalin. *J. V. Works*. Moscow: Foreign Languages Publishing House. 1953. VI. с. 92.

ГЛАВА VI. ЖИЛЬЕ, ПИТАНИЕ И ОТДЫХ

В УТК им. СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Wilbour, C. Martin and Lien-ying How, Julie. *Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China, 1918–1927*. New York: Columbia University Press, 1956, с. 58.

² Там же.

³ Цзиньжи далу (Материковый Китай сегодня), Тайбэй, № 98 (1959), с. 32–33.

⁴ Дэн Вэньи. Юйцзун ваньли (Вокруг света). Тайбэй. Распространяется книжным магазином Ба-ти. 1951, с. 27.

ГЛАВА VII. ОТНОШЕНИЯ ГОМИНЬДАНА

И КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ В СТЕНАХ

УНИВЕРСИТЕТА им. СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Г. С. Кара-Мурза и П. Миф. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. Москва, 1934, с. 112. См. также: Jane Degras. *The Communist International, 1923–1928*. London: Oxford University Press, 1956, с. II, 5.

² По-видимому, в мае 1923 года Коминтерн спустил III съезду КПК директиву по отношениям с Гоминьданом. См.: Ван Ши, Ван Цяо, Ма Цибин и Чжан Лин. Чжунго гунчаньдан лиши цзяньбянь (Краткая история КПК). Шанхай, Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1958, переведено на англ. US Joint Publications Research Service, Washington, D.C. JPRS, 8756, Aug. 16, 1961, с. 42. См. также: Jane Degras. *The Communist International, 1923–1928*. London: Oxford University Press, 1956, с. II, 25–26.

³ Ho Kan-chih. *A History of the Modern Chinese Revolution*. Peking: Foreign Languages Press, 1959, с. 65–68.

⁴ Мао Ихэн. Э Мэн хуэйи лу (Воспоминания о России и Монголии). Гонконг: Ячжоу чубаньшэ, 1954, с. 170. Мао, который был помощником Фэн Юйсяна, сопровождал Фэна в Россию в 1926 году, когда Фэн искал у России помощи. По его собственным воспоминаниям, он прибыл в Москву 10 мая 1926 года и до возвращения в Китай прожил там несколько месяцев. Во время пребывания в Москве он часто посещал Университет Сунь Ятсена и был знаком с борьбой, которая велась в его стенах между студентами-гоминьдановцами и коммунистами.

⁵ Сунь Ятсен. Сань Минь Чжу И (Три народных принципа). L. T. Chen, ed., Frank W. Price, trans. Shanghai: China Committee, Institute of Pacific Relations, 1927, с. 364.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 416.

⁸ Там же, с. 429.

⁹ Там же, с. 439.

¹⁰ Там же, с. 434.

¹¹ Там же, с. 428.

¹² Там же, с. 423.

¹³ Я не сумел найти никаких опубликованных упоминаний об этом визите Сталина и Троцкого в Университет Сунь Ятсена, и сам не был в России во время визита, о котором рассказал Гу Чжэндин. Если принять, что эти двое действительно посетили университет, то они, вероятно, сделали это до 15-й конференции КПСС, потому что Гу Чжэндин и другие вернулись в Китай осенью 1926 года, и к этому времени Сталин и Троцкий уже посетили университет. 15-я конференция проходила в октябре или ноябре 1926 года. На этой конференции Троцкий представил тезисы, датированные сентябрем 1926 года, в которых остро критиковал политику Коминтерна в Китае. Тогда вероятно, что Троцкий и Сталин посетили университет в сентябре 1926 года и, вероятно, тезисы Троцкого были продуктом этого визита.

¹⁴ Сталин И.В. Беседа со студентами Университета имени Сунь Ят-сена 13 мая 1927 г. // И. Сталин. Сочинения. М., 1954, т. 9, с. 244.

¹⁵ Там же, с. 244–245.

ГЛАВА VIII. ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКОЙ СЕКЦИИ КИТАЙСКОЙ КОМПАРИИ: МРАЧНЫЕ ВРЕМЕНА УНИВЕРСИТЕТА им. СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Цзян Канху, лидер китайской социал-демократической партии, принимавший участие в III Конгрессе Коминтерна в 1921 году, изучал положение китайских студентов в КУТВе в то время, и его наблюдения подтверждают воспоминания Бермана, что китайские студенты действительно столкнулись с языковым барьером: «...Около 35 или 36 [студентов были] из Китая... Так как им трудно было изучать русский язык, эти тридцатилетние студенты были определены в специальную группу. Цюй Цюбо и Ли Чжунъю работали переводчиками и ассистентами преподавателей. Таким образом, коммунистическое учение в то время преподавалось по-китайски» (Цзян Канху. Синь Э юйчжи (Путешествие в новую Россию), Шанхай, Коммершл Пресс, 1923, с. 35).

² Цзиньжи далу (Материковый Китай сегодня). Тайбэй, № 102 (16 декабря 1959), с. 9.

³ Сулянь иньмоу вэньцянь вэйбянь (Сборник документов о советском заговоре). Пекин: Бэйцзин цзиньча дангань вэньцянь бянь-и-хуэй чжи хуэйчжан Чжан Гочэн (Комитет сбора и перевода документов, касающихся КПК, при Пекинском Полициейском Управлении, под председательством Чжан Гочэна), 1928, п. 3, с. 25–27.

⁴ Перевод взят из книги С. Martin Wilbour and Julie Lien-ying How. Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China, 1918–1927 (New York: Columbia University Press, 1956, с. 135–137).

⁵ Цзиньжи далу (Материковый Китай сегодня). Тайбэй, № 102 (16 декабря 1959), с. 9.

ГЛАВА IX. ШАНХАЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1927 ГОДА И УНИВЕРСИТЕТ СУНЬ ЯТСЕНА

¹ International Press Correspondence. Moscow, № 21 (var. 24, 1927), с. 426-427.

² Правда, 22.03.1927.

³ International Press Correspondence, Moscow, vol. 7, № 41 (Apr. 16, 1927), с. 859. Jane Degras. The communist International, 1919–1943. London: Oxford University Press, 1960, II, с. 359.

⁴ Правда, 19.04.1927.

⁵ Известия, 16.04.1927.

⁶ The Peoples Tribune. Hankow, Apr. 24, 1927, с. 1.

⁷ Мао Ихэн в своих воспоминаниях о поездке в Москву с Фэн Юйсяном в 1926 году описывает Цзян Цзинго как члена Гоминьдана в душе. (Э Мэн Хуэйи лу, с. 171).

ГЛАВА X. ФЭН ЮЙСЯН — ПОЧЕТНЫЙ СТУДЕНТ УНИВЕРСИТЕТА СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Мао Ихэн. Э Мэн хуэйи лу, с. 3–8.

² Ли Тайфэнь. Гоминьцзюнь гэмин ши (Революционная история Национальной армии), с. 431.

³ Правда, 17.10.1925.

⁴ Правда, 11.05.1926.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ 9 марта 1926 года, накануне решения, объявленного на могиле Ленина, Фэн узнал, что Национальная армия страдает от острой нехватки снаряжения. Так как Тяньцзинь находился в руках враждебных ему сил, единственной приемлемой для него линией снабжения был торговый путь Улан-Удэ — Чжанцзякоу, который сообщался с Транссибирской железной дорогой. По этому пути он уже получил от Советской России оружие и аммуницию стоимостью в 6 000 000 рублей, и потребность в получении военных поставок для своих сил тем же путем была очевидна. (Wilbour and How. Documents on Communism, Nationalism and Soviet Adviser in China, 1918 — 1927, с. 333).

⁸ Мао Ихэн. Э Мэн хуэйи лу, с. 168–169.

⁹ Там же, с. 161–170.

¹⁰ Фэн, несомненно, мог стать почетным студентом университета, даже если бы у него не было рекомендации Радека, потому что большинство влиятельных китайцев-некоммунистов, которые провели некоторое время в университете, становились его почетными студентами. Однако по каким-то причинам коммунистов сопоставимого статуса не возводили в почетные студенты.

¹¹ С Фэн Хунго мы в университете были однокурсниками, оба учились в седьмой группе второго выпуска. Славный парень, который не обладал хитростью своего отца. Он был больше склонен к спорту, чем к учебе, и регулярно пропускал первый час занятий.

¹² Мао Ихэн. Э Мэн хуэйи лу, с. 193–202.

¹³ Гао Ган. Бяньцзюй данди лиши вэньти цзянь дао (Оценка некоторых вопросов истории партийной организации местного пограничного района). Речь Гао Гана на собрании высших партийных кадров Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся 17–18 ноября 1942 г. Недатированная брошюра, изданная Северо-западным Бюро ЦК КПК. См.: в собрании Хуэйлу, Тайбэй.

¹⁴ Правда, 10.06.1927.

¹⁵ Фэн Юйсян. Во со чжидао дэ Цзян Цзеши (Чан Кайши, которого я знал). Шанхай: Вэньхуа чубаньшэ, 1949, с. 4.

¹⁶ По воспоминаниям Мао Ихэна, отношения Фэн Хунго с отцом были не из лучших и при самых благоприятных обстоятельствах, потому что Фэн Юйсян забил до смерти его мать, и Фэн Хунго всегда хотел отомстить за смерть матери. Когда мы были вместе в Москве, Фэн Хунго говорил мне и многим другим, что его отец действительно публично забил его мать до смерти. Это очень сильно сказалось на сознании Фэн Хунго.

¹⁷ Правда, 20.08.1927.

ГЛАВА XI. МАДАМ СУНЬ ЯТСЕН И ДРУГИЕ ВИЗИТЕРЫ В МОСКВУ И УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Чжан Цзюньмай больше известен на Западе как Карсун Чан, знаменитый философ, в 1930-х годах основавший в Китае Национальную социалистическую партию.

² Мао Ихэн. Э Мэн хуэйи лу, с. 166.

³ Сяндай шиляо (Материалы по Новой истории Китая. В 3-х томах. Шанхай: Хайтянь чубаньшэ, 1934, 1935), т. III, с. 204. Этот источник утверждает, что оратором, который бросился вперед, чтобы грудью закрыть брешь и сгладить неловкость Ху Ханьминя, был Юй Южэнь. По-видимому, это ошибка, так как Ху Ханьминь и Юй Южэнь были в Советском Союзе одновременно. Юй Южэнь прибыл в Москву через три месяца после возвращения Ху Ханьминя в Китай.

⁴ Мао Ихэн. Э Мэн хуэйи лу, с. 207.

⁵ Среди коммунистов, преподававших в Шанхайском университете, были Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь, Юнь Куань (муж Ван Бянь), Сяо Цзуюй, Юнь Дайин, Дэн Чжунся и Чжан Тайлэй. Этот университет окончили Кан Шэн (в то время под псевдонимом Чжао Юнь), Ян Чжихуа (жена Цюй Цюбо) и многие другие видные китайские коммунисты.

⁶ В январе 1933 года, когда я вернулся из России в Шанхай, молодой американец, представлявший Коммунистический Интернационал молодежи, провел меня из моего отеля в обширный дом на ул. Юйюань лу, который снимал Пу, к тому времени вступивший в КПК. Дом служил подпольной явкой для связи китайских коммунистов с представителями Коминтерна. Там жили Цюй Цюбо и его жена, мои старые знакомые, и я был приведен туда именно для встречи с ними. По этому случаю, я встретился с Пу Хуажэнем впервые, и его преданность коммунистическому делу произвела на меня большое впечатление.

⁷ Правда, 31.07.1927.

⁸ Правда, 08.09.1927.

⁹ Юджин Чэнь (Чэнь Южэнь) действительно был автором письма Сунь Ятсена. По словам Ло Цзялуна (Го фу няньпу: Гошигуань шиляо бяньчжуань вэйюаньхуэй; Чжунго Гоминьдан данши шиляо вэйюаньхуэй. — Тайбэй, 1958, с. 745), 11 марта 1925 года, за день до смерти Сунь Ятсена, после того как доктор Сунь подписал свое завещание, Юджин Чэнь, его секретарь по английскому языку, представил доктору Суню английский проект письма, адресованного руководителям Советского Союза. Это письмо, которое было очень длинным, доктору Суню прочитал Сун Цзывэнь (младший брат Сун Цинлин. — Прим. пер.). Прослушав письмо, Сунь Ятсен его подписал.

ГЛАВА XII. СТАЛИН И УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА

¹ Stalin J. V. Works. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1953, т. IV, с.175.

² В своем письме «К студентам Коммунистического университета трудящихся Востока», которое появилось в «Правде» 31 мая 1927 года, Сталин утверждал, что четвертый выпуск «включал представителей 74-х национальностей» (Stalin J. V. Works. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1953, т. IX, с. 319).

³ Дэн Вэньи. Юйцзун ваньли (Вокруг света). Тайбэй: Распространяется книжным магазином Pa-T'i Book Store, 1951, с. 28.

⁴ Там же, с. 28.

⁵ Сталин И. Вопросы китайской революции // Сочинения. М., 1954, т. 9, с. 225.

⁶ Правда, № 90, 21.04.1927; Сталин И. Вопросы китайской революции, с. 228.

⁷ Первый вопрос был такой: «Почему неправильно утверждение Радека, что в китайской деревне борьба крестьянства направлена не столько против остатков феодализма, сколько против буржуазии? Можно ли утверждать, что в Китае господствует торговый капитализм, или остатки феодализма? Почему китайские милитаристы, являясь владельцами крупных промышленных предприятий, в то же время являются представителями феодализма?» — См.: Сталин И. Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена. 13 мая 1927 г. // Сочинения. — М., 1954, т. 9, с. 239.

Второй вопрос был такой: «в чем неправ Радек, утверждая, что так как марксисты не признают партии нескольких классов, то Гоминьдан является мелкобуржуазной партией?» — См.: Сталин И. Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена. 13 мая 1927 г. // Сочинения. — М., 1954, т. 9, с. 241).

⁸ Там же, с. 240.

⁹ Там же, с. 244.

¹⁰ Там же, с. 259.

¹¹ Там же, с. 260.

¹² Там же, с. 259.

¹³ Там же, с. 260.

ГЛАВА XIII. УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА И «ПЕРЕСАДКА» ТРОЦКИЗМА В КИТАЙ

¹ В Гуверовской библиотеке имеется копия этого документа, ксерокопия с которого была мне любезно предоставлена.

² Чэнь Дусю дафу Гунчань Гоцзи синь (Ответное письмо Чэнь Дусю Коминтерну). Копия имеется в Гуверовской библиотеке. Письмо воспроизведено в книге: Ван Цземинь Чжунго гунчаньдан ши гао (Очерк истории КПК). Тайбэй, 1965, ч. II, с. 116—118.

³ В то время в Университете им. Сунь Ятсена было около двадцати учебных групп. Коммунисты и комсомольцы каждой группы были организованы в ячейку, которая собиралась один раз в неделю. В каждую ячейку назначался русский преподаватель, член коммунистической партии. Он председательствовал на собраниях ячейки

⁴ Несколько студентов-троцкистов проводили тайное собрание в театре, на втором этаже студенческого клуба. Дело было поздним вечером, стояла темнота, и они думали, что театр пуст. Но случилось так, что старый Хэ Шухэн, делегат учредительного съезда КПК, дремал в кресле в углу театра. Не замеченный троцкистами, он услышал, как они строили планы моего убийства. Когда они разошлись, Хэ немедленно доложил об услышанном Игнатову, секретарю бюро партийной организации. Игнатов сейчас же встретился с русским генералом, русское имя которого я забыл, но он был советником в Кантоне, где звался китайским именем Кун Цзечжи. В то

время Кун Цзечжи командовал Московским гарнизоном и одновременно преподавал в нашем университете военное дело. Он согласился с требованием Игнатова, чтобы мне и двум телохранителям, которые тут же ко мне были приставлены, выдали браунинги. Телохранителями были китайские студенты Университета им. Сунь Ятсена, выходцы из рабочего класса. Это были отличные стрелки, работавшие в разведотделе ЦК КПК в Шанхае.

⁵ Копия этого документа имеется в Гуверовской библиотеке (прим. пер.).

ГЛАВА XIV. УНИВЕРСИТЕТ им. СУНЬ ЯТСЕНА И VI ВСЕКИТАЙСКИЙ СЪЕЗД КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ

¹ Чжунъян тунсюнь (Центральный Вестник) № 13, из коллекции Хуэйли, Тайбэй.

² 6-й конгресс Коминтерна проходил с 17 июля по 1 сентября 1928 года. 5-й конгресс Коммунистического Интернационала молодежи — с 20 августа по 18 сентября 1928 года. Конгресс Профинтерна, по-видимому, открылся в апреле 1928 года. Некоторые китайские коммунистические делегаты конгресса Профинтерна остались в Москве на VI Всекитайский съезд КПК.

³ По словам Ли Ана (Хунсэ утай — Красные подмостки, с. 61), чьи воспоминания по этому вопросу поразили меня своим невежеством: «Спонсоры Третьего Интернационала хотели иметь контроль над китайскими коммунистами в своих руках, поэтому Третий Интернационал дал необычное распоряжение, приказав китайским коммунистам проводить Шестой всекитайский съезд в Москве».

⁴ Ху Хуа (изд.) Чжунго синь миньчжучжуи гэмин ши (Первый проект истории новодемократической революции в Китае). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1953, с. 97. См. также: Miй. Heroic China, где дается цифра 57 000.

⁵ Из интервью с Цинь Маньюнь в Лоуренсе, Канзас. Во время VI Всекитайского съезда КПК мисс Цинь была членом коммунистической партии и студенткой Университета им. Сунь Ятсена в Москве. Вместе с несколькими другими студентами она была отобрана для работы в секретариате съезда и ведения на съезде разных административных дел. Поэтому в течение всего времени работы VI Всекитайского съезда КПК она присутствовала на нем и могла следить за его работой с близкого расстояния. Она вернулась в Китай из Москвы вскоре после съезда, сопровождая группу его делегатов. В течение полугода мы вместе вновь и вновь обсуждали съезд, пытаюсь выверить нашу память о событиях и людях, вовлеченных в них. Она любезно прочитала эту главу, чтобы убедиться, что здесь нет искажения ее воспоминаний.

⁶ Интервью с Цинь Маньюнь.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Brandt, Schwartz and Fairbank. History of Chinese Communism. P. 124. По словам Цинь Маньюнь, следующие лица, поименованные Брандтом, Шварцем и Фэрбанком как делегаты, не были, насколько она помнит, делегатами VI Всекитайского съезда КПК — Чжан Вэньтянь, Хэ Кэцюань, Ли Вэйхань, Линь Цзухань (Линь Боцой), Лю Бочэн, Шэнь Цзэминь и Ван Цзясян были или студентами или ассистентами преподавателей в Университете им. Сунь Ятсена в Москве (я присоединяюсь к этому замечанию), но они не были делегатами съезда и на съезде не появлялись. Цзо Цюань, бывший ранее студентом нашего университета, во время съезда учился в Москве, в Военной академии. Ли Вэйхань во время съезда отсутствовал в Москве,

он был в Шанхае. Точно так же Линь Цзухань во время съезда был в Китае и приехал в Москву лишь позднее. Никто из этих лиц, опять-таки по воспоминаниям Цинь Маньюнь, не был делегатом VI съезда, ни один из них съезда не посещал. Однако Лю Бочэн, по словам Цинь, участвовал в съезде то ли как наблюдатель, то ли как делегат с совещательным голосом, но не как полномочный делегат.

¹¹ Интервью Цинь Маньюнь.

¹² Ли Ан. Хунсэ утай, с. 63–64.

¹³ У Сянсян (ред.) Чжунго Гунчаньдан чжи ту ши, с. 116.

¹⁴ Например, Pei T'ung. A Summary of the First Seven National Congresses of the Chinese Communist Party (Peking: Hsueh Hsi, 1956), in: Current Background, U.S. Consulate General, Hong Kong, № 410 (Sept. 25, 1956) с. 4.

¹⁵ Мяо Чухуан. Чжунго Гунчаньдан цзяньяо лиши (Краткая история коммунистической партии Китая), Пекин.

¹⁶ Интервью Цинь Маньюнь.

¹⁷ Pavel Mif. Heroic China (New York: Workers Library, 1937), с. 56.

¹⁸ Brandt, Schwartz and Fairbank. Documentary History, с. 127, утверждают, что съезд продолжался с июля по сентябрь 1928 года. Кажется невероятным, чтобы лидеры политической партии, глубоко вовлеченной в то время в борьбу на всех фронтах, могли позволить себе заседать целых три месяца.

¹⁹ P'ei T'ung. A Summary of the First Seven Congresses of the Chinese Communist Party, с. 4–5.

²⁰ В личной переписке со мной этот бывший студент КУТВа выразил желание, чтобы я не упоминал его имени.

²¹ Данная и последующая информация, если нет других ссылок, получена от Цинь Маньюнь, которая не смогла вспомнить названия близлежащего города, в котором она сошла с московского поезда, чтобы добраться до места работы съезда.

²² См.: Ли Ан. Хунсэ утай — Замечания автора по речи Бухарина и другим аспектам этого съезда.

²³ Lenin. Letter to Congress (Dec. 25, 1922), in: V. I. Lenin. Collected Works (Moscow: Progress Publishers, 1966) XXXVI, с. 595.

²⁴ У Сянсян (ред.) Чжунго Гунчаньдан чжи ту ши, с. 116–117.

ГЛАВА XV. БОРЬБА ПРОТИВ «ВТОРОЙ ЛИНИИ» В УНИВЕРСИТЕТЕ им. СУНЬ ЯТСЕНА И ПОЯВЛЕНИЕ «28 БОЛЬШЕВИКОВ»

¹ В Университете им. Сунь Ятсена в конце каждого семестра практиковались заключительные конференции для оценки успехов и недостатков в работе в течение семестра. Вначале предполагалось, что на них будут присутствовать и излагать свои мнения как преподаватели, так и студенты. Но после 1927 года студенты из участия в заключительных конференциях были исключены, потому что их присутствие делало конференции неуправляемыми.

² Imprecorr. VII (Nov. 29, 1927), с. 117. Extract from Resolution of the CPSU Adopted Nov. 23, 1927.

³ Симэнь Цзунхуа был студентом Университета им. Сунь Ятсена первого выпуска. После окончания университета в 1927 году он до 1929 года оставался в нем в качестве переводчика. Где-то в 1929 году, насколько я помню, был отослан обратно в Китай. После прибытия в Шанхай, вместо того чтобы доложить тамашнему комсомоль-

скому центру, он отправился прямо в Нанкин, где переметнулся на сторону националистического правительства и отказался от членства в комсомоле. В 1940 году его назначили атташе китайского посольства в Москве. Немного времени спустя он был отозван в Нанкин, а через два или три года назначен китайским генеральным консулом в Хабаровск. Но русские отказались принять это последнее назначение, под необычным для дипломатии предлогом того, что он является неприемлемым из-за его «личного характера». Вскоре после этого он ушел из Министерства иностранных дел и занял пост преподавателя в университете Цзиньмин в Нанкине, содержавшемся американцами. Он — автор многочисленных книг об СССР. В конце 1948 года был одним из десяти профессоров, подписавших знаменитое совместное заявление, убеждавшее начать мирные переговоры между националистами и коммунистами. Насколько мне известно, он остался на материке, когда коммунисты пришли к власти. С тех пор я больше ничего о нем не слышал. Гао Чэньле и Линь Цито были китайскими эмигрантами с Филиппин. Насколько я помню, Гао был хорошо известен среди филиппинских китайцев как редактор и издатель китаеязычной газеты в Маниле.

⁴ Цинь Маньюнь (см. примеч. 5 к гл. XIV) вспоминает, как в октябре 1928 года уезжала из Москвы в Китай поездом. На первой остановке, когда пассажиры вышли из вагонов покупать провизию, она обнаружила, что среди ее попутчиков находились Гао Чэньле, Линь Цито и другие из группы ссылаемых в Сибирь. Многие из них были ее старыми друзьями. Она и некоторые другие китайцы, ехавшие вместе с нею и не имевшие представления о положении Гао и его группы, естественно, начали разговаривать с ними. Но сопровождавший их русский подошел и в грубой форме приказал Цинь и ее спутникам прекратить беседу. Поэтому они отошли в сторонку. Но на следующей остановке, когда все вышли поесть, Цинь Маньюнь улучила момент, чтобы с ними поговорить. Гао и его спутники сказали ей, что сосланы на Алтай, на советско-синьцзянскую границу, на золотые рудники. Они сошли с поезда то ли в Омске, то ли в Новосибирске и следовали к месту назначения поездом южного направления, потом на машине и, в конце концов, на собачьих упряжках. Я узнал об этом спустя много лет, когда встретил некоторых из них по возвращении в Китай. Среди тех из группы Гао Чэньле, кого Цинь Маньюнь теперь припоминает, были Ян Юйжэнь, Ван Юйчжи, Сян Юймэй, Линь Цито и Цю Дунвань (жена Линь Цито, старая подруга Цинь Маньюнь, происходившая, как и Цинь, из города Цзинань в провинции Шаньдун). Отбыв на каторжных работах на Алтае определенный им срок, все они, как мне кажется, были высланы обратно в Китай, где я и встретил многих из них, или туда, откуда они приехали первоначально. Гао и Линь были высланы на Филиппины. Надо упомянуть, что Ван Юйчжи выдвинулся как помощник националистического генерала Ху Цзуннаня. Одно время он возглавлял комитет Гоминьдана провинции Шэньси.

⁵ Например, Ван Яган (*The Rise of Communism in China, 1920–1950*. Hong Kong: Chung Shu Publishing Co., n. d., с. 23) утверждает: «В этой группе новых людей были так называемые “28 образцовых большевиков”, в том числе Лю Шаоци, Ван Цзясян, Чжан Вэньтянь, Чэнь Юнь, Жэнь Биши [sic], Цин Бансянь, Ли Фучунь и Чжао Юнь». Пятеро из упомянутых им людей в число 28 большевиков не входили. Лю Шаоци, Жэнь Биши, Ли Фучунь, Чэнь Юнь и Чжао Юнь в Университете Сунь Ятсена не учились, и по этой причине, конечно, не были в числе 28 большевиков.

Во время борьбы в университете, в ходе которой возникла группа 28 большевиков, никого из этих лиц даже не было в СССР.

⁶ Что случилось с Цюй Цзинбо, я так никогда и не узнал.

⁷ Общей практикой русской коминтерновской делегации стало стремление получить от Коминтерна одобрение всех резолюций КПСС, так или иначе связанных с деятельностью Коминтерна.

ГЛАВА XVI. 28 БОЛЬШЕВИКОВ И ИХ БОРЬБА ПРОТИВ ЛИНИИ ЛИ ЛИСАНЯ

¹ Pavel Mif. Heroic China. Видимо, имеется в виду изданная в 1936 работа Мифа «15 лет героической борьбы. К 15-летию компартии Китая (июль 1921 — июль 1936) (прим. пер.).

² Ван Ши, Ван Цяо, Ма Цибин, Чжан Лин. Чжунго гунчаньдан ши цзяньбянь (Краткая история КПК). Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1958, с. 127. Возможно, цифра Мифа (см. примеч. 1) касается только районов, контролировавшихся Гоминьданом, тогда как цифра Ван Ши и других касается как районов под контролем КПК, так и Советских районов.

³ Хуан Хэ (ред.) Чжунгун саньши у нянь цзяньши (Краткая история 35 лет Компартии Китая). Пекин: Дунсу дуу чубаньшэ, 1957, с. 38.

⁴ Pavel Mif. Heroic China.

⁵ Там же.

⁶ У Сянсян (ред.) Чжунго Гунчаньдан чжиту ши (Проницательный взгляд на Коммунистическую партию Китая). Тайбэй, 1962, с. 132.

⁷ Ho Kan-chih. A History of the Modern Chinese Revolution. Peking, 1959, с. 132.

⁸ См. также: Brandt, Schwartz and Fairbank. Documentary History of Chinese communism, с. 182.

⁹ Hsiao Tso-liang. Power relations within the Chinese Communist Movement, 1930—1934, с. 95.

¹⁰ Statement of Comrade Ch'u Ch'iu-pai. In: Reconstruction of the Party. № 3 (Feb. 15, 1931), с. 45—48. Это заявление было сделано где-то между 4-м пленумом и последними днями января 1931 года.

¹¹ Hsiao Tso-liang. Power relations..., с. 137.

¹² Там же.

¹³ Ho Kan-chih. History of the Modern Chinese Revolution, с. 210.

¹⁴ Mif. Heroic China, с. 68.

¹⁵ Письмо Исполкома Коминтерна, полученное 16 ноября 1930 года, китайская версия, конспект которой был напечатан в Го-вэнь чжоубао (Еженедельник национальных новостей), 1931, 27 июля, с. 2.

¹⁶ Резолюция была принята Центральным политбюро КПК 16 декабря 1930 года. Ее текст напечатан в Reconstruction of the Party, № 1 (Jan. 25, 1931), с. 29—30.

¹⁷ Benjamine I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao/ Cambridge: Harvard University Press, 1958, с. 149.

¹⁸ Hsiao Tso-liang. Power relations..., с. 13.

¹⁹ Там же, с. 62—63.

²⁰ «Resolution on the Chinese Question» by the Political Secretariat of the ECCI, July 23, 1930. Truth. Shanghai, Oct. 23, 1930.

²¹ Пань Вэньюй прежде был студентом Университета им. Сунь Ятсена и близким другом Чэнь Шаоюя. После 6-го конгресса Коминтерна Пань сопровождал Чжоу Эньлая и его жену в качестве переводчика в поездке на юг России для отдыха. После возвращения в Китай к концу 1928 года он работал секретарем в отделе пропаганды ЦК, начальником которого был Ли Лисань.

²² Наш друг Китай. Москва, Госполитиздат, 1959, с. 237.

ГЛАВА XVII. 28 БОЛЬШЕВИКОВ И ИХ БОРЬБА С МАО ЦЗЭДУНОМ ЗА ЛИДЕРСТВО В КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ

¹ После моего возвращения в Шанхай в январе 1933 года мне рассказали, что этот пленум длился всего четыре или пять часов. Проблемы безопасности, возникшие из-за этой встречи Мифа и членов ЦК в Шанхае, были огромны. Как мне рассказывали, Миф созвал пленум в срочном порядке, и распустили его так быстро, насколько это было возможно. Надо отметить, что кроме соображений безопасности, которыми обосновывалась эта скоротечная процедура, сыграло роль и то, что пленум просто официально санкционировал дела, в действительности уже осуществлявшиеся на практике. Более того, «блицпроцедура» пленума не давала оппозиции (Ло Чжанлуну) шансов подготовить и представить свои доклады.

² Я полагаю, что именно поэтому Сян Чжунфа в своем признании властям Гоминьдана, арестовавшим и казнившим его в июне 1931 года, назвал Ли Фучуня председателем Военного комитета.

³ Pavel Mif. Heroic China, с. 68—69.

⁴ Часто намекалось, что эти аресты были вызваны путем утечки информации Гоминьдану через Чэнь Шаоюя и его окружение. Но, с моей, как одного из 28 большевиков, точки зрения, основанной на информации, которую я собирал по крупицам в СССР, где был во время арестов, а также после своего возвращения в Китае, дело обстояло не так. Полагаю, что эти голословные утверждения распространялись Ло Чжанлуном, заменившим Хэ Мэнсюна в роли лидера фракции. Я не знаком с обстоятельствами, приведшими к этим арестам и казням. Но могу предположить, что гоминьдановские агенты проникли в группу Хэ Мэнсюна задолго до арестов, потому что в эти годы Гоминьдан очень успешно проникал во многие организации КПК. Подозреваю, что именно агенты Гоминьдана приложили руку к отколу группы Хэ Мэнсюна от КПК. Это была нетрудная задача, потому что после того, как группа Хэ Мэнсюна помогла нанести поражение линии Ли Лисаня, в ходе всех перестановок на 4-м пленуме, ей не было предоставлено никаких постов. Сам факт того, что отколовшаяся от ЦК группа Хэ Мэнсюна лишилась влияния внутри руководства КПК, мог ускорить решение об ее ликвидации. Потому что, хотя она и могла быть полезной Гоминьдану как сила, выступающая против КПК, она тем не менее продолжала деятельно выступать против Гоминьдана.

⁵ Хэ Ганьчжи. Чжунго сяньдай гэмин ши (История новейшей китайской революции). Пекин. Вай юй чубаньшэ. 1957, ч. 1, с. 158.

⁶ Он был шанхайцем рабочего происхождения. Это было его собственное имя, а не просто способ обращения к нему. Для рабочих в Шанхае такие имена обычны.

⁷ Хэ Ганьчжи. Чжунго сяньдай гэмин ши. Ч. 1, с. 156.

⁸ Mao Tsetung. Appendix: Resolution on Some Questions in the History of our Party. Selected Works. (Peking: Foreign Languages Press, 1965) III, с. 188—189.

⁹ Инструктивное письмо Центрального Комитета Советским районам, 1 сентября 1931 года. Полный текст этой инструкции см. в кн.: Ван Цземинь. Чжунго гунчаньдан шигао (Наброски истории КПК), опубликованной этим автором в Тайбэе (Тайбэй, 1965, ч. II, с. 507–515).

¹⁰ Mao Tsetung. Appendix..., III, с. 190.

¹¹ Относительно некоторых суждений о времени переезда ЦК в Жуйцзинь, принадлежавших Чжан Готао или Гун Чжу, см.: Hsiao Tsiang. Power Relations, с. 160. Эти суждения, как мне кажется, значительно запутывают вопрос.

¹² См.: По Ку. For a Bolshevik Line in the Party. — Struggle (Jui-chin, Kiangsi), Feb., 23, 1933; Ло Фу. The Lo Min Line in Kiangsi, *ibid.*, Apr. 15, 1933; Fire against Right Opportunism, *ibid.*, July 5, 1933.

¹³ Mao Tsetung. Appendix..., III, с. 190–191.

¹⁴ У нас никогда не было радиосвязи с другими Советскими районами. Связь с ними осуществлялась только через курьеров.

¹⁵ Mao Tsetung. Appendix..., III, с. 192.

¹⁶ Хэ Ганьчжи. Чжунго сяньдай гэмин ши. Ч. 1, с. 267.

¹⁷ Ch'en Po-ta. Mao Tse-tung on the Chinese Revolution (Peking: Foreign Languages Press, 1953), с. 47–48.

¹⁸ Mc. Lane, Charles B. Soviet Policy and the Chinese Communists, 1931–1946 (New York: Columbia University Press, 1958), с. 119–120.

¹⁹ Хуан Хэ. Чжунго гунчаньдан саньши у нянь цзянь ши (Краткая история 35 лет КПК), с. 55.

²⁰ См. полный текст в кн.: Mao Tsetung. Appendix: Resolution on Some Questions in the History of our Party. Selected Works. (Peking: Foreign Languages Press, 1965) III, с. 177–200.

БИОГРАФИЯ ШЭН ЮЭ (Вместо эпилога)

¹ Из текста автобиографии неясно, кто был ранен — министр или сам Шэн. См.: Документы РГАСПИ. — ф. 495. о. 225. д. 2984, л. 32, 39.

² Там же, л. 37, 19.

³ Там же, л. 19.

⁴ Там же, л. 25–26.

⁵ Там же, л. 21.

⁶ Там же, оп. 74, д. 299, л. 7. Докладная записка о провалах и провокациях в центральных организациях КП Китая в Шанхае за последние три года и о деле «Особого отдела»; Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 30-е годы XX века. М., 2007, с. 284.

⁷ Там же, ф. 495, о. 184, д. 47, л. 198–199; Докладная записка о провалах... о. 74, д. 299, л. 30–32. См. также: Панцов А. В. Мао Цзэдун. // Серия ЖЗЛ. — М., Молодая Гвардия, 2007, с. 390; Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 30-е годы XX века. с. 272–275.

⁸ Документы РГАСПИ. — ф. 495. о. 225. д. 2984, л. 15, 18; д. 1069, л. 4.

⁹ Там же, д. 2984, л. 16.

A MESSAGE FROM SHIAO-LOONG SHENG

I am honored to being asked to write a few words for the publication of the Russian translation of my father's book. I have yet to meet translators in person but have come to regard them as family friends who so valued the book that undertook the enormous task of translating it to Russian to share it with Russian readers. In the course of doing research for the translation they have uncovered many artifacts and documents that revealed fascinating facts about my parents that were unknown to me and to my siblings. Regretfully my father, Mr. Sheng Yueh, passed away merely three months prior to Valentin's first contact with us, so he was denied the pleasure of knowing that a pair of Russian sinologists had translated his book into Russian. He would have been elated that this translation will enable more Russians to have easier access to firsthand account of this little known institution and its place in modern Chinese history. My father hoped that his book will encourage others with knowledge of the University to pick up their pens as well to rectify the lack of written history about an important period.

My father and my mother, Ch'ing Man-yun, often reminisced about the time they spent at the University with fondness. My parents' fervent wish, a wish shared by a whole generation of Chinese youth of the May 4th Movement, was to rescue China from semi-colonial servitude to assume its equal place among leading nations in the world. Judging by the results today, the sacrifices of that idealistic generation were not in vain. In his retirement years, my father never lost his concern for China, applauding each triumph, and regretting each set back. He particularly exerted great effort towards the unification of Taiwan with China, through private correspondence and face to face talks with leaders on both sides of the Taiwan strait. He also followed with interest developments in Russia, and regretted that the reforms under Gorbachev led to the dissolution of the Soviet Union, thus losing an effective counterweight to US power.

My father would have been 100 years old in 2007. This Russian translation is a best memorial to him. My family and I are grateful to translators for their interest in the book.

Shiao-loong Sheng
October 11, 2008

SUMMARY

Sheng Yueh's book, both a study and memoir, deals with the institutions in the Soviet Union that Chinese radicals attended in 1920s and 1930s. It also tells about the activities within the USSR of those among these radicals who subsequently played significant roles in political developments in the 20th-century China. The author, Sheng Yueh (1907–2007), attended the Sun Yat-sen University in Moscow in 1926 and spent 6 years in Russia. Upon returning to China in 1933 he was a member of the Central Committee of the Chinese Communist Party (CCP) and worked in the Shanghai Underground. After his arrest in October 1934 Sheng quit CCP and sided with the Nationalist Party in 1935. He took part in the anti-Japanese war and joined the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of China, serving in delegations to the UN and as a head of missions in the Middle East and in Latin America. From 1955 to 1960, he directed the West Asian Department which was in charge of relations with the USSR and Middle East countries. Sheng resigned from the Foreign Service in 1963 and settled down in the US, where he did research at the University of Kansas and at Stanford University.

Published in 1971, Sheng's book is still one of the most solid and reliable sources on its subject and period. But the "Cold War" era confined this book to "special repositories" both in the USSR and China for many decades. It was translated into Chinese and published in the PRC in 1980 and 2004, though not for the general public. This work is the first Russian translation.

The post-Soviet times provided us with a unique chance to reopen many dark pages of revolutionary activities in USSR and China. The partial declassification of the archives in Russia, the PRC and Taiwan allowed us to complement Sheng's material with such important documents as his autobiographies (written in 1930 and 1932), rare photos and other papers. In addition to the original publication, we supplement this book with the Word by translators, updated footnotes, the biography of Sheng Yueh, Bibliography, Illustrations, etc. We dedicate our work to the memory of all students and employees of the Sun Yat-sen University in Moscow.

Научное издание

Шэн Юэ

**Университет имени Сунь Ятсена в Москве
и китайская революция
Воспоминания**

Перевод с английского

Л. И. Головачёвой и В. Ц. Головачёва

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редактор М. С. Баландина

Корректор Л. В. Хохлова

Оригинал-макет А. В. Ельцева

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001.

Подписано в печать 24.12.2008. Формат 60х90 1/16.

Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 16,25.

Тираж   экз. Заказ

Институт востоковедения РАН.

Научно-издательский отдел. Зав. отделом И. В. Зайцев.

103031, Москва, ГСП ул. Рождественка, 12